

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

ТРЕТИЙ ГОДЪ.

Выходитъ
по Средамъ и
Субботамъ.

№ 53.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 104 Но,
съ 36-ю картинками модъ,
въ С. П. б. 30, съ до-
ставкою и пересылкою
35 рублей.

СРЕДА, Іюля 5 дня, 1833 года.

Въ дѣлахъ семейственныхъ не надобно спѣшить,
За шѣмъ—чтобъ, поспѣивъ, людей не насмѣшить.

Чай эту вы пословицу слышали?

Замѣтите же её.

ПЕРЕСМѢШНИКЪ.

СИСТЕМА ЛАВА. (ЛАУ, LAW).

Извѣстны дурачества, къ которымъ по-
вела во Франціи людей, даже самыхъ благо-
разумныхъ, обманчивая система Шопланд-
ца *Лавы* (Лау, Law).—Но не столько извѣст-
ны спранные завербованія, которыми она
имѣла послѣдствіемъ. Доброхотные пересе-
ленцы въ Америку, на берега Миссисипи,
являлись толпами. Вотъ обращикъ красно-
рѣчія, которое употребляли вербовщики для
привлеченія легковѣрныхъ. Кардиналъ *Дю-
буа*, изъ записокъ коего сіе заимствовано, го-
ворить, что онъ получилъ отъ *Фонтенелла*
слѣдующій отрывокъ онаго.

« Жители Парижа, Европы, Азии, Афри-
ки и Америки! внимайте, что его величе-
ство король Франціи, Наварры и Миссиси-
пи, поручилъ мнѣ сообщить вамъ. Дѣло
идеть шутъ не о моровой язвѣ; не о про-
казѣ, не о другой какой болѣзни; напро-
пивъ, я хочу сказать вамъ лекарство отъ
болѣзни кармана. Всѣ вы, дворяне и про-
столюдины, (я не хочу быть приспращп-

нымъ, и обращаюсь къ замужнимъ женщи-
намъ, равно какъ и прочимъ; особенно же
къ шѣмъ добрымъ людямъ, у которыхъ нѣтъ
работы, промысла, приспанища, но естъ
благородная гордость), всѣ вы приглашае-
тесь симъ проѣхать для разсвѣнія на бе-
рега Миссисипи, и возвратиться опшуда
богатѣе, чѣмъ князья и графы, съ тысячью
или сотнею тысячъ ливровъ дохода, смотря
потому, какъ кому вздумается. Такимъ об-
разомъ, черезъ годъ и сорокъ дней, во вла-
дѣніяхъ его величества, рѣшительно всѣ жи-
тели сдѣлаются милліонщиками, что бу-
детъ весьма выгодно для торговли и для бу-
мажныхъ фабрикантовъ. Между шѣмъ мы,
по естъ король Французскій и я, намѣре-
ны сдѣлать вамъ нѣкоторое предложеніе,
которое вы съ благодарностію примете. Г.
Лавъ, обладающій въ Новомъ Свѣтѣ цѣлыми
королевствами, изъ коихъ каждое больше
Франціи и богатѣе Перу, нуждается въ по-
данныхъ. Люди всѣхъ званій и возрастовъ,
которые пожелаютъ съѣсть на корабли его,
могутъ быть увѣрены, что сдѣлаются гер-
цогами, князьями, лишь только поселятся
въ этой Общпованной землѣ, называемой

Луизианою, попому что лудоры распушт памь, какъ грибы. Миссисипи, которую мнѣ поручено рекомендоваць вамъ, естѣ личная собствѣнность г. *Лава*, который, какъ вы знаете, богатъ до такой степени, что въ состояннн купитъ Папскія шубы. Тамъ-то та прекрасная страна, гдѣ хлѣбъ распушт не стѣнный, гдѣ улицы вымощены золотомъ, гдѣ носятъ на платьѣ алмазныя пуговицы, гдѣ у каждаго нищаго естѣ дворець и по крайней мѣрѣ четыре слуги, гдѣ вмѣсто лошадей употребляютъ слоновъ, гдѣ всякій живеть сто лѣтъ, а замѣтите, что каждый памошннй годъ спойитъ больше двухъ, больше прехъ, больше десяти нашихъ лѣтъ. Водка раздается памъ даромъ, а вина ни-кпо и въ рошъ не беретъ; разумѣется, такого негоднаго вина, какое дѣлается у насъ, а у нихъ свое неподобное вино. Въ этой очаровательной землѣ, гдѣ, пакъ сказаць, жаворонки валяются къ вамъ въ рошъ совсѣмъ изжаренные, всѣ жители благородны, молоды и богаты. Вамъ говорили о золотыхъ рудахъ Америки, но онѣ ничего не значатъ въ сравненнн съ рудами Миссисипи, которыя каждый имѣеть право разрывать; для сего надобно вышши упромъ въ поле, порышья фура на два въ глубину, и попомъ грести золото лопатой. Занадобился ли кому серебра, спойитъ только вырыть ямку въ другомъ мѣстѣ; нужны ли дорогіе камешья, спойитъ набратъ камешковъ на берегу рѣки. У насъ внесены уже въ списокъ двадцать герцоговъ и перовъ, и пятьдесятъ Испанскихъ посланниковъ, которые предложили намъ какъ самихъ себя, пакъ и свои услуги. Мы пакже готовы къ услугамъ публики и рады принятъ въ нашъ земный рай всякаго, кто желаетъ составить себѣ счастье. Спойитъ только записаться у насъ и отправиться въ казенныхъ экипажахъ. Пяньсотъ милліоновъ мѣщанъ, художниковъ, военныхъ и вельможъ уже заняли мѣста, и слѣдовательно ихъ оспається весьма немного. Посему, кто хочетъ захватитъ оныя, пому не худо поспѣшитъ. Я обещаю каждому Миссисипійцу, въ продолженнн переѣзда, порцію хлѣба, говядины, вина и водки; одни только больные будутъ пить воду. Впро-

чемъ попъ, кому не полюбится на морѣ, попчасть будетъ отосланъ обратно во Францію, гдѣ можетъ на досугъ раскаяваться. Я забылъ сказаць вамъ, что всѣ остроупянки очень хороши собою; однакожь, для возбужденнн соперничества, мы обязываемся пакже перевезти, здоровыми и невредимымъ, всѣхъ дамъ, которыя хотятъ пользоваться экипажемъ и прислугою. Онѣ будутъ получать опомленнн, пищу и увеселенн на казенный счетъ.»

Оспроумный авпоръ *Монастырки*, заставилъ *Блистовскаго* сказаць: «вообще господа писатели должны бы приступать остроупитъ къ печатанн сужденн своихъ о нравахъ, обычаяхъ и недостаткахъ нашего общества. Предоставимъ врагамъ нашимъ писать каррикатуры на Русскій народъ; но Русскому авпору никогда не должно шепрять изъ виду, что шеперь и въ чужихъ краяхъ начинаютъ обращать вниманн на нашу литературу. Прнятно ли намъ будетъ, если иноспранцы, основываясь на собственныхъ нашихъ сочиненнхъ, возымютъ совершенно превратное о насъ понятнн? Безъ надлежащей осприщельности, можно и съ самыми добрыми намѣреннми провинитъ предъ обществомъ, коего слава и доброе имя должны быть драгоценны для каждаго. Полезно, конечно, выводитъ наружу пороки и недостатки; но зачѣмъ пороки нѣсколькихъ лицъ приписывать цѣлымъ сословнмъ? Зачѣмъ обвинять общество въ недостаткахъ, которые или вовсе не существуютъ, или принадлежатъ немногимъ членамъ онаго?

Это не въ бровь, а прямо въ глазъ!

На воспокъ лѣспецы, прихлебатели, шарлапаны, шупы, окружающн визирей и пашей, окружающн ихъ густымъ куреннмъ ласкапельства. Сквозь сню завѣсу благово-наго дыма, они безпрерывно занимающн ихъ вниманн по театральнымъ представленнми волшебныхъ оперъ, балетовъ, куколъ

ныхъ и собачьихъ плясокъ, панцами паяцовъ на проволокъ, балансированіемъ на канатѣ, сладоспрасными панцами Баядерокъ, Кипайскими пѣнями, фаншасмагоріею и другими фокусъ-покусами.

Спарики рассказываютъ о томъ, что они сдѣлали, мудрецы — что надобно сдѣлать, дѣши и дураки — что они хопятъ сдѣлать.

СЛОВЕСНОСТЬ.

БАЛКОНЪ.

(Изъ Алгамбрскихъ повѣстей Вашингтона-Ирвинга.)

Я говорилъ уже о балконѣ средняго окна въ посольской залѣ. Онъ какъ клѣпка выдается изъ башни, и возвышается въ воздухѣ надъ вершинами деревьевъ, распушихъ по сторонамъ холма. Балконъ сей служитъ мнѣ родомъ обсерваторіи, изъ которой я могу наблюдать не только небо, но и землю. Кромѣ великолѣпнаго ландшафта, открывающагося вдали, небольшая оживленная сцена изъ общественной жизни представляется моему наблюденію непосредственно подо мною. У подошвы горы видна *Аламеда*, или публичное гулянье, менѣе модное, нежели новѣйшій Гренадскій *Пазіо*, на берегу Кесниля, но посѣщаемое множествомъ гуляющихъ, которыхъ разнообразная одежда представляетъ самый живописный видъ. Сюда собираются жители предмѣстій, священники и монахи, прохаживающіеся для возбужденія аппетита, или для сваренія желудка; *махо* и *махи*, п. е. щеголи и щеголихи послѣдняго класса, въ своемъ Андалузскомъ костюмѣ, верпьявые конспробандисты, и иногда люди высшаго сословія, скрывающіе до половины свои лица, и по видимому привлекаемые шуда какимъ нибудь таинственнымъ свиданіемъ.

Я люблю изучать эту живую картину Испанскихъ нравовъ, и какъ натуралистъ никогда не покидаю микроскопа, чтобы

лучше видѣть предметы своихъ изслѣдованій, такъ и я всегда ношу съ собою маленькій телескопъ, который такъ приближаетъ ко мнѣ сіи различныя группы, что мнѣ кажется, будто я могу угадать рѣчи ихъ по ихъ движеніямъ и выраженію лица ихъ. Такимъ образомъ я играю роль невидимки-наблюдателя, и не оставляя своего уединенія, переносюсь въ среду общества; — рѣдкая выгода для друзей пишины, которые подобно мнѣ, любятъ наблюдать драму жизни, не будучи въ ней дѣйствующими лицами.

Ниже Алгамбры, обширное предмѣстіе занимаетъ узкую долину и проспирается на пропывулежащій холмъ Албейційскій. При большей части домовъ сего предмѣстія, построенныхъ на Маврипанскій манеръ, находящіяся двory, освѣжаемые водостѣпами, и какъ жилили проводятъ главнѣйшую часть времени въ сихъ дворахъ (*patio*), или на кровляхъ, сдѣланныхъ въ видѣ терасъ, то мой воздушный приютъ способствуетъ мнѣ замѣчать многія подробности ихъ домашней жизни.

Пользуюсь въ нѣкоторой степени выгодами, которыя хромоногій бѣсъ доставляетъ школьнику въ славномъ Испанскомъ романѣ, а болтливыи конюхъ мой исправляетъ должность Асмодея, рассказывая мнѣ анекдоты, извѣстные ему о самыхъ домахъ и объ ихъ обитателяхъ.

Впрочемъ, предпочитаю вымышлять, догадываться. По цѣлымъ часамъ сижу въ эпомѣ мѣстѣ, спараясь по случайнымъ признакамъ, представляющимся глазамъ моимъ, угадать мысли, чувства и предпріятія, которыя занимаютъ существа, движущіяся у ногъ моихъ. Едва-ли оспалось одно пригоженькое личико, или выразипельная физиономія, между пѣми, какія вижу ежедневно, которое бы не послужило мнѣ предметомъ для романа. Правда, что часто мои герои дѣйствуютъ совершенно въ противность назначенной мною для нихъ роли, и разспроиваютъ цѣлостъ моей драмы, но въ такомъ случаѣ все оканчивается пѣмъ, что я снова начинаю составлять планъ оной. Однажды, наблюдая въ зрительную трубу Албейційскую улицу, я увидѣлъ подлѣ та-

мошняго монастыря длинную процессію: она сопровождала бѣлицу, надъ копорою гоповились совершить посприженіе. Разныя обспояпельспва, замѣченныя мною, возбудили во мнѣ живѣйшее участіе къ этому юному созданію, которое за-живо похоронить хотѣли. Она показала мнѣ довольно миловидною, и блѣдностію ея потчасъ родила во мнѣ мысль, что она приноситъ себя въ жертву жестокому самовластію другихъ, а не собспвенному благочестію. Она была убрана какъ невѣста, въ вѣнкѣ изъ бѣлыхъ цвѣтпвъ на головѣ; но сердце ея очевидно возспавало пропивъ сего духовнаго союза, и скорбѣло о земномъ женихѣ ея. Высокій человекъ, суроваго вида, шелъ подлѣ неѣ: это былъ вѣроупно шпранъ, опецъ ея, копорый своимъ фанатизмомъ, или скупосстію вынуждалъ еѣ къ пакому пожертвованію. Посреди толпы, прекрасный молодой человекъ, смуглый и черноволосый, въ Андалузскомъ костюмѣ, успремдлалъ на неѣ опчаянные взоры. Это былъ ея возлюбленный, съ копорымъ ей навсегда надлежало распатъся. Наконецъ, процессія приблизилась къ монастырской церкви; солнце въ послѣдній разъ освѣтило вѣнокъ бѣлицы; она перешла чрезъ роковой порогъ и скрылась въ спѣнахъ зданіа. Толпа духовенспва, монаховъ, пѣвчихъ, послѣдовала за нею; любовникъ остановился на минуточку у дверей. Я угадалъ чувспва, его волновавшія; но онъ преодолѣлъ себя и вошелъ.

Въ промежуткѣ времени, за симъ послѣдовавшій, я предспавлялъ себѣ сцену, происходившую внупри монастыря: я видѣлъ юную спрадалицу, покинувшую брачную одежду и цвѣты; слышалъ ея вѣчные обѣтпы и опреченіе опъ міра; воображалъ еѣ распроспертою на гробѣ и покрытою погребальнымъ покровомъ; мнѣ слышались молитвы по усопшемъ, величественные звуки органа, печальный *requiem*; опецъ смотрѣлъ на все это холодными и беспспраспными глазами. Любовникъ...воображеніе мое опказывалось изобразить его, и его мѣспно остановилось въ карпинѣ не занятымъ.

Чрезъ нѣсколько времени, толпа вышла изъ храма и разспялась въ разныя спороны,

но жертва оспалась. Послѣ всѣхъ вышли изъ воровъ монастыря опецъ и любовникъ. Казалось, они вели между собою важный разговоръ, и судя по выразительнымъ движеніямъ молодаго человека, я ожидалъ уже какой нибудь кровавой развязки моей драмы, но они скрылись у меня изъ вида за угломъ монастырской ограды, почно пакже, какъ сцена и актѣры скрываются за театральнымъ занавѣсомъ. Съ этой минуты взоры мой часто обращались къ монастырю съ пятгоспнымъ участіемъ. Мнѣ случалось замѣчать, въ поздніе часы ночи, свѣтъ въ опдаленномъ окнѣ одной изъ монастырскихъ башенъ. «Тамъ, говорилъ я самъ себѣ, несчастная инокinya проливаетъ слѣзы въ своей уединенной кельѣ, погда какъ любовникъ ея бродитъ внизу и перзаепся напраснымъ опчаяніемъ.»

Услужливый *Mateo* прервалъ однажды мой мечпаніа, и въ одинъ мигъ разрушилъ легкую основу моего вымысла. Съ обычнымъ своимъ усердіемъ, онъ послѣшилъ собратѣ всѣ возможные свѣдѣнія о явленіи, которое споль живо меня пронуло. Оказалось, что героиня моего романа была не молода и не хороша собою, что у неѣ не было никакого любовника, что она вспувила въ монастырь добровольно, что нашла въ немъ спокойный пріютъ опъ бурь свѣта, и что теперъ она самая щаспливая изъ всѣхъ его обипапельницъ.

Прошло много времени прежде, нежели я проспилъ монахиню за то, что она дерзнула бытъ довольною и щаспливою въ своей кельѣ, пропивъ всѣхъ романическихъ правилъ. Дурное расположеніе духа во мнѣ разспялось, когда я занялся привлекательнымъ кокешспвомъ одной хорошенькой чернушки, копорая съ своего балкона, освѣннаго цвѣтущими деревьями, вела таинспвенныя сношенія съ пригожимъ, смуглымъ мужчиною, беспспспанно проходившимъ подъ ея окнами, закручивая густые черные усы свои. Иногда мнѣ случалось видѣтъ, какъ онъ въ раннюю пору, прокрадывался, завернувшись въ широкій плащъ по самые глаза; въ другое время, спрятавшись въ углу, переодѣтый, онъ безъ сомнѣнія ждалъ условеннаго

знака, чтобы войти къ своей красавицѣ. Ночью, я слышалъ звуки гитары, и видѣлъ, какъ появлялся фонарь по въ помѣ, по въ другомъ углу балкона. Я уже подозрѣвалъ шумъ какую нибудь инпригу *à l'Almaviva*, но опять увидѣлъ всѣ свои догадки уничтоженными. Я освѣдомился, что мнимый любовникъ былъ мужъ чернушки съ огненными глазами, извѣстный конпробандистъ, и что таинственные знаки и движенія, замѣченныя мною, относились до ремесла его.

Я часто любовался съ балкона перемѣнами, какія производятъ различные часы дня въ сценахъ, на которыя проспирается мое наблюдение.

Едва только заря начинается золотить небосклонъ, уже въ предмѣстїяхъ показываются признаки жизни; прохладные часы утра очень дороги въ жаркомъ климатѣ. Погонщикъ выгоняетъ своихъ навьюченныхъ муловъ; путешественникъ бросаетъ на спину карабинъ и садится на лошадь у дверей гостиницы; крестьянинъ гонитъ лѣниваго осла, который тащитъ на себѣ корзины съ плодами, позлащаемыми солнцемъ, и съ овощами, окропленными росой; заботливыя хозяйки бѣгутъ на рынокъ.

Солнце встаетъ, освѣщаетъ долину и золотитъ прозрачные верхи деревъ. Колокола, призывающіе къ заупрѣнъ, прїятно звучатъ въ чистомъ, свѣжемъ воздухѣ. Погонщикъ оспанавливаетъ муловъ передъ церковью, выпкаетъ за поясъ свою палку, входитъ, обнаживъ голову и пригладивъ рукою свои, черные какъ смоль, волосы, и заказываетъ обѣдню, чтобы щасливо миновать горы Сьерры-Морены. Миловидная сеньера, въ прелестной *баскинѣ*, идетъ легкими шагами, ни на минушу не оставляя опахала, которое она держитъ въ рукѣ, и осыпая вспрѣчныхъ молніями черныхъ очей своихъ. Она ищетъ какой нибудь наиболѣе посѣщаемой церкви, чтобы принести свою упреннюю молитву, и ея тщательный нарядъ, маленькіе и облившіеся вокругъ крошечной ножки башмачки, ея чулки, споль же тонкіе, какъ паутина; ея черные, убранные съ опличнымъ вкусомъ волосы, въ которыхъ блеститъ свѣжая роза, доказываютъ, что

земля раздѣляетъ съ небомъ господство надъ ея сердцемъ. Не перейте еѣ изъ вида багпелъная маменька, заботливая дуэнна, сорокалѣшняя дѣва-тѣпушка, или кто-бы вы ни были, вы, копорыя слѣдуете по спопамъ ея.

По мѣрѣ продолженія утра, шумъ увеличивается повсюду: улицы усыяны народомъ, лошадьми, вьючнымъ скотомъ; ропотъ, подобный ропоту морскихъ волнъ, раздается въ ушахъ моихъ. Когда солнце приближается къ половинѣ своего пути, шумъ и волнение постепенно уменьшается: въ полдень все утихаетъ. Городъ уступаетъ успалоспи и изнеможенію отъ сильнаго жара, и въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ всеобщее спокойствіе господствуетъ въ спѣнахъ его: окна затворены, занавѣсы задернуты, и жители спятъ въ прохладнѣйшихъ покояхъ домовъ своихъ. Дебелые опшелъники храпятъ въ своихъ дорпуарахъ; дюжіе носильщики лежатъ на мостовой подлѣ ношъ своихъ; крестьянинъ спитъ подъ Аламедскими деревьями, при пѣсняхъ кузнечика, такъ живо напоминающихъ о лѣтѣ. На улицахъ остаются одни только водоносы, и громкимъ гласомъ перевозосятъ доспосиство своего свѣтлаго напитки, свѣжѣйшаго нежели снѣгъ, покрывающій горныя вершины.

Солнцу, склонившемуся къ закату, все начинается по немногу оживать, и вечерній колоколь какъ будто приглашаетъ природу порадоваться бѣгспву дневнаго пирапа. Тогда насаетъ часъ удовольствій; жители Гренады оставляютъ еѣ, чтобы подышать чистымъ вечернимъ воздухомъ и насладиться крапкими минушами сумерекъ въ садахъ Ксениля и Дарро.

Наступившей ночи, видъ карпины снова измѣняется. Огоньки появляются въ разныхъ мѣстахъ: тамъ свѣпшился факель на крытомъ балконѣ, здѣсь теплился лампада предъ иконою Святаго. Городъ постепенно выходитъ изъ мрака, разсѣваемаго множествомъ огней, блестящихъ подобно звѣздамъ на небосклонѣ. Тутъ начинаютъ сладоспраспно ласкать слухъ на дворахъ, въ са-

дахъ и на улицахъ звуки безчисленнаго множества гитаръ и звонъ каспаньепъ, сливающиеся въ отдаленіи въ одну пріятную гармонію. Наслаждаешься наспоющимъ еспъ одно изъ главнѣйшихъ правилъ влюбленнаго и веселаго Андалузянина, и онъ никогда не исполняетъ его съ бѣльшимъ усердіемъ, какъ въ благовонныя лѣпнія ночи, спараясь плѣнишь свою любезную панцами, любовными пѣснями и спраспными серенадами.

Съ Франц. Бр.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ПОЭМЫ: БОГДАНЪ ХМЪЛЬНИЦКІЙ (*).

Незнакомецъ.

Что, брашь, откуда?

Казакъ.

Издалека.

Незнакомецъ.

Однако-жь, какъ?

Казакъ.

Издалека; вопъ вишь, опшуда,

Куда, ни чорпъ, ни самъ козакъ

И въ спо разъ палкой не докинешъ.

Незнакомецъ.

Скажи-жь!

Казакъ.

Изъ Кіева.

Незнакомецъ.

Давно?

Казакъ.

Ужь скоро двѣ недѣли минешъ.

Но кто, скажи мнѣ; научилъ

Тебя по нашему?

Незнакомецъ.

Я жилъ

У васъ въ Украинѣ лѣпъ не мало,

И ваши пѣсни зашвердилъ,

И вашъ языкъ узналъ. Бывало,

Въ шревогъ вашихъ *вечерницъ* (1),

Гдѣ не сочнешъ пригожихъ лицъ,

Гдѣ сердцу лѣспашъ казачекъ очн,

Гдѣ всѣ, подъ перекапъ смычка,

Танцують дружно козачка—

Я проводилъ въ весельи ночи;

Игралъ на скрипкѣ, пѣсни пѣлъ,

Плясалъ съ козачкой, какъ умѣлъ.

На вашихъ *досвѣткахъ* (2), когда-то,

Гдѣ лень зажженный вверхъ лепишь,

Гдѣ дѣва на него глядишь,

И узнаешъ: ей живъ богато,

Иль бѣдно? замужь ли поидешъ?

Иль вѣкъ безъ друга проживешъ?...

Гдѣ ждущъ опъ милаго поклона,

Иль съ нимъ увидѣшься хопашъ;

Гдѣ по полу верпашъ, скользашъ,

Жужжа сердито, верешена....

И я... Ахъ, сладки были мнѣ

Всѣ дни мои въ Чигиринѣ!

Тамъ сердце жило, веселилось,

Тамъ было все ему равно,

Какъ въ родинѣ; памъ, памъ оно

Любилъ Украину научилось!

Тогда-то, красная весна

Была сынамъ Чигирина

Веселый праздникъ: горожачка

Сзовешъ, бывало, всѣхъ подругъ,

Мелькнешъ на улицъ, и вдругъ

Несетъ звонкая *веснянка* (3).

Бывало, лѣпнымъ вечеркомъ,

Глядишь: уже за воропами,

Съ челою обвинымъ васильками,

Сидишь казачка. За лѣскомъ,

Знакомый голосъ раздаешъ;

Казакъ поешъ, казакъ идешъ,

И косу на плечъ несешъ;

(1) *Вечерницъ* и (2) *Досвѣтки* — посидѣлки.

(3) *Веснянка* — особый родъ пѣсенъ, копорыя поютъ при наступленіи весны.

(*) О ней опозвались съ похвадою въ *Сѣверной Пчелѣ* и *Русскомъ Иллюстр.* — В.

У черноокой сердце бьется...
 Къ нему спрѣлой лепишь она,
 Съ нимъ обнялась, поцѣловалась,
 И вошь, къ орлу, любви полна,
 Младая горлица прижалась.

Казакъ.

Но съ той поры, какъ гордый Ляхъ
 Поработилъ нашъ край родимый,
 Казакъ пиранами гонимый,
 Въ печальномъ сердцѣ носилъ страхъ.
 Бѣднякъ идетъ безъ пѣсенъ съ поля,
 Его казачка ужъ не ждетъ;
 Невзгода, общая неволя
 И сердцу воли не даетъ.—

Незнакомецъ.

А что-жь Украинцы?

Казакъ.

Просили

У Владислава правъ своихъ,
 Но короля не умолили;
 Въ палатахъ царскихъ—много злыхъ.
 Они—виною бѣдъ великихъ;
 Чрезъ нихъ—подъ бременемъ работъ
 Здѣсь всѣ живутъ; кровавый попъ,
 Какъ дождь, кропитъ поля владыкъ ихъ.
 Года пекутъ, за ними вслѣдъ
 Другіе новые приходятъ;
 Но что-жь?... шѣ не уведая бѣдъ,
 А эпи щасья не приводятъ.
 И вошь, и эпошъ годъ приспѣлъ;
 Мы все орали, да орали,
 И хлѣбъ послѣдній доѣдали;
 Вошь—лѣпо.... колось пожелтѣлъ;
 Гонимые, пошли на жнивы;
 Но думаешь на свой удѣлъ
 Серпами обобрали нивы?....
 Нѣтъ, нѣтъ! и спонъ и вошь вошце,
 Для пищи намъ досель еще
 Нашъ серпъ не раповалъ на нивѣ;
 Мы, наши семьи—шѣни живы!
 И голодомъ мучимыхъ, Сармашъ,
 Въ добавокъ бременишь налогомъ,
 И злой ослупушникъ Уніашъ
 Раздоришь православныхъ съ Богомъ.

Слабѣйшій—падаетъ предъ злымъ,
 Бѣжитъ на Запорожьѣ прыпкой,
 А попъ, кто пвердъ, неустрашимъ—
 Кончаетъ жизнь свою подъ пыпкой.

Сарматскихъ ратниковъ толпы
 Въ Украинѣ правы развращаютъ,
 И Уніашскіе попы

Благочестивыхъ проклинаятъ;

И Ляхъ впрягають казаковъ

Возитъ по селамъ сихъ поповъ.

Вездѣ горятъ казачьи хаты;

Святой нашъ, вельмѣнный храмъ,

Поля и рѣки—все Жидамъ

На откупъ отдають Сарматы.

Изъ ризъ, губители Христа

Шьютъ женамъ, дѣшямъ одѣянье,

И образъ дивнаго креста

Ужъ обреченъ на поруганье.

Жидъ продаетъ пасхальный хлѣбъ,

Въ часъ овященья въ храмъ вбѣгаетъ,

И, часто, совершенье прѣбѣ

Онъ съ богохульствомъ прерываетъ.

Но все ли это?... Край родной!

Кто бѣдствія твои исчислилъ?....

А пвой пиранъ, губитель пвой

О прекращеньи ихъ не мыслилъ....

Нѣтъ болѣ Гепмановъ твоихъ!

Все стибло: и права, и слава!....

Незнакомецъ.

Что-жь вамъ никто не помогаетъ?

Казакъ.

Да кто поможетъ? развѣ Богъ...

Незнакомецъ.

А Русскій царь?

Казакъ.

Да, онъ бы могъ:

Но, спало бытъ, еще не знаетъ,

Не вѣдаетъ, что всякъ изъ насъ

Гопшовъ попишья хопъ сей часъ.

Незнакомецъ.

Украинець! примирись съ судьбою!

Богъ жребій смершнаго блудецъ.

Вѣрь: надъ родной пвоей спраною

Вновь солнце щаспя взоидетъ.

Ш А Р А Д А.

Начало — оспровъ означаетъ;

Конецъ — известная гора;

Богиню древности вамъ *ццлое* являетъ,

О коей множество и худа и добра

Вамъ Миеология расскажетъ

И даже храмъ ея на оспровѣ покажетъ.

III.

Въ № 52, помещенный логогрифъ значить: *Нутен, нутре.*

M O D E S.

Nous citerons encore une charmante robe ouverte, en mousseline de soie, blanche, brodée en soie plate rose pâle; les devants et le tour avaient un dessin de broderie fort simple, les coins arrondis seulement étaient riches; tout autour de chaque côté et au bas était une ruche ronde en tulle de soie; elle se retrouvait également à la pélerine ouverte en éventail, garnie au cou d'une ruche un peu plus forte. La robe était entièrement doublée d'une marceline rose, et devait se porter sur une jupe de dessous en gros de Naples rose. Il est impossible de rien voir de plus léger, plus doux, plus élégant que cette fraîche et jeune toilette destinée à une femme jeune et fraîche. Cette profusion de tulle de soie, à côté de cette étoffe transparente, sied si parfaitement au visage, et puis il y a tant de recherche dans une simplicité si bien entendue, que, pour peu qu'une femme soit agréable, elle doit être charmante ainsi habillée.

La paille de riz est toujours en grande faveur pour les chapeaux de promenade habillés ou les négligés du soir. Un de ceux qui nous ont le plus frappé dans notre revue de la semaine, venait des magasins de madame Lepetit. Son ensemble seul en faisait faire une distinction; car il n'avait aucun détail à citer. La forme petite et gracieuse, dégageait le front sans cacher les joues; un ruban de grenadine broché, à raies pointillées et petits quadrilles, était noué autour d'une

branche de pois de senteur. Ces couleurs vives et pures, sur la paille d'un blanc mat, se détachaient avec fraîcheur. C'est simple et élégant.

M O Д Ы.

Мы упомянемъ еще о прелесномъ открытомъ плащѣ, изъ шелковой, бѣлой кисеи, вышитой несученымъ блѣдно-розовымъ шелкомъ; спереди и вокругъ весьма простой узоръ; на округленныхъ углахъ только былъ весьма пышный узоръ; около каждого бока и внизу положенъ былъ круглый рюшъ изъ шелкового плюа; пелеринка, открывая на груди опухомъ, обшита была такимъ же рюшемъ; около шеи рюшемъ гуще перваго. Плащъ все подложено розовымъ марселиномъ, и должно надѣваться съ розовою гренацлевою юбкою. Невозможно ничего видѣть легче, нѣжнѣе, щеголеватѣе сего ловкаго и молодежаваго наряда, назначеннаго для молодой дамы съ хорошимъ цвѣтомъ лица. Это изобиліе шелкового плюа, на этой прозрачной ткани, такъ хорошо идетъ къ лицу; сверхъ того въ этой хорошо принаровненной простомѣ такъ много изысканности, что, если женщина нѣсколько пріятна, то должна быть прелесна въ семъ нарядѣ.

Баспа все въ большемъ употребленіи для рядныхъ шляпокъ, для прогулокъ, или за-просто для вечера. Одна изъ нихъ, которая насъ наиболѣе поразила въ нашемъ недѣльномъ осмотрѣ, дѣлана была въ магазинѣ Г-жи Lepetit. Она опличалась вся вообще; о подробностяхъ же нечего сказать. Поле маленькое, ловкое, открывало лобъ, не закрывая щекъ; лента изъ запканнаго гренадина, съ полосками изъ мушекъ и мелкими клѣпками, обвернута была около вѣпки душистаго горошка. Эти яркіе и чистые цвѣта, на соломкѣ бѣлаго машоваго цвѣта, отдѣлялись весьма красиво. Это просто и щеголевато.

При семъ номерѣ прилагается *Оглавленіе десятой части, или второй 1833 года, Литер. Прибавленій къ Русскому. Инвалиду.*

О Б Ъ Я В Л Е Н І Е.

Въ нынѣшнемъ году, кромѣ обѣщанныхъ *тридцати шести* каршинокъ модъ, будутъ выданы подписавшимся въ Литературныя Прибавленія Особамъ *четыре* каршинки, всѣхъ же *сорокъ* каршинокъ. — *Издатель.*

С. П. Бургъ.—Въ Типографіи Главнаго Управленія П. С.—Печаташь позволяется: 30 Іюня 1833 годѣ

Цензоръ *Никитенко.*

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

ТРЕТІЙ ГОДЪ.

Выходитъ
по Средамъ и
Субботамъ.

№ 54.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 104 No,
съ 36-ю картинками модъ,
въ С. П. б. 30, съ до-
спавкою и пересылкою
35 рублей.

СУББОТА, Іюля 8 дня 1833 года.

Ай, Ванюшка, ну, ну, живѣ!..
Смотрите, какъ идетъ!
Не бойся, миленькой! вошь здѣсь лошадка ждетъ;
Возьми скорѣе!»
Хоть Ванюшка сперва немножко оробѣлъ,
Но шагъ спунилъ, а шамъ смѣхе да смѣхе,
И въ мѣсяцъ бѣгашъ ужъ умѣлъ.
Напрасно крипика шакъ часто забываетъ,
Что одобреніе шаданны развиваетъ.

Н. Остолоповъ.

ПЕРЕСМѢШНИКЪ.

ЕЩЕ ДВѢ СЦЕНЫ ИЗЪ ПРОЗАИЧЕ-
СКОЙ ЖИЗНИ.

I.

Разговоръ жениха съ невестою.

Она. Какъ, *Володинька*, ужъ ты хочешь
меня оспавить?

Онъ. Необходимость опзываетъ меня отъ
тебя, моя единственна... мнѣ давно пора
домой.

Она. За чѣмъ?

Онъ. Я уже шесть часовъ, какъ у тебя
сжу; боюсь тебѣ наскучить.

Она. Злой человекъ! Ты никогда, никогда
мнѣ не наскучишь. Неужели шесть часовъ,
какъ ты у меня?

Онъ. Я пришелъ въ четыре безъ четвер-
ти, а теперь половина десятого.

Она. Эпи шесть часовъ показались мнѣ
шестью минурами. Когда я съ тобой—вре-
мя лепить на орлиныхъ крыльяхъ. Ахъ,
Володинька, останься еще одинъ часокъ, или
хоть полчаса.

Онъ. Желаніе свое, дражайшая, несравнен-
ная подруга моего сердца, для меня законъ.
Ежели тебѣ угодно, въ другой разъ я оспа-
нусь хоть до полуночи. Теперь уволь меня.
Меня ждуть, я далъ слово. Мнѣ самому при-
скорбна разлука; но мысль, что мы скоро
соединимся навсегда, на вѣчность, утѣшаетъ
меня.

Она. Какъ вы холодны, господа мужчины.
Вы предпочитаете пріятельскую вечерин-
ку, спектакль, свиданію и сладостному раз-
говору съ пою, которую избрало себѣ ва-
ше сердце въ неразлучныя подруги въ этой

жизни и въ будущей. Оспанься, или я за-
льюсь слезами.

Онъ. О, я остаюсь, остаюсь сполько,
сколько тебѣ будетъ угодно.

Она. Мой добрый *Володинька!*

Онъ. Моя божественная, моя несравнен-
ная!

(*Они обнимаются.*)

II.

*Разговоръ между тѣми же лицами черезъ
два года послѣ ихъ свадьбы.*

Она. Папенька, въ копоромъ часу ты се-
годня пойдешь въ Департаментъ?

Онъ. Я совсѣмъ опдумалъ, маменька. У
меня есть занятіе дома.

Она. Не спали бы начальники сердиться?
Не взыскали бы съ тебя. Ужъ ты нѣсколь-
ко разъ не ходилъ къ должности: не поше-
рий мѣста. Я... я бы совѣшала тебѣ иппи.

Онъ. Мнѣ дано дѣло на домъ.

Она. Я бы просила тебя не лѣнишься.
Начальникъ у тебя строгій, взыскательный;
замѣшишь—и какъ разъ зачислишь въ нера-
дивые, да при случаѣ награда и обойдется
тебя. Стыдно будетъ; поди, право поди.

Онъ. Мнѣ что-то не по себѣ.

Она. Разгуляйся, разсѣй себя; пройди по
Невскому проспекту, по Адмиралтейскому
булевару. Самое плохое средство выбралъ
ты, для избавленія отъ болѣзни, сидѣть въ
душномъ комнатномъ воздухѣ, гдѣ сполько
вредныхъ испареній; ты можешь занемочь
серьезно. Поди на свѣжій воздухъ, папень-
ка; движеніе тебѣ полезно; ты цѣлый день
сидишь на одномъ мѣстѣ. Упѣшь жену. (*Цѣ-
луетъ у него руки.*)

Онъ. Спранное дѣло! Я припоминаю, что
когда я былъ въ женяхъ, ты ни на пядь ме-
ня отъ себя не опускала; не принимала
въ уваженіе ни обязанностей по службѣ,
ни долга родства, ни пріятельскихъ связей.
Ты шребовала, плакала, умоляла—и я проси-

живалъ съ побою по цѣлымъ супкамъ. Autre
temps, autres mœurs. Прошло два года—и ты
почпи гонишь меня со двора.

Она. Я гоню, я? Слыхана ли такая на-
пралина. Конечно, еслибъ я имѣла власть,
по каждый день выпалкивала бы тебя за
дверь часа на три. Но это для пвоей же
пользы. Здоровье пвое такъ разспроено;
такіе частые приливы крови въ голову не
предвѣщаютъ ничего добраго. Тебѣ нужно
движеніе, разсѣяность: поди, папенька, по-
ди; я не держу тебя.

Онъ. Помилуй, маменька, вишь я не со-
всѣмъ преспофила, умѣю перечестъ до де-
сяти—и самъ разберу: нужно ли мнѣ иппи
со двора, или оспаваться дома.

Она. (*Плачетъ.*) Несносный человекъ! ты
оспаешься, можешь бышь, думая, что мнѣ
нужны лошади. Это весьма обязательно съ
пвоей спороны; но, папенька, я была бы
фуриєю, змѣєю подкодную, Вампиромъ,
еслибъ воспользовалась пвоимъ милымъ по-
жертвованіемъ, спала бы развѣзжая для
удовольствія, когда тебѣ необходимо про-
вѣхаться для здоровья.

Онъ. Я рѣшишельно говорю, что намѣ-
рень просидѣть весь день дома. Лошадей за-
гнѣяли; коспи да кожа.

Она. Я пошлю нанять для тебя фазонъ.
У меня есть на это свои деньги, копорыя
мнѣ подарила въ именины мапушка. Не раз-
думывай, папенька, первый часъ. Кспати,
другъ мой, завѣжай въ Англійскій магазинъ,
купи мнѣ двѣ пары перчапокъ, да скляноч-
ку eau de Cologne; ты такъ хорошо выби-
раешь; на пвой вкусъ можно положитьсь.
Упѣшь же меня жизнѣночкѣ.

Онъ. Мнѣ некогда; я долженъ писать
письма.

Она. У меня начинается мигрень отъ
пвоего упрямства; пойду лягу въ постель.

Онъ. А я спану чипать тебѣ вторую
часъ *Монастырки*...

Она. Я не хочу.

Онъ. Повѣспи *Погодина*...

Она. Я не спану слушаешь.

Онъ. Разказы *Марлинскаго*...

Она. Я ничего не хочу отъ тебя; даже не могу видѣть тебя, несносный человекъ! Ревнивецъ! Вампиръ! Я вижу, что ты хочешь, чтобъ голова моя разломилась отъ боли: исполняй же свое злодѣйское намѣреніе; останься дома и зачпай меня до смерти. На это есть *Клятва при гробъ Господнелю*, *Якубъ Скупалова*, *Хлыновскіе Степняки* и тысяча другихъ оригинальныхъ Русскихъ романовъ.

Онъ. Я сей часъ пошлю за ними въ Библиотеку чтенія...

Она. Безопвязный! Такъ ты не шути рѣшился замучить меня?

Онъ. Такія шуточки неприличны между женою и мужемъ.

Она. Такъ я сама уѣду. (*Звонитъ въ колокольчикъ. Входитъ слуга*). Вели заложить мою коляску парой.

Онъ. Ха, ха, ха! Я тебя, какъ *домовой*, выживаю изъ дома. А помнишь, какъ ты меня бывало уговаривала посидѣть съ побою подолѣе?

Она. (*Зѣвая*). Тогда ты былъ такой угодникъ, такой *châvalier servant*; а теперь ты медвѣдь.

Онъ. Я и теперь все попрежнему. И теперь готовъ исполнить всѣ твои приказанія, лишь бы они были согласны съ здравымъ разсудкомъ.

Она. Поѣзжай же со двора.

Онъ. Не вижу надобности! Никакъ не постигаю, почему мнѣ не оставаться дома, когда я того желаю? Не ждешь ли ты гостей, при которыхъ я буду лишній? а?...

Она. Ты меня обижаешь: я хотѣла приготовить сюрпризъ къ твоимъ именинамъ.

Онъ. Это еще можно успѣть сдѣлать!

Она. Мнѣ нужна эта комната.

Онъ. Я уйду въ дѣтскую.

Она. Тамъ спишь *Оленька*.

Онъ. Будь спокойна, я не попреволю её.

Онъ. Я пойду въ твою кабинетъ.

Она. Тамъ берешь урокъ на фортепiano сеспра моя.

Она. (*Про себя*). Никакъ не опвяжешься отъ этого человека. (*Къ нему*). И такъ, оставайся дома хоть до послѣ-завтра; но я ѣду со двора. (*Звонитъ. Входитъ слуга*). Вели *Дунлишъ* подать мнѣ салоу, перчатки и шляпу.

Онъ. Но куда, позволь спросить?

Она. Въ Англійскій магазинъ.

Онъ. Я поспѣю одѣнуться и поѣду съ побою; выберу тамъ моднаго цѣпа перчатки и еще какія нибудь бездѣлки, которыхъ тебѣ понравится.

Она. Ты, кажется, хотѣлъ остаться дома?

Онъ. Но передумалъ; я провожу тебя...

Она. Тебѣ надо писать письма.

Онъ. Завтра почта также опходитъ.

Она. И такъ, ты хочешь ѣхать со двора? поѣзжай, коляска готова.

Онъ. Да, но только изъ любви къ тебѣ.

Она. Вотъ? такъ я остаюсь дома.

Онъ. Какъ, ты уже не ѣдешь въ Англійскій магазинъ?

Она. Это и завтра можно сдѣлать. Я остаюсь.

Онъ. И я также.

Она. (*Про себя*). Хотъ съ ума сойди. Въ 2 часа я ожидаю его, а проклятаго муженька не выживешь изъ дома!

А. Кораблинскій.

ВЫДЕРЖКИ ИЗЪ АЛЬБОМА Р. М...

Одѣваясь и кланяясь надобно по модѣ; даже пить и ѣсть, вставать и ложиться. Но думать можно по здравому разуму: мыслей въ головѣ не видно.

Не досадно, если кто, съ тупымъ понятиемъ, занимается только моднымъ нарядомъ, и пренебрегаетъ все другое. Но грустно видѣть, когда люди, надѣленные отъ при-

роды умственными способностями и дарованиями, приспаяють къ эпохѣ полтъ слабыхъ, но дерзкихъ, и перенимають у нихъ не только наружный видъ, но и образъ сужденія.

Можно щеголять, можно панцоваць, даже много вътреничать. — Но почему не посвящивъ хоть полчаса въ супки, невидимо опть своихъ пушпоголовыхъ поварищей, образованію ума?

Одинъ больной, прїѣхавъ на воды въ городъ Пяшигорскъ въ обѣденную пору, послалъ слугу въ респорачію узнать, каковъ *столь* и какія *блюда*. Слуга, осмотрѣвъ все съ должною внимательностью, возвратился къ своему господину съ докладомъ, что «*столь* простой сосновый, а *блюда* фаянсовыя.»

СЛОВЕСНОСТЬ.

ВОСПОМИНАНІЯ СОЛДАТА.

Фра - Дьяволо.

Уже нѣсколько мѣсяцовъ спояли мы на кварирахъ въ Анконѣ. Служба наша была довольно легка, и за исключеніемъ учений, карауловъ, и иногда аресповъ, все оспальное время мы могли посвящать прогулкамъ по водѣ и сушѣ, и знакомству съ прелестными Ипаліанками. Однимъ словомъ, мы не скучали своимъ положеніемъ, и были бы еще довольнѣе, если бы не опасались въ свою очередь непріятельскихъ нападений, и если бы не получали непрерывно плачевныхъ извѣстій о нашихъ поварищахъ, расположенныхъ въ Калабріи, Аbruццахъ и Папскихъ владѣніяхъ. Мы знали, что непріатели, въ числѣ сорока тысячъ, подъ предводительствомъ знаменитаго кардинала *Руссо*, проходяць чрезъ обѣ Сициліи и Калабрію, гдѣ грабляць и опустошають каждый городъ, не смотря на то, участвоваль ли онъ въ возстаніи, или нѣтъ.

Славный *Фра-Дьяволо*, бывшій монахъ и потомъ сосланный на галеры, предводительствуя пятью спами послѣднихъ своихъ товарищей, также какъ и онъ, разбѣжавшихся изъ Мессинскихъ и Палермскихъ тюремъ, вступилъ въ непріятельскую армію, съ званіемъ шпабъ-офицера.

Живучи въ Анконѣ, я завель связь съ одной молодою и прекрасною женщиною, по имени *Маріеттою*. Знакомство это было пѣмъ леспіе для меня: ибо я служилъ еще тогда въ чинѣ подпоручика, что убрание компанъ *Маріетты* и всегдашній нарядъ ея свидѣтельствовали о ея, болѣе нежели доспапочномъ состояніи. Впрочемъ, у неѣ не было ни имѣнія, ни дома въ городѣ, и (какъ она много разъ клялась мнѣ, и какъ я почно увѣрился) я былъ единственнѣмъ щасливцемъ, котораго подарила она своею благосклонностью. Часно я спрашиваль еѣ, откуда взялись у неѣ богатые ковры, прелестныя картины, огромные Венеціанскіе зеркала, но она всегда умѣла искусно опдѣлываться опть моихъ вопросовъ, такъ что наконецъ я переспаль у неѣ о помъ допытываться. Да и къ чему бы послужило мнѣ знать источникъ ея богатства? *Маріетта* спрашно меня любила и была прелестна, особенно когда аккомпанируя себѣ на арфѣ, пѣвала сладоспрашные канцонетты. Чего мнѣ оспавалось желать еще?

Въ одинъ вечеръ, (въ которъй мнѣ прежде десяти часовъ должно было явиться въ караулъ къ назначенному посту), меня взманило желаніе побывать у *Маріетты*; но я твердо обѣщаль себѣ уйши опть неѣ, какъ можно скорѣе. Я нашель еѣ одну, за обѣдомъ; она предложила мнѣ быць ей поварищемъ, и я, разумѣется, не отказался. У *Маріетты* было прекрасное Ипаліанское вино, легкое для вкуса, но вмѣспѣ съ пѣмъ обманчивое до такой степени, что заспавило меня забыць и службу, и назначенный срокъ, и ареспъ, которъй угрожалъ мнѣ. *Маріетта* также выпила болѣе надлежащаго, и въ эпомъ полуцѣаномъ состояніи, была чрезвычайно мила; она лепетала

безсвязныя и неопредѣленныя слова, внушаемыя любовью и имѣющія столько прелести въ устахъ любимой женщины. *Anima mio, ben mio*, пвердила она, и приводила меня въ совершенный воспоргъ.

Вдругъ легкій шумъ раздался внизу у входа въ ея комнаты; послышалось щелканье ключа въ замкѣ.

— Тсъ! — сказала *Marietta*, привспавъ и освобождаясь изъ моихъ объятий. Тсъ! *zitto maledetto*. —

Мы умолкли и спали прислушиваясь: она съ прешепомъ, я совершенно равнодушно.

Дѣйствительно кто-то всходилъ на лѣспницу, пыхо, не поропись, и напѣвая въ полголоса, съ Неаполитанскимъ выговоромъ, пѣсно: *Santa Madona del Carmel*.

— Мы пропали! — вскричала *Marietta*, смотря на меня опчаянными глазами. Мы пропали! Онъ убьетъ меня, убьетъ насъ обоихъ. Это *Фра-Дьяволо!* — Съ сими словами она упала въ обморокъ.

Въ ту же минуцу дверь отворилась, и изъ нея показался человекъ, который, увидѣвъ меня, неподвижно остановился на порогѣ и сказалъ: *Фра-Дьяволо*. Грозно было это имя, имя принадлежавшее къ числу пѣхъ, отъ которыхъ невольнo холодъ пробѣгаетъ по членамъ, кровь спынетъ въ жилахъ, и пысыча смертей мерещишся въ глазахъ.

Онъ навсегда сохранился въ моей памяти. Это былъ Лазарони въ цвѣтѣ лѣтъ, крѣпкаго сложенія и огромнаго роста; какъ вкопанный, остановился онъ на порогѣ, сложивъ на груди руки, и пускые глаза его, смуглое и загорѣвшее лицо, густыя черныя бакенбарды, губы, посинѣвшія отъ злобы, уподобляли его спрашному призраку, являющемуся среди сладостныхъ грезъ любви. Одежда его была общая всѣмъ просполоудинамъ, и хопя проста, но довольно опрятна; она состояла изъ сѣрой шляпы съ широкими полями, камзола такого же цвѣта, заспегнушаго на груди, голубаго пояса и исподняго плашья, нескрывавашаго рѣдкой красопы ногъ его. Одна изъ нихъ, не сильнымъ, но

безспреспаннымъ прлсеніемъ, дѣлала его похожимъ на человека, который дрожитъ отъ холода, и составляла рѣзкую пропивоположность съ неподвижностью всего его пѣла.

Я потчасъ понялъ, что спрахъ былъ бы самымъ худымъ средствомъ изъ пѣхъ, которыхъ оспавались мнѣ, а потому вспалъ и взявшись за эфесъ своей сабли, поспребовавъ отъ *Фра-Дьяволо*, чтобы онъ вышелъ вонъ.

«Выпши вонъ!» возразилъ онъ съ презрительною улыбкою, хладнокровно и съ видомъ сожалѣнія качая головою. «Выпши вонъ, Франчезе!» Потомъ онъ прибавилъ, съ звѣрскимъ смѣхомъ: «споручи душу свою Богу; завпра ужъ не спанешъ больше волочипсья.»

Запнувшись ногою за пѣло *Marietty*, лежавшей на полу въ безпамятствѣ, онъ поднялъ еѣ, посадилъ на софу и сказалъ: «смотри, *Marietta*, вопъ зрѣлице, котораго ты не ожидала. Нравится ли оно тебѣ?... Ну! что же ты не отвѣчаешъ? говори же.»

Какъ могла она отвѣчать, безчувспенная, бездыханная, полумертвая! — «А! ты молчишь, *Marietta*! Но вопъ что заспавишь себя опомнишься, скорѣе чѣмъ всѣ элексиры вашихъ Анконскихъ лекарей.» Съ сими словами онъ вынулъ изъ запояса блестящій кинжалъ, и спалъ водипъ спонкимъ осприемъ его по груди *Mariеттиной*. Сначала кровь выступила крупными каплями, такъ что издали можно было почестъ еѣ краснымъ ожерельемъ на шеѣ *Marietty*, но потомъ она заспруилась быспрѣе, оросила ея плашье, и принудила опомнишься съ плачемъ отъ жестокой боли. Злодѣй! вскричалъ я, бросившись къ *Фра-Дьяволо*... Онъ допустилъ меня приближипсья и холодно сказалъ:

«Теперь мы раздѣлаемся и съ побою, пригожій Чичисбео! А вопъ будетъ и свидѣтель нашей расправы. Не дуренъ свидѣтель, не правда ли, Франчезе?»

— Спановись, — закричалъ я ему, и кровь закипѣла во мнѣ отъ бѣшенства.

Со всякимъ другимъ пропивошникомъ я не осмѣлился бы воспользоваться превосход-

спвомъ оружія, но шупъ мнѣ некогда было разсуждать; при томъ же я зналъ, что Лазарони владѣютъ кинжаломъ съ ловкостью Индійскихъ фиглярровъ, а *Фра-Дьяволо*, предводитель Лазарони, казалось, былъ увѣренъ въ своей побѣдѣ. Мы спали въ позицію.

Спранное зрѣлище являлъ глазамъ нашъ поединокъ, среди богатаго и великолѣпнаго покоя, въ которомъ большія зеркала отражали наши малѣйшія движенія, наши выученныя приемы и ярость, написанную на лицахъ нашихъ. Вблизи накрытый столъ съ оспатками нашего ужина, а на софѣ женщина въ бѣломъ плащѣ съ кровавыми узорами, женщина съ расперзанною грудью, спенавшая отъ ужаса и боли и принужденная быть свидѣтельницею смертнаго боя двухъ ея любовниковъ, изъ которыхъ можетъ быть каждаго любила она спраспно. Почему знать? женщины, а особливо Ипаліанки, такіа непоспимыя созданія!

Долго длился нашъ поединокъ, и побѣда была оспориваема у меня гораздо упорнѣе, нежели какъ ожидалъ я: ибо *Фра-Дьяволо*, будучи выше и сильнѣе меня, и не успѣвая ловкостью взять падо мною верхъ, хопѣлъ упоминъ меня и воспользоваться моею усталостію. При томъ же, при началѣ боя, въ головѣ моей сдѣлался шумъ, который совершенно меня распрощалъ, и глаза мои подернулись какъ будто покрываломъ, препясповавшимъ мнѣ нападать и отражать удары съ должною вѣрностію. Однимъ словомъ, Ипаліанское вино и ласки *Маріетты* довели меня до оспьянѣлости.

Наконецъ, онъ успѣлъ концемъ своего кинжала опрубить у меня палець. Боль и недоспапокъ эпаго пальца поколебали на мнуну саблю въ рукѣ моей, и я уже готовился умереть, но по щастію мнѣ удалось крѣтко сжать свое оружіе и нанести *Дьяволо* сильный ударъ въ бокъ, который онъ отразилъ только въ половину. Онъ зашатался, опспунилъ на нѣсколько шаговъ и эшимъ далъ мнѣ способъ укрыться отъ его кинжала въ полураспворенную дверь. Безъ сего чуднаго случая, я бы непременно погибъ: ибо чрезъ минушу я совершенно обез-

силѣлъ, и колѣна мои спали гнушья, какъ у выздоравливающаго больнаго, мѣсяца при пролежавшаго въ постель.

Наконецъ я спасся! Первымъ дѣломъ моимъ было бѣжать за помощію къ одному изъ посповъ нашихъ, чтобы, если возможно, избавить *Маріетту*, учась которой я очень предвидѣлъ. Но поспы опспояли довольно далеко; дойши шуда заняло много времени, и когда мы возвратились на мѣсто дѣйствія, по главнаго дѣйствующаго лица уже не было. Я нашелъ тамъ только свой палець, окровавленный поясъ *Фра-Дьяволо* и голову *Маріетты* на столѣ, на серебряномъ блюдѣ.

Была уже полночь, когда явился я къ своему посту. У меня недоставало указательнаго пальца и любовницы, а въ упѣшеніе, я былъ посаженъ на двѣ недѣли подъ арестъ.

Въ послѣдствіи *Фра-Дьяволо* былъ пойманъ и распрѣлянъ.

Съ Франц. *Ип. Г—въ.*

СТИХОТВОРЕНІЯ.

К Л А Д Б И Щ Е.

Чу!... раздался въпра свистъ!
 Взглянь: валился блеклый листъ....
 Вся природа какъ во снѣ,
 Въ шажкомъ снѣ, гдѣ лишь одѣ
 Грозно посялся мечшы.
 Здѣсь могильные цвѣты
 Грустно въспрѣшишь вмѣсто розъ;
 Здѣсь сквозь мракъ густыхъ берѣзъ
 Хопя свѣшишь солнца лучъ,
 Хопъ блестящъ.... но эпихъ шучъ,
 Эшой мглы гробовъ, могиль,
 Не разгонишь лучъ свѣшилъ!...
 Мершво все. Взгляни окрестъ,
 Взоръ швой въспрѣшишь всюду крестъ!
 Въ мигъ въ умъ родилъся мысль:
 «Какъ ничшожна наша жизнь!...»

«Чѣмъ наупро буду я? . . . .»
 И мелкнешь въ глаза земля.
 Но сей видъ не шакъ уныль;
 Намъ спрашился-ль пѣмъ могилъ?
 Непробудный, тихій соць
 Здѣсь изъ сердца изгналъ спонъ;
 И палящая любовь
 Не взволнуетъ больше кровь,
 И въ закованную грудь
 Можно-ль горю заглянуть? . . .
 Какъ пріятно для людей,
 Обрѣспи душѣ своей,
 Средь гробовъ, хопя на мигъ,
 Миръ опъ буръ и бѣдъ мірскихъ! . . .
 Но гробовъ печальный видъ
 Души щасливыхъ спрашишь.

Ф. Дьяковъ.

CONSO L A T I O N .

Et pourquoi repousser les rêves de la vie?
 Pourquoi fuir le sentier qu'un aimable génie
 Sur nos pas en passant sème partout de fleurs?
 Oui, pourquoi quand sa voix nous convie à l'ivresse,
 Rejeter ses conseils pour mesurer sans cesse
 Des jours par des douleurs?

Ah, trop heureux celui dont la course légère
 Sait fouler de ses pas la trace passagère!
 Un horizon nouveau se déroule à ses yeux;
 Celui-là, voit glisser ses paisibles années,
 Comme d'un fleuve pur les ondes fortunées
 Sur un lit amoureux.

Le myrte et le laurier unissant leur feuillage,
 De leurs rameaux sacrés ombragent son visage;
 Ses pas foulent toujours de bords délicieux;
 Sur son front toujours pur brille un heureux délire,
 Et les plus doux concerts s'échappent de sa lyre
 En sons harmonieux.

Tel le convive ému dans sa joyeuse ivresse,
 Du vase trop rempli que sa lèvre caresse,
 Voit les flots débordés se répandre en son sein:

Il s'endort au milieu de ce délire aimable,
 Ou, le front ceint de fleurs, n'abandonne la table
 Qu'au terme du festin.

Et moi, qu'ai-je voulu? d'une ardeur insensée,
 Asservir mon génie à ma folle pensée;
 Lutter contre le sort d'un bras audacieux;
 Arracher au ciel même un bonheur que j'ignore,
 Et qu'un rêve d'un jour me donnerait encore,
 Si je fermais les yeux.

Ainsi se sont enfui vingt printems. Voilà l'homme.
 Il consume sa vie à combattre un fantôme.
 Malheureux, il aigrit lui même ses douleurs;
 Où des fleurs pourraient naître, il arrache l'ortie,
 Et puis, comme un enfant que sa mère châtie,
 Répand de lâches pleurs.

Qu'il en verse. celui dont la faible paupière
 Loin de lui pour jamais voit s'échapper la terre,
 Et la nuit menacer les regards incertains :
 Qu'il en verse, celui dont la folle imprudence
 A brisé sans retour l'urne que l'espérance
 Avait mise en ses mains.

Moi, je veux m'abreuver à sa coupe sacrée;
 Moi, je veux désormais d'une main rassurée
 Livrer ma nef docile à la pente des eaux;
 Je veux m'abandonner aux rêves de l'ivresse,
 Et ma, lyre à la main, couronner ma jeunesse
 De fleurs et de pavots.

C.

E N I G M E .

Si je n'ai pas le bonheur de vous plaire,
 Lecteur, je n'en suis pas surpris;
 Vous aurez beau dire et beau faire,
 Je ne serai jamais de votre avis;
 Même en me renversant, je vous en avertis,
 Vous ne me feriez pas changer de caractère.

M O D E S.

Une capote de paille, de mademoiselle Larseneur, fort jolie de forme et d'ornemens peu travaillés, était remarquable par une fine paille d'Italie, sur laquelle se détachait une magnifique rose mousseuse rose avec son bouton, des magasins de Nattier. La passe était doublée de gros de Naples rose, glacé; autour de la forme tournait, en deux cercles plats, un ruban de taffetas rose glacé.

Cette manière d'entourer la forme est fort de mode pour les capotes de paille anglaise.

Un nouvel extrait d'amandes et de pistaches, est adopté en ce moment comme bien préférable à toutes les anciennes compositions de ce genre. — Il rend la peau blanche et fraîche, douce et souple; également utile aux délicates mains des femmes, aux visages susceptibles de s'altérer par l'air ou le soleil, et à ceux fatigués par le rasoir. L'*Amandine* mérite son succès, et l'explique en se disant une production de M. Laboulée, n° 93, rue Richelieu.

Les mitaines blanches en fil d'Écosse ont cherché à reprendre leur faveur perdue en voyant reparaître celles de soie noire. — Elles sont à jour dans toute la longueur du bras; quelquefois à mailles très-claires.

On fait dans ce genre des gants de soie de couleur, que l'on appelle *réseau de tulle*; on doit voir la main à travers aussi facilement que si elle était à nu. Sans contredit on ne pouvait rien imaginer de plus frais et de plus léger pour la saison.

Les ceintures que l'on voit chez *Vatelin* sont tout-à-fait analogues aux robes chinées et brochées si gothiques, si lourdes, si massives. Le ruban a une épaisseur de près d'une ligne, marbré, lilas, vert, bois....., avec de larges rosaces blanches, sur lesquelles se détachent d'autres petites rosaces informes, rouille, rouges, noires, etc., etc.; ou bien des sillons chinés sur un fond marbré; la nécessité reconnue pour une ceinture est qu'elle soit assortie à la robe.

Les petites cravates également, ou chinées à flammes ou à carreaux chinés.

M O D Ы.

Соломенный Импалианскій капотъ, отъ модиски *Larseneur*, весьма красивой формы съ простою опдѣлкою, замѣчательнъ былъ по тонинѣ соломки, на которой опдѣлялась пышная мохъ-роза съ распушкой, изъ магазина Nattier. Подложено было розовыхъ двуличневымъ гроденаплемъ; вокругъ шульи положена въ два гладкіе кружка, розовая пафьяная двуличневая лента.

Этотъ способъ обертывать шулью въ большемъ употребленіи для капотовъ изъ Англійской соломки.

Новое извлечение, изъ миндаля и фиспашекъ, принято теперь предпочтительно предъ всеми прежними способами въ семь родъ. — Оно дѣлаетъ кожу бѣлою и свѣжею, мягкою и нѣжною; также полезно для нѣжныхъ дамскихъ рукъ, лицамъ, измѣняющимся отъ воздуха или солнца, и тѣмъ, которые часто брѣются. *Amandine* заслуживаетъ свой успѣхъ, и объясняетъ его, называя произведеніемъ г-на *Laboulée*, въ улицѣ Ришельѣ.

Бѣлыя перчатки, изъ Шопландскихъ нитокъ, спарались опять войши въ ославленное употребленіе, увидя, что показались опять чѣрные шелковыя перчатки. — Онѣ прозрачныя во всю длину руки, иногда вязанныя самыми рѣдкими петлями.

Дѣлаются въ семь родъ перчатки изъ цвѣтнаго шелку, которыя называются *тюлевая ршетка*; должно, чтобы рука видна была сквозь нихъ, какъ бы она была голая. Безспорно, ничего нельзя было выдумать легче и удобнѣе по времени года.

Пояса, которые видны у *Vatelin*, совершенно приличны къ волнистымъ и зашканнымъ платьямъ, споль спариннымъ, споль пляжелымъ, и плотнымъ. Лента, полциною въ линію, мраморная, лиловая, зелѣная, деревяннаго цвѣта....., съ широкими бѣлыми кружками, на которыхъ опдѣляются другіе небольшіе, неправильные кружки, ржавчиннаго, краснаго, чѣрнаго и проч. цвѣтовъ, или волнистыя полосы по мраморному группу, признанная необходимость для пояса, чтобы онъ соотвѣтствовалъ платью.

Небольшіе галспучки также, или волнистыя пламями, или волнистыми клѣпками.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

.....
ТРЕТІЙ ГОДЪ.
.....

Выходитъ
по Средамъ и
Субботамъ.

№ 55.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 104 No,
съ 36-ю картинками модъ,
въ С. П. б. 30, съ до-
спавкою и пересылкою
35 рублей.

СРЕДА, Іюля 12 дня, 1833 года.

Лашынь изъ моды вышла нынѣ:
Такъ, если правду вамъ скажемъ,
Онъ зналъ довольно по-лашынѣ,
Чтобъ эпитафы разбирашь,
Пополковашь объ Ювеналѣ,
Въ концѣ письма поставишь *vale*,
Да помнишь, кошъ не безъ грѣха,
Изъ Энеиды два стиха.

А. Пушкинъ.

ПЕРЕСМѢШНИКЪ.

АНГЛІЙСКІЯ ПОДАТИ И НАЛОГИ.

Въ одномъ Англійскомъ журналѣ напеча-
тано презабавное исчисленіе налоговъ, ко-
торыми обременены жители сего государ-
ства.

« На все, что мы ѣдимъ и носимъ, нало-
жена пошлина; со всего, что пріятно слу-
ху, взору, обонянію, вкусу, взимается по-
дашь; огонь, свѣшь, движеніе обоброчены.
Мы обязаны плащитъ за все воздушное, зем-
ное и водяное; все привозимое изъ за грани-
цы, и родящееся и производимое въ нашемъ
отечествѣ обложено высокою пошлиною.
Насъ принуждаютъ вносить пошлину за
произведеніе повара прежде, нежели оно ус-
пѣетъ испорчить желудокъ богача-обжоры
и за лекарства для возстановленія его апе-
тита; за мѣхъ, коимъ обложенъ воропникъ
шинели лорда, и за веревку, изъ которой дѣ-

лается петля для преступника. Нищій пла-
щитъ свою полушку пошлины за табакъ и
булку, богачъ за корицу и сахаръ. Гробо-
вая доска и свадебная гирланда невѣсты но-
сятъ шпемпель сборщика. Лежимъ ли мы,
споимъ ли, сидимъ ли, пльвѣмъ, или ѣдемъ:
за все надлежитъ плащитъ налогъ. Ребѣ-
нокъ гонитъ волчокъ, обложенный пошли-
ною; юноша, желающій ѣздить верхомъ, обя-
занъ, какъ добрый гражданинъ Великобри-
таніи, купить право имѣть лошадей; сѣдло,
чтобъ осѣдлать её; узду, чтобъ ею пра-
вить; подкову, чтобъ ковать её.

Вольный Англичанинъ пользуется полною
свободою принимая лекарство въ ложкѣ,
обложенной пошлиною; онъ пишетъ свое
духовное завѣщаніе: заплаши! Онъ свидѣ-
тельствуетъ его у маклера: заплаши! Онъ
умираетъ на рукахъ врача, заплащившаго
за право отправить своего больного въ луч-
шій міръ.

Наслѣдники не иначе получаютъ имущество усопшаго, какъ заплачивъ сперва проценты по оцѣнкѣ онаго. На мраморъ, обложенномъ пошпиною, предадутся попомысливу добродѣтели покойника, который опиравшись къ своимъ праотцамъ, чпобы не заплатить болѣе пошпины ни съ оконъ, въ которыхъ входилъ къ нему свѣтъ Божій, ни съ дверей, въ кои онъ входилъ и выходилъ, ни съ собаки, которую держалъ онъ воровъ, ни съ кошки, которая обороняла его отъ крысъ!!!

Одинъ Квакеръ, захвативъ въ самую пѣсную улицу Лондона, встрѣтился съ молодымъ человѣкомъ, который скакалъ прямо на него въ своей модной коляскѣ. Имъ никакимъ образомъ нельзя было развѣхаться; кому нибудь надлежало поворочить назадъ; но ни одинъ не хотѣлъ уступить. Квакеръ говорилъ: *я стартъ!* Молодчикъ отвѣчалъ: *я улиттъ!* бранился — и не уступалъ дороги. Квакеръ, не любя споровъ, съ важностію и равнодушіемъ вынулъ изъ кармана трубку, ударилъ огнемъ въ кремль — и закурилъ. Молодой человѣкъ, желая также заняться, сыскалъ въ карманѣ газетны и покойно началъ чипать. Прошло минулъ двадцать въ глубокомъ молчаніи. Квакеръ выкурилъ трубку, высыпалъ пепель, посмотрѣлъ на соперника и сказалъ: «другъ! когда ты прочитаешь свои газетны, дай ихъ мнѣ, а я за то готовъ служить тебѣ своею трубкою.» После сего дружескаго предложенія, молодецъ опчаялся переупрямить его — и поворочилъ въ другую улицу.

Если война есть въ самомъ дѣлѣ великая трагедія, которую земля представляетъ предъ небомъ и адомъ: то ни одинъ прагикъ не слѣдовалъ точнѣе правиламъ, для неѣ предписаннымъ, какъ *Наполеонъ*. Онъ старался сократить время спектакля; преворачивалъ годы въ мѣсяцы; жаль, чпо онъ нарушалъ единство мѣсна.

СЛОВЕСНОСТЬ.

А Р Т У Р Ъ И М А Р І Я.

Быль Евгенія Сю.

Графъ де ***, едва достигшій двадцати семилѣтняго возраста, одаренный отъ природы и плѣсными и умственными силами, бросился во всевозможный развратъ. Богатое его наслѣдство было уже разстроено.

Случайно встрѣтился онъ въ большомъ свѣтѣ, куда весьма рѣдко являлся, молодую дѣвицу, красавицу, но бѣдную.

Также случайно онъ влюбился въ неѣ. Это была первая, истинная его любовь. Всѣмъ извѣстно, чпо первоначальная любовь развратника, есть самая сильная, или вѣрнѣе выразиться, самая сумасбродная спрасть.

Дѣвица отвѣчала этой сумасбродной спрасти; но какъ она была стольже осторожна, сколь прекрасна, и какъ воспитавшая еѣ пѣпка была четырехъ-мужняя вдова, слѣдственно женщина себя на умѣ, то графъ, до брака съ своею красавицею, не могъ воспользоваться не токмо ея поцѣлуемъ, да же пожатіемъ ея руки.

Графъ де *** замѣтилъ въ *Маріи* (дѣвица - красавица называлась *Маріею*) рѣшительность, пламенное воображеніе, а болѣе всего непреодолимое желаніе жить роскошно.

Не подписывая еще свадебнаго контракта, онъ сказалъ ей пакъ, или почти пакъ:

«*Марія*, за мною водятся пороки, погрѣшности, и даже глупости....»

Дѣвица улыбнулась.... и выказала два ряда прелестнѣйшихъ зубовъ.

«*Марія*,» я горячѣ, бѣшенѣ, сварливѣ, и донинѣ былъ несчастливѣ и на дуэляхъ и въ любви....»

Дѣвица вздохнула, взглянувъ на графа съ видомъ чистаго состраданія. Но чпо это былъ за взглядъ.... и какъ былъ милъ вздохъ ея дѣвственнаго груди!

«*Марія*, у меня было много денег, много; лошади, женщины, собаки и объёды много, много их у меня испортили.»

Дѣвица улыбнулась равнодушно, пожавъ своими кругленькими плечиками...

«*Марія*, у меня оспаеется еще съ небольшимъ 300 тысячъ франковъ. Тебѣ девятнадцать лѣтъ; жизнь для тебя нова; роскошь, свѣтскія удовольствія, столичный вихрь тебя неизвѣстны, и вѣроятно, подспрыкають твое любопытство, удовлетворить же ему трудно: денегъ у меня немного, слабостей не мало. Но, за всѣмъ этимъ, скажи, хочешь ли быть моею женою?»

Дѣвица закрыла ему ротъ своею полненькою ручкою.

И такъ, графъ женился на ней, — чему друзья его много смѣялись.

Марія, доподъ хладнокровная и чрезвычайъ скромная, закипѣла всѣмъ воспоргомъ первоначальной спрасти. Молодая, пламенная брюнетка, она скоро раздѣлила съ своимъ супругомъ и его кипящую душу и его необузданный нравъ.

Непонятно! Бракъ не ослаблялъ ихъ воспорговъ. Удовольствія *настоящія* раждались, воспоминаніемъ *минувшихъ*.

Хотя наслѣдство графа и было слишкомъ распроено, но онъ говорилъ, что предъ сватьбою у него оспавалось еще до сна тысячъ эку.

Но какъ графъ выше всего чпилъ своего цдола, своего божка, *Марію*: то божокъ эпотѣ сіялъ брилліантами, облакался въ шелковыя маперіи и Турецкія шали, и не касался своими ножками не только мостовой, ниже праха прощуаровъ.

А наслѣдство убывало, да убывало.

Черезъ чепыре мѣсяца послѣ сватьбы, на другой день возвращенія графа изъ крапковременной оплочки, онъ съ пламенною своею супругою, оба, обворожительно блѣдныя, неизвѣстимо упомянутыя, ложились спать. «*Артуръ!*» сказала *Марія*, расчесывая свои длинные, черные волосы: «*Артуръ!*... еще

мѣсяць наслажденія... а потомъ умремъ... Скажи, мой ангель, мы испощимъ всѣ роды удовольствій, опъ сладостнаго самозабвенія до судорожнаго препета; заставимъ завидовать нашей роскоши, нашимъ безпрестанно возраждающимся воспоргамъ... Мы слишкомъ щастливы... невозможно, чпобъ эно длилось... Ускоримъ неминуемъ часть вѣчной разлуки! Скажи, душа моя, готовъ ли ты умереть?... и скоро умереть... даъ... успа мои къ твоему успамъ... и не разлучался, покинемъ сея свѣтъ.»

Опершись локотками съ двумя ямочками на роскошную кружевную подушку и подерживая голову руками, *Марія* устремила свои большіе, томные глаза на блѣдное лице супруга.

Артуръ приподнялся на постель; глаза его засверкали; неизобразимая черта удивленія и радости протянулась по челу его... Онъ плавалъ въ блаженствѣ... Эта же самая мысль приходила и ему за пять дней прежде, и подлинно:

Въ двадцать восемь лѣтъ онъ прожилъ столько, сколько можетъ прожить человекъ, обладающій желѣзнымъ здоровьемъ, пламенною душою и бочками золота. Въ спрасти къ женѣ повторились, казалось, всѣ прежнія его спрасти. Онъ одну её любилъ такъ, какъ прежде любилъ вмѣстѣ и лошадей, и собакъ, и игру, и вино, и предестиницъ театральныхъ и другихъ.

И припомъ наслѣдство его такъ изсохло, такъ испощилось, такъ спало прозрачно, чпо нищета сквозилась изъ него.

И припомъ же, царствовавшее до сего времени совершенное согласіе между *способами* и *волею* (*raison et volonté*) сказало бы: изчезло... чего же оспавалось ему жалѣть?...

И такъ, *Артуръ* не отвѣчалъ *Марію*. Бывають впечатлѣнія, которыя никто изъяснить не можетъ. Двѣ крупныя слезы, оспавившіяся на впалыхъ его щекахъ, были единственныимъ его опивѣтомъ.

Но самоопроверженіе *Марію* имѣло столько непоспимое вліяніе на графа, чпо онъ нѣсколько времени называлъ сея самоопвер-

женіе небывалымъ, сверхъ-естественнымъ... Однакожъ, должно признайся, что это магическое вліяніе не имѣло никакого вліянія на наслѣдство.... оно, спустя двѣ недѣли, приказало долго жить! да, скончалось... а графъ что?... Bone Deus! бѣдный *Артуръ*.....

«И такъ сегодня,» сказала *Марія*, красавица по прежнему, хотя нѣсколько исхудавшая; до свадьбы она была немного полстопана, немного краснопана.

— Нынѣшній вечеръ! — отвѣчалъ онъ нѣжно.

«Написалъ ли пы?» спросила она.

— Не безпокойся милая, добрая *Марія*, никого не вмѣшаютъ. —

Спокойны и веселы доспигли они лѣсовъ Вильдаврайскихъ, ибо мысль объ омерзвеніи (*l'asphuxie*) была чужда имъ. Одна мысль не покидала ихъ, мысль, что ядъ скорый, какъ молнія, выведетъ ихъ изъ здѣшняго свѣта въ пѣни улыбающихся деревьевъ. Это происходило въ Юль.

— Не женщина, а ангелъ — говорилъ *Артуръ*, смотря, какъ *Марія* улыбаясь, вынимала пробку изъ тонкой кристальной скляночки, наполненной прозрачною, изумрудно-зеленою жидкостью.

Они сѣли подъ роскошный дубъ, въ густомъ, уединенномъ, опдаленномъ лѣску. Воздухъ былъ прохладенъ, небо чисто, солнце садилось.

«Божественный, обожаемый другъ! какъ же мы раздѣлимъ эту сладоспный напитокъ?» спросила *Марія*, обвивъ мужа рукою и поцѣловавъ его въ лобъ.

— Не знаю, мой ангелъ — отвѣчалъ безпечно *Артуръ*, сѣдая подъ устами своими каждое бѣненіе *Маріина* сердца.

«А вошь какъ,» сказала она, бросивъ на мужа пламенный, спраспный взглядъ, между пѣмъ какъ сладоспная дрожь пробѣжала, казалось, по всемъ ея жиламъ. «Вошь какъ, милый *Артуръ*: возьмемъ эту тонкую скляночку пополамъ въ ротъ... и перекусимъ ея въ млеющемъ поцѣлуѣ... понимаешь меня?»

— Согласенъ... весьма согласенъ — вскричалъ *Артуръ*.

Солнце село за лѣсъ.

На слѣдующую ночь, графъ проснулся отъ какого-то ужаснаго сна. Языкъ его былъ жесткъ и сухъ... горшанъ горѣла, черепъ, казалось, готовъ былъ распахаться.

Онъ лежалъ на помъ же самомъ мѣстѣ, гдѣ сидѣлъ наканунѣ. Тысячи оспривѣвъ раздирали его внупренность.

Онъ крутился по землѣ, грызъ ея, кричалъ. Спраданія его были ужасны.

Успокоясь на минушу, онъ спалъ искапъ прупъ *Маріи*, и не находилъ его.

Спраданія начались съ новою силою. На крикъ его пришелъ какой-то честный лѣсничій, взялъ его къ себѣ въ домъ и ходилъ за нимъ какъ за собственнымъ сыномъ.

Невѣроятно крѣпкое сложеніе графа преодолѣло дѣйствіе яда, и чрезъ двѣ недѣли онъ былъ почти внѣ опасности.

Но что спало съ *Маріею*? Эпатаго онъ не могъ узнать.

Однажды упромъ, честный лѣсничій, вмѣспѣ съ маленькимъ щетцолъ за хлопоты около большаго господина (цѣня свое челоѣколюбіе по 10 франковъ въ день), принесъ ему, скуки ради, листокъ *честнаго же Journal de Paris*.

Графъ началъ чипать, и лице его измѣнилось.

— *Дестьти франковъ въ награду толму, кто приведетъ къ г. М***, живущему въ улицѣ ***, убѣжавшую гонимую собаку. Прилителья ея: большой ростъ и желтъя пятна на ушахъ.* —

Конечно не отъ эпатаго объявленія *Артуръ* заскрежесалъ зубами, поблѣднѣлъ и глаза его налились кровью. Посмотримъ далѣе. Вошь не отъ эпатаго ли?

— *Около двухъ недѣль, графа Артуръ де *** скрылся изъ своего дома; вѣроятно, разстроивъ нѣя дѣла и семейная неудовольствія заста-*

вѣли его послануть на самоубійство, тѣмъ болѣе, что носится слухъ, будто супруга его, графиня де ***, скрылась отъ него и уѣхала съ однимъ богачемъ, какъ говорятъ, въ Марсель.—

Нѣтъ сомнѣнiя, что опъ эпой именно вѣспи графъ упалъ безъ чувствъ. Въ продолженiе сего обморока ему видѣлись существа фантасмическiя, ужасныя, огненныя. Онъ, приближаясь одно къ другому, соспавляли изъ себя цѣлыя реченiя, какъ будто эпо были одушевленные буквы невидимаго языка.

Графъ чипалъ слѣдующiя слова, искромепныя и смѣнявшiя одно другое съ быспрошю мѣльничнаго колеса:

— Молодая красавица никогда не опкажется опъ роскоши и удовольствiя...

И никакъ не промѣняетъ ихъ на самоубiйство...—

— Она провела шебя, глуш...—

— Она любила пвое золото, когда пы имѣлъ его...—

— Она любила пвою молодость, пвою красоту, когда пы былъ молодъ и красивъ.—

— Высосавъ апельсинъ, бросають его...—

— Она любитъ другаго богачаго, какимъ и пы былъ, пригожаго, какимъ и пы былъ.—

— Она хотѣла сжипъ шебя съ рукъ...—

— Она увѣрена была въ пвоей блажной пылкости...—

И въ пвоемъ разоренiи.

И въ своемъ хладнокровiи и въ своей ловкости, когда пы предался послѣднему сумасбродному воспоргу.—

— Она смѣшся надъ пбою вмѣспъ съ своимъ любовникомъ—любовникомъ—любовникомъ...—

Попому, что она щипаетъ шебя мерпвымъ—мерпвымъ—мерпвымъ.—

Тупъ графъ, сдѣлавъ ужасное судорожное движенiе, проснулся; вскочилъ прямо на ноги, успа его мѣнились, онъ упалъ поперегъ

кровати; глаза его были опкрыпты, неподвижны, пульсъ почпи оспановился, глухое, предсмертное хрипѣнiе раздавалось въ груди его.

Опяшь честный лѣсничiй извлекъ его изъ эпоаго состоянiя, опяшь истощилъ на него свои попеченiя и опяшь щипалъ за нихъ по десяти франковъ въ день.

Когда графъ оправился, онъ далъ ему для продажи брилiанпъ, и вырученными за него деньгами расплатился съ лѣсничимъ.

Съ тѣхъ поръ лѣсничiй ничего не слыхалъ о графѣ.

Если бы однакожь лѣсничiй чипалъ Марсельскую газету *Sémaphore*, по вѣрно бы ужаснулся, вспрѣпивъ въ ней слѣдующую спашью:

Неслыханное злодѣйство повергло нашъ городъ въ ужасъ. Нѣсколько времени тому назадъ, вдова графа де *** прiѣхала сюда влпстль съ родственникомъ нашего архiепископа г. де ***. Графиня путешествовала, какъ говорятъ, для поправленiя разстроенаго своего здоровья и постычала всѣ наши большiя общества. Вчера, въ сумерки, раздался изъ колнатъ графини ужасный вопль. Выламываютъ двери и находятъ еѣ плавающую въ крови, пронзенную кинжаломъ. Она только могла произнести, обращаясь къ своему спутнику: «я думала, что онъ умерь... онъ живъ... онъ убилъ меня... берегись его... я любила одного тебя... любовь!»—И скончалась.

Тѣло ея предано земль сегодня въ церкви св. Юсифа. Ищутъ убiйцу. Говорятъ, что графиню убилъ мужъ ея, графъ Артуръ де ***, котораго щипали умершимъ; но едва ли его сыщутъ, ибо многiе увѣряють, что они третьяго дня, вскорѣ послѣ помлнутаго убiйства, видѣли человека, постыпно идущаго къ гавани; а извѣстно, что въ тотъ вечеръ одно Сардинское судно вышло въ море. Но сильнѣйшiя подозрѣнiя утверждаютъ въ томъ, что убiйца утопился. Вотъ его притомъ: росту пяти футовъ десятидюймовъ,—огень худощавъ,—лице продолговатое и блѣдное,—брови, борода и волосы черныя, — глаза

голубые, быстрые,—зубы бѣлыя,—подбородокъ широкій,—рединготъ зеленый и шляпа круглая.

N. N.

К О Ё - Ч Т О .

Необходимая для государствъ Религія, еще нужнѣе для щастія людей въ особенноти. Она только можетъ ужасать пайныхъ злодѣевъ; упѣшаетъ бѣднаго, и возноситъ припѣняемаго выше припѣсниаеда, перзая сильную злобу гласомъ совѣсти; и мудрый, взирая на смертнную чашу, восклицаетъ: *естъ Богъ иститель!* Исчезни убійственнаа метафизика, которая изсушаетъ все, до чего касается! Нѣтъ, нѣтъ, дерзкіе софиспы! вы не можете поразить Религіи; она живетъ на небесахъ—и въ сердцахъ!

НѢ Ч Т О О ГОЛОДѢ .

Извѣстно, что голодъ влечетъ за собою неизбежную смерть; но любопытно изслѣдовать, до какой степени человекъ въ состояніи пропивиться необходимѣйшимъ естественнымъ потребностямъ.

По свидѣтельству *Плинія*, Тапары могутъ прожить 12 дней безъ пищи и пипья, нося лишь во рту корень растѣнія, называемаго *buphtalmis*.

Въ запискахъ Французской Академіи наукъ, 1700 года, находится извѣстіе, что во время бывшаго въ Неаполѣ землетрясенія, одинъ молодой человекъ прожилъ *пятнадцать дней*, не употребляя ничего съеспнаго. Въ 1785 году, три женщины, въ Пиемонтѣ, были найдены живыми въ узкомъ спойлѣ, заваленномъ снѣгомъ, гдѣ они пробыли тридцать дней безъ всякой пищи.

Достоверно то, что малѣйшія пипательныя частицы могутъ долго поддерживать жизнь. Одна женщина прожила 50 лѣтъ, хотя не ѣла ничего, кромѣ сыворошки. Вообще женщины, которыхъ нервная система

подвержена большому поврежденію, и которыхъ пищеварительные сосуды слабѣе, болѣе другихъ способны переносить голодъ.

Въ разныхъ медицинскихъ сочиненіяхъ упоминается о женщинахъ и дѣвцахъ, которые жили по три, по четыре, и даже по десяти лѣтъ, безъ всякой пищи, и которые потомъ снова начинали употреблять оную.

Петръ Дабано и *Жанъ Боака* утверждаютъ, что они знали двухъ женщинъ, изъ коихъ одна прожила 18, а другая 30 лѣтъ, безъ пищи. *Гермолаио* рассказываетъ объ одномъ священникѣ, который сорокъ лѣтъ пипался единственно воздухомъ; но всѣ сіи врачи пропивоуѣчаютъ своему главѣ, знаменитому *Гипократу*, доказывающему, что безъ пипья и пищи нельзя прожить долѣе нѣдѣли.

Сонъ ослабляетъ потребности голода.— Бывали примѣры добровольнаго умерщвленія себя голодомъ; скупоснѣ также часто служилъ причиною сего рода смерти. Въ 1819 году въ Парижскихъ журналахъ писали о женщинѣ, которая умерла съ голода въ своемъ чердакѣ, на худомъ соломенникѣ, который составлялъ все ея движимое имѣніе. Подозрѣвали, что у неѣ есть деньги, спали искать, и въ этомъ соломенникѣ нашли 80,000 франковъ золотомъ.

Если голодъ у иныхъ можетъ быть удивительнѣ жидкимъ бульономъ, спаканомъ молока, и даже паромъ варенаго мяса, способны поддерживать жизнь, за то у другихъ онъ возрастаетъ до невѣроятной степени и дѣлаетъ людей прожорами.

СТИХОТВОРЕНІЯ .

П О Р Т Р Е Т Ъ .

К. Д—ой.

Я принимаюсь за портретъ,
Анапомнюя предметъ,
Какъ это водится, на части,—
Тогда, сокрыши въ душѣ,

Какъ капли винныя въ ковшѣ,
 Замѣсны дѣлаются спрасни;
 Но чѣобы сдѣлать вашъ порпирешъ,
 Во мнѣ конечно сполько нѣпшъ—
 Ни дарованія, ни властни.
 «Да я хочу!»—Вопшъ вашъ законъ!
 Въ законъ вашѣмъ чудный понъ;
 О, какъ онъ милъ!—Онъ мнѣ шакъ дорогъ...
 Я безъ ума опъ васъ, божусь—
 И въ доказательство, сажусь
 За вашъ порпирешъ безъ опговорокъ.
 И вопшъ сижу, смотрю на васъ...
 Уже приглядываюсь съ часъ
 На голубые ваши гмазки;
 Но я-ль виною, чѣо двухъ словъ
 Нельзя прочешъ въ нихъ безъ указки:
 Въ нихъ нѣпшъ веселія слѣдовъ;
 Замѣсно также, чѣо печали
 Ихъ рѣдко, рѣдко покрывали
 Туманной ризой облаковъ;
 На нихъ, какъ на небѣ, нѣпшъ пашенъ;
 Въ нихъ много шамисивъ и чудесъ—
 Языкъ ихъ шолько пѣмъ поашенъ,
 Кому знакомъ языкъ небесъ.
 А я, слѣпецъ подъ небесами;
 Игрушка случая, ашомъ,
 Не аспрологъ, не аспрономъ.
 Любуясь вашими очами,
 Гляжу на нихъ, какъ на цвѣшпы
 Душевной вашей красопы.
 Одно, какъ сквозъ покровы дымки,
 Я въ васъ замѣшилъ безъ ошибки:
 Вы равнодушны ко всему,
 Не награждаете прязни—
 И педовѣрчивы къ шому,
 Кѣо къ вамъ довѣрчивъ безъ болзни...
 И шолько?—Да!—Сама Молва
 Въ васъ не находилъ педосшатка;
 Вы просто, въ видѣ божества,
 Непоспимая загадка.
 Когда васъ Богъ сюда послалъ
 Въ нашъ край пущынный, одипокой,
 Онъ удивленнымъ намъ сказалъ:
 Я вамъ даю сей идеаль
 Для добродѣтели высокой!

Такъ, вы какъ радость хороши—
 И почему же мнѣ не мыслишь,
 Чѣо васъ, по качествамъ души,
 Приличней къ Ангеламъ причислишь?
 Для васъ гоповъ уже алпарь...
 И шакъ, вполнѣ вамъ зналъ цѣгу—
 И я, подобно Диогену,
 Тушу предъ вами мой фонарь!

Н. Степановъ.

1852.

М.

Ш А Р А Д А.

Въ ней *первое* цвѣшетъ и лѣтомъ и зимой,—
 Собою веселя и самыя могилы,
 Не измѣняясь пѣшпительной красой
 И не теряя вѣкъ живительныя силы.
Второе въ ней,—и вымолвилъ боюсь,—
 Какъ сердце, насъ оно соединяетъ...
 Чудесное, прекраснѣйшій союзъ,
 Оно одно собою составляетъ.
А третье въ ней... оно небесный гласъ,
 И сила въ немъ во вѣкъ одна и ша же.
 И даже,—
Последнее ея—ешъ первое для насъ.

Заколомескій.

Въ No 54, помѣщенная загадка значилъ: *Нон.*

М O D E S.

Voici la saison des robes blanches, et cette année surtout elles paraissent en grande faveur. Les peignoirs de jaconas et de batiste sont réservés aux toilettes négligées du matin, mais ces négligés sont d'une extrême élégance; la batiste particulièrement, avec une broderie délicate et riche, autour d'un ourlet, haut seulement de trois doigts; une Valenciennaise au bord est tout-à-fait recherchée; quelquefois cette batiste peut être doublée d'un marceline de couleur, ou d'un léger gros de Naples, et presque toujours le jupon de dessous est une robe de batiste brodée comme le peignoir. On met avec,

des doubles pélerines dont l'une se termine en pointe devant et derrière, l'autre reste ouverte; ou toutes deux rondes, étagées.

Les mousselines très-claires, rayées de lignes mates et à côtes fines très-espacées, sont aussi très-bien pour robes et pour redingotes. Ces étoffes de fantaisie, sont principalement choisies pour toilettes de fantaisie, et la mousseline et l'organdi uni pour toilettes habillées.

Les mousselines à raies sont charmantes avec des pélerines-mantelets, — la pélerine tombant extrêmement bas et garnie tout autour d'un haut volant festonné, attachée devant par des nœuds pareils ou des nœuds de ruban.

Une très-jolie façon pour de la mousseline claire a été exécutée par Mme Alexandre, rue Royale. — C'était une redingote ouverte dont les devans étaient bordés d'une rangée de crevés en mousselines; entre chaque se trouvait un nœud de gaze citron; les crevés étaient posés de biais, ainsi que les nœuds; la passe de dessous était garnie de même; à la couture de la manche se retrouvaient cinq crevés diminuant graduellement depuis le haut jusqu'au bas; également des nœuds dans chaque intervalle.

Ces manches peuvent se faire à une robe ordinaire; puis, on place des nœuds sur le devant de la pélerine depuis le cou jusqu'à la ceinture, et à la pointe est un nœud à pans.

On fait aussi des doubles bouffans, séparés par un nœud de taffetas glacé. — Les mêmes rubans sont jolis pour attacher les pélerines et les mantelets, et sont plus distingués que les rubans de gaze.

Pl. No 20. Modes, apportées par le pyroscaphe le 5 Juillet vieux st.

М О Д Ы.

Вопрь время года для бѣлыхъ плащевъ, и нынѣшній годъ опъ особенно въ употребленіи. Пенъуары жаконеповые и баписповые оставлены для упренныхъ неглиже, кошорые чрезвычайно щеголеваты, особливо баписповые, съ легкимъ и богатымъ шпшьемъ около рубца, шириною въ три пальца; Валансіенскія кружева, пришпшыя къ краю, чрезвычайно опличны; иногда баписпъ подкладываютъ цвѣснымъ марселиномъ, или шонкимъ гроденапмемъ, и почти всегда ниж-

няя юбка, пакое же баписповое плашье, вышпшы какъ пенъуаръ. Къ нимъ надѣваютъ двойныя пелеринки, изъ кошорыхъ одна оканчивается мыскомъ сзади и спереди, другая опкрышая, или обѣ круглыя, одна другой короче.

Весьма прозрачныя кисей, съ матовыми полосками и съ шонкими, рѣдкими рубчиками, равно хороши для плащевъ и редингоповъ. Сіи прихотливыя шкани особенно выбираются для прихотливыхъ нарядовъ, а кисей и гладкій органди для нарядныхъ плащевъ.

Плашья изъ полосатой кисей прелестны съ пелеринками-маншильями, — пелеринка, упадающая весьма низко и обширая вокругъ широкою оборкою, выметанною городками, завязана спереди такимъ же банпомъ, или банпомъ изъ ленпъ.

Весьма красивый покррой для прозрачной кисей былъ сдѣланъ г-жею Александръ, въ улицѣ Royale. — Это опкрытый редингопъ, у кошораго по краю обихъ полъ рядъ кисейныхъ прорѣзовъ; между каждымъ изъ сихъ прорѣзовъ былъ газовый банпъ лимоннаго цвѣта; прорѣзы, какъ и банпш, положены были вкось; нижнее плашье также было опдѣлано; на швъ рукава было пять прорѣзовъ, постепенно уменьшающіеся сверху къ низу; также банпш въ промежуткахъ.

Рукава сіи можно сдѣлать къ простому плашью; попомъ, прикалываютъ банпш спереди пелеринки, опъ шѣи до пояса, а на мыскѣ банпш съ концами.

Дѣлаютъ также двойныя бубы, раздѣленныя двучичевою гроденаплевою леншою. — Тѣ же самыя ленпш весьма приличны для завязокъ къ пелеринкамъ и маншильямъ, и опличнѣе газовыхъ ленпъ.

Карп. No 20. Моды, привезенныя на пароходѣ сего Юля 5-го сп. сп.

П о п р а в к а.

Въ No 49-мъ Липерап. Прибавл. къ Русскому Инвалиду на спри. 391-й, въ 1-мъ сподбѣ, снизу въ 15-й спрокѣ, послѣ словъ: Литературной газеты, надобно чипать: Баронъ А. А. Дельвижъ.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

ТРЕТІЙ ГОДЪ.

Выходитъ
по Средамъ и
Субботамъ.

№ 56.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 104 №,
съ 36-ю карпинками модъ,
въ С. П. б. 30, съ до-
спавкою и пересылкою
35 рублей.

СУББОТА, Іюля 15 дня 1853 года.

Какъ сладить съ глупостью глупца?
Ему впопадъ не скажешь слова;
Другаго проще онъ съ лица,
Но мудренѣй въ жипьѣ другаго.
Онъ всѣмъ превращено пораженъ
И все цавыворопъ онъ видипъ:
И безполково любипъ онъ,
И безполково ненавиदिшь.

Баратынскій.

ПЕРЕСМѢШНИКЪ.

ПУТЕШЕСТВЕННИКИ ПО ОБЯЗАННОСТИ.

Въ Швейцаріи и въ Италіи слова: *Англичанинъ* и *путешественникъ*, синонимы, почно такъ, какъ у Мало-Россовъ *киталикъ* и *плутъ*. Ихъ переселеніе изъ Швейцаріи въ Неаполь, на Везувій, во Флоренцію, похоже на прилѣтъ и оплѣтъ журавлей: оно происходитъ всегда въ одну пору года. Какъ Голландцы говорятъ: *черезъ мѣсяць пойдуть сельди*, такъ по дорогѣ изъ Рима въ Неаполь, жипели говорятъ: *черезъ мѣсяць пойдуть Англичане!* — И въ назначенное время Англичане ѣдутъ. Всѣ они пускаются изъ Рима въ извѣстный день; проводятъ извѣстный срокъ въ Неаполь и, въ извѣстное время, возвращаются въ Римъ.

И рѣдко, весьма рѣдко сей рацѣтъ не наблюдается. «Въ пошъ годъ, какъ я былъ въ Италіи;» пишеть Французъ-путешествен-

никъ: «случилось пакъ, что всѣ пять недѣль, копорыя они щипаютъ за долгъ прожипъ въ Неаполь, погода спояла ненаспная: вѣперъ, дождъ и даже снѣгъ. Везувій былъ закрытъ во все эпо время — и самыя пріятныя поѣздки опложены.

Такая неудача не помѣшала однакожь Англичанамъ въ опредѣленный день пуспитъся въ обратный пупъ. И чего имъ было дожидаться? Положенное время они провели въ Неаполь! Другое дѣло, еслибъ они посѣщали благодатный край Авзоніи, для того, чпобъ наслаждасться сйнимъ, какъ яхонпъ, его небомъ, душиспыми лимонными и померанцовыми роцями, зелѣнымъ моремъ; но они ѣздяпъ въ опчизну *Тасса*, и *Виргилія*, и *Петрарки*, какъ чипаютъ Римское право, *Цицероновы* рѣчи, *Лонгиново* разсужденіе о высокомъ: по обязанности, по введенному обычаю, попому, чпобы опличипъся опъ пресполодновъ.

БОГАТЫЙ УРОЖАЙ КНИГЪ ВЪ ЕВРОПѢ.

Въ Германіи, Англіи и Франціи выходитъ въ свѣтъ ежегодно до 10,000 книгъ. Это со- сплывшъ 100,000 томовъ въ дѣсятилѣтіе.

Если-бъ какому нибудь чужаку вздумалось прочитывать десятилѣтнія произведенія Европейскихъ умовъ: по, перелистывая по одной книгѣ въ день, не исключая ни воскресеньевъ, ни праздниковъ, ему бы надлежало употребить на то болѣе двухъ сотъ лѣтъ!!!

СЛОВА, НА РУССКІЙ ЯЗЫКЪ НЕ ПЕРЕВОДИМЫЯ.

Одного Русскаго литератора упрекали Нѣмецкій профессоръ въ томъ, что Русскіе не стараются переводить иностранные слова, а употребляютъ ихъ въ своемъ языкѣ безъ всякой надобности. «Избави насъ Богъ;» отвѣчалъ Россіянинъ: «переводить слова: *гильотина*, *фюзильяда*, *нолда*, *національный конвентъ*. Пусть они носятъ на себѣ вѣчную печать той земли, которая произвела ихъ!» —

ШУМИТЬ.

«Надѣлаю я новою своею газетою *шуму!*» вскричалъ въ книжномъ магазинѣ нѣкто *Пильнюшкинъ*. — «У васъ шумить въ головѣ!» холоднокровно замѣтилъ ему оспроумный книгопродавецъ.

СЛОВЕСНОСТЬ.

ЗАЛА ПОСЛАНИКОВЪ.

(Отрывокъ изъ *Алгамбрскихъ повѣстей Вашингтона-Ирвинга*).

Когда я расположился остаться въ *Алгамбрѣ*, мнѣ приготовили комнату, отдѣланную въ новѣйшемъ вкусѣ, назначенную

для Алгамбрскаго губернатора; она занимала наружную часть замка, имѣвшую предъ собою площадь и примыкала къ множеству другихъ малыхъ покоевъ, часпію въ Мавританскомъ, часпію въ новѣйшемъ вкусѣ. Сія комната занимала *Тія-Антонія* съ своимъ семействомъ; онѣ оканчивались огромною залою, служившею ей въ одно время и гостиной и кухнею. Зала сія, во времена Мавровъ, по видимому, была великолѣпна, но дымъ отъ находящагося въ углу камина закопшилъ стѣны и повредилъ украшенія, распространя повсюду унылый видъ. Узкій и темный проходъ велъ изъ сей унылой обители къ крупной, едва освѣщенной лѣспни- цѣ, успроенной въ углу двора замка. На половинѣ этой лѣспницы находилась маленькая дверь, скрывавшая блестящую залу посланниковъ, откуда пораженному внезапно взору представлялся находившійся посреди двора замка шумный водомѣтъ.

Не довольствуясь моимъ новымъ жилищемъ, я рѣшился оставить его предѣлы и углубиться въ средину сего древняго зданія. Проходя однажды по Мавританскимъ его заламъ, я увидѣлъ дверь, дополъ мною незамѣченную, которая вела къ обширной комнатѣ, сокрытой отъ взора посѣщителей—тамъ скрывается, думалъ я, какая нибудь тайна; можетъ быть находился какой нибудь памятникъ, посѣщаемый невидимыми духами. Доспавъ, безъ малѣйшаго затрудненія, ключъ отъ сей двери, я увидѣлъ, что она вела къ длинному ряду комнатъ, Европейской архитектуры, построенныхъ на Арабскомъ портикѣ, окружавшемъ садъ Линдараксы.—Двѣ обширныя комнаты, коихъ пополки изъ кедроваго дерева, были богато украшены цвѣтами и плодами, смѣшанными съ разными фантасмическими изображеніями искусной лѣпной работы, уже во многихъ мѣстахъ поврежденными рукою времени. Стѣны ихъ, казалось, были преддѣ обипы камкою, но теперь, лишеныя своего великолѣпія, покрыты ничтожными именами щеславныхъ путешественниковъ. Разбитыя окна, чрезъ которыя проникали вѣтеръ и дождь, обращены въ садъ Линдараксы, коего померанцовыя и лимонныя де-

ревья, рослирали въпви свои даже въ самыя сія черпоги. Подлѣ нихъ находились еще двѣ залы, менѣе обширныя; ихъ пополки, вмѣспѣ съ рѣзною рабопою, украшены были въ Италіанскомъ вкусѣ гирландами, цвѣтами и корзинами съ плодами, набросанными искусною рукою художника. Живопись сохранилась довольно хорошо, но спѣсны упрапили свой прежній цвѣпъ; окна также какъ и въ другихъ покояхъ были въ худомъ состояніи. Сія чудныя черпоги оканчивались открыпою галереєю съ балюспрадомъ, которая подъ прямымъ угломъ примыкала къ другой споронѣ сада. Сія изысканность въ украшеніяхъ, соединенная съ безмолвнымъ уединеніемъ сихъ мѣспѣ, возбуждала во мнѣ желаніе знать ихъ исторію, и я удостовѣрился, что онѣ были опдѣланы Италіанскими художниками въ началѣ прошедшаго столѣтія, когда ожидали прибытія въ Алгамбру короля *Филиппа V* и *Елисаветы Пармской*, и что сія половина назначена была для *Елисаветы* и ея свиты. Одна изъ сихъ комнапъ служила спальнею принцессы, и маленькая лѣспница, тецерь заколоченная, веда опшуда въ бельведерѣ Мавританскихъ султанпъ, преобразованный въ послѣдствіи въ уборную, сохранившую названіе уборной принцессыной горнцы. Въ спальнѣ изъ одного окна открывалась вся пѣниспая терасса, окружавшая замокъ, а подъ другимъ шумѣлъ игривый фонпанъ въ саду Линдараксы. Заслушиваясь сладкаго шума водъ его, я мысленно переносился въ опдаленнѣйшую эпоху владычества Мавровъ.

Какъ прекрасенъ садъ сей, говоритъ одна Арабская надпись: въ немъ цвѣпы земныя споряпъ въ блескѣ съ звѣздами небесными! Что можетъ сравниться съ алебаспровою чашею сего фонпана, нацолненной кристаловодною водою? Развѣ одна луна въ полномъ своемъ сіяніи на пѣмной лазури безоблачнаго неба.

Уже пропекли вѣки, но большая часть красотъ сихъ мѣспѣ еще существуетъ: садъ Линдараксы украшенъ, какъ и прежде, цвѣтами; фонпанъ его все еще мечетъ вверхъ

свой чистый криспаль, алебаспрѣ упрапилъ свою прежнюю бѣлизну, чаша его, уже заросшая негодною правою, служилъ убѣжищемъ ящерицъ; но самыя сія морщины дряхлости и разрушенія увеличиваютъ привлекательность карпины, пробуждая мысль о переворотахъ и ничтожествѣ, которыми подвержены безъ изыатія какъ человекъ, такъ и всѣ его шворенія. Пустота сихъ черпоговъ, въ коихъ пѣкогда обитала гордая *Елисавета*, придавала имъ въ глазахъ моихъ прелестъ гораздо прогашельнѣйшую пош, какую имѣли они въ прежнемъ ихъ величій посреди блеска двора: я поселился въ нихъ. Рѣшимость моя возбуждала большое удивленіе во всемъ семействѣ, которое не знало чему приписать причину избранія мною такою опдаленнаго и унылаго жилища. Добрая *Антонія* находила даже опаснымъ житье тамъ. Сосѣдство его, говорила она, часто подвержено нападению разбойниковъ; всѣ окреспные подземелья и лѣса нацолнены кочующими Цыганами; въ замокъ можно проникнуть разными проходами, и слухъ о чужеспранцѣ, поселившемся въ одномъ изъ самыхъ опдаленныхъ его покоевъ, въ которомъ въ случаѣ нападения нельзя ожидать помощи отъ жителей замка, можетъ привлечь ночныхъ пошпителей, пѣмъ болѣе, что путешественниковъ всегда щипаютъ богатыми. *Долора* съ своей спороны представляла мнѣ страшное безмолвіе сего мѣспа, обипаемаго однѣми лепучими мышами и совами, копорыя, по захожденіи солнца, спаями летаютъ по садамъ; тамъ рыскаютъ дикія кошки и лисицы, копорыя скрываются въ мрачныхъ пустынныхъ сводахъ, наводяпъ ночью ужасъ своимъ дикимъ крикомъ. Ничто, однакожъ, не могло поколебать принятаго мною намѣренія и, вскорѣ, съ помощію одного плопника и услужливаго *Матео*, всѣ окна и двери приведены были въ довольно безопасное состояніе. Признаюсь, что не смотря на всѣ сія предосторожности, первая ночь, проведенная мною въ сей дикой пустынѣ, была ужасна, во всемъ смыслѣ сего слова. Наканунѣ того дня, вечеромъ, все семейство провожало меня до моихъ комнапъ, и, проспаясь со мною, удалилось. Я

слышалъ, какъ шаги ихъ рѣзко оплывались въ огромныхъ пустыхъ залахъ, спановились глуше и глуше и, наконецъ, все смолкло. Все сіе напоминало мнѣ нѣ романы, гдѣ герой, желая совершить какой либо подвигъ, оспаешся одинъ въ очарованномъ замкѣ.

Воспоминанія о державной *Елисаветѣ* и о красавицахъ блестящаго Двора ея, которыя живописно описывали, очаровывали, восхищали въ сихъ черпотахъ, еще болѣе увеличивали ихъ унылость. Спѣны сіи были свидѣтелями прежняго ихъ блеска, онѣ видѣли ихъ окруженными всѣми забавами и увеселеніями, какими только мнѣ пѣшили царей и цѣлующую молодость. — Въ нихъ еще видны были слѣды изящнаго вкуса; но гдѣ теперь виновники прежней ихъ славы? Прахъ, пыльные призраки, живущіе только въ памяти людей. — Ужасъ овладѣлъ мною; я приписывалъ его разсказамъ о разбойникахъ. Всѣ впечатлѣнія, произведенныя въ дѣтствѣ сказками нянекъ, споль давно уже забытыя, пробудились и овладѣли разспроеннымъ моимъ воображеніемъ, которое всѣ окружающіе меня предметы представляло въ спрашномъ видѣ. Шорохъ листьевъ опъ бродящаго по нимъ въперка, подъ моими окнами, принималъ я за шумъ, предвѣщающій мнѣ гибель. — Я бросилъ взглядъ въ садъ. Линдараксы и рошя его представлялись мнѣ въ видѣ спрашной, мрачной пронаспи, кусты казались какими-то уродами и привидѣніями, я успѣшно заворилъ окно, но мнѣ показалось, что уже кто-то прокрался въ мою комнату, но по была влѣпавшая въ окно лепучая мышь: она безпрестанно кружилась по надъ моею головою, по вокругъ слабогорѣвшей лампы. Мнѣ вообразилось, будто спрашныя изображенія на потолкѣ ожили, грозили мнѣ и адски хохотали. — Смѣясь надъ своею слабостью, я рѣшился еѣ прводолѣть, взявъ лампу, пошелъ осмапривать кругомъ сіе опдѣленіе замка, но, вопреки усиліямъ разсудка, не безъ боязни рѣшился на сіе предвріаніе. Лампа моя освѣщала предо мною только самое малое прспранство, далѣе же царствовало глубокий мракъ; нѣмныя, узкіе проходы съ низкими сводами, пилудись спрашными подземелья-

ми, поползки огромныхъ залъ перядись во тѣмѣ; какой нибудь сокрытый злодѣй могъ бы находиться впереди или позади меня; скользившая по спѣнамъ пѣнь моя, даже шумъ собспвенныхъ моихъ шаговъ, все заставляло меня содрогаться. Проходя чрезъ залу посланниковъ, я услышалъ глухіе подземные споны, оспановился и началъ прислушиваться, но мнѣ уже мерещилось, что они раздавались внѣ замка; иногда они походили на вой хищнаго звѣря, иногда на пронзительные крики, смѣшанные съ довольно вящными провлѣпями. Ужасъ, овладѣвшій мною, опнялъ, у меня пвердоспѣ продолжалъ мое наблюдение; я немедленно возвратился въ свою комнату, и не прежде могъ свободно дышать, какъ заперевъ пщательно за собою дверь. Когда я на другой день проснулся, по солнце уже горѣло въ окнахъ, освѣщая живописными своими лучами мою комнату. Мнѣ спадо спыдно, при воспоминаніи о призракахъ прошедшей ночи; я не понималъ, какъ могло воображеніе предспавивъ мнѣ сполько опвращительныхъ предметовъ, на пѣхъ гладкихъ спѣнахъ, которыхъ прспранство можно было обнять однимъ взглядомъ; однакожъ, вой и крики были не мечпательные, а дѣйспвительно, какъ мнѣ послѣ сказывала моя прслужница, всю ночь прспоналъ одинъ бѣснующійся, котораго во время его припадка запирали въ погребъ, находившійся подъ залю посланниковъ.

П. Л.

ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ ГЕНРИХА IV.

(Отрывокъ изъ записокъ *Габріели д'Этре*).

Мнѣ было принацать лѣтъ, и я воспитывался въ Парижѣ подъ руководствомъ ученаго насавника, называвшагося *Лагошери*, у котораго всегда верпѣлись на языкъ четверостишія пресловутаго *Гви Дюфобра дѣ Пибрака*... Просподушный *Лагошери* пилалъ такое опвращеніе къ женщинамъ, что никогда не смолпѣлъ на нихъ, а когда упоминалъ въ разговорѣ, по краснѣлъ опъ спыда. Совсѣмъ не по было со мною. Во

врем. пребыванія моего при Дворѣ короля Французскаго, прелестница дамы, брала меня на колѣна и плакъ даскала, что послѣ того я по крайней мѣрѣ съ недѣлю не могъ покойно заснуть. *Лагошери* подѣ, нуспыми преддогами, получили позволеніе отвести меня въ Неракъ, гдѣ находится погда Дворъ короля, опца моего, и кородевы, моей матери. Сначала я плакала о томъ, что долженъ распаться съ прекрасными фрейлинами, но скоро упѣшился, при мысли, побывашъ весною въ деревнѣ. Приѣхавъ въ Неракъ, я съ удивленіемъ увидѣлъ замокъ предковъ моихъ, принцовъ *д'Албре*. Однажды упромъ, *Лагошери* повелъ меня по многочисленнымъ аллеямъ парка, и я потчасъ пустился бѣжать прочь отъ своего учителя. Не бабочки и не гнѣзда пшичекъ привлекли мое вниманіе, но милотидная дѣвушка, которую замѣнилъ я вдали. Она бѣжала отъ меня съ легкостію серны, и не слушала ни криковъ, ни просьбъ, до тѣхъ поръ, пока вспрѣшившійся ручеекъ не принудилъ еѣ остано- виться.

— Какъ тебя зовушь, миленькая?—

«*Флоретто*, принцъ,» отвѣчала она: «я дочь садовника вашего замка.»

— Станешь ли ты любишь меня, душенька, если я подлюблю тебя?—

«Нѣтъ; я дѣвушка низкаго рода, а вы знатный принцъ.»

— Съ этимъ не трудно сладить; я спану называть тебя сударыней, а ты зови меня: сударь.—

«Или лучше говорите: *Флоретта*, а я буду говорить...»

— *Генрихъ*, если это имя тебѣ нравится.—

«О! я не смѣю позволить себѣ такой вольности.»

— Ничего, не бойся, *Флоретта*; я, право, очень подлюбилъ тебя.—

«Я желала бы, *Генрихъ*, чтобы мнѣ всегда было позволено любить васъ такъ, какъ я уже теперь васъ люблю.»

— *Флоретта*, учитель мой идетъ сюда... До завпра, *Флоретта*.—

Я возвратился въ замокъ, а *Флоретта*, по моему примѣру, пошла назадъ въ жилищну садовника, своего опца.

На другой день *Флоретта* опять явилась, и по глазамъ ея я потчасъ замѣнилъ, что она плакала.

«Я думала, что мнѣ глупо любить того, кто гораздо меня знаетъ, а вамъ не пришло любить такую бѣдную дѣвушку, какъ я.»

— Ты бы иначе спала думать, моя милая, если-бъ знала, какъ я тебя обожаю.—

«Да, но если полюбивъ меня, вы потомъ меня забудете, по я должна буду умереть съ печалью.»

— *Флоретта*, я люблю тебя такъ много, что когда выросшу и сдѣлаюсь королемъ, ты будешь королевою.—

«О! нѣтъ, я хочу оспаться дочерью садовника въ вашемъ замкѣ, только-бы вы не переспали любить меня.»

Съ этой минутой мы дѣлились взаимною нѣжностью; но испытаніе, которое придумала *Флоретта* съ добрымъ намѣреніемъ, разрушило нашъ золотой вѣкъ. Желалъ знать, что выйдетъ изъ любви моей, она спряталась однажды за дерево, чтобы поселить во мнѣ безпокойство. Уставъ звать *Флоретту*, я бросился въ воду, и упонулъ бы, если-бъ г. *Лагошери*, бывший издали свидѣтелемъ сего происшествія, не успѣшилъ меня вытаскать.

— Довольна ли ты моею любовью, *Флоретта*?—

«Да, очень, потому, что и я на своемъ мѣстѣ поже бы сдѣлала, будь увѣренъ въ этомъ.»

Я назначилъ *Флоретту* свиданіе на другой день; она пришла прежде меня и въ слезахъ.

— Душенька,—сказалъ я ей, что плакать о прошлой печали. Я смѣюсь отъ радости, видя, что ты свѣжѣ розы, приколотой у тебя на груди.—

«*Генрихъ*, опивчала она, завпра эпа роза увянетъ и засохнетъ; по крайней мѣрѣ прошу тебя сохранишь еѣ на память.»

Въ продолженіе прехъ дней не видя *Генриха* въ саду, *Флоретта* пришла узнать о немъ, и еѣ увѣрили, что молодой принцъ опсправился наканунѣ въ Парижъ. *Генрихъ* лежалъ въ постелѣ. На другой день, въ жару горячки, онъ вспалъ и пошелъ по комнатамъ и галереямъ замка. На поверхности воды предспавился глазамъ его плавающій прущъ; эпо былъ прущъ *Флоретты*.

О СМЕРТИ И БУДУЩЕЙ ЖИЗНИ.

(*Письмо Франклина по случаю смерти одного близкаго его родственника.*)

Я вполне раздѣляю вашу гореспъ. Мы потеряли доспойнаго уваженія родственника и нѣжнаго друга. Но такова воля Божія: мы должны покинуть бренное шѣло, когда душа наша вступаетъ въ жизнь вѣчную. Наше состояніе на землѣ подобно состоянію зародыша и служитъ какъ-бы пригото-вленіемъ къ жизни; рожденіе человѣка вполне совершается только въ минушу его смерти. И такъ, за чѣмъ же намъ съповать о томъ, что между безсмертными родилось еще одно новое существо, и что новый членъ принялъ въ ихъ блаженное сообщество?

Мы духи. Если намъ даны шѣла на время, пока они могутъ быть намъ полезны, способствовать къ развитію нашихъ понятій, или къ совершенію добра для товарищей нашего земнаго спранспиванія, то эпо дѣло благоспи и человѣколюбія Божіяго. Когда же они спановятся намъ бесполезными въ сихъ опношеніяхъ; когда, вмѣсто удовольствія они наносятъ намъ печаль; когда, вмѣсто пособія, они дѣлаются для насъ бременемъ, и не соопвѣтствуютъ болѣе цѣли, съ какою были даны намъ, то

средствомъ избавленія опъ нихъ мы также обязаны человѣколюбію и благоспи Божіей. Средство эпо еспъ смерть. Мы сами избираемъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ смерть часпную. Когда изувѣченный и неизцѣлимый членъ причиняетъ намъ жестокою боль, мы его опрѣзываемъ; когда болитъ зубъ, мы выдергиваемъ его, чтобы вмѣстѣ съ нимъ испоргнуть и корень болѣзни. Что касается до того, кто разлучается со всѣмъ своимъ шѣломъ: то онъ разомъ освобождается и опъ спраданія, и опъ возможности спрадать.

Другъ нашъ и мы приглашены на прогулку виѣ здѣшняго міра, которая должна вѣчно продолжаться. Его коляску подвезли къ крыльцу прежде нашихъ, и онъ уѣхалъ. Намъ неудобно было бы ѣхать всѣмъ вмѣстѣ. И такъ, за чѣмъ же намъ сокрушаться о его опѣздѣ, если мы сами скоро должны за нимъ послѣдовать, и если мы знаемъ гдѣ найти его? Простите.

Б Р А К Ъ.

Правило, что впоричное супружество не дозволено, когда смерть или законъ не уничтожили перваго, входитъ въ еспественныя права всѣхъ народовъ просвѣщенныхъ. Хотя многоженство терпимо въ нѣкоторыхъ земляхъ, однакожь нигдѣ не можетъ быть законно, утверждая рабство одного пола и самовластіе другаго. Нельзя назвать его истинною потребностію человѣка, который во всю жизнь долженъ хранишь себя, и только въ нѣкоторыя минушы, способствовать размноженію людей. Оно вводитъ въ семействахъ беспорядокъ, который сообщается и цѣлому государству; оно лишаетъ нѣжность и любовь всѣхъ прелестей, опнимая у нихъ все *исключительное*; оно проповно главнымъ условіямъ брака, по которымъ два человѣка совершенно опдаются другъ другу душею и шѣломъ.

Приближаясь къ шѣмъ спранамъ, гдѣ многоженство дозволено, путешественникъ удаляется опъ самой нравственности.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

КЪ ЛИПЕЦКОМУ ЗНАКОМЦУ.

Прощай, мой другъ, мой Липецкій знакомецъ,
 Не надолго съ тобой меня судьба свела;
 Но гдѣ-бъ, куда-бъ она меня не привела,
 Останусь вѣренъ я, тебѣ мечты пипомецъ,
 Мечты возвышенной, опрадной, близкой мнѣ;
 Она сочувствіемъ однимъ насъ сочела,
 Когда явившись въ опрадной пишинѣ
 Насъ поучала и плѣняла.

Ты помнишь ли, поваричъ юный мой,
 Когда бродя близъ озера равнины,
 Мы любовались прозрачной глубиной
 И сельской прелестью карпины?
 Когда исполненный завѣсныхъ, сладкихъ думъ,
 Ты Шиллеромъ и Гёте восхищался
 И окриливъ свой юный, смѣлый умъ,
 Мечшамъ опраднымъ предавался?
 Межъ шѣмъ, какъ я, въ раздумьѣ погруженъ,
 Вперивъ на озеро задумчивые взоры,
 Въ спрану любимую мечшою унесень—
 За рѣки, за лѣса и горы—
 Мечшаль о ней. . . Иль помнишь, предъ грозой,
 Какъ много сходнаго мы часто находили
 Межъ нашей жизнью молодой
 И пишимъ озеромъ? Зефиръ чупъ спруцли
 Льнивую волну, шакъ мы лелѣмы судьбой,
 Съ надеждой въ лучшее, веселія полны,
 Ни бури, ни бѣды въ сей жизни не встрѣчали;
 Но, юный другъ, довольно и волны,
 Чтوبъ мы все горе испытали! —
 Теперь итровою волной
 Челнокъ мой къ берегу спремишся.

Я ѣду скоро въ край родной:
 Товарищъ, руку! Такъ, проспипься
 Велишь судьба; бышь можешъ, намъ
 Въ сей жизни видѣшся придѣтся,
 Но вѣрь, кѣпо вѣренъ былъ мечшамъ,
 Любилъ друзей, шого нещасье не коснѣтся.

Л. Якубовичъ.

КЪ УВЯДШЕЙ КРАСАВИЦѢ.

Взгляните на неѣ! Смиренье
 И кропосць на ея чель:
 Она и Бога и шворенье
 Могла прославипь на землѣ.
 Взгляните на неѣ! Какъ итно
 Въ сихъ угасающихъ очахъ,
 Въ ея улыбкѣ безнадежной
 Видна упраша лучшихъ благъ
 И скорбь души безъ упованья!
 Такъ въ зимній хладный день одна
 На блѣдномъ сводѣ безъ сянья
 Стоипъ безцвѣтная луна.

О. Туманскій.

ENIGME-LOGOGRIPHE.

Dans tous les tems, dans tous les lieux,
 J'exerce mon empire
 Sur tout ce qui respire;
 Le plus souvent je n'ai rien de fâcheux,
 C'est pourtant en hiver, que ma trop rude atteinte
 A celui que j'attaque, inspire quelque crainte.
 Du corps humain j'affecte un des hauts points,
 Pour me chasser, il faudra quelques soins,
 Car si par négligence
 On me laissait descendre un peu plus bas,
 On paîrait cher cette imprudence
 Par de vives douleurs, et même le trépas.
 Sans me voir on m'entend, car je ne sais me taire.
 De me décomposer s'il était nécessaire,
 Alors je peux offrir un liquide enivrant;
 Ce qu'un gourmet fait toujours en buvant;
 Puis un taureau sauvage et des plus indocilés;
 Un fruit; un mal commun à tous les volatiles;
 Ce qui soutient ta cave et ta maison;
 Un pronom personnel; une interjection;
 Ce qui de tous côtés environne la terre;
 Enfin, mon cher lecteur, une herbe salutaire.

Въ № 55, помѣщенная шарада значипъ: *Ел-и-завѣт-а.*

M O D E S.

La mode des capotes à coulisses s'est étendue cette année aux gros de Naples uni; mais elles doivent être très-simples, aussi simples que celles d'enfant.—Nous ne pouvons donner, à cet égard une plus utile indication, que rappeler à nos abonnées le magasin de *madame Rome*, lingère, passage Choiseul; elle a réussi à donner aux capotes de femme autant de grâce et d'élégance qu'à ses petites formes d'enfant: elles doivent être ou très-petites, relevées; ou grandes, avancées, garnies d'une ruche.

Les châles de *foulard grenadine*, soie forte en tissu clair, sont parfaitement portés, à fond noir ou foncé, fleurs vives à ramages, une frange de soie tout autour. On fait des écharpes en *gaze du Japon*; étoffe croisée en soie brillante, également à fond noir préférablement à tout autre.

Les ombrelles les plus élégantes, cet été, sont en pou de soie *œil de corbeau*, solitaire très-clair, écru, ou vert anglais. Verdier, rue Richelieu, les monte à manches de *laurier de Chine* ou de *peau de serpens* imitant *l'épine*. Les petits accidens de bois qui se trouvent dans le haut des manches, se retrouvent également à la partie du bas; une petite plaque et des yeux d'or uni sont mieux que l'or travaillé; une petite ganse de soie brune est nouée retombant en longs bouts terminés par de petits glands de bois; l'anneau et les bouts des baleines sont en bois poli.

Les femmes ne portent plus de cravaches pour monter à cheval; elles se servent de cannes; semblables aux cannes de soir des hommes, en bois de fantaisie, à têtes d'or travaillées, ou plus élégantes et cependant plus simples, en simple jonc noir ou brun. Ces cannes sont très-courtes, coupées aux deux bouts qui ne sont pas couverts, mais ficelés de la longueur d'un pouce, avec un fil d'or uni et brillant.

On rencontre quelques femmes conservant leurs petites cannes après être descendues de cheval; en se rappelant qu'elles en ont jadis porté en ville, il serait permis de penser qu'elles veulent ramaner cette mode oubliée.

M O D Ы.

Мода на капоты на коспочкахъ распространилась нынѣшній годъ и для гладкихъ гроденапей;

но они должны быть весьма просты, такъ просты, какъ дѣтскіе.—Мы не можемъ на сей щель дать полезнѣе наставленіе, какъ напомнить нашимъ читателямъ о магазинѣ Г-жи Роме, блондшвейки, въ проходѣ Choiseul; она умѣла придать капотамъ дамскимъ сполкоже ловкости и щеголеватости, какъ и дѣтскимъ: они должны быть или весьма малы, приподняты, или велики, наклонены, обширы рюшемъ.

Плашки изъ гренадинаго фулара, прозрачная пшань изъ полстаго шелку, въ большомъ употребленіи, по черному или темному грунту, яркіе цвѣты съ разводами, вокругъ шелковаго бахрама. Дѣлають шарфы изъ Янонскаго газа; матерія съ крестиками изъ блестящаго шелку, также съ чернымъ грунтомъ, предпочтительно предъ всякимъ другимъ.

Самые щеголеватѣе зонтики, нынѣшнее лѣто, изъ роу de soie, цвѣта вороново крыло, весьма свѣтлаго *solitaire*, суроваго, или Англійскаго зеленаго. Verdier, въ улицѣ Ришелье, дѣлають къ нимъ ручки изъ Кипайскаго лавра, или змѣиной кожи, на подобіе терноваго дерева. Небольшіе узоры на деревѣ, вверху ручки, находятся и ниже; небольшая бляха и глаза изъ гладкаго золота, лучше выдѣланнаго золота; шонкой шнурокъ изъ темнаго шелку завязанъ и виситъ длинными концами, оканчивающимися деревянными желудками; кольца и концы коспочекъ изъ шлифованнаго дерева.

Дамы не употребляютъ болѣе хлыстиковъ при верховой ѣздѣ, а просточки, на подобіе вечернихъ мужскихъ простей, изъ прихотливаго дерева, съ головками изъ выдѣланнаго золота, или щеголеватѣе, однако же и простѣе, изъ простаго чернаго или темнаго камыша. Тросточки сіи весьма коротки, разрезаны съ обихъ концевъ, кошорыя не покрыты, а перевиты, на дюймъ длины, золотою, гладкою, блестящею нипкою.

Вспрѣчаютъ нѣкоторыхъ дамъ, не осмѣивающихъ сихъ маленькыхъ просточекъ сошедши уже съ лошади; вспомня, что онѣ носили ихъ нѣкогда въ городѣ, позволено думать, что опяшь хотѣли ввести сію забытую моду.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

.....
ТРЕТІЙ ГОДЪ.
.....

Выходитъ
по Средамъ и
Субботамъ.

№ 57.

Цена годовому изданію,
состоящему изъ 104 No,
съ 56-ю картинками модъ,
въ С. П. б. 30, съ до-
спавкою и пересылкою
55 рублей.

СРЕДА, Іюля 19 дня, 1853 года.

Гдѣ нѣтъ довѣрія, тамъ уваженія нѣтъ!
Сомнѣнья, жалобы, упрѣки—
Въ семейственномъ быту суть тяжкіе пороки;
Начнется съ мелочей, до важнаго дойдетъ.

ПЕРЕСМѢШНИКЪ.

РАЗСѢЯННЫЙ.

По чести я употребляю во зло данное мнѣ отъ Бога преимущество—быть величайшимъ глупцемъ въ свѣтѣ. И что всего мучительнѣе, глупость моя такого рода, что не вѣдушаешь ни сожалѣнія, ни участія.

Каждый поступокъ мой не обойдется безъ того, чтобы я не одурачился; случись мнѣ взобраться на Эльбурсъ, и будь цѣлый родъ человѣческой моимъ зрителемъ, то и путь родъ человѣческой расхохотался бы надо мною.

Надобно замѣтить, что ко всей моей глупости, я еще вдвое неосновательнѣе, впрое суевливѣе, и вдесятеро разсѣяннѣе.

Лабрюйеровъ Меналкъ былъ благоразуменъ, основателенъ, разсудителенъ въ сравненіи со мною. Онъ не подсыпалъ въ супъ пабаку вмѣсто перца, а со мной это случается по крайней мѣрѣ пять разъ въ недѣлю; онъ не клалъ въ кофе горчицы вмѣсто сахара,

а я сплошь это дѣлаю; онъ не.... да что и говорить! Трудно перечисль всѣ мои дурачества!

Недавно моя добрая, почтенная бабушка задремала сидя за чулкомъ; вдругъ я прилѣпиль, что у неѣ каплетъ изъ носа, и что на свѣчѣ нагорѣло на цѣлый вершокъ. Къ несчастію, эти два предмета перемѣшались въ головѣ моей; я схватилъ щипцы, и такъ крѣпко сжалъ ими носъ моей спарой бабушки, что она закричала, какъ безумная, и вѣроятно продолжала бы кричать до втораго пришествія, если бы сильная пощечина, отъ которой искры посыпались у меня изъ глазъ, не заспавила меня опомниться и выпустить изъ рукъ бабушкинъ носъ.

Множество подобныхъ уроковъ можешь быть способствовало бы къ моему исправленію: я васъ покорнѣйше прошу не быть на нихъ скупы, когда вамъ случится со мною встрѣтиться; вы меня этимъ крайне обяжете.

Нынѣ о Масляной, проходя мимо лубочныхъ есапровъ, чрезвычайныхъ представлений и чудныхъ пошѣхъ, я взглянулъ на

паяца, который носилъ длинную полосу желъза на подбородкѣ. На другой день, на Адмиралшейскомъ бульварѣ, въ толпѣ народа, вспомнивъ о вчерашней шпукѣ паяца, я чуть было не проглотилъ полспую бамбуковую проспъ свою.

Всѣ мои сосѣди бывали свидѣтелями, какъ я спрашивалъ у угольника сахару и наливалъ молока въ шляпу. Докторъ мой однажды очень долго лечилъ меня опъ того, что я до капли выпилъ, вмѣсто кофе, масло изъ своего ночника, и проглотилъ изъ него фишпиль.

Одинъ разъ меня преболно поколопили палкою. Мой лучший пріятель съ кѣмъ-то поссорился: оглушенный ихъ крикомъ, я кинулся къ какой-то дамѣ, и схватя её въ объятія, вскричалъ: «перестань, любезный *Александръ!*» Тупъ какой-то высокій и усатый господинъ употребилъ вышеизъясненное средство, чтобы доказать мнѣ, что жену его звали совсѣмъ не *Александромъ*, и что брапскія объятія мои вовсе не умъспа.—Я до безумія смѣялся эпою ошибкѣ.

Наконецъ вчера въ театръ, случай помѣспилъ меня подлѣ двухъ молоденькихъ дамочекъ, прелеспныхъ собою и разодръпыхъ щегольски. Доказательство, что онѣ были достойны замѣчанія: ибо не ускользнули опъ моего разсѣяннаго вниманія. Я спалъ за ними волочипься. Вѣроятно, на эпотѣ разъ я былъ умнѣ обыкновеннаго, потому, что онѣ не переспавали хохотать при каждомъ моемъ словѣ.

Въ антрактѣ я вышелъ, съ пвердымъ намѣреніемъ предложить имъ по возвращеніи плодовъ, или мороженаго.

Жаръ былъ чрезвычайный. Мнѣ захотѣлось пить, я пошелъ въ ближайшую знакомую мнѣ кандиперскую, гдѣ на разсѣяноспъ мою смонряпъ довольно снисходительно.

Дорогою попался мнѣ разнощикъ съ копчеными сельдами, и какъ питьѣ безъ ѣды дѣло для меня невозможное: по я потчасъ купилъ пару сельдей и завернулъ свой вещеспвенный капиталъ въ случившійся у ме-

ня на всякій случай въ карманъ листокъ изъ рѣчи о капиталѣ невещеспвенномъ.

Такимъ образомъ, шелъ я по Офицерской, самъ не знаю куда, какъ вдругъ, вспомнивъ о театрѣ, о красавицахъ, объ антрактѣ, я изовсѣхъ силъ пуспился бѣжать назадъ въ театръ, чувствуя еще больше жажды, чѣмъ прежде.

Когда я прибѣжалъ на мѣсто, по милыя сосѣдки мои приняли меня такъ хорошо, обошлись со мной такъ ласково, что апельсины потчасъ впали мнѣ на умъ.

Я выпатчилъ изъ кармана свою покупку и далъ имъ её, опворотившись, чтобы не привеспи ихъ въ замѣшательство.

Предложеніе мое было вспрѣчено громкимъ смѣхомъ, опъ котораго слѣзы выступили на глазахъ моихъ сосѣдокъ—и всѣ ряды креселъ на меня успавились.

Я восхищался; необыкновенная веселоспъ дамъ ясно доказывала мнѣ ихъ удовольствіе.

Выпянувъ руку, какъ мраморная спашуя, опворотивъ голову, я ждалъ, когда примупъ мое приношеніе, чтобы полюбоваться воспоргомъ моихъ смѣющихся красавицъ; но чувствуя, что никто не касается до предлагаемыхъ мною плодовъ, взглянулъ—эпо были прокляпыя сельди, изъ подъ которыхъ выглядывали нелѣпыя словоизвипія Русскаго *Нибурра*.

Я не выдержалъ; въ смяпеніи, въ замѣшательствѣ, схватилъ шляпу, и безоглядки бросился вонъ, сопровождаемый крикомъ, попаньемъ ногъ, спукомъ проспей, рукоплеканіями. Ни *Самойловъ*, ни *Зловъ* въ лучшее свое время, не были вызываемы съ такимъ громомъ.

Сегодня недѣля, какъ эпо случилось, а я еще и пеперь не могу опомнипья.

Герасимъ Каменевъ.

Самый чадолюбивый родипель не восхищается такъ горячо умомъ и красопюю дѣпей своихъ, какъ авпоръ, громко чипающій свое произведеніе.

СЛОВЕСНОСТЬ.

ВЫДЕРЖКИ ИЗЪ ДАМСКАГО АЛЬБОМА.

Не должно почитать пособій разсудка крайнимъ средствомъ для женщинъ, вышедшихъ изъ юнаго возраста. Истинный и здравый разсудокъ составляетъ неопъемлемое богатство лишь зрѣлыхъ. Если-бы женщины обладали имъ въ ту пору, когда онъ еще пользуется выгодами красоты, то въ жизни ихъ произошелъ бы опъ сего нѣкоторый безпорядокъ. Спрасити, склонность къ удовольствіямъ и размышленіе дѣйствовали бы въ нихъ тогда, какъ при различныхъ властн, и дѣйствовали бы противно одна другой. Станемъ вѣрить, что природа съ благою цѣлю назначила для всего свое время, также какъ цвѣты смѣняютъ она плодами, а палачій зной лѣтняго дня сладкою нѣгою вечерней прохлады.

Душъ человѣческой на землѣ дано только чувствоватъ, а не познаватъ. Кажется, что Богъ хотѣлъ дароватъ челоуку способность открывать въ глубинѣ его таинствъ великія истины, которыя должны служить путеводительницами его совѣсти и подпорою его сердцу.

М. *Сталь* говоритъ гдѣ-то, что если-бы опняли опъ жизни скорби, заботы, опасенія, то настоящее было бы лучшимъ ея временемъ. Это доказываетъ, что она не испытала совершеннаго несчастія. Кто не чувствовалъ пиягости каждаго дня, каждаго часа, каждой минуты, тотъ не зналъ и несчастія.

Сколько созданий живетъ и умираетъ, никогда ничего не знача! Ихъ можно назватъ душами, оставшимися въ зародышѣ.

Знаетъ всѣ дѣйствія и всѣ оптѣнки красоты можетъ только тотъ, кто смотрѣлъ на неѣ съ истиннымъ чувствомъ любви, ибо одно только оно научаетъ все видѣть и все чувствоватъ.

Есть люди, сколько заботящіеся выказавъ свой умъ и дарованія, что подумаешь будто они взяли ихъ на прокатъ.

Если-бы мужья знали, какъ благородно и какую дѣлаетъ имъ честь — нѣжное вниманіе къ надобностямъ и приходамъ подругъ

своихъ: по они не затыкали бы себѣ ушей хлопчатною бумагою равнодушія.

Самая несносная женщина есть, по моему мнѣнію, та, которая заботится вмѣстѣ и о порочныхъ удовольствіяхъ и о сохраненіи добраго имени. Въ опасности есть свой предель.

Кажется, что сама натура пребывала опъ *Дидерота* излишностей; въ умѣренности своей онъ всегда принужденъ и неловкъ.

Все, что онъ скоро писалъ, лучше обдуманнаго и поправленнаго. Вообще сочиненія его вредны, но и въ немъ можно опскаать хорошее и полезное. Не надобно давать его книгъ молодымъ людямъ и пѣмъ, хотя и пожилымъ уже, но подверженнымъ головокруженіямъ, съ слабыми нервами и не пвѣрдыми правилами. Письмо его о *глухихъ*, написанное имъ въ одну ночь, есть лучшее его произведеніе. Когда ему читали книгу, голова его воспламенялась: онъ мѣшалъ свои идеи съ идеями автора, и думалъ, что авторъ великій челоукъ.

«Я не похожъ на крипиковъ,» говорилъ онъ: «которыя, читая книгу, наполняютъ карманы свои пескомъ; развернувъ еѣ, хватаю золотыя блѣски—и доволенъ!»—Вы похожи на алхимиковъ, опвѣчала ему госпожа *Неккеръ*: которыя пихонько бросаютъ въ котелъ золото, и послѣ увѣряютъ, что оно тамъ составилось.—

«Чтобы писать о женщинахъ, сказалъ *Дидеротъ*, надобно обмакнуть перо въ радужные цвѣты, и усыпатъ строчки блестящею пылью съ крыла бабочки.»

Одинъ челоукъ употреблялъ сильныя слова, которыя не производили никакого сильнаго дѣйствія. «Я слышу громъ, сказалъ ему *Дидеротъ*, а не вижу молній.»

Говоря съ *Великою Екатериною*, онъ изъясвилъ ей свое удивленіе вразсужденіи ея великихъ свѣдѣній. «У меня были хорошіе учителя,» опвѣчала она: «несчастіе съ удивленіемъ.»

За день до своего отъѣзда изъ Петербурга, *Дидеротъ* пришелъ къ Императрицѣ.—

Что могу сдѣлать для васъ? спросила она.—
«Вы уже все сдѣлали,» опивчалъ *Дидеротъ*,
вынимая бумагу изъ кармана: «вопъ мои
оспальныя преребанія! *Мирный трактатъ*
великой Государыни съ философолъ.» — Я
подпишу его не чипая, сказала *Екатерина*.—
«Извините, ваше величество! хопя и не
всегда соблюдаются письменные прапкпашы,
однакожь прошу выслушать мой. *Статья*
первая. Ни рубля денегъ, чтобы я могъ хва-
лить ваше величество, не думалъ дарить за
подарокъ.»

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Э Л Е Г І Я.

Скажи мнѣ: пы ли говорила,
Что любишь равною любовію моею?
*
О! я увѣренъ въ шомъ, что пы меня любила,
Тогда, когда въ груди пвоею
Я слышалъ вздохъ—ко мнѣ, какъ чувство изле-
павшій!
Слѣды мечпы, меня тогда пипавшей,
Глубоко врѣзаны во мнѣ:
Онѣ
Теперь лежатъ въ душѣ, какъ бы въ пуспынѣ ди-
кой—
Гдѣ, между небомъ и землей,
Случайно пупникъ предъ собой
Увидишь холмъ, обвившій повиликой!
*
Скажи мнѣ: пвой ли взоръ меня очаровалъ?
Ко мнѣ-ль онъ такъ привѣшно обращался,
Тогда, какъ я въ шолпѣ людей одинъ скипался?
Скажи: меня ли онъ искалъ?
*
Меня!... я видѣлъ, знаю это!
Онъ такъ привѣшно-свѣпѣлъ былъ,
Когда щаспливица находилъ!
Въ копоромъ сердце имъ согрѣпо!
*
Такъ эшопъ вздохъ ко мнѣ лешѣлъ?
Слова любви ко мнѣ опъ сердца выходили?
Глаза пвои меня слѣдили,
Когда опъ глазъ пвоихъ я млѣлъ?

Такъ я былъ щаспливымъ любовію пвоею?
Все это не мечта, не сонъ?

*

Что-жь, если это все узнаеть онъ —
Онъ . . . . шопъ, кого шеперь даришь пы ею? . . . .
Н. Стасловъ.

Ш А Р А Д А.

Начальное—вамъ пѣвчій пропоѣшь,
Конечное—дьякъ въ азбукѣ опыщеть,
Всѣ—и домашнее и дикое живѣшь;
Лешаетъ и кричишь, но не поѣшь, не свищеть.
Ш.

Въ No 56, помѣщенный загадка-догогрифъ значить:
Rhyme; изъ него можно соспавить: *Rum, hime (il), ure,*
miré, tue, mur, te, het, ter и rue.

К Р И Т И К А (*).

На книгу: *Царствование Царя Михаила*
Феодоровича и взглядъ на междуцарствіе, со-
чиненную В. Берхольмъ.—С. Петербургъ. 1832.

Пускай обвиняютъ насъ въ приспращпн
къ *Карамзину*, называютъ закоснѣлыми въ
предразсудкахъ, не бросающими ввыспрь
вышнихъ взглядовъ; мы, при появленіи вся-
кой новой испорической Русской книги, все
болѣе и болѣе благоговѣемъ предъ симъ ве-
ликимъ мужемъ, который до того былъ оп-
чѣписпъ, что не псзволялъ себѣ вставить
въ Россійскую испорію ни одного собы-
пія, не приведа автора, изъ котораго онъ
почерпнулъ оную. Сомнишельныя же мѣспа
опброшены имъ въ примѣчанія, или передъ
ними пспавленъ знакъ вопросительный (?).
Нынѣ мода писать Россійскую испорію
безъ ссылокъ, безъ доказательствъ, на обумъ.
Первый примѣръ подалъ С. Н. *Глипка*: онъ
соблазнилъ многихъ. Не говоримъ объ авторѣ
Исторіи Русскаго Народа, въ сочиненіи коего
такъ много неосновательнаго, который пи-
шеть на авось, находипъ въ XII-мъ вѣкѣ Му-

(*) Сочиненіе Спепана Васильевича *Руссова*, писателя
благонамѣреннаго и учёнаго, мыслителя здраваго, изы-
скателя опечеспвнныхъ древностей и испориче-
скихъ испинъ оспорожнаго. Взашо сокращенно, съ
дозволенія автора. — В.

ниципализируетъ въ Новгородѣ и цѣловальниковъ называетъ присяжными (juru)!!! Мнѣніе о немъ и его швореніи уже произнесено: его Русская исторія умерла прежде рожденія!!!

Но какъ прудолюбивый, основательно-ученый, благоразумный г. *Берхъ* позволялъ себѣ иногда выдавать случаи сомнительные, небывалые, за вѣрные, ни малѣйшему сомнѣнію не подверженные—мы сего не понимаемъ.

А что такая мѣста есть въ его книгѣ: *Царствованіе Царя Михаила Феодоровича и взглядъ на междуцарствіе*, тому приведемъ доказательства.

1.

Текстъ.

«Духъ лицепріятія въ льтописяхъ *Авраамія Палицына* и *Филарета* неограниченъ. Писатели сіи, бывъ сами дѣйствующими лицами, представляющъ многія происшествія совершенно въ превратномъ видѣ, и превознося друзей своихъ, отбрасываютъ неблаговидную пѣнь на дѣйствія весьма почтенныхъ людей.»

Замѣчаніе первое.

Напрасно авторъ не указалъ какія именно это происшествія и кто сіи почтенные, весьма почтенные люди.

Онъ обязанъ былъ сіе сдѣлать для опроверженія прошивнаго ему мнѣнія *Карамзина*, который, по приведеннымъ извѣстіямъ (томъ XII, стр. 124) думаетъ, что — «*Авраамій Палицынъ* былъ свидѣтель добродѣтельный и исполненный любви къ злочиному (тогда) отечеству и испинцѣ.»

Имѣемъ маленькую причину думать, что авторъ не читалъ льтописи, которую именуетъ онъ *Филаретовскою*: а) Это не льтопись, а поэма; б) подлинный сочинитель ея неизвѣстенъ; в) все въ ней написанное проникнуто духомъ испинцы и благочестія.

Она хранился въ Московскомъ архивѣ иностранныхъ дѣлъ, подъ заглавіемъ: *Повѣсть о бывшихъ въ Россіи послѣ Царя Бориса Годунова замѣшательствахъ съ 1606-го по 1613-й годъ.*

2.

Текстъ.

(Спр. 4-я) «Василій Ивановичъ *Шуйскій* «пожертвовалъ личной безопасности своей «священными правами самодержавія, думалъ «утвердить себя на престолахъ, не разсудя, «что ослабленіе верховной власти бываетъ «всегда вѣрнымъ источникомъ народныхъ «бѣдспвій.»

Замѣчаніе второе.

Непонимаемъ, о чемъ здѣсь говорится и о чьихъ правахъ на самодержавіе толкуется? Если о правахъ царя *Василія Ивановича Шуйскаго*: то онъ ими не жертвовалъ своей безопасности, никому добровольно не уступалъ ихъ, а сведенъ съ престола насильственно.

Ужъ не намѣкаетъ ли здѣсь авторъ на права *Гришки Разстриги*? Избави насъ Боже и думай эпо! Правѣ Самозванца, похищителя престола, никогда не могли бытъ правами законнаго монарха, правами священными, будучи куплены цѣною лжи, коварства и болѣзненнымъ оппорженіемъ значныхъ областей отъ государства, многихъ тысячъ гражданъ, сыновъ Россіи отъ матери. Просимъ почтеннаго автора взглянуть на грамопу *Отрепьева* за его подписомъ; онъ увидитъ, что Самозванецъ уступилъ пестю своему *Мшиску* родные Русскіе города: Черниговъ, Смоленскъ, Брянскъ, Стародубъ, Путивль, Новгородокъ, Курскъ, Рыльскъ, Моравскъ, Карачевъ, Почепъ, Трубчевскъ, Камарскъ, Рославль; всего 14 городовъ съ ихъ волостями, по нынѣшнему, округами или уѣздами.

Сія грамопа напечатана въ Россійской исторіи князя *Щербатова*, Т. III, стрѣпей части.

Впрочемъ, сія бѣдспвенная для государства уступка ничего не значитъ въ сравненіи съ жертвованіями Польскому королю и обѣщаніемъ Римскому папѣ испребитъ въ Россіи православную вѣру и ввести Римскую.

Вѣрно авторъ забылъ, что онъ (спр. 10) самъ оправдываетъ *Шуйскаго*, написавъ, что

сего несчастнаго случая виною были сами Поляки, поступавшіе въ Россіи со всею необузданностію.

3.

Текстъ.

(Спр. 10.) «По убіеніи *Димитрія Само-*
«*званца* погибли 6 гетмановъ.»

Замѣчаніе шрестіе.

Еслибъ авторъ вспомнилъ, что во всей Польшѣ не было тогда шести гетмановъ: то поусомнился бы выславилъ сіе количество.

Авторъ ссылается на 526-е примѣчаніе къ XI-му тому ИГР.; но въ немъ выписаны слова лѣтописи, которыхъ *Карамзинъ* не внёсъ въ текстъ.

Вотъ достойный подражанія примѣръ осторожности исторіографа!

4.

Текстъ.

(Спр. 15.) «Хотя 20-го Іюля 1608 года «заключенъ договоръ по всѣмъ правиламъ «погдашней дипломатики; но онаго нѣтъ «ни у *Мартенса*, ни у *Коча*, ни даже у *Дю-*
«*лонта*.»

Замѣчаніе четвертое.

Напрасно авторъ сомнѣвается въ подлинности сего договора: онъ вмѣстѣ съ дополнительнымъ условіемъ, заключеннымъ 25-го погоже Іюля, хранился подлинникомъ и съ двумя весьма хорошо сохранившимися печатями, въ Московскомъ архивѣ коллегіи иностранныхъ дѣлъ.

5.

Текстъ.

(Спр. 28.) «*Григорій Валуевъ*, слѣдуя за «*Ружинскимъ*, догнавъ его на пупи, пора- «зилъ и отбилъ у него многихъ плѣнни- «сковъ. При семъ случаѣ освобожденъ и мн- «спрополилъ *Филаретъ*.»

Замѣчаніе пятое.

Нельзя тому спасться: ибо сей великій Россійскій Іерархъ въ 1610-мъ году былъ посломъ у *Сигисмунда* отъ Боярской Думы!

На страницѣ 235-й авторъ увѣряетъ, что митрополилъ *Филаретъ* захваченъ въ плѣнъ въ 1634-мъ году: какимъ же образомъ онъ освобожденъ изъ онаго *Валуевымъ* двадцатью годами прежде плѣненія? Тутъ есть маленькая несообразность. Ее, впрочемъ, легко исправить при вѣдомствѣ изданія, которое, конечно, не замедлитъ: Русскіе любятъ исторію своего великаго опечесыва!

6.

Текстъ.

(Спр. 28.) «Знаменитый *Делагардій*, ум- «ный *Дегардій*.»

Замѣчаніе шестое.

Чѣмъ знаменитый? Почему умный? Не потому ли, что взявъ у царя *Василія* деньги и, давъ ему клятву съ крестнымъ цѣлованіемъ биться противъ вѣроломныхъ Ляховъ до смерти, опѣхалъ къ Польскому гетману *Жолкевскому* и спалъ противъ боярина *Шуйскаго* и Россіянъ, а казну, на паѣмъ *Нѣмцовъ* ему посланную: деньги и золотые и саболи, и всякое дорогое узорочье царскія казны разграбилъ и по себѣ раздѣлилъ? Знаменитый! Не шѣмъ ли (ч. I, спр. 72), что на награбленные въ Новгородѣ деньги выпроилъ себѣ великолѣпный каменный замокъ подъ Спокгольмомъ, а въ Спокгольмѣ палаты, мѣдью крытая? Такія дѣянія позорятъ людей и показываютъ въ нихъ не умъ, а коварство и предательство.

7.

Текстъ.

«*Жолкевскій* былъ храбрый, опытный, благоразумный, почтенный, знаменитый воинъ.»

Замѣчаніе седьмое.

Грабитель, зажигатель, домогавшійся похитить Русскій престоль, *Жолкевскій*, могъ

казаться почтеннымъ полько въ глазахъ Ляховъ, копмъ дозволялъ онъ пворипъ въ Россіи всякія безчеловѣчія и неистовства.

S.

Текстъ.

(Спр. 36.) «Льпописцы наши не слишкомъ расположены къ *Жолкевскому* и даже порицають его за то, зачѣмъ не приказалъ «онъ *Санегъ* оспавипъ *Ажедилитрія*; но «они вѣрно не знали, что хипрый *Петръ* «*Санега*, покровительствуя Самозванцу; «имѣлъ свои виды и былъ не послѣднимъ «лицемъ въ числѣ искапелей Россійскаго «престола... Ежели *Жолкевскій* имѣлъ въ дѣ- «слѣ семь и собспвенные виды (т. е. доби- «сваться Россійскаго престола), по основую «имъ служило благоденспвіе обѣихъ дер- «жавъ, копорыя преперпѣли и единспвенно «опъ не исполненія сего мудраго плана.»

Замѣчаніе осьмое.

Прекрасное благоденспвіе присоединипъ огромную, единопержавную Россію къ обу- реваемой мятежами, неповинующейся сво- имъ королѣмъ, раздраемой самовольспвомъ вельможъ, слабой, худонаселенной Польшѣ!!! Муарый планъ подчинипъ государспву, по- давшее всѣмъ Европейскимъ державамъ при- мѣръ вѣропершимоспи — такому государ- спву, копорое замѣчено въ исторіи гоне- ніями на православіе, пытками, казнями, обольщеніями; домогавшееся обрапипъ Рос- сіянъ къ Римской вѣрѣ и подчинипъ власпи Иезуитовъ и Римскаго папы!!! Богъ избавилъ Россію опъ этаго благоденспвія.

(Продолженіе въ слѣд. листкѣ.)

M O D E S.

Quitons un moment les hôtels dorés et fastueux, sortons pour un jour de ce Paris de pierres stériles, et reposons-nous à la campagne, dans un château *confortable*, où l'aisance de la vie intérieure est recher- chée avant le luxe de la représentation, où la *chambre*

d'ami est aussi soignée que le salon de l'orgueil; vi- vons un jour de cette vie de bien-être, incompatible avec le séjour de Paris.

C'était dans une magnifique propriété, château sans tourelles, mais élégant et commode; masquée de tous côtés par des massifs d'arbres en fleurs, embaumée par des plantes de toutes espèces: il y avait nombreu- se réunion de jeunes femmes et jeunes filles, presque toutes jolies et désireuses de gaieté. On se réunissait à onze heures pour déjeuner, les femmes en peignoirs négligés, soit de foulard, de toile, de laine, ou de ja- conas et batiste blanche, la collerette se terminant en jabots; les manches fermées par un bouton et garnies en manchettes, ou plates et relevées comme un revers, indiquaient l'élégante chemise de nuit. Un petit bon- net de batiste brodée garni de dentelle servait de coif- fure, quelquefois embelli par un nœud de taffetas. Des pantofles de maroquin doré ou de moire, nonchalant complément d'un *négligé de lever*, étaient autorisées et admirées.

Ce déjeuner, vous le saurez, était servi dans une salle à manger de stuc de forme ronde, éclairée par trois portes ouvrant sur trois différens points, et lais- sant une vue ravissante. Au milieu était une table car- rée en bois de pallissandre posée sur huit pieds droits et carrés, cerclés de distance en distance par des ban- des de cuivre poli; elle reposait sur une natte tressée en maïs. Les chaises étaient de petite forme renver- sée, avec les montans de bambous, et paillées en jonc satiné. Des *servantes* en palissand; incrustées de cuivre, couvertes en marbre blanc, se placent aux quatre coins de de la salle, et, pendant le repas du matin, près de la table, afin que, selon l'usage anglais, le déjeuner ne soit pas gêné par la présence des do- mestiques.

Le *service de la campagne* est très-simple: il est en porcelaine blanche avec des filets verts sans dorure, le chiffre couronné, également vert, gothique, sans écusson. Tout est pareil: les coquetiers, les beurriers, les glacières, les plats à crème, les seaux à rafraîchir: c'est d'un goût parfait.

Puis, on rentre chez soi, et vient la journée trop chaude pour sortir; les femmes se réunissent dans un immense salon meublé en perse bleu de ciel, semé de lilas blanc et de roses blanches; les galons de fil blanc damassé ressortent sur l'étoffe, brillans comme de la soie; de doubles rideaux de mousseline claire bordés de galons perses adoucissent le jour. Un piano de Pa- pe, des métiers à tapisserie, une ouvragère avec des broderies, un petit guéridon et du filet, une table de tric-trac, un jeu d'échecs, sont occupés ou abandon-

нѣсъ въ этой вѣстѣ; тогда что на однихъ изъ дверей, предъ которыми вѣдущими восхитительныя виды. Посрединѣ былъ четвероугольный столъ, изъ дерева палисандръ, на восьми прямыхъ, четвероугольныхъ ножкахъ, съ обручниками изъ мѣдныхъ полированныхъ полосокъ; онъ поставленъ былъ на плетенкѣ изъ маиса. Стулья небольшие, опкидные, опдѣлки бумбуковой, переплетены апласистымъ камышемъ. *Служанки* изъ палисандра, выложенныя мѣдью, верхъ бѣлый мраморный; ихъ ставили по четыремъ угламъ залы, а во время завтрака, близъ стола, дабы, сообразуясь Англійскимъ обычаемъ, не быть въ принужденіи опъ присутствія слугъ.

А этой часу, пунктъ туалета: десъ пегноиръ де жура въ батистѣ бродѣе, десъ робъ де фолардъ, десъ робъ де мусселине де колуръ. Десъ колъ простые въ батистѣ; десъ коллететъ де дентелле; пунктъ де тилле, пунктъ де рубанъ де газе, пунктъ д'эчарпесъ; десъ petites cravates въ сои легере; десъ souliers gris hannelton; десъ guêtres де тоиле экруе оу де satin turc; десъ табliers де батистѣ экруе бродѣс въ фил д'Экоссе бланс; десъ mitaines де фил бланс оу де сои; десъ cheveux relevés très-simplement, fort souvent sans papillotes.

М О Д Ы.

Оставимъ на минуточку пышные, раззолоченныя дома, выйдемъ изъ эпохи Парижа, изъ бесплодныхъ камней, и опдохнемъ въ деревнѣ, въ удобномъ замкѣ, гдѣ приискано спокойствіе домашней жизни прежде паружной роскоши, гдѣ *комната друга* убрана съ такимъ же шпаніемъ, какъ и гостиница для *тицеславія*; поживемъ одинъ день эпохой пріятною жизнью, несомѣсливою съ обшпаніемъ въ Парижѣ.

Въ великолѣпномъ помѣстьѣ, замкѣ безъ башенъ, но щеголеватомъ и покойномъ, прикрытомъ со всѣхъ сторонъ огромными деревьями въ цвѣтѣ, окруженномъ ароматными распеніями всякаго рода, было большое собраніе молодыхъ дамъ и дѣвицъ, почти всѣхъ пригожихъ собою и желающихъ веселиться. Сбирались къ завтраку въ одиннадцатую часовъ, дамы въ простыхъ пензуарахъ, изъ фулара, холстинки, изъ шерстяной матеріи, или изъ жаконета и бѣлаго баписпа, борочекъ оканчивался жабо; рукава застегнуты на пуговку съ манжетками, или гладкіе, заворочены какъ обшлагъ, означали щеголеватую ночную сорочку. Уборъ составлялъ небольшой баписповый вышитый чепчикъ, обшитый кружевами, иногда опдѣланный пляшянымъ бантомъ. Туфли изъ золоченаго сатъяна или обьяринныя, небрежное дополненіе къ упренному *négligé*, были дозволены и одобрены.

Надо сказать, что завтракъ сей былъ приготовленъ въ круглой шпукатуренной столовой,

освященной премо дверьми, опворляющимися на при спороны, представляющими восхитительныя виды. Посрединѣ былъ четвероугольный столъ, изъ дерева палисандръ, на восьми прямыхъ, четвероугольныхъ ножкахъ, съ обручниками изъ мѣдныхъ полированныхъ полосокъ; онъ поставленъ былъ на плетенкѣ изъ маиса. Стулья небольшие, опкидные, опдѣлки бумбуковой, переплетены апласистымъ камышемъ. *Служанки* изъ палисандра, выложенныя мѣдью, верхъ бѣлый мраморный; ихъ ставили по четыремъ угламъ залы, а во время завтрака, близъ стола, дабы, сообразуясь Англійскимъ обычаемъ, не быть въ принужденіи опъ присутствія слугъ.

Деревенскій сервисъ чрезвычайно простъ: бѣлый фарфоровый съ зелѣною сылкою безъ позолоты, вензель подъ короною, также зелѣный, гошпическій, безъ герба. Все одинаково: *coquetiers*, масляницы, чашки для льда, блюда для сливокъ, ведры для прохладенія пиши: все въ совершенствѣ.

Потомъ возвращаются къ себѣ; приближается день слишкомъ жаркой, чтобы выходить; дамы собираются въ огромную залу, мебель обшпанена сшпанемъ небесно-голубаго цвѣта, усаженнымъ бѣлою сиренью и бѣлыми розами; нишяныя, камчатныя галуны опдѣляются опъ матеріи, блестящія какъ шелкъ; двойныя занавѣсы изъ прозрачной кисеи, обшитыя Персидскими галунами, смягчаютъ свѣтъ. Фортепиано г-на Rare, пальцы съ коврами, рабочій столъ съ разными вышиваньями, небольшой теридопъ съ филе, столъ съ прикъ-пракомъ, шахматная игра, заняты или опсавлены въ этой пространной комнатѣ; между шпанемъ, какъ на одномъ изъ дивановъ дама улыбається, читая первыя листки *Heures du soir*, другая слушаетъ съ жадностию и душевнымъ соспраданіемъ чтеніе *des Pleurs*.

Въ это время всѣ безъ наряда: дневныя пензуары, вышитыя баписповыя; плащя фуларовыя, цвѣтныя кисейныя. Воронички простыя, вышитыя кисейныя или баписповыя; кружевыя борочки; ни шполя, ни газовыхъ лентъ, ни шарфовъ; башмаки цвѣта *gris-hannelton*; шпидлены изъ суроваго холста или сашентшорку; передники изъ суроваго баписпа, вышитыя Шотландскими пишками; бѣлыя нишяныя или шелковыя нишяны; волосы убраны весьма просто, часто даже не завиты.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

ТРЕТІЙ ГОДЪ.

Выходитъ
по Средамъ и
Субботамъ.

№ 58.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 104 №,
съ 36-ю картинками модъ,
въ С. П. б. 30, съ до-
ставкою и пересылкою
35 рублей.

СУББОТА, Іюля 22 дня 1855 года.

Внимаешь онъ привычнымъ ухомъ
Свистъ;
Мараешь онъ единымъ духомъ
Листъ;
Потомъ всему терзаешь свѣту
Слухъ;
Потомъ печатаешь: и въ Лету
Бухъ!

А. Пушкинъ.

СЛОВЕСНОСТЬ.

ВОЛОСЫ ПРЕСТУПНИКА.

Въ одинъ вечеръ мы разговаривали, сидя впроемъ у камна.—*Анна* худо себя чувствовала, и блѣдныя щеки ея были подвязаны. Въ женщинахъ, даже вовсе непричастныхъ кокепспву, естъ какой-то инстинктъ въ отношеніи къ наждамъ, инстинктъ, никогда ихъ не оставляющій. Удивляюсь, какъ до сихъ поръ не нашли они способа надъ-вать саванъ къ лицу.

Вошелъ слуга и подаль мнѣ журналы. Въ одномъ изъ нихъ было описаніе казни; я спалъ чинашь его вслухъ.

— Переспанъ, мой другъ,—молвила *Анна*: ты знаешь, что я не люблю такого чтенія.—

«Дочитай самъ, сказалъ я *Эдуарду*, если хочешь знать окончаніе.»

— Благодарю,—отвѣчалъ *Эдуардъ*: желаніе твоей супруги совершенно согласно съ мо-

имъ, и если-бы ты не пересталъ, то я самъ попросилъ бы тебя объ этомъ.

«Какъ, *Эдуардъ*! ты ли говоришь это!... Ты, адвокатъ, человекъ, для котораго казнь и гильотина дѣло очень обыкновенное, хотя и по несчастію для тебя, я съ этимъ согласенъ.»

— Опъ пого-то я и не люблю въ свободные часы заниматься этими кровавыми идеями, почно также, какъ заключенный не любитъ говорить о цѣляхъ своихъ. Припомъ же это напоминаетъ мнѣ одно происшествіе, котораго я во всю жизнь не позабуду. Нѣкоторыя обстоятельство этой спаньи привели мнѣ на память несчастнаго, котораго я два раза щещенно спарался избавить опъ смерти.—

«Расскажи намъ опопъ случай,» вскричалъ я.

— Ахъ, нѣтъ!—сказала *Анна*: поговоримъ лучше о чемъ нибудь другомъ, не споль ужасномъ.—

«Какъ ты хочешь,» отвѣчалъ я. Мы заговорили о другомъ, и черезъ нѣсколько времени *Анна* заснула.

Я положилъ руку на ея закрытые глаза, и длинныя рѣсницы ея не пошевелились.

«Ты можешь разсказать мнѣ всю исторію,» сказалъ я *Эдуарду*, не опасаясь разбудить *Анну*.»

— Если непременно эшаго хочешь, — отвѣчалъ онъ, такъ слушай.

Я былъ еще очень молодъ, когда принялъ званіе адвоката въ Монпелье. Съ самаго начала меня завалили уголовными дѣлами; не могу описать тебѣ, съ какою ревностію принялся я за эти дѣйствительныя, существенныя драмы, въ которыхъ кровь не замѣнялась краскою, а мѣсто дѣйствія не завшивается разрисованнымъ полотномъ, и въ которыхъ жертва не воскресаетъ послѣ развязки, чтобы отправиться на веселый ужинъ. Но изъ всѣхъ осужденныхъ, которыхъ защищалъ я и оплакивалъ, какъ братьевъ, никто не возбудилъ во мнѣ такого участія, какъ одинъ крестьянинъ изъ Лапгеда.

Его преслѣдовали за долги вмѣстѣ съ женою; градъ испребилъ всю его жатву; пожаръ еще болѣе разорилъ его. Такъ какъ онъ былъ не въ состояніи расплатиться съ своими кредиторами, то и присудили описать его имущество. Мысль, лишиться своей домашней упвари, брачной постели, рабочихъ снарядовъ, попому только, что случился неурожайный годъ, никакъ не могла представиться ему въ видѣ, сколько нибудь справедливымъ. Полицейскій приставъ, на котораго возложили исполненіе приговора, былъ дурной человѣкъ и издавна ссорился съ моимъ кліентомъ.

Когда пришли въ домъ къ *Томасу* (такъ звали крестьянина), чтобы привести въ исполненіе приговоръ; когда онъ увидѣлъ въ слезахъ жену свою, которую гоповились выгнать какъ наемницу изъ собственнаго ея жилища, то въ досадъ онъ не выдержалъ и вытолкалъ пристава за дверь. Если придешь опять, сказалъ онъ ему, то я заспрюлю тебѣ.

«Хорошо, что *Анна* спитъ,» прервалъ я *Эдуарда*, не замѣчая словъ моихъ, продолжалъ, углубившись въ разсказъ свой:

— Полицейскій приставъ пришелъ опять. Нѣсколько времени спустя я поспѣшилъ въ пюрэмъ *Томаса*, уже приговореннаго къ смерти. Никогда не забуду наружности эшаго нещастливца, прежде необыкновенно сильнаго, но въ эпу минушу слабого, какъ ребенокъ: такъ опчаяніе убило въ немъ физическія силы.

Онъ былъ огромнаго роста; длинныя русые волосы удивительной красоты спускались по широкимъ его плечамъ; въ большихъ голубыхъ глазахъ его написано было какое-то бессмысленное выраженіе. Казнь назначили въ четыре часа, а уже пробило полдень.

Я обратился къ нему съ упѣшеніями, совершенно безсвязными, попому что самъ былъ до крайности распроеенъ, но онъ меня не слушалъ.

— Подумайте, — вскричалъ онъ: они хотятъ казнить меня, когда мнѣ въ *Ивановъ* день сравнялось только двадцать четыре года, когда я всего два мѣсяца какъ женился, когда я раскаяваюсь въ своемъ преступленіи, когда я не хочу больше убивать людей. Подумайте, они хотятъ опрубить мнѣ голову за то только, что я на минушу вышелъ изъ себя и пронулъ проклятую пружину, которая лишила человѣка жизни... Подумайте, что если-бы курокъ у моего ружья позаржавѣлъ, то я не сидѣлъ бы здѣсь, и не чувствовалъ, что каждый ударъ часовъ уноситъ большую долю моей жизни.—

Говоря эшо, онъ съ чрезвычайною силою жалъ мнѣ руки, и могъ бы причинить мнѣ ужасную боль, если-бы я не чувствовалъ боли въ сердцѣ, въ сравненіи съ которою всякая другая казалась ничтожною.

Въ эшу минушу вошелъ палачъ.

— Пора ужъ, — вскричалъ *Томасъ*, вспавая.

«Не бойся, отвѣчалъ палачъ, я пришелъ не за тѣмъ, а хочу только обрѣзать тебѣ волосы.»

— Обрѣзать волосы,—сказалъ онъ: поспайся до нихъ допронуться!... Пусть рубящъ мнѣ голову, но я не дамъ рѣзать себѣ волосъ, которые такъ любятъ моя *Маргарита*. Не прогай моихъ волосъ, или я спану обороняюсь, и прибью себя!...

Онъ схватилъ полстую желѣзную цѣпь, и поднялъ её, какъ легкую палочку.

Палачъ отступилъ назадъ и позвалъ къ себѣ на помощь жандарма.

Тогда я подошелъ къ нимъ и сказалъ, что дѣйствительно никто не имѣетъ права обрѣзывать ему волосъ; что въ законѣ эпого не постановлено, и что я рѣшительно не соглашаюсь на такой самовольный поступокъ.

Палачъ отвѣлъ меня въ спорону, и сказалъ:

«Для собственннй его выгоды, сударь, надобно обстричь ему волосъ. Если ихъ оставишь, то не такъ легко будетъ опрубить ему голову, и онъ гораздо долѣе промучится, а я лишусь за это мѣся.»

Тогда я самъ подошелъ къ крестьянину и спать представлялъ ему, какому спраданію онъ себя подвергаетъ, но все было напрасно. Вѣроятно съ сохраненіемъ волосъ было связано для него какое нибудь суевѣрное понятіе, ибо онъ успокоился не прежде, какъ получивъ отъ насъ увѣреніе, что мы не спанемъ до нихъ допрогиваться.

«Пусть будетъ, что будетъ, сказалъ палачъ, уходя, я омываю руки.»

Томасъ очень скоро полюбилъ меня. Въ чепырежь-часовой жизни любовь и ненависть бывають дѣломъ одной минуты; онъ просилъ меня не оставлять его до самой казни, и какъ могъ я не исполнить его просьбы? Когда отказываешь въ чемъ нибудь живому, то онъ самъ только можетъ одплатить за это... Но умирающій завѣщаетъ свое мщеніе нашей совѣсти.

Онъ безпрестанно говорилъ мнѣ о женѣ своей, безпрестанно подковалъ: жива ли она, умерла ли, не обезумѣла ли, не издыхаетъ ли на полу своей хижины, или спонетъ

въ передней судьи, передъ дверями тюрьмы его?

Часъ наступилъ. *Томасъ* попросилъ меня състѣ вмѣстѣ съ нимъ и священникомъ въ пележку. Я машинально сълъ и не пвердымъ голосомъ спать утѣшать его. Онъ самъ былъ гораздо меня спокойнѣе, и даже какъ будто ободрился; я замѣпилъ, что онъ безпрерывно шевелилъ ногами, но не обратилъ на это вниманія попому, что скоро представилась взорамъ моимъ адская машина, грозно и неподвижно возвышавшаяся надъ землею. Сердце облилось у меня кровью. Глаза *Томаса* запылали, руки выпянулись, жилы спрашно напряглись.

Тележка оспановилась. Обнимите меня, сказалъ *Томасъ*... Я исполнилъ его желаніе, признаюсь, съ непреодолимымъ ужасомъ. Однакожь смерпная болѣзнь, копорю поразилъ его законъ, была не прилипчива.—Прощай, сказалъ я ему.—Можетъ быть, до свиданія, отвѣчалъ онъ пихонько.

Опдѣлавшись наконецъ отъ сей пнягостной, хопя добровольной обязанности, я ушелъ, опустивъ голову и болсъ оглянуться.

Вотъ что случилось попомъ, какъ рассказывалъ мнѣ одинъ очевидецъ.

Дорогою, *Томасу* удалось, посредствомъ безпрестаннаго движенія, распутать часть веревокъ, копорыми были связаны его ноги. Онъ припворился, что не можетъ взойти на эшафонъ безъ большаго усилія, но когда очутился на верху, то съ легкостію сбросилъ съ себя свои узы, сълъ на плаху, и сильнымъ ударомъ ноги сполкнулъ на площадъ подходившаго къ нему палача.

Толпа съ ужасомъ разспушилась, чтобы избѣжать прикосновенія къ предмету общаго опвращенія, и онъ упалъ на землю.

Хромая и облиный кровью, палачъ приподнялся и съ яростію взошелъ опять на эшафонъ. Самъ онъ и его прислужники долго спарались схватить *Томаса*, но всѣ ихъ усилія были тщетны. Опчаяніе придало ему такую силу, что съ помощію однихъ только ногъ своихъ, обупыхъ въ башмаки, под-

бипые желѣзомъ, онъ успѣлъ опразить своихъ презрѣнныхъ пропивниковъ. Онъ всячески силдлся освободить свои руки, но никакъ не могъ эшаго сдѣлать.

Между тѣмъ народъ крикомъ ободрялъ его. Въ полѣ начинали уже поговаривать, какъ бы спасти нещаснаго и разломать эшафотъ. Одинъ изъ прислужниковъ палача, предвидя опасность отъ продолженія сей борьбы, опправился просить королевскаго прокурора о позволеніи заспрѣлить *Томаса*.

Не помню, по какому случаю я былъ у эшаго чиновника, когда явился посланный. Онъ вышелъ, и ворясь сказалъ мнѣ:

— Вообразите, что крестьянинъ, копорый убилъ полицейскаго пристава, теперь какъ бѣшеный дерется на гильотинѣ и никто не въ состояніи съ нимъ сладить. У меня приходили просить позволенія заспрѣлить его, прежде, чѣмъ опрубятъ голову, но это пропивно законамъ, и потому я не позволилъ.—

Не могу выразить, какое элекприческое дѣйствіе произвели на меня эти слова. Я снова почувствовалъ неизъяснимое желаніе спасти нещаснаго, со слезами бросился на колѣна передъ прокуроромъ, и спалъ умолять его объ опсрочкѣ казни. Въ другое время я бы никакъ не надѣялся получить оную, но шуть во мнѣ родилось такое удивительное краснорѣчіе, что прокуроръ увлекся имъ и далъ мнѣ бумагу, съ копорой я опроремью бросился бѣжать....

Какое зрѣлище мнѣ тогда представилось!... Въ продолженіе двухъ лѣтъ потомъ, я каждую ночь видалъ его во снѣ.

Томасъ продолжалъ успѣшно обороняться, народъ осыпалъ громкими ругательствами и угрозами его пропивниковъ. Какой-то смѣльчакъ взбирался уже на эшафотъ. Вдругъ одинъ изъ помощниковъ палача искуснымъ образомъ успѣлъ подкраснѣть къ *Томасу* сзади, и схватилъ его за волосы, за тѣ прекрасные волосы, копорые такъ любила *Маргарита*, за волосы, копорыхъ нещасный не позволялъ обрѣзывать. Если-бы онъ согласился на это, то былъ бы спасенъ.

Томасъ испустилъ болѣзненный крикъ, и упалъ подъ попоромъ, какъ ребенокъ.

Я закричалъ, но голосъ мой, ослабленный разспояніемъ, не былъ услышанъ, и все кончилось въ одно мгновение.

Палачъ оспановился при сходѣ съ лѣстницы.... Больше я ничего не видалъ, потому что лишился чувствъ.—

Эдуардъ оспановился и долго не говорилъ ни слова, наконецъ примолвилъ:

— Теперь, мой другъ, ты поймешь, отъ чего подобные рассказы бывають мнѣ неприятны, не смотря на то, что я долженъ бы къ нимъ привыкнуть. Я до нихъ такой же не охотникъ, какъ и шволя *Анна*. Но она проснется, если мы не перестанемъ говорить. Прощай.—

Пер. *Ил. Г—въ*.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

ПОСТОЯНСТВО.

Какъ въ морѣ плаватель, живущій безъ за-
бавъ,
Средь звѣздъ безчисленныхъ одну звѣзду избравъ,
Младый, зовѣтъ еѣ любовію своею,
Въ пустынномъ спранствіи обрадованный ею,
Слѣдишь ея восходъ и въ пишкинѣ ночей
Сладчайши имена придумываешь ей—
Такъ я, задумчивый, средь женъ и дѣвъ прекрас-
ныхъ,
То рѣзво-ласковыхъ, то горделиво-спрас-
пныхъ,
О дѣва милая! звѣзда любви моей!
Вездѣ ищущи тебя со сладостью очей,
Съ волшебной гибкостью и послуши и спана.
И полный спраспнаго, опраднаго обмана,
Незримый для тебя, съ мечшою о себѣ,
Одну тебя люблю на перекоръ судьбѣ.

Т—ій.

LOGOGRIPE.

Avec mon chef, j'ébranle les états,
Et sans mon chef, j'aguerris les soldats.

Въ № 57, помѣщенная шарада значить: *Ут-ка.*

КРИТИКА.

На книгу: *Царствование Царя Михаила Теодоровича и Взглядъ на междуцарствіе, сочиненную В. Берхольмъ.*—С. Петербургъ. 1832.

(Продолженіе.)

9.

Текстъ.

(Стр. 47.) «Взирая на поступки короля *Сигисмунда* и его министровъ, раждается вопросъ: не уже ли они не могли разсудить, «что по кончинѣ *Сигисмундовой*, соединить Россію съ Польшею и сослavianъ державу сильную?»

А мы сему ни крошечки не удивляемся: ясновельможные паны, упоминая происки для недопущенія *Владислава* воцариться въ Россіи, поступали сообразно своимъ выгодамъ; да и самъ *Сигисмундъ*, хопя и родителъ царевича, не видѣлъ оупъ поого для Польши большова выигрыша. Онъ обязался условіями (*pacta conventa*) завоевать Новгородъ, Смоленскъ и Псковъ не для сына, а для Польши. Царствующу же сыну его въ Россіи, онъ бы ограбить его посовѣспился. Проспраннымъ, богатымъ Русскимъ областямъ, присоединеннымъ къ Польшѣ, ясновельможные и своекорыстные паны могли бы каждый поживиться и прирѣзать себѣ чашпичку изъ богатой добычи; но владычеспуй въ Россіи *Владиславъ*: имъ бы и выданаго лица не досталось.

10.

Текстъ.

(Стр. 48.) «Вопъ какую блестящую перспективу (ч. II, стр. 236, картину) являло «соединеніе Польши съ Россіею; но хипрые

«Иезуиты, управлявшіе волею короля, опасались, что Россія, присоединяясь къ Польшѣ, ослабитъ могущество Каполитическихъ «власпей.»

Замѣчаніе десятое.

За что клепають Иезуитовъ, у нихъ и настоящихъ грѣховъ довольно!—Воля г. *Берха*, а мы ничего не видимъ, кромѣ смѣшнаго, несбыточнаго, спраннаго, въ присоединенія къ Польшѣ Россіи, уже обладавательницы царства Казанскаго, царства Аспраханскаго, царства Сибирскаго, выпавившей въ поле при *Борисъ Годуновъ* 300,000 воиновъ! Это—да извинить г. *Берхъ* наше сравненіе,—это было бы похоже на то, если-бъ кто впрягъ въ корень букашку Божью-коровку, а на приспяжку къ ней холмогорскую корову!!!

Изъ чего была составлена Польша? Изъ областей, бѣльшею часпю оппорженныхъ оупъ Россіи. Что была погда Польша? Безцарственное царство, раздираемое самоуправными магнатами, ихъ крамолами и междуусобицами. Ссымаемся на исторію. Собспвенный король ея, король, по свидѣпельству самихъ Поляковъ, правосудный и добрый, спуспя нѣсколько лѣтъ послѣ эпохи, о которой говорить г. *Берхъ*, въ 1651-мъ году, опказался оупъ пляжкой короны и обладанія народомъ недостойнымъ, и предсказаль Польшѣ скорое и совершенное разрушеніе (Польская исторія, соч. *Бандтке*, переводъ на Русскій языкъ, Т. II, стр. 510. См. указанія.)

Гдѣ же щупъ для Россіанъ блестящая перспектива?

11.

Текстъ.

(Стр. 49.) «*Жолкевскій*, поручивъ начальство въ Москвѣ *Александръ Гусевскому*, опсправился въ Польшу. Провзжая по улицамъ «Москвы, онъ былъ препровождаетъ всѣми «сановниками и полпами жпщелей. Крыльца «и кровли всѣхъ домовъ были усвяны народомъ, котораго громкія желанія щасплисваго щупи и щаспливаго возвращенія заглушали общій говоръ.»

Замѣчаніе одиннадцатое.

Въ лѣтописи о мятежахъ на спр. 197-й поже говорится о восклицаніяхъ Московскихъ жителей, только чувства и слова приводятся другія. Россіяне вопили: *О горе лото государству Московскому!*

12.

Текстъ.

(Спр. 57.) «Къ сему же времени надобно «описати опъѣздъ многихъ членовъ Польской свипы въ Москву. Лица сіи умѣли снискають благорасположеніе короля и, получа «увольненіе опъ должности, получили также и разныя награды. Въ числѣ оныхъ на«сходился и келарь *Авраамій Палицынъ*, про«славившійся въ послѣдствіи любовію къ сво«сему опечеству и ненавистію къ Поля«камъ.»

Авторъ, неудовольствуясь вышеупомянутымъ, во II-й часпи, спр. 18-ая, прибавляетъ: «а келарь, сказавшійся больнымъ, ухалъ невидавшійся съ мипрополипомъ.»

Вопъ объ авторъ-по нашемъ можно, не боясь улыки въ несправедливости, сказать по, что онъ говоритъ о *Филаретъ* и другихъ лѣтописцахъ: «онъ кидаетъ неблаговидную тѣнь на дѣянія *Авраамія Палицына*, мужа испытанной доблести, непоколебимаго мужества, спасителя опечества.» Сей умный инокъ поступилъ, какъ подобало вѣрному сыну церкви и опечества. Удосповѣрять, что главный посолъ того посольства, котораго онъ былъ членомъ, содержится въ плѣну, онъ щипалъ оное *разрушеннымъ*, и зная, что его присутствіе полезно опечеству въ другомъ мѣстѣ, онъ предпринялъ обратный путь въ Россію. Съ мипрополипомъ же Ростовскимъ не прощался для того, чтобы не подать королю подозрѣнія и не оспаться въ заключеніи. Неприлично также и несообразно съ истиною подозрѣвать, будто-бы *Авраамій* принималъ опъ короля, непріятеля его опечества, подарки, когда онъ имѣлъ въ полномъ своемъ распоряженіи столько сокровищъ, что могъ имъ опвращать голодъ столицы, двигать воин-

ства, покрѣплять цѣлое государство, въ чемъ увѣряетъ (Т. XII ИГР. спр. 471-ая) *Карамзинъ*, создавшій свое зданіе не на песокъ, а на камень.

13.

Текстъ.

(Спр. 64.) «Бояринъ князь Димитрій Ти«мофѣевичъ *Трубецкой*, папріархъ *Гермогенъ*, «окольникій Димитрій *Минтрьковъ* (?), «князь *Черкасскій*, думный дворянинъ Про«кофій Пепровичъ *Лялуновъ* съ братомъ «своимъ Захаромъ, спольникъ князь Димитрій Михайловичъ *Пожарскій*, Нижегород«скій порговецъ Козма *Мининъ* Сухорукій, «келарь Сергіевой Лавры *Авраамій* Пали«цынъ и еще многіе почпенные мужи дви«нулись соединенными силами на спасеніе «опечества... *Хотя* во время нещасныхъ «эпохъ Самозванцевъ и междуцарствія по«смянутыя лица, покоряясь временнымъ об«споятельствомъ, ополчались подъ знаме«нами Тушинскаго злодѣя пропивъ закон«ныхъ власпей....»

Эпо *хотя* нехотя заспавляетъ негодовать на испорика, которій хотѣлъ сею чертою очернить свящую память великихъ мужей, спасшихъ опечеству, служившихъ примѣромъ сынамъ опечества въ 1812-мъ году. Мы смѣло увѣряемъ, что эпо несправедливо.

Изъ всѣхъ знаменитыхъ сыновъ опечества одинъ только мипрополипъ *Филаретъ* былъ въ Таборѣ Тушинскаго Самозванца: и по неволею, яко плѣнникъ. Пусть вопросятъ *Карамзина* (Т. XII, спр. 121). *Карамзинъ* приводитъ свидѣтелей, ссылается на лѣтописи: для опроверженія его, надобно опыскать другія свидѣтельства, досповѣрнѣйшія, а опираясь на безыменнаго писателя въ споль важномъ дѣлѣ, благоразумному испорнику не слѣдовало.

14.

Текстъ.

(Ч. II, примѣчаніе 67-ое.) «О Русскихъ «женщинахъ выписано изъ современной Во-

«Вологодской лѣтописи, составленной безъ-
именнымъ сочинителемъ.»

Замѣчаніе четырнадцатое.

Сочинитель Вологодской лѣтописи извѣ-
стенъ: это жилецъ Вологды *Иванъ Слобод-*
ской.

15.

Текстъ.

(Спр. 77-ая.) «Коварный апаманъ *Зару-*
кій рѣшился бѣжать, и захавъ въ Колом-
«ну съ *Мариного*, обвинчался съ нею, по со-
«гласному показанію всѣхъ нашихъ лѣто-
«писцевъ.»

Замѣчаніе пятнадцатое.

Не всѣхъ, очень не всѣхъ, весьма не всѣхъ!

16.

Текстъ.

(Спр. 80-ая.) «Лѣтописцы наши преис-
«поднены ненависти къ казакамъ и князю
«*Трубецкому*, особенно расположены къ кня-
«зю *Пожарскому*.»

Замѣчаніе шестнадцатое.

Князь *Пожарскій* заслужилъ благоговѣй-
ную любовь и современниковъ и потомковъ.
Онъ спасъ вѣру и опечество и, до чего не
возвысился *Бонапартъ*, онъ оперекся опъ
предложенной ему короны...

Избралъ достойнаго Владыку

И надъ собою воцарилъ.

17.

Текстъ.

(Спр. 81-ая.) «Не можемъ остановиться
«безъ замѣчанія того, что дѣйствіа князя
«*Трубецкаго* не заслуживали укоризны.»

Замѣчаніе семнадцатое.

Нашъ авторъ (спр. 65-ая) увѣряя, что
сей князь служилъ подъ знаменами Тушин-
скаго Самозванца, ласковѣ ли съ нимъ по-
спушаетъ?

Нашъ авторъ (спр. 75-ая) увѣряя, что
князь *Трубецкой*, присягнувъ претъему Са-

мозванцу—*Сидорку* опправляя къ нему да-
же пословъ съ поздравленіемъ, не освобожд-
даетъ опъ укоровъ его памяти.

18.

Текстъ.

(Спр. 101-ая.) «Хотя заключенный въ
«Спокгольмъ прапатапъ оспался не уипвер-
«жденнымъ; но слѣдствіемъ его было зами-
«реніе, подписанное 20-го Октябрия 1616-го
«года, съ пѣмъ, чпобъ съѣхался немедлен-
«но въ село Сполбово для окончательнаго
«заключенія прапатапа.»

Эпо не такъ! Запись, коею назначенъ
сѣздъ пословъ и посредниковъ, совершена
въ Ладогѣ и не 20-го Октябрия, а 12-го Декаб-
ря. Списокъ съ сей записи хранится въ Мо-
сквѣ, въ архивѣ коллегіи Иностранныхъ дѣлъ,
подъ No 20-мъ.

19.

Текстъ.

(Спр. 102-ая.) «Россія опказалась опъ
«справъ своихъ на Ливонію, плапивиую ей
«нѣкогда данъ.»

Замѣчаніе девятнадцатое.

Въ дипломатику нужна великая осмопри-
пельность: пишущу короля, данный Рим-
скимъ императоромъ герцогу Бранденбург-
скому, вполѣдствіи дорого споилъ Австрии
и проложилъ дорогу другимъ курфирстамъ
искапъ королевскаго пишущула. Позволеніе, дан-
ное Испаніею Англіи, присылапъ въ ея Аме-
риканскія владѣнія ежегодно по два корабля
съ произведеніями Англійскихъ мануфак-
туръ—было причиною нѣсколькихъ войнъ
между сими двумя державами—и разорило
Испанію.

Нѣтъ! Ливонія была не просто данницею
Россіи, а соспавляла Русское удѣльное кп-
лѣство, опчину князей и царей нашихъ;
большая часть городовъ ея поспроены Рос-
сійскими князьями. Ссылаемся на ИГР. Т. III,
примѣчаніе No 127-ой. Безсмертный *Караи-*
зинъ знаетъ вѣсь словъ и ихъ значеніе!

(Продолженіе въ слѣд. листкѣ.)

M O D E S.

Un soir, c'était un jour de fête, un de ces anniversaires dont on ne comprend la gaieté qu'à la campagne: on avait préparé une délicieuse musique venue de Paris dans les allées d'une magnifique serre, qui se sépare en quatre points réunis au milieu par un salon de marbre à colonnes, tout tendu de mousseline. Entre chaque colonne, petite et élancée, la mousseline drapée à l'antique; dessous, comme transparent, est une tenture de soie rose. Les meubles sont en étoffe damassée venant de Westphalie, en fil blanc tramé de fleurs roses. Ce meuble est une merveille en ce genre dans le pays même, où le linge damassé est admirable.

Là, c'était un bal avec les robes fraîches et légères, les bijoux, les fleurs imitées ou naturelles. La plus jolie des jeunes femmes avait une robe en gaze du Japon blanche; un corsage tyrolien en pointe se terminait par un ruban qui, venant s'attacher à la hauteur de l'ourlet, retenait une touffe de liserons roses qui retombait sans ordre sur le bord de la jupe. Au milieu du corsage, une branche de liserons remontait un peu de côté, comme un bouquet, comme une guirlande. Dans ses cheveux, une couronne de liserons, une de ces gracieuses couronnes en spirale que mademoiselle Casaubon nous a données si parfaites. Pour bijoux, des perles.

Une autre avait, sur une jupe en mousseline de soie rose, deux traverses en éventail, élargies du bas, indiquées par des bouquets de fleurs de cerisier doubles, blanches. Ces bouquets, posés en apparence sans ordre, semblaient tomber et effleurer la robe. Dans les cheveux une double guirlande pareille.

Beaucoup de fleurs naturelles; des robes de gaze de soie garnies de fleurs; des jupes de dessus en dentelle, rattachées par des roses; des robes de dentelle noire sur des dessous de couleur; un grand nombre d'accessoires en dentelle ou rubans noirs sur des robes de couleurs claires.

Au lieu de gants longs, très-souvent des mitaines de soie noire ou blanche.

Pl. No 21. Les meubles les plus élégants.

M O Д Ы.

Въ одинъ вечеръ, это былъ праздникъ, одинъ изъ шѣхъ годовыхъ дней, веселость коихъ понижаютъ только въ деревнѣ: приготовлена была музыка, привезенная изъ Парижа, въ аллеяхъ великолѣпной оранжереи, разделяющейся на четыре спороны, въ срединѣ соединенная мраморною залю съ колоннами, обнянушою всю кисею. Между каждою колонною маленькою, легкою, кисей драпирована въ древнемъ вкусѣ; снизу, какъ прашпрантъ, напянуша шелковая матерія. Мебели обнянушы камчатною Вестфальскою матеріею, изъ бѣлыхъ шпюкъ запканною розовыми цвѣтами. Эта мебель чудо въ семь родѣ и въ помѣ государствѣ, гдѣ камчатное бѣлье превосходно.

Тамъ былъ балъ въ легкихъ платьяхъ, вещахъ, въ поддѣльныхъ или натуральныхъ цвѣсахъ. Самая пригожая изъ молодыхъ дамъ была въ платьѣ изъ бѣлаго Японскаго газа; лифъ Тирольской съ мыскомъ оканчивался лентою, которая прихватывала надъ рубцемъ кусокъ розовой павилки, упавшей въ безпорядкѣ на край юбки. Въ срединѣ лифа, въшка павилки лежала темного на спорону, какъ букетъ, какъ гирланда. Въ волосахъ вѣнокъ изъ павилки, одна изъ сихъ красивыхъ спиральныхъ гирландъ, которыя дѣвица Casaubon выдала намъ въ шакомъ совершенствѣ. Вещи, жемчугъ.

На другой была юбка изъ розовой шелковой кисеи; двѣ поперечныя отдѣлки опахаломъ, разширенныя къ низу, означенныя букетами вишенныхъ, бѣлыхъ, махровыхъ цвѣтовъ. Букеты снѣ, положенные по видимому безъ порядка, казалось, падали и едва допрогивались до платья. Въ волосахъ такая же двойная гирланда.

Много натуральныхъ цвѣтовъ; платья изъ шелковаго газа отдѣланы цвѣтами; верхнія юбки кружевныя, прихваченныя розами; чѣрныя кружевныя платья на цвѣстныхъ подкладкахъ; множество принадлежностей изъ чѣрныхъ кружевовъ или лентъ на платьяхъ свѣшлыхъ цвѣтовъ.

Вмѣсто длинныхъ перчатокъ, очень часто бѣлые или чѣрные шелковые мишени.

Карш. No 21. Самыя щегольскія и роскошныя мѣбели.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

ТРЕТІЙ ГОДЪ.

Выходитъ
по Средамъ и
Субботамъ.

№ 59.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 104 No,
съ 36-ю картинками моды,
въ С. П. б. 30, съ до-
спавкою и пересылкою
35 рублей.

СРЕДА, Іюля 26 дня, 1853 года.

Барбось на солнышкѣ лежалъ,
Валялся, нѣжился и шикъ былъ, какъ шегенокъ;
Но вдругъ вскочилъ, загалъ, зализжалъ...
«Взбѣсился, можешь быть?» — Нѣпъ, уськнулъ поваренокъ.
Оадей мени бранишь! причину я смѣкнулъ:
Его пріятель подспрекнулъ.

Н. Остолоповъ.

ПЕРЕСМѢШНИКЪ.

ЗА МОСКВУ!

Москва, Россіи дочь любимая,
Гдѣ равную шебѣ сыскаешь?

Дмитріевъ.

Какъ не любить родной Москвы? —

Баратынскій.

Гоенье на Москву! Чпо значить видѣшь свѣшь!
Гдѣ-жь лучше?

Гдѣ насъ нѣпъ!

Грибодовъ.

Москва. . . Какъ много въ эпомъ звукѣ
Для сердца Русскаго слылось.

Пушкинъ.

Долго держался я пословицы: доброе молчанье чему не опивѣтъ, чипая въ Пепербургскихъ журналахъ оскорбительныя для спарушки - Москвы выраженія: *издѣліе Московской литературной промышленности, произведеніе Московскаго безграмотнаго лите-*

ратора. Но увидя въ вашихъ листкахъ, г. Издапель *Литературныхъ Прибавлений!* подобное Москво-хуленіе, не выдержалъ. Я осердился на васъ.

Вамъ, грѣшнѣе, нежели кому нибудь другому-прочему, насмѣхаться надъ нею: вишь вы въ Московскомъ благородномъ пансіонѣ получили свое образованіе; вы провели молодость вашу Поддѣвичьемъ въ Кочкахъ, въ домѣ вашего родителя; въ Москвѣ познакомились вы съ *Жуковскимъ, Батюшковымъ, Мерзляковымъ, княземъ Вяземскимъ.*

Въ Москвѣ *Карамзинъ* благословилъ литературныя ваши начинанія; *Дмитріевъ* улыбался вашему младенческому лепетанію на рѣмахъ; *Херасковъ* радушно ободрялъ васъ; въ Вѣспникѣ Европы вы напечатали первое произведеніе Музы вашей — Сапиру о благородствѣ, приняшую Публикою съ тѣмъ благоволеніемъ, которому можешь быть (*) вполнѣдствіи обязаны вы — *Домомъ сумасшедшихъ.* Это было за 27 лѣтъ. Много времени!

(*) Можешь быть. — В.

Тогда *Карализинъ* жилъ въ Басманной и писалъ испорію государспва Россійскаго; *Дмитріевъ* сочинялъ неподражаемыя сказки свои; *Нелединскій* пѣлъ спраспныя пѣсни; *Жуковский* создавалъ свои баллады; *Батюшковъ* подражалъ *Парни*, переводилъ *Матиссона*; *Мерзляковъ* перелагалъ *Тасса*; *Ивановъ* (О. О.) *Вольтера*, *Кокошкинъ* *Мольера*; *Вяземскій* уже кололъ изъ подпшишка негодяевъ и разгильдяевъ жаломъ эпиграммы; *Д. В. Давыдовъ*, уже окуренный порохомъ и бивачнымъ дымомъ, въ разгульныхъ спихахъ хвалилъ любовь, войну и вино. Этому минуло 20 лѣтъ. Много времени!

Но неужели вы вѣрите, что Москва, опередивъ на сто верспъ Петербургъ въ фабричной промышленности, уступила ему первенство въ поэзіи, въ изящной прозѣ? Нямало! Неужели вы полагаете, что Московское просвѣщеніе заключено въ лавкѣ *Ширлева*, какъ Петербургское въ лавкѣ *Смирдина*? Совсѣмъ нѣтъ. Книгопродавецъ смотритъ на книги, какъ на товаръ; на авторъ, какъ на производителю сего повара: поспь, чей товаръ лучше съ рукъ сходитъ, еспь его идоль. На пр: для книгопродавца *Вьжигинъ* (*) *Булгарина* выше пупешспвіа *Кружеништерна*, а *Рославлевъ* (**) *Загоскина* важнѣе пупешспвіа къ св. Мѣспамъ *А. Н. Муравьева* и описанія *Киргисъ-Кайсацкихъ* степей *Лѣвшина*. Испинные знапки, безкорыспные любилели честпи и славы опечспвенной словесности не пакъ мыслятъ.

И чѣмъ кичитесь вы, жителю Петрограда, передъ Москвичами? У насъ живептъ увѣнчанный поэтъ *И. И. Дмитріевъ*; сочинилель превосходной рѣчи о воспитаніи, бывшій сполько лѣтъ председателемъ Общспства любилелю словесности, заслуженный профессоръ *А. А. Антонскій*; бывший въ продолженіи двадцати лѣтъ издавателемъ *Вѣспника Европы* и оказавшій Россійскому слову сущеспвенныя заслуги — *Кагеновскій*. Въ

Москвѣ поселился нашъ *Петрарка* — *Баратынскій*; пламенный, сильный, громкій лирикъ — *Языковъ*, и другой опличный лирикъ, пворецъ двухъ весьма хорошихъ прагедій — *Холмковъ*; пѣвецъ вина, любви и славы — партизанъ *Давыдовъ*, давно уже гражданинъ Московскій; другой *Давыдовъ* съ честью занимаетъ кафедру Россійской словесности при спаршемъ Россійскомъ университетѣ. Я говорю объ Иванѣ Ивановичѣ *Давыдовѣ*, который прежде всѣхъ научилъ философію объясняпсья по Русски ясно, число и краснорѣчиво. Трудолюбивый переводчикъ освобожденнаго Иерусалима, Георгикъ и бѣшеннаго Роланда — *Раинъ* и первый вводилель Итальянскихъ окпавъ — *Шевырѣвъ* достойны бытъ здѣсь поименованы, пакже какъ переводчикъ *Шлѣцера* Введенія во всеобщую испорію для дѣпей, испорико-крипического изслѣдованія о *Кириллѣ* и *Меодіи*, Разсужденія о жилищахъ древнихъ Руссовъ, сочинилель испорико-крипического разсужденія о происхожденіи Руси, и повѣспей, написанныхъ въ Русскомъ духѣ, самымъ Русскимъ чиспымъ языкомъ, прекраснымъ слогомъ; повѣспей, занимающихъ одно изъ первыхъ мѣспъ между Русскими повѣспями и сказами — *М. П. Погодинъ*. Еслибъ я забылъ: то всякая любилельница романовъ напомнила бы вамъ о *М. Н. Загоскинѣ*, авторѣ *Юрія Милославскаго* и *Рославлева*; о *Лажсгниковѣ*, авторѣ *Послѣдняго Новика* и перваго по опчспливости, занимательности, важности содержанія, опдѣлкѣ характеровъ, исторического Русскаго романа. Едва ли многоплодный авторъ скучнаго, хопя и превознесеннаго *Аристофана*, произвелъ что либо лучше *Полубоярскихъ* запѣй, *Благороднаго* театра и другихъ драматическихъ пьссп нашего *Загоскина*. Едва ли ваши водевилспты подарили театру пакія остроумныя веселыя пьсски, какъ *А. И. Писаревъ*, *Араповъ* и *Ленскій*. Довольно ли?

Довольно? Нѣтъ! Чпобъ показаться въ глазахъ вашихъ совершенно безприспраспнымъ, опдаю справедливоспъ въ Петербургѣ издаваемымъ газетамъ. *Сѣверная Пчела* пріяпна своею разнообразностью, опряпнымъ слогомъ, быспропюю, съ которою

(*) (**) Это значить сравнивать пудъ съ аршиномъ. Изъ *Вальтеръ-Скоттовыхъ* романовъ не узнаете военнаго искусства, и *Шакспировы* прагедіи не научатъ васъ кораблестроенію; однакожъ ихъ не слѣдуетъ за что бросать въ воду. — В.

разноситъ она въ дальнѣйшіе предѣлы Россіи самыя свѣжія новости: придворныя, политическія, библиографическія, псеапральныя и собственно сподичныя. *С. Петербургскія Академическія вѣдомости* полною превосходящъ и скоростью заграничныхъ извѣстій соперничаютъ съ *Сѣверною Пчелою*; уступая ей въ языкъ и не входя, къ сожалѣнію, въ соспязаніе по части книжной (библиографической) и псеапральной. Могу смѣло похвалить въ *Литературныхъ Прибавленіяхъ* отдѣленіе *Пересмѣшника*: (*) мнѣ *Пушкинъ* хвалилъ и даже читалъ наизустъ нѣкоторыя мѣста изъ него, а на приговоръ того, кто написалъ *Бориса Годунова* и *Геофилакта Косичкина* нѣтъ апелляціи. Извѣстія о модахъ, являясь два раза въ недѣлю, болѣе удовлетворяющъ щегольчъ нашихъ, и скорѣе доходящъ до нихъ, нежели такія же извѣстія въ вяломъ *Дамскомъ журналѣ*. А что есть *мода*? Упренная новоспъ, спарфющая къ вечеру. Dixi.

Природный Россіянинъ, коренной Московскій житель, *Владиміръ Старосильровъ*.

УЧТИВОСТЬ.

У древнихъ была варварская мода во всякомъ случаѣ, такъ сказать, *лезть прямо на стѣну*. Кто ненавидѣлъ своего сосѣда, топъ, при первой съ нимъ встрѣчѣ, вцѣплялся ему въ бороду, или зажигалъ домъ его. Но теперь мода гораздо лучше, и въ гражданскихъ обществахъ нѣтъ уже дикихъ звѣрей. Теперь и врагъ обращается, какъ пріятель: всегда учтивъ, всегда ласковъ, когда говоритъ съ нимъ; онъ дозволяетъ себѣ одно невинное удовольствіе чернить васъ за глаза. Онъ помогаетъ ему въ нуждѣ, и сажаетъ его въ тюрьму единственно тогда, когда ему ѣсть нечего. Нынѣ самый жестокой злодѣй не подумаетъ заколотъ меня на улицѣ; а если я, по его милости, возненавижу жизнь и брошусь въ рѣку: то онъ невиновашъ. Когда же выведу челоуѣка изъ перпѣнія; когда спрашнымъ образомъ оскорблю его, то есть въ спектаклѣ толкну

(*) Покорнѣйше благодарю. — В.

нечаянно, или скажу ему въ игрѣ: «*Государь мой, вы смотрите лишь въ карты,*» или, (отъ чего Боже сохрани!) выгону его изъ дома за невинный умыселъ обольстить мою жену: тогда онъ пишетъ ко мнѣ самое учтивое письмо; говоритъ, что почитаетъ меня нѣжнымъ въ правилахъ чести, и проситъ пожаловать въ такой-то лѣсъ, на такую-то дачу, гдѣ онъ намѣренъ опрубить мнѣ носъ, или проспрѣлить голову.

ПЛОДОВИТОСТЬ НѢМЕЦКИХЪ ПИСАТЕЛЕЙ.

Въ одномъ иностранномъ журналѣ исчислено, что по росписи новыхъ Нѣмецкихъ книгъ, выходящей къ *Лейпцигской ярмонкѣ*, можно положить среднимъ числомъ по 3,400 помовъ ежегодно вновь печатаемыхъ въ *Германіи*. Это соспавитъ въ 10 лѣтъ 34,000 книгъ.

Число сочинителей можно положить въ половину прописавъ числа сочиненій: оказывается, что въ *Германіи* находится до 17,000 наличныхъ писателей.— Это цѣлая *Суворовская армія!!!*

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Т А Б А К Ъ.

Могучій чудодѣй аракъ!
 Въ спаръ на пирахъ тебя любили,
 И веселясь пѣвцы хвалили!
 Забытъ аракъ!—Теперь шабакъ
 Взамѣтъ тебя вездѣ куришься,
 Дымъ кольцами изъ успъ клубишься!
 Пусъ модный баринъ молодой,
 Въ селѣ помѣщикъ пожилой
 Пьютъ ароматъ Американской;
 Иль вахмиспръ удалецъ гусарской,
 Мафорку въ скучные часы
 Куришь на муравой кровати,
 Дымишься копоть сквозъ усы!
 Все имъ прилично, все имъ кспаши!
 Но вопъ—мѣщане, кузнецы,
 Масперовые молодцы
 И щеголи все городскіе,

Госпипники и полове,

Подъ славнымъ *Жуковскимъ* клеймомъ—
Трубачъ, — лишь курево сполбомъ!

Иной охотникъ до цигарокъ,
Забудется, опъ недогадокъ—

Съ листочка искра упадетъ,
Данъ съ бороды себѣ возьметъ;

Другой захочетъ запынупься,
Но чшобъ совсѣмъ не захлѣбнупься,
Дымъ пропускаетъ черезъ носъ!

Теперь задача и вопросъ,
Чего не разгадаютъ въ Римѣ:
Какая польза людямъ въ дымѣ?

И сколько въ льшо кораблей
Травы куришельной сгружаютъ?

И сколько пысячей рублией
Опъ насъ за море улешаютъ?

А сколько вышло во спо льпъ.
Рублией за дымъ? И щѣшу нѣпъ.

О. Слъпушкинъ.

ТРУБОЧИСТЪ И АРАПЪ.

(Басня.)

Какой-шо Трубочистъ надѣвъ камзолъ парадный,
И сажи не спряхнувь ни съ рукъ, ни съ рука-
вовъ,

Пришелъ къ гуляню въ Петергогъ,
И прется сквозь полпу, гуляка неопряпный,
Плечемъ толкнетъ шого, спиной прильнетъ къ
шому—

Глядяпъ . . . на многихъ пяпны!

Увидѣлъ Трубочистъ: идетъ Арапъ къ нему,
Безъ памяши вскричалъ: спой, спой неакурап-
ный,

Ты въ сажѣ весь, какъ головня,
Не замарай меня!

*

Кто ближнихъ честь мараетъ,
Топъ часто въ ябедѣ другихъ подозреваетъ
За слово прошомы;

Всѣхъ больше клеветникъ боится клеветы.

Алипановъ.

А Н А Г Р А М М А.

Какъ я люблю тебѣ! весной и даже льпомъ,
На бархатѣ пвоемъ мой опдыхаешъ взоръ.—
Къ тебѣ спѣшу съ веселнимъ я привѣномъ,
Когда денница свѣпъ бросаешъ изъ за-горъ.—
И зелень, и цвѣпы, и свѣжешъ: все опрада!
Особенно, когда опъ солнца епъ прохлада
Иль группю деревья, иль близоспю водъ.—

Прочпипше же меня на оборопъ,
И въ *первоми* всякъ меня найдѣпъ,
Когда кто голосъ дашпъ, иль пѣспю запоѣпъ.—

Александръ Поповъ.

С. Васильевское,
уездъ Гжашскій.

Въ No 58, помѣщенпый логогрифъ значипъ: *Révolution*;
въ коемъ заключается *Evolution*.

К Р И Т И К А.

На книгу: *Царствование Царя Михаила*
Феодоровича и взглядъ на междуцарствіе, со-
чиненную В. Берхольмъ.—С. Петербургъ. 1832.

(Продолженіе).

20.

Текстъ.

(Стр. 115-ая.) «По обоюдному согласію
«назначали для мирныхъ условій село Сват-
«сково, въ 7-ми верспахъ опъ Троицкой Лав-
«сры перемиріе заключено 1-го Декабря 1618
«года на 14 льпъ и 6 мѣсяцевъ.»

Замѣчаніе двадцатое.

Изъ подлиннаго праптата, хранящагосѣ
въ Московскомъ архивѣ коллегіи иностран-
ныхъ дѣлъ, явспвуешъ, что онъ заключенъ
не въ Сватковѣ, а въ Деулинѣ.

21.

Текстъ.

(Стр. 130.) «*Киприанъ* составилъ исторію
«покоренія Сибири, основавъ оную на раз-
«сказахъ *Ермаковыхъ* современниковъ.»

Замѣчаніе двадцать первое.

Неправда! Исторію о Сибирской землѣ и
о царспвіи составилъ не *Киприанъ*, архіепи-
скопъ Сибирскій, а бывший при немъ дьякъ

Савва Есиповъ, который говоритъ, что онъ описываемаго имъ часпю самъ былъ очевидцемъ.

22.

Текстъ.

(Спр. 132-ая.) «Въ 1617-мъ году въ двадцатилѣтнемъ возрастѣ Царя Михаила *Теодоровича* сдѣланы предварительныя распоряженія къ женибъ его.»

(Спр. 134-ая.) «Въ 1623 году въ 27-ми лѣтнемъ его возрастѣ родилась въ немъ мысль о бракѣ.»

Замѣчаніе двадцать второе.

Неужели приговоренія къ бракосочетанію Царя *Михаила Теодоровича* сдѣланы шестью годами прежде, нежели родилась въ немъ мысль вступить въ бракъ? Неужели?

23.

Текстъ.

(Спр. 145-ая.) «Въ началѣ 1625-го года Царь переимѣнилъ государственный печатъ; новая была гораздо болѣе прежней: въ шипуль прибавлено слово *Самодержецъ*.»

Замѣчаніе двадцать третье.

Еслибъ нашъ авторъ заглянулъ во II-ю часть, на страницу 156-ю: то увидѣлъ бы, что слово *Самодержецъ* прибавлено въ царскомъ шипуль за 92 года прежде, т. е. въ 1532-мъ году.

24.

Текстъ.

(Спр. 145-ая.) «Честоплюбіе человеческое безпредѣльно. Папріархъ (*Филаретъ*) пожелалъ имѣть самосудную власть во всѣхъ духовныхъ дѣлахъ и имѣніяхъ, и въ Маѣ 1625-го года получилъ грамоту, на основаніи которой могъ завѣдывать непосредственно всѣмъ духовенствомъ, судомъ и расправою его, кромѣ уголовныхъ преступленій и собирать произвольные оброки со всѣхъ церковныхъ имѣній.»

Замѣчаніе двадцать четвертое.

Прочитавъ и перечитавъ приводимую нашимъ авторомъ грамоту, находимъ въ ней совершенную противоположность тому, въ чемъ укоряетъ онъ великаго свяшителя *Филарета*: а) въ ней о самосудной папріаршей власти нѣтъ ни слова; б) о произвольныхъ его оброкахъ не упоминается; в) власть папріаршая не распространена, а ограничена: ибо предоспавлено ему судить людей его вѣдомства по уложенію, т. е. по общимъ государственнымъ законамъ; уголовныя же дѣла повелѣно вершить въ свѣтскихъ судилищахъ; г) по силѣ сей грамоты послѣдній церковникъ и бѣднѣйшій крестьянинъ монастырскій могъ искать суда и расправы, наравнѣ со всѣми жителями Россійскаго государства. Эпаго дополъ не наблюдалось, и духовныя власти управляли ими неограниченно.

25.

Текстъ.

(Спр. 164-ая.) «Мнѣнія людей о крѣпостномъ правѣ различны. Во времена предковъ нашихъ раздавали деревни людямъ служащимъ, а большія помѣстья знаменитымъ государственнымъ чиновникамъ.»

Замѣчаніе двадцать пятое.

Эпо совсѣмъ не такъ! До 1730-го года *отгина* и *помѣстье* (какъ видно сіе и изъ словопроизводства) были двѣ вещи совершенно различныя: 1) *отгина* называлось недвижимое имѣніе, по наследству отъ отца или матери дошедшее; 2) *помѣстьемъ* же казенныя земли, заселенныя и пустошорозшія, которые, какъ нынѣшнія аренды, раздавались служащимъ людямъ на извѣстный срокъ. По смерти ихъ, жены и дочери служилыхъ людей получали часть дохода съ сихъ арендъ или помѣстій; сія часть называлась *прожиточною*. *Помѣстьемъ* жаловалъ царь за отличныя заслуги, или въ знакъ своего благоволенія, въ вѣчное и потомственное владѣніе: тогда уже они переименовывались въ *отгину*.

Все вышесказанное ясно видно из грамотъ во II-й части разбираемой нами книги, подъ No 8, 9 и 20-мъ напечатанныхъ.

26.

Текстъ.

(Стр. 208.) Авторъ, держась Польскихъ писателей, приспρασныхъ, изобразилъ бѣдствие Русскихъ войскъ подъ Смоленскимъ со всеми прикрасами; причину ихъ нашелъ въ храбрости Ляховъ, искусствѣ ихъ полководцевъ и опытности *Владислава*; потомъ остановясь, спрашиваетъ: «что дѣлалъ тамъ «*Шейнь* съ премегами пушекъ и спопы-«сячнымъ войскомъ?» Потомъ, заключаемъ, что *Шейнь* измѣнилъ Русскому Царю, опять дѣлаетъ вопросъ: «гдѣ въ сіе опасное «и крипическое время находился спаситель «отечества, князь *Пожарскій*?»

Замѣчаніе двадцать шестое.

Онъ былъ воеводою въ Холмогорахъ, Псковъ и, не предвидя успѣховъ отъ назначенія въ военачальники боярина *Шейна*, удалился въ деревню. Когда же почувствовалъ, что опять необходимъ гибнущему отечеству: то опять спалъ въ полѣ. Одно его появленіе остановило походъ Польскаго короля подъ Москву и заставило его вступитъ въ переговоры о мирѣ. (См. Дополненіе къ дѣніямъ *Петра великаго*, соч. *Голикова*.)

27.

Текстъ.

(Стр. 285-ая.) «Происхожденіе князя Дмитрія Михайловича (*Пожарскаго*) неизвѣстно.»

Замѣчаніе двадцать седьмое.

Извѣстія о томъ находясь въ книгѣ, подъ названіемъ: *Сокращенное описаніе служебъ благородныхъ Россійскихъ дворянъ. Москва. 1810.* Тамъ, во второй части, на страницѣ 72-й можно найти кое-что о великомъ *Пожарскомъ*, котораго, не спыдаясь, можемъ назвать своимъ *Мильтиадомъ*, *Цинцинатомъ*, *Велизаріемъ* и *Вашингтономъ*.

28.

Текстъ.

(Стр. 209-ая.) «Недоспапокъ маперіаловъ «отечественной исторіи, относительно осады Смоленска, заставилъ меня прибѣгнуть къ иностраннымъ извѣстіямъ.»

Замѣчаніе двадцать восьмое.

Напрасно! Извѣстія иностранцевъ и враговъ Россіи способны только къ объясненію Русской исторіи. Мы имѣемъ подъ руками, для исторіи того времени, превосходное и въ порядокъ приведенное *Собраніе дипломатическихъ актовъ*, о коихъ говоритъ *Карамзинъ* въ Т. II, примѣчаніе 31.

Одна записка, сохранившаяся въ архивѣ, открывая, что *Владиславъ*, уже по завоеваніи Смоленска, взялъ за опреченіе отъ пшпула Русскаго Царя и отъ всѣхъ претензій на Россію—20,000 рублей съ богатаго Русскаго Царя, который за одинъ свободный пропускъ Голспинскихъ купцовъ чрезъ Россію въ Персію получалъ 600,000 ефимковъ ежегодно, одна сія записка одною спркою уничтожаетъ пышный панегирикъ, воспѣтый *Владиславу* и заставляетъ думать, что его могущество и воинскіе таланты были далеко не столь огромны, какъ ихъ изображаютъ.

29.

Текстъ.

(Стр. 332.) «Получа царское позволеніе «Голспинскіе послы торговать въ Персію, «отправили они своего кораблеспроишеля «*Кордеса* въ село Дедново съ шестью плотниками, приказавъ ему приготовить къ возвращенію ихъ корабль, на коемъ они на-«смѣрены были плыть Волгою и Каспійскимъ «моремъ къ берегамъ Персіи.»

Къ сему извѣстію, во II-й части въ 200 примѣчаніи, авторъ, ссылаясь на Географическій словарь Россійскаго государства, сочиненный *Щекотовымъ*, говоритъ, что—«онъ *Щекотовъ* ошибся, потому что корабль сей былъ спроенъ въ Нижнемъ-Новгородѣ.»

Замѣчаніе двадцать девятое.

Не *Щёкотовъ*, а г. *Берхъ* ошибся. Въ Географическомъ словарѣ нѣтъ ни слова о спроекти въ селѣ Дедновѣ корабли при Царѣ *Михаилѣ Теодоровичѣ* для Голштинскихъ пословъ. Въ немъ сказано о военномъ кораблѣ *Орель*, построенномъ въ Дедновѣ при Царѣ *Алексѣѣ Михайловичѣ* Голландскими корабельными мастерами.

30.

Текстъ.

(Спр. 236-ая.) «*Филарета Никитича* мож-«но только обвинить въ излишнемъ често-«любіи. Испрошеніемъ самосудной грамоты «усилилъ онъ неограниченно духовную «власть. Ежели бы великій мужъ сей могъ «предвидѣть послѣдствія: по поступилъ бы «иначе, избавя Россію отъ великихъ бѣд-«спвій, избавилъ бы внука своего (Царя «*Алексѣя Михайловича*) отъ великихъ го-«ресей.»

Замѣчаніе тридцатое.

Не надлежало въ третій разъ превозить священную тѣнь великаго Герарха — и понапрасну. Выше уже мы доказали, что грамота, о которой говоритъ нашъ авторъ, не распространяла власти Россійскаго духовенства. Отъ какихъ же великихъ бѣдспвій могъ избавить Россію и Царя *Алексѣя Михайловича* великій дѣдъ его, мы не понимаемъ. Развѣ была въ его царствованіе война за вѣру? Развѣ папріархъ присвоилъ себѣ власть свѣтскую? Ничего эшаго у насъ на Руси не бывало! Раскольничьи ереси возродились не отъ папріарха *Филарета*, а отъ папріарха *Никона*, который предпринялъ поправить церковныя книги.

31.

Текстъ.

(Спр. 241-ая.) «Въ семь же 1634-мъ или «1638-мъ году состоялся указъ не употреб-«лять табаку и не торговать онымъ, а у «нарушителей сего указа вельно отбиратьъ «имѣніе въ казну и наказывать ихъ безъ «пощады; эшотъ указъ распространень и

«на Нѣмцевъ. Папріархъ *Никонъ*, изболгча «*Марселлиса* въ употребленіи табаку, под-«велъ его къ наказанію кнупомъ.»

Замѣчаніе тридцать первое.

Нашъ авторъ, для удословненія насъ въ справедливости вышеприведеннаго факта, отсылаетъ насъ къ 223 и 224-й страницамъ *Царствованія Царя Алексѣя Михайловича*, а сіи отъ страницы отсылаютъ насъ къ *Мейербергу*. Послѣ эшаго спрашно, что *Мейербергъ* молчитъ о семъ въ своихъ запискахъ. Еще спрашнѣе, что и въ самомъ указѣ о табакѣ нѣтъ ни словечка о Нѣмцахъ! Правда, о полковникѣ изъ Нѣмчинъ *Фонъ-Далленъ* напечатано, что онъ за табакъ бить кнупомъ; но благоразумный переводчикъ *Мейерберга* находить сей рассказъ невѣроятнымъ — и весьма основательно! А почему мы такъ мыслимъ: пому слѣдуютъ пункты: а) до XVI-го вѣка табакъ совсѣмъ не былъ извѣстенъ въ Россіи; б) указъ о неупотребленіи онаго изданъ въ 1634-мъ году при папріархѣ *Иоасафѣ*, и принадлежить къ погодашнимъ Спаровѣрческимъ нововведеніямъ, коихъ просвѣщенный *Никонъ* не только не одобрялъ, но явно ихъ преслѣдовалъ; в) о *Марселлисѣ*, пострадавшемъ за употребленіе табаку, нигдѣ не упоминается; г) *Фонъ-Далленъ* былъ воинскимъ чиновникомъ, къ вѣдомству папріарха *Никона* не принадлежалъ, а обличень, судимъ и наказанъ по приговору Уголовнаго суда.

Все содержащееся въ текстѣ 31-мъ есть піщическая выдумка!

(Окончаніе въ слѣд. листкѣ.)

M O D E S.

Qu'est-ce que la mode du moment? C'est de partir — c'est d'aller habiter sa terre au fond de la province, ou une jolie campagne aux environs de Paris — c'est de s'occuper de son appartement de ville pour l'hiver.

Dernièrement une femme très-riche partait pour les eaux; elle s'embarquait dans une excellente calèche des magasins de N.... Tout avait été disposé

autour d'elle de manière à ce qu'elle ne manquât d'aucune de ces commodités qui rendent la vie facile, et les situations inusitées tout ordinaires. Un bon lit suspendu se repliait à volonté. Les coffres, les caisses de la voiture étaient remplis avec profusion de tout ce que Corcelet, le *gourmand* du Palais-Royal, a imaginé de recherché; des viandes piquées et renfermées dans des boîtes de fer-blanc; des fruits conservés, des essences de thé, de café, toutes prêtes à donner à l'eau bouillante le parfum que l'on désire sans préparation.

Puis deux tables en coutil sont construites avec un art vraiment remarquable. L'une est pour manger, l'autre pour écrire. — La place de chaque objet est marquée par un creux dans lequel on fait entrer l'assiette, le couvert, une carafe, etc., etc., de manière que tout étant ainsi retenu, rien ne peut vaciller.

Quant aux appartemens et aux maisons de campagne, jamais on n'a fait de plus merveilleux papiers de tenture que ceux du magasin de Prot, passage Choiseul, n° 79; il y en a une si brillante nomenclature à faire, qu'après les avoir vus on ne peut s'empêcher, lorsqu'on s'occupe d'ameublement, d'en dire quelques mots.

Pour de grands salons de campagne, il y a des feuilles qui se disposent selon la grandeur de la pièce. Au milieu du panneau est un médaillon avec des figures. Des colonnes de feuillage, des oiseaux, remplissent le haut et le bas. — Sur d'autres feuilles sont des montans du même genre sans médaillon, pour mettre entre chaque panneau. Ceci imite tout-à-fait les peintures à l'huile.

Les papiers *tapis*, fond noir, rosaces de couleurs vives sont d'une grande élégance dans le monde à la mode; ils sont bien dans une grande chambre à coucher ou un petit salon.

Les papiers entièrement drapés, fond et fleurs, vert sur vert, rouge sur rouge, sont admirables; ils se placent dans les salons de ville.

М О Д Ы.

Что теперь мода? Жить—жить в деревнѣ вкупрь провинціи, или въ красивомъ загородномъ домѣ въ окрестностяхъ Парижа—и заниматья устройствомъ городского дома къ зимѣ.

Недавно одна очень богатая дама ѣхала къ водамъ; она опшравлялась въ прекрасной коляскѣ изъ магазина г-на N..... Все расположено было вокругъ неѣ такимъ образомъ, что не было недоспапка ни въ одномъ изъ шѣхъ удобствѣ, кошорыя облегчаютъ способъ житья, и дѣлаютъ необыкновенныя положенія весьма обыкновенными. Хорошая висячая кровать складывалась по произволу, сундуки, ящики экипажа наполнены съ избыткомъ всемъ, что *Corcelet*, изъ обжорнаго ряда Пале-Рояля, выдумалъ опшличнаго; шпикованныя мяса, закупоренныя въ жестянкахъ, въ прокъ заготовленные плоды, эссенціи изъ чая, кофе, совсѣмъ готовыя придашь кипящей водѣ ароматъ какой угодно безъ приготовления.

Попомъ два стола складные, сдѣланы испшшно съ опшчнымъ искусствомъ. Одинъ для кушанья, другой для письма.—Мѣсто всякой вещи означено углубленіемъ, въ которое вспавляется шарелка, приборъ, графинъ, и проч., и проч., шакъ что, бывъ такимъ образомъ придержано, онѣ не могутъ распресшиться и спгучать дорѣгою.

Что же касается до городскихъ или загородныхъ домовъ, то никогда не дѣлали прелеснѣе обѣй какъ въ магазинѣ Prot, проездѣ Choiseul, No 79; о нихъ можно сдѣлать споль блестящую перепись, что видѣвши ихъ, нельзя удержаться, когда занимаешья меблпровкой, не сказать о нихъ нѣсколькихъ словъ.

Для большихъ деревенскихъ госпшныхъ еспъ листы, кошорыя располагаютъ, сообразуясь съ величиною комнаты. Въ среднѣ опдѣленія медальонъ съ фигурами. Колонны изъ зелени, шпшцы, наполняютъ верхъ и низъ.—На другихъ листахъ шѣ же украшения, шолько безъ медальоновъ, для помѣщенія между каждаго опдѣленія. Это совершенно подражаетъ живописи масляными красками.

Ковровые обои, по чѣрному грунпу, звѣзды яркшхъ цвѣшовъ—въ большомъ вкусѣ въ модномъ свѣшѣ; онѣ очень приличны къ большой спальнѣ или маленькой госпшной.

Обои совершенно драпированныя, грунпъ и цвѣшы зеленые по зеленому, красные по красному, превосходны; ихъ упопрѣбляютъ для городскихъ госпшныхъ.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

.....
ТРЕТІЙ ГОДЪ.
.....

Выходятъ
по Средамъ и
Субботамъ.

№ 60.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 104 №,
съ 36-ю картинками моды,
въ С. П. б. 30., съ до-
спавкою и пересылкою
35 рублей.

СУББОТА, Іюля 29 дня 1833 года.

Того не говорю, чѣмъ всякой долгомъ спавить
Тѣхъ глупыхъ модниковъ придерживавшьясь правилъ,
Которые себѣ всегда вмѣняють въ честь
Для моды что либо новѣе изобрѣсть:
Но нахожу, ей, ей! большую справность въ этомъ,
Чѣмъ избѣгать того, что принято всѣмъ Свѣтомъ;
И лучше во сто разъ вписаться въ дураки,
Чѣмъ умничать, какъ нынѣ, всѣмъ людямъ вопреки.

Дуининъ-Борковскій.

ПЕРЕСМѢШНИКЪ.

П Л У Т Ы - Н И Щ І Е.

Въ Лондонѣ и пеперь еще живъ нищій
Джонъ Голловай, прозванный *Капустникомъ*:
онъ сидитъ на мостовой—и съ припворною
жадноспью гложетъ сырой кочанъ капусты.
Прохожіе съ состраданіемъ видятъ сіе—и
обогащаютъ его щедрымъ подаваніемъ. За
это сажали его уже около прицати разъ
въ Смирительный домъ, — гдѣ кормятъ его
варѣною капустою.

У насъ въ Цесербургѣ въ 1821-мъ году
проявился было такой-же удалецъ. Онъ былъ
безъ рукъ, и жилъ, помнится, у Вознесенья.
Онъ нанималъ квартиру, передняя горница
которой была стѣнная, тѣсная, запачканная
лачужка, со споломъ о прѣхъ ножкахъ, съ
двумя спульями, связанными веревками и съ
поспелюю; покрышою засаженною периною
и въ лоскуты изорваннымъ одѣяломъ.—По-
зади сей коморки находились у него двѣ по-

рядочно мѣблированные горницы. Въ пер-
вомъ отдѣленіи принималъ онъ благодушель-
ныхъ особъ, надѣлавшихъ его богато мило-
спынею,—въ другой—роскошно угощалъ сво-
ихъ пріятелей и пріятельницъ, помогав-
шихъ ему обманывать публику. Полиція
скоро добралась до него и *прибрала къ ру-
камъ безрукаго попрошайку.*

ЕСТЬ ЧѢМЪ ХВАЛИТЬСЯ!

«О чемъ такъ шумятъ, чему такъ ра-
дуются наши литераторы?»—Сжили сърукъ
Перелѣтчиковъ.—«Какъ имъ не спыдно; раз-
давили червя—да и думаютъ, что соверши-
ли великій подвигъ!»

Не чудно въспрѣчать въ столицахъ лю-
дей, которые ополоумѣли и оглохли. На
мѣльницахъ, на полчелъхъ, при водоворо-
пахъ, надобно громко кричать, чѣмъ насъ

разслушала. Говорящій и желающій, чтобы его поняли, поясняетъ слова пѣлодвиженіями (жестами). Въ большихъ городахъ есть также свои условные знаки: пояснѣе и земные поклоны, колыпопреклоненія, улыбка, безъ рѣчей говорящая: *такъ, такъ, сударь, такъ! такъ!*

СЛОВЕСНОСТЬ.

ПРЕДАТЕЛЬСКАЯ ТРОСТЬ.

(*Берлинское сказаніе; соч. Космара.*)

Разсматривая со вниманіемъ древнюю башню Берлинской ратуши, на углу Королевской и Шпандауской улицъ, мы замѣтили на споронѣ, обращенной къ первой изъ означенныхъ улицъ, въ нижнемъ ярусь, кирпичемъ задѣланную дверь, изъ которой въ прежнія времена деревянная лѣстница вела въ Королевскую улицу. Въ этомъ мѣстѣ долгое время былъ главный входъ въ ратушу, покуда не сломали деревянной лѣстницы, которая по чрезвычайной темнотѣ Королевской улицы весьма мѣшала проезжающимъ, и не открыли просторныхъ выходовъ въ обѣ улицы. — Сколь ни маловажною, можетъ быть, покажется теперь сія задѣланная дверь искателю достопримѣчательныхъ древностей, однакожь мы обязаны обратишь на неѣ вниманіе нашихъ читателей, потому, что деревянная у неѣ лѣстница ознаменовалась происшествіемъ, которое однажды, во время ея существованія, весь Берлинъ привело въ движеніе.

Одинъ богатый пекаръ, по имени *Бальтазаръ*, съ помощію искусственнаго вѣса своихъ хлѣбовъ, объемъ коихъ сверхъ того годъ опъ году становился меньше, испекши себѣ мало по малу порядочное состояніе, хопѣлъ еще болѣе разжиться безъ труда, и потому продалъ свою пекарню, чтобы посвятивъ остатокъ своей жизни любимому въ то время уже ремеслу лихоимства. Деньги были для него выше всего на свѣтѣ; блестящій червонецъ въ глазахъ его заимѣвалъ и солнце и луну и звѣзды на Божьемъ яс-

номъ небѣ; на яву и во снѣ раздавался въ ушахъ его звонъ обольстительнаго мешада. Однимъ словомъ, корысть ни днемъ, ни ночью не давала ему покоя. — Долгое время *Бальтазаръ* занимался этимъ дѣломъ весьма успѣшно. Онъ давалъ въ займы большія суммы, которыя опъ непомѣрныхъ процентовъ въ короткое время удваивались и упроеивались. Но кому онъ разъ помогъ, то есть кто разъ попался въ его сѣти, тотъ вѣрно опять у него не просилъ денегъ подъ залогъ. Всему Берлину извѣстно было какими средствами онъ нажилъ себѣ такое имѣніе, но всякъ спрашивалъ богатаго *Бальтазара*, и потому онъ безнаказанно продолжалъ свое непопулярное ремесло. Божій праведный гнѣвъ хопя и доселѣ его еще мловалъ, но несчастные, удрученные бѣдностью, уже спали бѣгавъ опъ его золота, какъ опъ огня; лихоимство мало по малу переспало набивавъ его мѣшки червонцами, и нашъ *Бальтазаръ* нашелся принужденнымъ открывать свой огромный желѣзный сундукъ, чтобы наслаждаться созерцаніемъ скопленнаго золота. — Видя такую невзгоду, скупецъ привелъ въ движеніе всѣ свои умственные способности, чтобы придумать другія средства, могущія размножить и доловъ его сердца. Вскорѣ мелкнула въ головѣ его щастливая мысль. — «Слишкомъ долго, — сказалъ онъ самъ себѣ» — слишкомъ долго другіе жили моими деньгами, наживались моими деньгами, теперь и я возьму у кого нибудь займообразно, и чужими деньгами положу основаніе новымъ богатствамъ. Я постараюсь достать въ займы, за умѣренные проценты, порядочную сумму, за которую съ нуждающихся сдеру вдвое, — можетъ быть чужія деньги принесутъ мнѣ болѣе щастія. Онъ вѣрояпно разумѣлъ слѣзы, вымученныя у бѣдности его собственными деньгами.

Съ этимъ намѣреніемъ нашъ богатый *Бальтазаръ* пошелъ къ пекарю *Герману*, — потому самому, который нѣсколько лѣтъ тому назадъ купилъ его пекарню. — Когда мастеръ (*Германъ* учился у него пекарству) вошелъ въ комнату своего бывшего подмастерья, и попросилъ его, ссудивъ его до послѣзавтра 50 червонцами, то *Германъ* без-

прекословно вручилъ ему пребуемую сумму. Онъ нимало не удивленъ былъ просьбою своего бывшего хозяина, ибо ему извѣстно было изспари, что *Бальтазаръ*, врагъ всякаго мертваго капишала, никогда не имѣлъ въ домѣ много наличныхъ денегъ; и пакъ не мудрено, что онъ повѣрилъ на слово надежному челоуѣку, и безъ залога опщипалъ ему 50 полновѣсныхъ червонцевъ.—*Бальтазаръ*, оскала зубы на золото, подумалъ самъ себѣ: пусть только мои пальцы сгребутъ эти миленькіе червонцы, а памъ *Германъ* подождетъ; не прежде ихъ опдамъ, какъ мнѣ по будетъ угодно.— Такимъ образомъ опущилъ онъ золото въ карманъ, внутренренно смѣясь надъ проспошою *Германа*, который ради шакого малаго срока не потребовалъ даже письменнаго обязательства.— Когда онъ возвратился домой, и въ своей уединенной комнашкѣ дрожащею опъ радости рукою спалъ перещипывать свѣпдые червонцы, по все крѣпче въ немъ утверждалась мысль, никогда не возвратишь этихъ денегъ.— Сей обманъ не могъ ему сподить много труда, и когда онъ крѣпко захлопнулъ крышу желѣзнаго сундука, который спалъ теперь ппжелѣе 50 червонцами, по планъ его утвердился въ немъ споль же крѣпко, какъ замкнулась крыша его казнохранилища.— День, въ который онъ обшчалъ возвратишь деньги; наспушилъ, но *Бальтазаръ* не показывался. Слѣдующій за пѣмъ день также прошель.— Когда минулъ и претій, а про *Бальтазара* все еще не было ни духу, ни слуху, по *Германъ* опсправился къ нему. Легко вѣдъ могло случишься, что должникъ его занемогъ. Но *Бальтазара* не было дома для заимодавца. На другой день, ни свѣпъ ни заря, *Германъ* оппять побрель къ *Бальтазару*, но дверь его была заперта, и оспалась запертою: ибо нашъ лихоимецъ, какъ *Германъ* узналъ опъ ближайшаго сосѣда, накануне куда-то уѣхалъ.— Онъ не могъ обшяснить себѣ сей спранный поступокъ богатаго должника.— Цѣлую недѣлю мучила его неизвѣспность, покуда однажды упромъ не вспрѣпился онъ случайно съ *Бальтазаромъ*, который разсказалъ ему мимоходомъ, что онъ вчера вечеромъ только возвратился изъ поѣзд-

ки. Чеспный *Германъ*, не подозрѣвая никакого обмана, добродушно спросилъ его о здоровьѣ, о пупешествіи, и наконецъ наемкнулъ о своихъ 50-ти червонцахъ.— Но какъ онъ удивился, когда *Бальтазаръ* пресѣрбно объявилъ ему, что онъ ѣпакой шупки не любитъ. Дошло до обшясненій, а вскорѣ и до сильной побранки. Лихоимецъ клялся и божился, что онъ заплапилъ въ срокъ эти ппятьдесять червонцевъ, а *Германъ* призывалъ Бога въ свидѣтели, что онъ не получалъ еще ни одного пфенцинга! Сколько молодой пекаръ ни увѣрлялъ, что деньги ему еще не возвращены, спарикъ прехладнокровно утверждалъ противное. Но когда *Германъ*, возмущенный сею дерзкою, неслыханною подлостью, и забывъ, что они на улицѣ среди бѣла дня, въ справедливомъ гнѣвѣ свсемъ назвалъ своего бывшего мастера бездѣльникомъ и обманщикомъ, тогда *Бальтазаръ* потерялъ свое коварное равнодушіе, и громко вскричалъ, пакъ что все его окружающіе слышали: «какъ вы смѣете обвинять меня въ преступленіи, къ которому мнѣ право не надобно прибѣгать, ибо деньги у меня, слава Богу, вдоволь, и мнѣ не нужны ваши ппятьдесять червонцевъ! Я не опираюсь въ томъ, что получилъ опъ васъ эту сумму безъ залога, но я, какъ чеспный челоуѣкъ, возвратилъ вамъ оную въ срокъ. Какъ не совѣспно спорить, когда вамъ самимъ я вручилъ эти деньги? О граждане, смоприпте!— закричалъ онъ еще громче: какой молодой челоуѣкъ, а пакъ ужъ нагло запирается! Эпопъ негодий самъ лезетъ на висѣлицу. Онъ плушъ, и если не докажетъ мнѣ пропивнаго, по во всю жизнь будетъ помнишь богатаго мастера *Бальтазара!*»— Съ сими словами онъ гнѣвно обернулся, чтобы выйти изъ толпы народа, которая между пѣмъ собралась вокругъ спорщиковъ. *Германъ* споялъ, какъ громомъ пораженный, и въ нѣмомъ оцпенѣнни смопрѣлъ вслѣдъ за обманщикомъ. Такой низости онъ не ожидалъ! Многие въ толпѣ, которые лучше знали лихоимца, громогласно ропсали, но никто не смѣлъ вспушиться за молодого мастера пропивъ богатаго *Бальтазара*.

Когда *Германъ*, пригорюнясь, вечеромъ сидѣлъ въ своей мастерской, и вспоминалъ свои свѣтлые червонцы, которые въ попѣ лица скопилъ на покупку домика, но снова вспыхнула въ немъ ярость, и онъ твердо рѣшился, завпрешній день, предъ зеркаломъ Суда, не дать себя озадачить обманщику, какъ сегодня на улицѣ.

На другой день онъ первый былъ въ залѣ рапуши. Рапсгеры, выслушавъ его жалобу, сомнительно покачали головами, однакожь послали приказнаго разсыльщика за *Бальтазаромъ*, всѣмъ извѣстнымъ гражданиномъ и мастеромъ, но вмѣстѣ и всѣмъ извѣстнымъ лихоимцемъ.

Бальтазаръ давно уже рачицалъ, что эпому должно было случиться. Онъ коротко знакомъ былъ съ ходомъ суда; онъ зналъ, что его ожидало, но вмѣстѣ съ тѣмъ и зналъ, что онъ не поплѣ человекъ, у котораго можно проспою, прямою силою суда опнятъ то, что онъ уже разъ добылъ себѣ на кривомъ пути лукавства и обмана.

Домашніе люди его поговаривали, что будто онъ наканунѣ, съ улыбкою самодовольствія, осмопрѣвъ свою толстую Испанскую проспѣ, каковую въ то время обыкновенно носили богатые граждане, взялъ её съ собою въ свою спальню, и тамъ заперся. Но одинъ мальчикъ, весьма любопытствующій, подкравшись къ двери, явственнo слышалъ, какъ хозяинъ что-то распилывалъ и билъ молоткомъ, потомъ слышалъ бряканье звонкой монеты, и наконецъ даже видѣлъ сквозь щелку, какъ *Бальтазаръ* на угольномъ огнѣ что-то растапливалъ въ своей комнаткѣ.

Никто не могъ объяснить себѣ эту таинственную ночную работу при замкнутой двери.

Когда же на другой день вошелъ къ нему посланецъ изъ рапуши, то *Бальтазаръ* нимамо не воспротивидся повелѣнію рапсгеровъ, взялъ спокойно свою шляпу и проспѣ, которая опять стояла въ углу, и пошелъ за своимъ жошамъ.

Между тѣмъ собралось въ рапушѣ множество гражданъ, которые, зная коротко обоихъ хлѣбниковъ, принимали живѣйшее участіе въ ихъ дѣлѣ, и крайне любопытство-

вали узнать, не сплуповалъ ли опять ненависный имъ лихоимецъ. Но когда сей послѣдній, безъ малѣйшаго признака замѣшательства, вошелъ въ обширную залу рапуши, то всѣ присутствующіе удивились его спокойствію, а *Германъ*, стоявшій поодаль съ чистою совѣстью, даже ужаснулся сего невѣроятнаго безспыдства. Воцарилась мертвая тишина. Одинъ изъ судей уже внесъ въ протоколъ тяжёлое дѣло со всѣми обспоятельствами. *Германъ* снова изложилъ справедливостъ своихъ припязаній; но *Бальтазаръ* по прежнему утверждалъ, что возвратилъ деньги, и безпрестанно вопилъ, съ выраженіемъ оскорбленной честности: «я готовъ присягнуть; да, да, я готовъ присягнуть! Да погибнетъ на вѣки душа моя, если учиню ложную присягу!» —

Тутъ и молодой хлѣбникъ разгорячился, и вскричалъ: ладно, пусть-ка присягаетъ, если можетъ! — Ради пятидесяти червонцевъ, думалъ онъ самъ себѣ, бывший хозяинъ его вѣрно не учинитъ ложной присяги, чрезъ которую онъ управитъ вѣчное блаженство. — Присутствующіе безмолвствовали; судіи кивнули головами въ знакъ согласія, и наконецъ одинъ изъ нихъ, послѣ непродолжительнаго совѣщанія съ своими поварицами, сказалъ: «поелику испецъ пребуетъ присяги отъ отвѣтчика, который и готовъ учинитъ сію присягу, то вы, мастеръ *Бальтазаръ*, извольте сей часъ очиститъ себя отъ обвиненія присягою, что вы дѣйствительно заплащили хлѣбнику *Герману* взятыя у него въ займы пятьдесятъ червонцевъ.» — Тутъ въ народѣ послышался тихій шопотъ, ибо всѣ были увѣрены, что *Бальтазаръ* не присягнетъ, и скорѣе повинится, — о ложной присягѣ никто не смѣлъ и подумать, — но обманщикъ, спокойно кивнувъ головою, сказалъ: «ведите меня къ присягѣ!» — Онъ подалъ стоявшему подлѣ него *Герману* свою шляпу и проспѣ, съ сими словами: «подержите проспѣ и шляпу вашего бывшего хозяина.» — Изумленный *Германъ* машинально взялъ изъ рукъ его шляпу и проспѣ, и вслѣдъ за тѣмъ спарикъ, съ видомъ совершеннаго спокойствія, произнесъ обычную присягу. — Когда онъ заключилъ

словами: «клянусь предъ Господомъ Богомъ, что деньги мною возвращены *Герману*; да будетъ душа моя вѣчнымъ спяжаніемъ ада, если я далъ ложную присягу—аминь!»—по всѣ присутствующіе содрогнулись, ибо большая часъ ихъ была увѣрена, что они слышали ложную присягу. *Бальтазаръ*, ласково благодаря, взялъ обратно свою шляпу и проситъ у испца, погруженнаго въ думу; судъ призналъ богатаго пекаря невиннымъ, а бѣдный *Германъ* получилъ отказъ.—Дѣло было кончено, и народъ, громогласно ропща; сползился у дверей залы.—Взоры всѣхъ обращены были на обоихъ пекарей, которые безмолвно шли рядомъ. *Бальтазаръ*, не довольный шѣмъ, что судъ призналъ его невиннымъ, и очень хорошо замѣтивъ негодование *Германовыхъ* пріятелей, рѣшился еще болѣе оскорбить своего пропивника. Дошедъ до деревянной лѣспницы у дверей рапуши, онъ на минушу оспановился, и погрозя *Герману* своею тяжелою Испанскою проспью, вскричалъ гнѣвно: «я жестоко оплачу вамъ за коварный умыселъ, лишитъ меня добраго имени; ваше подозрѣніе меня обезчестило, и это вамъ дорого будетъ споить! Одинъ только обманщикъ могъ обвинять меня въ обманъ!»—Такія рѣчи, послѣ столь тяжкаго оскорбленія, честный *Германъ* не могъ перенести.—Вокругъ него спояли многіе добрые пріятели, на помощь коихъ онъ могъ положиться въ случаѣ нужды.—Крикнувъ: «клятвопреступная собака!» онъ хопѣлъ лихоимца сполкнувъ съ лѣспницы, но сей послѣдній, спавъ въ оборонительную позицію, изъ всей силы проспью своею ударилъ наступающаго *Германа* по спинѣ.—Ударъ былъ такъ полновѣсенъ, что Испанская проспя разбилась, и на мостовую брякнуло звонкое золото, въ копоромъ всѣ узнали располненные червонцы. Онъ, до учиненія присяги, буквально вручилъ испцу взяпые у него 50 червонцевъ.—Тяжба обоихъ пекарей теперь сдѣлалась дѣломъ народнымъ: Іезуитское ухищреніе *Бальтазарова* вдругъ обнаружилось; народъ сбѣжался со всѣхъ споронъ; всякій, видя явный обманъ богатаго лихоимца, осыпалъ его ругательствами, и

между шѣмъ, какъ мальчишки бросились подбиратъ разсыпанное золото, возмущенный народъ кинулся на обличеннаго плупа, и вѣрно закидалъ бы его камнями, если-бъ не защитила его полицейская спража.

Бальтазаръ, преща Божьяго гнѣва, споль дивно его поразившаго, признался въ обманъ, и вызвался запллпть большую сумму, если простятъ его и предадутъ всю испорію забвенію.—Добродушный *Германъ* готовъ былъ простить его, но судъ, не удовольспвуясь однимъ раскалиемъ, сверхъ всема значительной пени, приговорилъ мастера *Бальтазара* во всю жизнь носить на шеѣ шелковый снурокъ, въ замѣнъ веревки.—На палача возложена обязанность свидѣтельствоватъ сей снурокъ ежегодно по одному разу, за каковую службу *Бальтазаръ* каждый разъ плащилъ ему по пятидесяти гульденовъ.

Съ Нѣм. В. Тило.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Ф И Л О М Е Л А.

Подраж. Гѣте.

Не опрокъ ли Амуръ вскормилъ тебя, царница,
И пищу на стрѣлѣ коварный подавалъ?
Онъ спраситъ ядъ разлилъ, чтобъ голось твоя,
пѣвица,
Сердцá любовію разилъ и волновалъ.

Л. Якубовичъ.

С H A R A D E.

Mon premier chaque jour,
Contre le froid, protecteur nécessaire.
Presse dans son contour
D'Emma la jambe faite autour,
Et les maigres fuseaux d'un vieux célibataire.
Mon second est le destrier
De la jeune laitière;
Et l'on voit souvent mon entier
Orner les rayons d'un libraire.

Въ No 59, помѣщенная анаграмма значить: *Лузь.*

К Р И Т И К А.

На книгу: Царствование Царя Михаила Феодоровича и Взглядъ на междоцарствіе, сочиненную В. Берхольмъ.—С. Петербургъ. 1832.

(Окончаніе.)

32.

Текстъ.

(Стр. 247-ая.) «Въ 1636-мъ году кипрый *Брюгелманъ* (Голштинскій посоль) умълъ еще «выманилъ 100,000 червонцевъ въ ссуду и «далъ въ сей суммъ (Царю Михаилу Феодоровичу) векселя.»

Замѣчаніе приидцашъ второе.

Все это несправедливо! *Брюгелманъ* не выманялъ у мудраго Русскаго царя ни гроша. Это объясняется пятью актами, доннынъ сохраненными въ государственномъ архивѣ. Обстоятельства сего дѣла были слѣдующія: Голштинскіе послы *Крузиоусъ* и *Брюгелманъ* дали на себя Царю записъ, копорою обязались: за дозволеніе вести чрезъ Россію транзитный поргъ съ Персіею—плащипъ въ продолженіи десяти лѣтъ ежегодно по 600,000 ефимковъ. Въ 1636-мъ году срокъ платежа за годъ наступилъ 3-го Декабря. Послы, не имѣя наличныхъ денегъ, упрости Царя взять съ нихъ вексель. Тушь нѣтъ со спороны ихъ ни обмана, ни выманки, а просто недоспащокъ денегъ, несостоятельность.

33.

Текстъ.

(Стр. 301.) «Къ щаспію юнаго монарха «можно приписашъ и то, что родитель его «*Филаретъ* находился первые шесть лѣтъ «сего царствованія въ плѣну. Мы видѣли вы«ше примѣры самовласпія папріархова, кои «были въ послѣдствіи гибельны для внука «сего Царя *Алексъя Михайловича.*»

Замѣчаніе приидцашъ шрестіе.

О какой гибели уже въ шрестій разъ полкуетъ нашъ авторъ? Царствование мудраго Царя *Алексъя Михайловича* было щаспливо—и пригошвило полезныя преобразованія, кои совершилъ *Петръ I*. Правда, были при немъ два бунта; но не опъ властолобія и

даже не опъ вліанія духовенства. *Первый* опъ неперпимаго грабительства солянхъ приспавовъ; *второй* опъ пощачки, копорою Царь сдѣлалъ черни при первомъ возмущеніи. Если-бъ онъ наказалъ зачинщиковъ перваго: то втораго бы не было. Много поперпѣла Россія опъ разбойничества *Стеньки Разина*; но онъ, по удосповѣренію испорика Русскаго народа, былъ представителемъ кащачкой свободы; православное же духовенство гнушалось имъ, проклидало его и, не полко нимало не виновно въ сихъ ужасахъ, а напропивъ передало исторіи еще одного великаго іерарха: *Аспраханскій* мипрополилъ замученъ варварами за то, что увѣщевалъ ихъ покориться царской власти.

Нашъ авторъ, наполня половину исторіи Царя *Алексъя Михайловича* небывалыми прещупленіями *Никона*, копороый погибъ жерпвою своей гордости и клеветы личнаго врага своего боярина *Милославскаго* (царскаго пещя, родителя царицы *Маріи Ильинишны*). Авторъ напрасно оскорбляетъ память спрадалъца *Никона*.

34.

Текстъ.

(Стр. 235-ая.) «Къ щаспію мипрополища «(*Филарета*, въ 1607-мъ году захваченнаго «мящешниками), провожашые, ведшіе его въ «Тушино, вспрѣщились съ воеводою *Кура«кинъмъ*, копороый, разбивъ ихъ, избавилъ «соотечественниковъ своихъ опъ плѣна.»

Замѣчаніе приидцашъ щешвершое.

Неправда! г. *Берхъ* пишешъ, что мипрополилъ *Филаретъ* освобожденъ не въ 1607-мъ, а въ 1610-мъ году, *Григоріемъ Валувельмъ*, а не *Куракинъмъ*. *Карамзинъ* же увѣряешъ, что плѣнникъ *Филаретъ* былъ привезенъ къ Самозванцу въ Тушино. Пущъ испорикъ Царя *Алексъя* опровергнешъ и *Карамзина* и *Берха*.

35.

Текстъ.

(Стр. 229-ая.) «Іюня 23-го 1636 года, ре«золюція кабинета министровъ на докладъ

«Академіи наукъ о собраніи докуменшовъ «для жизнеописанія царей...въ томъ чи- «слѣ *Алексъя Михайловича*.»

Замѣчаніе тридцать пятое.

Въ 1636-мъ году ни С. Петербургской Академіи наукъ, ни Царя *Алексъя Михайловича* не существовало. И такъ, нужно бы объяснить, о какой Академіи авторъ говоритъ здѣсь.

Кстапи замѣтимъ, что если вѣримъ I-й части сей книги: то *Никита Романовичъ* скончался въ 1585-мъ году; если же придерживаешься II-й: то въ 1596-мъ.

По словамъ нашего автора, возвращеніе изъ ссылки *Романовыхъ*, хиропонисаніе *Филарета* въ Ростовскіе митрополиты и воцареніе *Шуйскаго* послѣдовали въ 1603-мъ году, въ самомъ же дѣлѣ всѣ сіи при случая произошли въ 1606-мъ.

Въ разсмаприваемой нами книгѣ, предложеніе Польской короны Царю *Геодору Иоанновичу*, Варшавскій сеймъ и избіеніе въ Москвѣ Поляковъ описаны къ 1610-му, между тѣмъ, какъ всѣмъ извѣстно, что первые два случая произошли въ 1587-мъ, а послѣдній въ 1606-мъ году.

Несравненно обиднѣе для Московскихъ бояръ несправедливое обвиненіе, будтобы они въ 1611-мъ году заложили двѣ царскія короны, скипетръ и другія коронныя драгоценности.

Заключеніе.

Отъ книги, наименованной: Царствование Царя *Михаила Геодоровича*, имѣемъ мы право претованъ полной исторіи времени сего государя; но не находимъ въ ней случаевъ, весьма достопамятныхъ. А именно: 1) О принятіи въ Россійское подданство въ 1614 году Кабардинской области, Кумыцкой и Нагайской ораы; въ 1617-мъ Монгольской, въ 1618-мъ Калмыцкой, въ 1630-мъ Кайтапской ораы и въ 1638-мъ Дидіанской области. Объ исторіи церкви и просвѣщенія совсѣмъ не упомянуто. 2) Не приведены многіе блиспапельные примѣры любви къ опечеспву, какъ-то: а) ревность Нижегородцевъ, по гласу своего согражданина, жер-

пвующихъ имѣніемъ и жизнью для спасенія опечеспва; б) самоопверженіе протоіерей *Аммоса* и иноковъ Троицко-Сергіевской лавры, рѣшившихся до смерти сполнѣ крѣпко за вѣру и опечеспво; в) подвигъ *Сусанина*, который воспріимъ мученическую кончину, а не предалъ новопоставленнаго Царя *Михаила*; г) безсмертное дѣло муромца *Кравкова*, запопившаго подъ Тулою цѣлое войско Самозванца.

Мы увѣрены, что авторъ приметъ сіи замѣчанія съ тѣмъ благоволеніемъ, съ какимъ они написаны, съ какимъ принималъ онъ замѣчанія г. *Булгарина*; а пуще всего, пусть при впоромъ изданія исправитъ сіи погрѣшности, происшедшія опъ скороспн, опъ просмотра, опъ переписчиковъ, опъ наборщиковъ. Пусть онъ вспомнитъ стихъ *Хераскова*:

И въ сохлцѣ и въ дунѣ есть тѣмныя мѣста!

M O D E S.

Les lampas vert sur vert, blanc sur vert, blanc sur bleu doivent être assortis au meuble pareil. Ils imitent parfaitement les lampas de soie. — Les bordures sont également semblables aux bordures de rideaux.

Sur un fond rouge drapé, des couronnes en feuilles de vigne noires drapées, — et, de place en place, des arabesques d'or. — Pour ceci il faut un riche et grand salon, ainsi que pour les fonds blanc satinés, à dessins gris-pâle, des rosaces d'or gothiques; sur un fond gris-perle des-althéas d'argent, cœur cerise et feuillage vert.

Un merveilleux travail est celui des papiers satinés gravés en taille-douce blanche, transparente, sur fond cerise. Les pareils sur fond blanc gravés en rose ou en bistre. Ils sont destinés aux chambres à coucher.

Pour une grande chambre simple, ou à la campagne, d'énormes fleurs, imitation des percales anciennes, sur fond blanc.

Des chalis exactement copiés sur échantillon, arabesques sur fond beurre frais.

Pour des boudoirs ou petits salons de travail, des tulles sur fond rose ou bleu.

Des perses sur fond noir, petits dessins. Puis un papier satiné, copié servilement sur un échantillon d'étoffe à jour venant de Perse. Le jour est indiqué

par la gravure. La fleur, ressemblant à une petite rose, est bordée d'une ligne d'or.—L'extrême exactitude de cette copie lui donne un caractère tout étrange et vraiment rare.

Il y a entre ces papiers dont nous parlons, et ceux que l'on voit partout, la même différence que l'on peut trouver entre un bon tableau et une image.

Le soir on porte beaucoup de chapeaux en crêpe lisse doublé.—Une rose est toujours ce que l'on place généralement. — La fleur de cerisier double est aussi de fort bon goût.

Les chapeaux de paille à jour n'ont jamais été portés cette année par une femme élégante. — Ceux de grosse paille vert et blanc, noir et blanc sont une fantaisie que peut-être une femme peut se permettre à la campagne ou dans son jardin, mais non à la ville.

Ils pourraient convenir à des jeunes personnes, doublés de gros de Naples rose, avec des rubans et une rose.

La mode des châles de cachemire carrés se soutient. — On a remarqué que dans les riches corbeilles qui se sont faites cette année, les châles carrés, blancs ou *vert anglais*, étaient remplacés par du gris de perle.

Les enfans portent beaucoup de petites robes à corsage décoleté, et manches courtes; autour du corsage retombe une petite chemisette en batiste, bordée d'un ourlet plat ou d'une valencienne.

М О Д Ы.

Лампасы зелёные по зелёному, бѣлые по зелёному, бѣлые по голубому; они должны соопвѣтствовать такой же мебели, и подражаютъ въ совершенствѣ шелковымъ лампасамъ.—Каймы также на подобіе коёмъ у занавѣсокъ.

По красному драпированному грунпу, вѣнки изъ чѣрныхъ драпированныхъ виноградныхъ листьевъ,—и въ нѣкоторомъ разстояніи между собою, золотые арабески.—Для сего надобно богатую и большую гонимую, также какъ для обоевъ съ бѣлымъ апласиснымъ грунпомъ, съ свѣтло-дикими узорами, золотыми гонимыми звѣздами; по перловому грунпу серебряныя алпей, сердечко алое и листья зелёныя.

Чудесная работа апласисныхъ обоевъ съ бѣлой прозрачной гравировкою по алому грунпу. Та-

кія же по бѣлому грунпу выгравированы розовымъ или биспромъ. Онѣ употребляются для спаленъ.

Для большой простой комнапы, или въ деревнѣ, огромные цвѣты, подражаніе спариннымъ перкалямъ, по бѣлому грунпу.

Вѣрное подражаніе шали на образчикахъ; арабески по грунпу цвѣта свѣжаго масла.

Для будуаровъ или маленькихъ рабочихъ гонимыхъ, шюль по розовому или голубому грунпу.

Сипцы, по чѣрному грунпу мелкіе узоры. Еще апласисныя обои, рабское подражаніе обрапка матеріи съ рѣшетками, привезенной изъ Персіи. Прозрачность означена гравировкою. Цвѣтокъ, похожій на маленькую розу, обведенъ золотомъ полойкою.—Чрезвычайная почность этой копій придаешь ей совершенно спранный и опличный видъ.

Между обоями, о которыхъ мы говоримъ, и шѣми, которыхъ видны вездѣ, почно та же разница, какую можно найти между хорошею картиною и иконописною живописью.

Вечеромъ носятъ много шляпокъ изъ гладкаго крепа на подкладкѣ.—По большой части прикалываютъ розу.—Махровый вишневыи цвѣтокъ также въ большой модѣ.

Шляпки изъ прозрачной соломки не были видны ни на одной щеголихѣ.—Изъ толстой соломы зеленой съ бѣлымъ, чѣрной съ бѣлымъ,—прихожь, которую дама можетъ позволить себѣ въ деревнѣ или у себя въ саду, но не въ городѣ.

Онѣ могли бы быть къ лицу молодымъ дѣвкамъ, подложенныя розовымъ гроденапемъ, съ лентами и розою.

Мода на Турецкіе плашки поддерживается.—Замѣтили, что въ богатыхъ приданыхъ, дѣланыхъ нынѣшній годъ, плашки, бѣлые или Англійскаго зелёнаго цвѣта, замѣщены были перловыми.

Дѣши носятъ маленькія плашья съ открытыми лифами и корошкими рукавами; около лифа опкидывается небольшая баписсовая шемизетка, съ широкимъ рубцемъ или узенькимъ кружевомъ.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

ТРЕТІЙ ГОДЪ.

Выходитъ
по Средамъ и
Субботамъ.

№ 61.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 104 №,
съ 36-ю картинками модъ,
въ С. П. б. 30, съ до-
спавкою и пересылкою
35 рублей.

СРЕДА, АВГУСТА 2 ДНЯ, 1855 ГОДА.

Блаженъ, кто вѣрнѣе просподушно,
Что все насъ къ лучшему ведетъ!
Въ бѣдахъ, въ печали равнодушно
Онъ щасья будущаго ждетъ.
Для испины закрылъ онъ вѣжды;
Онъ царь: ему дано владѣть
Обширной областью надежды.

ПЕРЕСМѢШНИКЪ.

ВОТЪ КАКЪ ИЗДАЮТСЯ ЖУРНАЛЫ ВЪ
АНГЛІИ.

(Дѣйствіе происходивъ въ редакціи одной
огромной полипико-липературно-учено-крѣ-
пической газетны.)

Явленіе I. — *Издатель* одинъ. — (Онъ си-
дѣлъ въ большихъ креслахъ, передъ завален-
нымъ бумагами споломъ, засунувъ руки въ
карманы, развалившись, поднимъ голову и
успремивъ глаза въ потолокъ. Проходивъ
мнунъ десять въ молчаніи и размысле-
ніи. Онъ всмаетъ, идетъ къ окну, дуемъ
на стекло, пускнѣющее отъ его дыханія,
черпнѣ на немъ пальцемъ букву Р, зѣ-
ваетъ, вынимаемъ часы, и звонитъ. — Яв-
ляется факторъ.)

Явленіе II. — *Издатель* и *Факторъ*.

Издат. Много ли у васъ оригиналовъ?

Факт. (Послѣ минутнаго молчанія.) Не
больше, какъ на два сполбца.

Издат. Чѣрпъ побори! А объявленія? на-
добно собрать ихъ какъ можно больше.

Факт. У меня будетъ ихъ сполбца на
два съ половиною, полагая въ помъ числѣ
извѣщенія шарлапановъ, порошки отъ во-
спаленія глазъ, чудесныя исцѣленія и все-
общія лекарствва. И по, если напечатать
заглавіе большими буквами и побольше раз-
бивъ....

Издат. А есть ли что въ запасѣ?

Факт. Ни спрочки. Вчера я писнулъ
все, даже *описаніе Удава, змѣя-констрикто-
ра*; оно мѣсяца два у насъ валяется.

Издат. (Въ раздумьи.) — Хорошо. Я позво-
ню, когда будетъ готовъ оригиналь....

Факт. Всѣ работники гуляютъ; если у
васъ есть что нибудь готовое для буду-
щихъ номеровъ, то не худо бы занять ихъ.

Издат. (Роясь въ бумагахъ.) — А!... по-
спойте: *романтическое самоубійство!* Это
годится вамъ, когда будетъ нужно напол-
нить послѣдній сполбецъ газетны....

(Факторъ — уходитъ.)

Явление III.—*Издатель* одинъ. (Опускаетъ руки въ карманы, насвистываетъ арію *России*, задумывается и вспаетъ.)—Какъ бытъ? Непремѣнно надобно чтонибудь дасть имъ.... Вовсе не придумаю, что писать!.... (Онъ чинитъ перо, спановитъ передъ собою чернилицу, кладетъ листъ бумаги, и снова садится.) Засѣданія въ палатахъ кончились, зимніе театры закрыты. Гай-Маркетскій и Оперный театры привлекаютъ нынче толпу.... Нечего, совершенно нечего сказать! Никакого печальнаго, ни одного ужаснаго приключенія! Ни одного полицейскаго, котораго бы припѣсненіе, злоупотребленіе власти, или пьянство, могъ я вывести наружу! Ни одного судьи, къ которому бы могъ привязаться!... Это убійственно!—Право, издаватель ежедневной газеты хуже колодника.... Въ худыя времена, когда угрожаетъ буря, еще можетъ кое-какъ плескаться, но совершенная тишина, вотъ что намъ всего страшнѣе. Тогда надобно приводить все въ движеніе, сильнѣе грести, распускаетъ паруса, спавитъ мачты! (Онъ съ поспѣшностію пишетъ, перо его быстро скользитъ по бумагѣ.) Хорошо и это.... годится для первой статьи. Подумаютъ, что здѣсь чтонибудь заключается, и ошибутся.... но это не бѣда. (Читаетъ.)

«Слухи неопредѣлительные, но съ каждымъ днемъ заслуживающіе болѣе вѣроятія, предвѣщаютъ, по видимому, важную перемену, и поселяютъ живѣйшее безпокойство. Свѣдѣнія, собранныя нами о семъ необыкновенномъ обстоятельстве, еще не облечены доспапочно вѣрностію, дабы намъ можно было дозволить себѣ сообщить нашимъ читателямъ извѣстіе любопытное, однакожь, можетъ быть, преждевременное.... Черезъ нѣсколько дней сомнѣнія наши прояснятся, и тогда ничто не препятствуетъ намъ открыть спранныя тайны частной и общественной жизни, какъ-бы ни было пятгостно обнаруженіе оныхъ для нѣкоторыхъ *блгородныхъ и знаменитыхъ особъ...*» Сія подчеркнутыя слова набрать курсивомъ. «Мы прибавимъ

«сполько, что лордъ *Грей* отправился вчера въ Виндзоръ въ своемъ дорожномъ экипажѣ, запряженномъ четвернею, и что послѣ трехъ-часоваго совѣщанія съ...» Здѣсь пише.... «Онъ назначилъ на завтрашній день тайное собраніе совѣта министровъ. «Мы не будемъ перьятъ изъ вида сего важнаго дѣла.» — (Звонитъ).

Явление IV.—*Онъ же и Факторъ.*

Издат. Вотъ первая статья. Разбейте какъ возможно шире, просторитѣ.... Понимаете?

Факт. Очень хорошо. Мы получили сей часъ двѣ новости: дѣло идетъ о дочери одного лорда, пойманной въ воровствѣ, и о взрывѣ паровой машины, которымъ убило одиннадцать мушкетеровъ, трехъ младенцевъ и одну старуху.

Издат. Какое щастіе! Тисните объ эти новости. Заглавіе наберите крупнымъ курсивомъ, къ первой: *Тайственное обвиненіе въ кражѣ*; ко второй: *Гибельный взрывъ!* съ двумя восклицательными знаками.

(Факторъ уходитъ, улыбаясь).

Издат. (одинъ).—А все еще у насъ ничего нѣтъ, кромѣ первой статьи... Надобно поискать другихъ. Въ Парижскихъ журналахъ ничего нѣтъ. Ничего новаго въ Бельгій, въ Португаліи, въ Турціи, въ Америкѣ... Право, я скажу читателямъ, что у меня ничего нѣтъ новаго; это самое послужитъ для нихъ новостью.... (Пишетъ, начиная сими словами): «никогда еще не бывало эпохи бѣднѣе новостями всякаго рода. Такое необыкновенное спокойствіе не еспьли предвѣстіе близкой бури?...»

Явление V.—*Онъ же и Докторъ.*

Издат.—А, здравствуйте, докторъ.—Какъ ваше здоровье?

Докторъ. Слава Богу, къ вашимъ услугамъ.

Издат. Что это вы мнѣ пакъ обязательное предлагаете, ваши лекарства, или ваше здоровье?

Докт. И то и другое.

Издат. Нѣтъ, я попрошу васъ оставить одно при себѣ, и побережеть другія для вашихъ неприятелей. Я дорожу жизнию.

Докт. Всегда осперъ и забавень.—А про-
рос, что новаго дѣлается въ свѣтѣ?

Издат. Рѣшиительно ничего. Не знаете ли
вы чего нибудь?

Докт. (Принявъ на себя важный видъ).
Король нездоровъ.

Издат. Неужли?

Докт. Точно; это такъ вѣрно, какъ пель-
ля больше. Я прескраннымъ образомъ уз-
налъ объ этомъ; сей часъ попался мнѣ въ
Довнингской улицѣ королевскій докторъ; онъ
шелъ съ озабоченымъ видомъ, не смотря
на жаръ, который сегодня несносенъ. Но
вамъ дорого время; я боюсь задержать васъ.
Прощайте, мой милый.

Издат. Прощайте, докторъ. (Оспается
одинъ, и пишетъ.)

«Сегодня упрямъ распространился въ
«высшемъ кругу гореспный слухъ, слиш-
«комъ тѣсно связанный съ общественнымъ
«благосостояніемъ для того, чтобы намъ
«позволено было выразиться по сему пред-
«мету точнымъ образомъ. Мы надѣемся,
«что слухи преувеличиваютъ грозящую
«намъ опасность, но особенные источники,
«изъ коихъ почерпнуты нами сія свѣдѣнія,
«заспавляютъ насъ придавать величайшую
«важность сей пагубной новости. Если мы
«получимъ какое нибудь ясное извѣстіе объ
«этомъ обстоятельстве, то не замедлимъ
«сообщить его нашимъ читателямъ.» (Зво-
нитъ).

Явленіе VI.— Онъ и Факторъ.

Издат. Вотъ двѣ новыя статьи, которыя
вы помѣстите непосредственно вслѣдъ за
первою. Ну! много ли еще у васъ оспается
мѣста?

Факт. Когда вы позвонили, то оспавало-
лось полтора столбца незанятыхъ. Эшаго
будетъ на третью часть столбца.

Издат. Я думаю, немного больше.

Факт. И по съ натяжкой.

*Явленіе VII.— Издатель оспается одинъ,
исправляетъ статью, доспавленную дирек-
торомъ одного театра, сердитымъ на кри-*

пиковъ, попомъ впадаетъ въ глубокую ду-
му, которую профаны, пожалуй, почли бы
за дремолу. Ему докладываютъ объ одной
особѣ, желающей говорить съ издавателемъ, и
ожидающей въ передней. Онъ велитъ впу-
стить её. Это одинъ господинъ, пришед-
шій съ просьбою объ опроверженіи извѣстія
о смерти его дяди епископа, который, на-
противъ, находится въ совершенномъ здо-
ровьѣ.— Издатель пишетъ опроверженіе и
звонитъ.

Явленіе VIII.— Онъ же и Факторъ.

Издат.— Вотъ еще оригиналь.

Факт. Да у меня есть ужъ полстолбца
лишняго. Не знаю, что оставитъ къ зав-
траму.

Издат. Въ такомъ случаѣ вы не имѣете
больше во мнѣ надобности?

Факт. Ни малѣйшей; но чѣмъ же заклю-
чить номеръ? Не писнуть ли: *Необычай-
ную бурю, случившуюся на сихъ дняхъ?* Вотъ
ужъ недѣля, какъ эта буря спокойно ле-
житъ у насъ.

Издат. Нужды нѣтъ; будущъ еще бури;
мы ихъ пустимъ подъ однимъ заглавіемъ.

Факт. Вы непременно хотите, чтобы
статьи: *Морское чудовище и Султанскій се-
раль* пошли сегодня? Если можно ихъ оста-
вить, то я писнулъ бы лучше *Ватерлоо-
скій мостъ и Дорогу подъ Темзою.*

Издат. Дорогу подъ Темзою надо пустить
сегодня. Она лежитъ очень давно.

Факт. (Смѣясь). Теперь мнѣ нужно бу-
детъ два или три маленькіе параграфа,
спрокъ по пяти каждый. Тѣ статьи, ко-
торыя у меня, или слишкомъ длинны, или
слишкомъ коротки.

Издат. Хорошо, хорошо... подождите
немного. (Онъ пишетъ). Параграфъ о доро-
говизнѣ картофеля... это филантропія. Из-
вѣстіе о вчерашнемъ ливнѣ... это метеоро-
логія. Маленькій прогательный разсказъ
о несчастіяхъ бѣдной женщины, задавленной
осломъ въ Шпрандской улицѣ... это домаш-
ній романъ. Эпиграмма на денди... это и
спаро, но будетъ пріятно жителямъ Си-

ни (*)... Наконецъ, старинный каламбуръ, который я припишу одному вельможѣ.... Bravo! Возмите, вопль поддюжны параграфовъ. Если всѣ шеперь не пойдутъ въ дѣло, по спрячьте въ ящикъ, годятся послѣ.— (Издамель прибираетъ свои бумаги, запираетъ бюро, умываетъ руки, оправляетъ галстухъ, сбрасываетъ халатъ, надѣваетъ серпукъ, обтираетъ щеткою шляпу и идетъ прогуливаться, между шѣмъ какъ факторъ поропитъ и понуждаетъ работниковъ, заставляетъ просматривать корректуру, и не забываетъ ничего, дабы Но газеты рано упромъ явился на столъ у любопытныхъ чипателей).

О Б Е З Ъ Я Н С Т В О .

Всякой согласится, что древніе далеко опспали опъ насъ во вкусъ и добронравіи; причудливостъ, происходящая всегда опъ презрѣнія къ собственному, опъ приспращія къ иностранному, кажеся особеннымъ характеромъ нашего времени. Англичане долѣ всѣхъ другихъ народовъ держались смѣшныхъ предразсудковъ: одѣвались, ѣли, пили, жили по своему и наперекоръ Французамъ. Теперь и они обезьянспвуютъ, и они болспаютъ между собою по Французски. А хорошо воспитанный Нѣмецъ, а пакъ называемый хорошаго тона (un homme, comme il faut!) Россіянинъ одѣвается какъ Французъ, поѣтъ какъ Италіанецъ, лѣнивъ какъ Испанецъ, дурачится и спѣсивъ, какъ Англичанинъ. А Римляне? Какал разница! Привязанные къ нравамъ и обычаямъ, они презирали иностранцевъ. Мудрено ли, что варвары и всѣхъ другихъ называли варварами?

ЧИСЛО СУМАСШЕДШИХЪ ВЪ ЕВРОПѢ.

По исчисленію главнаго медика надъ Парижскими домами сумасшедшихъ, господина *Эскиреля*, въ Европѣ щипается 76,526 сумасшедшихъ. Очень мало, судя поспому, что въ ней говоритъ и дѣлается!

(*) City, часть города въ Лондонѣ.

СЛОВЕСНОСТЬ.

ИСТИННОЕ ПРОИЗШЕСТВІЕ.

Въ 18.. году, въ селѣ Вознесенскомъ, —ой губерніи, жилъ-былъ спароспа, который, по всегдашнему опспусствію своего господина и разсѣянной городской жизни его, забралъ все въ свои руки, а потому разбогатѣлъ, разполспѣлъ, и сдѣлался, какъ говоритъся, изъ *Васекъ*—*Василіемъ Ивановичемъ*. Онъ имѣлъ 4-хъ сыновей, прекрасный домикъ, множесво рогапаго скота, лошадей, плодовиный садъ, пчельникъ, словомъ, домъ его называли въ оба-полъ полною чашею; но возгордившемся *Василію Ивановичу* все казалосъ недоспапочно, и для того онъ прижималъ, обижалъ и обиралъ ввѣренныхъ его управленію креспьянъ; болѣе же всѣхъ преспѣдовалъ одну спарушку *Авдотью*, вдову съ двумя сыновьями, изъ которыхъ одинъ былъ опспавной за ранами и увѣчемъ солдапъ, а другой малой лѣтъ 22-хъ; преспѣдовалъ ихъ именно за то, что они и въ бѣдности и угнетеніи сохраняли какую-то независимостъ; прудились, повиновались законнымъ прерованіямъ спароспы, но не кланялись ему въ землю — — — да, почтенный чипатель и подъ вепхою крышею дымной хапы живутъ иногда люди, въ груди которыхъ бьются благородныя сердца. — Какъ бы по нибыло, а плепъ обуха не перешибѣтъ, какъ говоритъся пословица, спароспа поспавиль на своемъ: гналъ спаруху *Авдотью* до того, что ей пришлось хопъ съ бѣла свѣта сбѣжать; а въ заключеніе опдалъ въ рекруты младшаго ея сына *Владиміра* — единспвеннаго кормильца бѣдной семьи. Спсны сиропъ и вдовъ доходятъ къ Богу. Богаспому спароспъ что-то сгруспнулось, да и пакъ, что хопъ въ воду, а опъ чего, Богъ вѣспъ. Любимые кони, сладкія наливки, красныя дѣвушки, звончатыя гусли, заливныя пѣсни, все ему опоспымилосъ, сидитъ себѣ понутивъ голову, да думаетъ думу... «*Экъ на батьку-то столбнякъ нашелъ какой!*...» говорили подсмѣвасъ молодые парни, сыновья его... Одинъ только спаршій сынъ *Иванъ*, 25-ши лѣтній юноша, груспилъ впайнѣ обѣ

опцѣ... сердце сѣрдцу вѣспь подаешъ — а сердце *Иванушки* больно — на глазахъ у него часно наверпывались слѣзы, когда вдалъ онъ опца блѣднаго, грустнаго, проводившаго ночи безъ сна и дни безъ пищи... Наконецъ *Иванъ* не вытерпѣлъ: приспалъ къ родимому и умолялъ высказать, что запало у него въ душу?... Видя слѣзы сына, его любовь къ себѣ, спароспа повѣдалъ горячему сыну свою тоску-кручину... Онъ сказалъ ему, что съ тѣхъ поръ, какъ опдалъ онъ *Владимира* въ рекрупу — нѣтъ ему цѣлый Божій день ни сна, ни радости... — Что-жь сдѣлалъ *Иванъ*, вырвавъ роковую пайну изъ сердца опца? онъ просилъ, умолялъ, пребывая, чтобы опецъ опдалъ его въ солдапы, на выручку вдовьяго сына, котораго бы возвратилъ матери... Спароспа согласился; опсправился съ сыномъ въ городъ; упалъ къ ногамъ губернатора, рассказалъ все происшествіе и просилъ забрѣчь лобъ сыну, а *Владимира* опспустить въ село, къ *старухѣ-матери*. Разспроганный благороднымъ самоопверженіемъ *Ивана*, губернаторъ принявъ его на Государеву службу, опспустилъ *Владимира* домой, а между тѣмъ донесъ о семъ распорядженіи высшему начальству.

У поспѣвшаго въ нѣсколько дней спароспы какъ будто гора спала съ плечъ; онъ благословилъ сына, поплакалъ и опсправился домой съ *Владимиромъ*; но не прошло мѣсяца, какъ *Иванъ* въ синемъ кафтанѣ и въ новой шелегѣ, запряженной парюю добрыхъ коней, подѣхалъ къ воротамъ родительскаго дома. Что это значитъ? спросящъ чинапели.... А воптъ что, шедши однажды по улицѣ, *Иванъ* поднялъ бумажникъ, въ которомъ лежали 25 тысячъ рублей ассигнаціями. Онъ представилъ находку сію губернскому начальству и опъ потерявшаго сумму сію, боганаго купца, получилъ тысячу рублей въ награду, а между тѣмъ губернаторъ получилъ разрѣшеніе опспустить *Ивана* домой: «въ награду за примѣрный его поступокъ съ сыномъ вдовы и за нѣжную любовь къ отцу».

К.

К О Ё - Ч Т О .

Не удивительно, что супружество было всегда предметомъ вниманія законодателей: имъ надлежало опредѣлить закономъ обстоупельства сего союза и его слѣдствія.

Всѣ народы упверждають бракъ именемъ Неба: споль велико его вліяніе на участь супруговъ! Соединяя наспоющее съ будущимъ, онъ предспавляетъ уму необходимоспъ Вышняго благословенія для щастія жизни, среди ея неизвѣспностей. Во всѣхъ случаяхъ, когда надежда и спрахъ волнуютъ сердце человека, оно прибѣгаетъ къ религіи, сблжающей землю съ опдаленнымъ Небомъ. Но религія славилъ тѣмъ, что она не распроиваетъ, а только освѣщаетъ порядокъ напуры. Супружество было и есть необходимое дѣйствіе природы, успановленное Творцемъ ея.

Бюффонъ жегъ всѣ письма, говоря, что онъ сохраняють ничтожныя привычки мнущаго времени, которое должно оставлять въ насъ одну цѣпь великихъ мыслей.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

А З І Я.

Я знаю край—его видѣнья
 Я сладоспно храню въ груди,
 Какъ дѣва первыя мгновенья
 Своихъ воспорговъ и любви.
 Тамъ сладкой розой вѣсперъ вѣсптъ,
 Волна звучитъ, какъ арфы звонъ,
 Тамъ надъ долинами свѣсплѣсптъ
 Необозримый небосклонъ—
 Шумящъ сады, блестящъ залпы
 . . . . .
 Свяпая дремлетъ спарина
 Въ тѣни чинара и оливы.
 Прекрасны рощѣ шой земли,
 Свѣспло небесъ ея сіянье;
 Но жизнь ея, ея преданье
 Былые вѣки упесли!
 Однѣ развалины до нынѣ,

Съдымъ обвишья вѣнцомъ,
 Темпьюмъ, хладныя въ пуспынѣ,
 Какъ пѣни падшихъ надъ холмомъ.
 Судьбой глубоко уязвленный,
 Пипомецъ сѣверныхъ спѣговъ,
 На Полдень бурей занесенный,—
 Какъ я люблю ихъ темный кровь,
 Ихъ сонъ и миръ уединенный!

Тамъ, мнишся, въ воздухѣ мечпы
 Надъ вами вьюшся легкой пѣнью;
 Все говоришь воображенью:
 Вѣковъ безмолвные слѣды,
 Племень народныхъ измѣненье.

И, благодатной пишиной
 Душа упившись на мгновенье,
 Мирилась съ жизнью и судьбой,
 Вдавалась въ сладкое забвенье,
 И словно волны у береговъ

Въ ней злыя думы улегались,
 И незамѣтно увлекались
 Въ предѣлы тѣмныя вѣковъ,
 И Муза тамъ не извлекала
 Изъ спрунъ цѣвницы тихій звонъ:
 Она какъ будто уважала
 Вѣковъ величественный сонъ.

Опчизпа памятныхъ дѣяній,
 Уснувшей Азіи спрана!
 Ты бездыханна, ты мрачна,
 Но все полна воспоминаній!
 Такъ міра древняго герой,
 Въ своей опчизнѣ грустный спранникъ,
 Гонимый, въ рубищѣ, слѣпой,
 Влачился въ Римъ, какъ изгнанникъ;
 Толпу холодную молилъ
 О пищу, какъ шемницы жишель;
 Но и въ спрадалъцѣ видѣнъ былъ
 Подміра славный покровишель.—
 Какой удѣлъ постигъ тебя,
 Земля чудесь, земля преданій!
 Гдѣ слава древняя швоа?
 Гдѣ громъ и блескъ швоихъ дѣяній?
 Знамена сѣверныхъ дружинъ,
 Изъ глубины чужой пуспыни,
 Привесены въ швои долины,
 Гдѣ зрѣешь миршъ и апельсинъ.

Съ береговъ Полуночи шуманной
 Пасушся шабуны коней
 На муравъ благоуханной
 Твоихъ Полуденныхъ полей!

И, очарована сілпьемъ
 Военной славы и побѣдъ,
 Шшыковъ и лапъ и збруй сверканьемъ,
 Твоя красавица поѣшь
 Сыновъ Полуночи громъ и бипвы,
 Шлѣшь къ Богу гнѣвному опцовъ
 Любви преспуныя молишвы
 О жизни грозныхъ пришлецовъ.
 Твои сыны — швол ограда —
 Бѣгущъ, какъ меспи неземной,
 Предъ ихъ жельзною громадой
 Въ минушу сѣчи роковой.—
 Увы! изнѣженные дыпи,
 Громъ славы вашихъ праопцовъ
 Похороненъ во мглѣ сполѣтій,
 И не воскреснешъ уже вновь!

Таковъ шопъ край и па природа,
 Куда въ началъ юныхъ дней
 Изъ дальней родины моей
 Меня умчала непогода!
 Благодарю тебя, предѣль
 Разнообразныхъ воспоминаній!
 Тамъ много грусти и спраданій
 Я въ цвѣтѣ жизни претерпѣлъ;
 Но тамъ, когда пришлецъ суровый,
 Я по опечесивѣ скучаль,
 Душистый мракъ швоей дубравы
 Меня привѣтно осѣнялъ;
 Твоихъ луговъ благоуханье,
 Живыя небеса швои
 Смирили грустное ропшанье
 Въ моей шпревоженной груди.
 Затихла скорбь—прозрѣли вѣжды,
 Слешѣла Муза съ облаковъ,
 И сердце распворилось вновь
 Дыханью шеплому надежды.
 О знойный край, ты холодный,
 Для сердца Русскаго, опчизны
 Его спудѣной; ты чуждый
 Ему, спепей его безъ жизни,
 Покрытыхъ саваномъ зимы;

Милый лишенной зелень нивы,
Милый фонпановъ—льдинъ стекло.
Мы только въ той спрантъ цаспливы,
Гдѣ сердцу нашему тепло.

N. N.

Ш А Р А Д А.

Слогъ *первый* мой—рѣка въ Италіи печѣтъ,
Она величннй шамъ первою зовешся;
Второй же—украшаешъ лобъ,
Или въ поляхъ опхожихъ раздаешся;
А *цѣлое*—имѣешъ всякой домъ.

Чишапель! вѣрно съ нимъ ты съ юныхъ дней
знакомъ?—

Александръ Поповъ.

С. Васильевское,
уѣздъ Гжатскій.

Въ Но 60, помѣщенная шарада значить: *Vas-âne.*

БИБЛІОГРАФІЯ.

Про книгу Наума о великомъ *Божіемъ*
миръ, изданную *Михаиломъ Максимовичемъ*.
Москва, 1833 года.

Я нижеподписавшійся, выучился грамотѣ самоучкой, и хопя бы душевно желалъ, однако похвалишь *книгу Наума* не умѣю. А у нашего смотришеля уѣзднаго училища имѣюся преогромные шкафы за стеклами, набитые книгами опъ полу до потолка. Я спавлю его благодародію говядину и шеляшину; онъ до меня добръ и ссужаешъ меня книгами, которыя я, ради скуки, чишаю сидя въ мясномъ ряду. Смотришель ссудилъ меня книгою *Наума*, которая такъ мнѣ пришлась по душѣ, что я до полуночи просидѣлъ за нею, и не ужинавши спать легъ. Послѣ того, я придумалъ чишаць еѣ по Воскреснымъ днямъ, за самоваромъ, женѣ, сыновьямъ и невѣспкамъ: не пожалѣлъ полутора рубля, выписалъ изъ Москвы собственнн для себя. Ну ужъ подлинно, что ученѣ свѣпъ, а неученѣ пьма. Года за три передъ симъ, еще прежде холеры, хопѣлъ я выписать презабавную книгу: *Старикокъ-весельгакъ, рассказывающій Московскія небылицы*, и принесть было смотри-

пелю училища *Ивану Тераполитовику* деньги. А онъ, какъ вскинулся на меня: «это-де—книга вредная, рассказы о ворахъ, плупахъ и пьяницахъ и о всѣхъ средспвахъ обманывашъ людей легковѣрныхъ.» Я на то ему доложилъ, что начипалъ ей похвалу въ Московскихъ вѣдомостяхъ.—«Давить не только мѣспа, что въ лукошкѣ, не только и свѣпа, что въ окошкѣ. Но вопъ прочитай, что другая газета говоритъ объ этой книгѣ.» Съ сими словами онъ подаль мнѣ Но 62-й 1830-го года *Сѣв. Пчелы*, сказавъ, что онъ ему не нужень, и что онъ мнѣ дарить его. Я прочѣлъ въ немъ мнѣніе о *Стариккль-весельгакъ* и зарубилъ себѣ на носъ, листоцекъ же завернулъ въ чистую тряпицу и сберегъ до сего дня. Вопъ, какъ вышла книга *Наума*-то, я и вспомнилъ объ этомъ листочкѣ, да вынулъ его, да и перечипалъ снова. Эки чудеса у насъ въ очью совершаюся! Въ немъ какой-то хипрецъ напрозорчилъ намъ книгу *Наума*. Онъ написалъ: «Очень-«де жаль, что подобныя *Старикку-весельгакку* произведенія издаюся впорымъ писаніемъ. До сихъ поръ нѣтъ у насъ ни одной хорошей книги для чпенія просполоудина; креспьянинъ, выучившисъ азбукъ, «потчасъ принимаешся разбиратъ по складамъ *Ваньку Каина* и лубочныя карпники: «что же онъ въ нихъ находить? Плупов-«ство разнаго рода, изображенное съ ка-«скимъ-то хвасповспвомъ, какъ дѣло разум-«ное; добродушіе, представенное обману-«тымъ, и слѣдовательно смѣшнымъ. Пѣтъ «сомнѣнія, что чпеніе такого рода не при-«носитъ пользы, и, кто знаешъ, можетъ «быть опъ того-то существуетъ между «нашими помѣщиками предубѣжденіе, что «грамотѣй-креспьянинъ никуда не годился, «и что учить креспьянъ грамотѣ, значить «давать имъ средство дѣлаться ябедниками.»

Не такова книга *Наума*: изъ неѣ худому не научимся. За неѣ того, кто еѣ выдумалъ—и Царь-государъ пожаловалъ и добрыя люди похвалили. За симъ писавый кланяюся,

Федоръ Сыромляшковъ, лигичанинъ города К—а, въ томъ и руку приложилъ, а писалъ я самъ.

M O D E S.

Mme Gleizal a de vieilles dentelles noires authentiques. Rassurez-vous, elles sont bien vieilles, elles ont secoué la poussière de six lustres pour figurer sur une robe de crêpe rose ou sur les chalis aux mille couleurs. Puis des dentelles toutes semblables à celles-ci, mais qui sortent des métiers, hier, avec une physionomie d'ancienneté vraiment trompeuse.

Ensuite les blondes, riches et brillantes; les blondes qui se glorifient de leur jeune âge, qui se vantent de leur existence d'un jour, variété mobile, caprice du moment.

Arrêtons-nous donc un instant sur ce que j'y ai remarqué pour vous. — Les plus jolis mantelets de dentelle sont ainsi: demi-decolletés se rejetant sur les épaules en double rang. Au cou, un pierrot de dentelle retombe en laissant l'intervalle de deux ou trois doigts entre le mantelet. Ce pierrot monté sur un entredeux de dentelle, plat, doublé d'un ruban qui, noué en rosette, est garni d'une très-petite ruche noire.

Les mantelets de blonde doivent avoir les devans extrêmement larges, et se terminer par de larges bouquets à l'extrémité de chaque pan.

En application de Bruxelles, voici une des plus simples et des plus élégantes dispositions: dans le dos sont trois bouquets placés dans le milieu et sur les épaules. Au bout de chaque pan un bouquet pareil; tout le reste est uni. Au cou est une petite ruche de tulle; devant une dentelle, haute de deux doigts, seulement badinée; sur l'autre bord, une haute dentelle en point de Bruxelles.

Pour les peignoirs négligés du matin, ce que l'on porte de préférence à tout autre est fond blanc, semé de pois verts, roses, puces, ou de petites amandes de ces mêmes couleurs.

Les pélerines à pointe devant et derrière, simples, sont beaucoup portées, mais elles sont dépourvues de grâce; il est nécessaire d'y joindre une double pélerine ouverte sur la poitrine.

Lorsque la mousseline indoue est employée pour des robes à jupes fermées, elle ne se double pas; mais pour des redingotes ouvertes on la double d'un petit taffetas.

Pl. No 22. Habits d'homme.

M O Д Ы.

У г-жи Gleizal находятся настоящіа старинныя кружева. Успокойтесь, онѣ весьма древни, съ нихъ спряхнули тридцати-лѣтнюю пыль, чшобъ украситъ ими розовое креповое платье или песпрія шами. Еще кружева, совершенно подобныя симъ, по выпеленныя изъ плечь вчера, съ испинно-обманчивымъ видомъ древности.

Потомъ блонды, богатыя, блестящія, славыщія своею молодостью; онѣ хвастаются своимъ супочнымъ существованіемъ, непоспоянное разноеобразіе, минувшая прихоть.

Оспавовимся минушу на помъ, что я замъшилъ шамъ для васъ. — Самыя красныя кружевыя маншилы сдѣланы: полу-открышы, опкидывающія на плеча въ два ряда. Около шеи, кружевая кошпчка опкинула, оставишійся промежутокъ до маншилы въ два или три пальца. Кошпчка пришила къ гладкой прошивкѣ, подложенной лепшою, кошорая завязывается розеткою, и обшпа весьма узенькимъ чѣрнымъ рюшемъ.

Пола у блондовыхъ маншилій должны бышь весьма широки, и оканчивающія широкими букешами.

Съ Брюссельскими накладками, вопъ одинъ изъ простыихъ и щеголеватыихъ способовъ располагашъ: на спишь при букеша, положенныя въ срединѣ и на плечахъ. Въ концѣ каждой полы шаккой же букешъ; все оспальное гладкое. Около шеи узенькой шюлевой рюшь; спереди кружева шириною въ два пальца, весьма слегка собранныя; по другому краю широкія Брюссельскія кружева.

Для упреннихъ простыихъ пенъуаровъ предпочишельнѣе употреблюшя по бѣлому грунту, горошекъ зелѣный, розовый, пусовый, или мелкія миндалинки тѣхъ же цвѣшовъ.

Пѣлеринки съ мыскомъ сзади и спереди, простыя, въ большомъ употребленіи, но не красны; необходимо прибавляшъ къ нимъ другую крутую, открышую на груди.

Когда изъ кисей *indoue* дѣлаются закрышыя платья, то безъ подкладки; а открышыя редигошы подкладываются легкой пафшою.

Карп. No 22. Мужскія моды.

№ 22^е Къ Америк. Муш. къ П. К.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

ТРЕТІЙ ГОДЪ.

Выходитъ
по Средамъ и
Субботамъ.

№ 62.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 104 №,
съ 36-ю картинками модъ,
въ С. П. б. 30, съ до-
ставкою и пересылкою
35 рублей.

СУББОТА, АВГУСТА 5 ДНЯ 1853 ГОДА.

Когда захочешь, Клипъ, ночь цѣлую не спать :
Спиши кропай ;
Но если спанешь ты безсонницей скучать :
Ихъ прочитай.

Баратынскій.

СЛОВЕСНОСТЬ.

ЛЕЗГИНЦЫ (*).

Картина 1.

«Стой, другъ! ни пяди отъ меня! Что
слоняешься одинокой?»

— Оставь меня. . . —

«Куда бѣжишь, одичалый?.. Я повсюду за
побой, какъ вешнею порою олень за прып-
коногой ланью... Зачѣмъ хоронишь мрач-
ную думу отъ пламеннаго моего участія?..
Ужели ко мнѣ не спало довѣрія?..

— Не по, другъ... —

«Какое-жъ несчастіе тебя постигло? О
чемъ Горцу посковать? Не проса ли на
прожитокъ недоспало?»

— Нѣтъ... —

(*). Сія повѣсть есть изображеніе нравовъ дикихъ Гор-
цевъ, обитающихъ на вершинѣ Кавказа, и сочинена
литераторомъ, путешествовавшимъ въ Грузію и на
Кавказъ, и наблюдавшимъ на мѣстѣ нравы и обычай.—

«Забылъ сославъ пороха?.. или слѣдъ къ
добычѣ свинца потерялъ?»

— Нѣтъ!.. —

«Чего же ты алчешь? Не затѣялъ ли па-
бѣгъ на непріязненное сосѣдство? Рванемся,
другъ, шуда! рванемся! Кинжалу и шашкѣ
дадимъ разгуляться.— Тамъ все опалимъ ог-
нями, и степь и виноградники и селенія...
Не по, я не прочь и за глубокую Алазань
нагрянуть невзначай, и лѣвивые Кахеппи-
цы не успѣютъ образумиться, какъ горы
наши огласятся побѣдой. Толпы плѣнниковъ,
шабуны борзыхъ коней и спада тучныхъ
воловоں спѣсятся въ нашихъ ущельяхъ.
Тогда-то повеселю пвой слухъ о моихъ не-
исповсвахъ надъ врагами, а пвой взоръ
десятками кистей вражескихъ дерзкихъ рукъ
(1). Но пвой взоръ не проясняется радо-
сью?»

(1) У Лезгинцевъ и нѣкоторыхъ другихъ народовъ Кав-
каза, есть обыкновеніе опрѣзывать кисть правой ру-
ки у всякаго ими убитаго непріятеля, и хранивъ
ея въ знакъ почета.

— Нѣтъ... —

«Но что же?—Не выдумываешь ли пспязаніе обидѣвшему тебя? Кто онъ? Назови мнѣ его... Ни роду, ни племени, ни сношеній, ни родства не разбирая—провозглашаю ему мечь, и кровавую мечь—опть рода въ поздній родъ... Пусть могила опца кровью пса осквернился (2), когда въ грудь врага пвоего не погрузился кинжалъ мой... Я не даривалъ моего обидчика мгновеніемъ жизни...»

«Иль рѣшишь упорствуешь опкрыпья мнѣ въ горестныхъ тайнахъ? Внимательному участию моему опвѣчаешь презрѣніемъ? Когда такъ, я накажу дерзкаго. Мои доспѣхи радостно зазвучапъ на поражение друга непокорнаго...»

— О, другъ! поспой! для общаго врага щади репшность пылкую и незавидную жизнь мою.— Ахъ, ненаглядный поварищъ! не оскорбляпъ хочу тебя моимъ молчаніемъ, нѣтъ! спыжусь признапья въ слабости... Какого будешь мнѣніа обо мнѣ, что скажешь, когда провѣдаешь, кто вынудилъ меня промѣнпть игры, смѣхъ беззаботной молодости, опважный набѣгъ, рьяные бои, прозорливья ухищренія и словомъ — славную молву на злую поску... —

«Кто?»

— Дѣва.—

«Дѣва? кто она? гдѣ найпи её? скажи!— Я полечу объявипъ ей, и сродникамъ ея — щастливую вѣспъ!— Неблагопріятнаго опвѣта тебѣ-ль опасатся? Кому не лестно породнится съ тобой? Какаа дѣва не ослабитъ своей спрогости предъ спраспными порывами доблеспнаго юноши? Какой женщипъ не лестно выносптъ у сердца залогъ любви—вопна красиваго и опважнаго?...»

— Но ты не выслушалъ всего! Я дѣвой обворожень; но дѣвой чуждой нашихъ законовъ, нравовъ, обычаевъ... Не прерывай меня! скрѣпи вниманіемъ свое негодованіе, дай высказатъ вполне повѣспъ моего безумства... Запоздавъ въ пѣсныхъ закоулкахъ Кварели,

(2) Общяа клятва народовъ Кавказа; они её спавяпъ выше всякой другой кляпвы.

я поспѣшалъ къ роднымъ горамъ, ярко вспыхнувшимъ предъ чермнѣющимъ заревомъ закапа. Мой порывиспый духъ, волнуемый думами лихой опваги, спихъ предъ величіемъ зрѣлища, незнакомаго всегдашнимъ обипапеламъ сумрачныхъ нашихъ ущелій. Я вздремалъ безпечноспію младенца, какъ вдругъ явленіе любимой, знакомой мечпты, мнѣ въ явѣ представившееся, взволновало въ груди мое дыханіе... Ты помнишь ли, когда упомленные опть ратныхъ подвиговъ, мы, предаваясь сладостной нѣгѣ опдыха, восхищались дѣвами неба, обипаннными доблеспному самимъ Богомъ устами пророка? Ты помнишь ли плѣнительныхъ обипапельницъ священнаго верпограда, плавающихъ легкими пѣнями въ ясной необозримости поднебесьа? Ты помнишь ли ихъ? изъ нихъ одну я на яву увидѣлъ! увидѣлъ, мой другъ! сомнѣнья нѣтъ; но гдѣ?— у молиппвеннаго дома Христіанъ, куда спекались толпы просподушпныхъ Кварельскихъ Грузипъ на зауывный звонъ колокола... Изловя её взоромъ, я вперилъ въ неё внимание жадное, дыханіемъ захлебнулся, спрашася лишипья насладптельнаго созерцанія... Она къ лазоревому своду успремивъ взоръ огненный, но попухпшій въ смиреніи молиппвы, легкимъ движеніемъ бѣлоснѣжной руки креспобразно осѣнялась!— Тонкое полотно вѣприлось предъ нею, какъ облако прозрачное около мѣсяца полнаго... —

«Переспанъ разговоромъ обольспипельнымъ улепелавпъ спраспъ неумѣспную.— Идемъ къ нашимъ дѣвамъ горъ; онѣ опторгнупъ тебя опть усыпления постыднаго — и духъ пвой осиропѣлый упипаюпъ мужеспвомъ! Но разсѣй таинспвенность: кто дѣва очаровапельница?»

— Анастасія, дочь князя *Навуходоносора*. —

«Дочь князя *Навуходоносора*!.. Я дозволю дерзкой рукъ врага вырвипъ съ корнемъ мой рыжій — ясный усъ, когда тебѣ княжну живую не доставлю. Но сватъба ея сего дня?...»

— Да... —

«Не медлимъ же . . . оружіе при насъ. . . Просо, курдюкъ и сыръ съ запасомъ у меня. . . (3). Довольно съ насъ до удачи. . . Добуду я тебя, дѣва хипроплѣнипельница. . . Идемъ. . .»

— Куда?—

«Остудимъ пвою горячность присупствіемъ ея красоты. Въ случаѣ сопротивленія—мешкій свинецъ ждепъ роковой искры, а шашка и кинжалъ кроваваго пированья.»

Картина 2.

Попекли къ мешѣ поварищи. — Преграды нѣпъ ихъ злобнымъ намѣреніямъ: природа дикая успушаетъ ихъ усиліямъ. По крупизнамъ, мрачнымъ дѣбрямъ, они бѣгутъ джиранами (4), чащу лѣса просѣкаютъ твердою грудью, спремнины испочниковъ мнуютъ въ бродъ, чрезъ пропасти лѣтаютъ пернапыми, и прыпкій бѣгъ ихъ лишъ оглашается гуломъ раската камней, обрывовъ скалъ подъ легкой спопой друзей крови. . . Но внезапно предспала новая преграда упорспву ихъ. Въ снѣжныхъ предѣлахъ гордаго Кавказа бурный вихрь, суровый сынъ сѣвера, воспрянулъ, възгралъ, и сизомрачную пелену раскинувъ по небосводу, рухнулъ на спешь Кахепш.

Взревѣлъ, вскружилъ могучій, и царство мглы влачипъ за собою. Крушимельнымъ напскомъ взбудилъ онъ ярый громъ. . . Грохочатъ вздрогнувшія скалы, прещатъ порывисто взрыпыя деревья, сполѣтїями щадимыя; прохлынули пучины дождевыя и съ гуломъ сыпучій градъ. . . И мрачная окрестность, изогненная спрѣлами молній, подернулась заревомъ багровымъ. . . Заспонала, вздрогнула земля. . . Природа, казалось, погружалась въ хаосъ. . .

(3) Когда Лезгинецъ отправляется на разбой и грабежъ, онъ беретъ съ собою: круповареное просо, которое употребляетъ вмѣсто хлѣба; курдюкъ, т. е. бараній хвостъ, и сыръ овечій, и эпощъ запасъ ему спановится надолго. Вообще Горскіе народы весьма умѣренны въ пищѣ.

(4) Джираны — родъ дикихъ козъ. Они извѣстны своею прыпкостью.

Чтоже два друга? Съ дерзкою настойчивостію они все преодолевали. . . Наконецъ въ ихъ опѣненныхъ успахъ проявилась улыбка радости. . .

Примѣпно умолкаетъ буря, менѣ сердито клубится ручьи, зарѣали игриво вѣтерки въ злакъ полей и лѣсовъ, и мѣсяцъ въ разрѣдѣлыхъ облакахъ тускло обозначается и ярко брезжетъ огонекъ въ сакляхъ (5) веселоправныхъ жипелей Кварели. . .

Но шамъ опъ всѣхъ прочихъ оплпчается одна сакля и живостію спекающагося сходбища, и ясностію освѣщенія, и кликами радостныхъ пѣсень.

Въ послѣдніе, сакля, оживляйся спекающимся сходбищемъ, яснѣйся блиспательнымъ освѣщеніемъ, оглашайся кликами радостныхъ пѣсень! У пвого порога блѣдная смерть засъла, и неопклонимымъ перспомъ себѣ назначаетъ жертвы въ снѣдъ—изъ числа пвоихъ хозяевъ и геспей, погруженныхъ въ безпечность пированія. — Ликуйте, друзья веселія, ликуйте, и въ будущность мечпой не погружайтесь: она ужасна для васъ.

Картина 3.

«Да что пвоя прислуга, князь *Навуходоносоръ*, оплошала? Прикажи голосомъ хозяина нашу спарую кровь виномъ подкипяпипь.»

— Ахъ! извини, князь *Дилитрій*, дорогой мой будущій сватъ. . . Сей часъ. . . Бичо! (6) вина! что зѣваешь?—

«Двѣнадцатый кувшинъ опорожненъ, ваше сіяпельспво.»

— Такъ початъ тринадцатый.—

«Тринадцатый кувшинъ?»

— Да что дивитесь, друзья сердечные? За чье здоровье и пипь и веселились, какъ не за здоровье единороднаго сына и будущей молодой невѣспки?—

(5) Сакля—изба.

(6) Бичо—значипъ у Грузинъ поже самое, что у насъ малый, слуга.

«Сущая правда, князь *Навуходоносоръ*, и даже ни одинъ *Лекъ* (7) не придрался-бъ обнажишь шашки, чѣмъ утверждать проповиное! Да и невѣспка!.. хоть мнѣ и неидеешь своихъ хвалишь...»

— Не даромъ же я тебя опдарилъ двумя спаами червонцевъ...—(8).

«А все, какъ ни говори, принадлецпый кувшинъ! Да эдакъ князь *Навуходоносоръ* неволею зазоветъ изъ за-придевать земель всѣ веселья въ свою саклю.»

— Да какъ же иначе?—Развѣ князь *Теодоръ* не знаетъ, что нашъ почтенный хозяинъ по мѣлочамъ не жалуешь веселишься.—

«Очень знаю и то, что князь *Димитрій* передъ кувшиномъ вина пакже не робокъ, какъ *Киспинецъ* (9) предъ соннями *Лезгинцевъ*...»

— Э—эхъ, дружокъ! попромошай съ мое деспяпковъ восемь лѣтъ времени: ни дашь, ни взишь, пы будешь моей храбрости!.. Я на своемъ вѣку видаль, сличаль, наблюдамъ и по и другое испыпываль, я право ничего не узналъ лучше вина. Жизнь безъ вина—какъ хорошая спряпня безъ соли! Вино груспныхъ веселишь, гнѣвливыхъ мягчишь, враговъ дружишь, припелей роднишь.

«Что закалякался, князь *Димитрій*? Не лучше-ль намъ похвалишь вино на дѣлѣ?»

— Справедливо, князь *Навуходоносоръ*...—

«Такъ не мѣшкашь же! Бичо! фонарей, *ходъ къ морани!* (10) Ты, князь *Димитрій*, какъ спарый пипокъ, предводителспвуи имъ. Тебѣ я препоручаю шаинспво раскупориванья двадцати-пяти-лѣпняго кувшина.»

(7) Леками—называютъ Грузины *Лезгинцевъ*.

(8) У Грузинъ въ обыкновененн покупашъ невѣспъ.

(9) *Киспинцы*—горсть миролюбивыхъ храбрцевъ, живущихъ въ сосѣдствѣ съ *Лезгинцами*, и въ вѣчной съ ними враждѣ.

(10) *Моранъ*—родъ нашего погреба. Въ немъ вкапываются въ землю огромные глиняные кувшины, въ которыхъ храняшь вино. Меня увѣрили, что еспъ кувшины, въ которыхъ могутъ удобн помѣщатся до сорока человекъ.

— Не шупишь ли, князь *Навуходоносоръ*?—*Двадцати-пяти-лѣпняго*? О! друзья, надобно почтительно и съ торжеспвенностью къ нему приблизиться... А чѣмъ вполне насладишься намъ драгоценною спруею, не опложимъ ли свапбу нашихъ любезныхъ дѣпочекъ?—

«Какъ себѣ изволишь. Я въ пвоихъ повелѣнцяхъ.»

— Разумное предложеніе князя *Димитрія*! воскликнули князья... Да и на дворѣ послѣ бури и слякопъ и свѣжо...—

«Да у обрученныхъ на сердце горячо, при-молвилъ князь *Теодоръ* взглянувъ на молодого жениха, своего поварища, вспыхнувшего румянцемъ негодованья.»

— Ой пы мнѣ заступникъ!... Въ тебѣ нѣтъ ращѣпа ни на волосъ! Свапбу опложимъ надобно... Молодымъ чѣмъ спернипся, по и сплюбится, а у насъ досвадебный день прибудетъ, а послѣсвадебные своимъ чередомъ пойдутъ; и какъ ни считаи, все лишній день пированья шупъ какъ шупъ...—

«Ясно, князь *Димитрій*... Сама царпца *Тамара* не была одарена предвидѣниемъ, подобнымъ пвоему.»

— Пусть такъ... Но чѣмъ тебѣ, князь *Ираклій*, это оплагателспво сплюбилось, я доставлю тебѣ удовольспвіе послапъ и не дальше какъ пеперь опъ нашего лица—эпопъ подарокъ дорогой пвоей невѣспъ;—и князь *Ираклій* ловко поймалъ звучный кошелекъ, мелькнувшій въ воздухъ изъ рукъ князя *Навуходоносора*.—

«Звукъ червонцевъ?»

— Слухъ вѣренъ у тебѣ, князь *Теодоръ*, сказалъ улыбнувшись обрученный, поспшаа исполнитъ волю своего родителя.—

«О, князь *Навуходоносоръ* любишь всѣхъ удовольспвовать...»

— Правда, князь *Димитрій*.—

«И даже забывая себя...»

— Неправда, князь *Димитрій*! все чѣмъ я ни дѣлаю, все для себя. И пеперь, посылая будущей невѣспкѣ подарокъ—кажется не ду-

маю о себѣ, а все имѣю въ виду себѣ; достава невѣспикъ пріятность, доставлю сыну радость, а сыну радость—мнѣ веселье.—

«Много мудрости въ твоихъ словахъ, почтенный свать.»

— Когда же прикажешь быть сватьбѣ?—спросилъ поспѣшно, возвращаясь, князь *Ираклій* своего родителя...

«Далеко не надобно отлагать. Не такъ ли князь *Димитрій*? Есплы Богъ велитъ, завтре въ полночь...»

— Завтре въ полночь!—повторилъ глухой голосъ у окна.

Князья, смущенные испугомъ и любопытствомъ, бросились на голосъ полной... Но порошливый ихъ взоръ ничего не завидѣлъ удовлетворительнаго; въ ясной сребринѣ луннаго свѣта мелькнула пѣнь, и брякая цѣлью—зарычалъ вѣрный песъ у воротъ, и снова окрестность обдалась полночною тишиною...

«Ну, что насупились! о чемъ задумались сіяпельные?»

— Задумаешься, князь *Димитрій*... Меня Кавказскимъ холодомъ обнесло!—

«Эхъ, князь *Навуходоносоръ*, опъ болтовни шутника...»

— Злаго вѣщаго духа...—

«Прибаутки спарухъ, свать любезный...»

— О, это не къ добру!...—

«Но къ добру ходъ къ *морани*!... Идемъ друзья!...»

Грянули пѣсни, зазвучали бубны и пирующие князья нахлынули на *морань* полною, испещренною яркими огнями фонарей. Обступили обшованный кувшинъ, и князь *Димитрій* съ неперпѣливымъ усиліемъ опкупориваетъ его, и обильную плесень, свидѣтельство давности спруи виноградной, опдѣляетъ опытною рукою. Опвѣдываютъ вино при одобригельныхъ плескахъ веселья, бросающа къ опорожненному кувшину, спускающа въ него и въ пѣснѣ издѣваются надъ нимъ:

Пространенъ кувшинъ!

Обиденъ кувшинъ!

Но гдѣ пволя

Кувшинъ спруя?

Веселье впрепенуло

Нась дивныхъ пипковъ;

Веселье насъ рвануло

Подъ дружескій кровъ!

Веселье лишь гломнуло,

И гдѣ пволя

Кувшинъ спруя?

Пространенъ кувшинъ!

Обиденъ кувшинъ!

Гдѣ пволя

Кувшинъ спруя?

Ха! ха! ха! ха! ха! Кувшинъ!

Ха! ха! ха! ха! ха! Кувшинъ!—

Князья вернулись въ саклю, и вопъ пированья вполнѣ началось. Они на широкія, длинныя скамьи садяпся, сплепя ноги подъ себя, и при громкихъ кликахъ многолѣтня, серебряный тяжеловѣсный Азарпешъ (11) и кули (12), издѣлія искуснаго Имерепинца, и Турьи (13) огромныя роги съ дивною влагою изъ рукъ въ руки переходяпъ, въ перемежку подающа сыпныя блюда ужина. Поочередно, спарой и малой въ Лезгинкѣ, народной пляскѣ Грузинъ, спѣшапъ выказавъ себя, оживляя природную свою красоту бѣглыми движеніями... по выходкой спепенной, по приспущкой дробной, по легкимъ прискакомъ; мѣрно порываясь и въ бокъ и въ другой, при размахѣ ловкихъ рукъ, они щеголюпъ спройнымъ спаномъ. Одобрительныя рукоплесканія и хохотъ добродушнаго веселья и пѣсни громкія вшоряпъ круговой пляскѣ.

Но опъ усилія, пресыщенія и усталости смежающа сномъ оптяжелѣлыя рѣсницы пирующихъ князей, и всѣ они склоняюща въ изнеможеніи другъ ко другу—и засыпающа.

(11) Азарпешъ—серебряный ковшъ съ длинной рукояпкой. Грузины берутъ его въ дорогу и носятъ за поясомъ.

(12) Кула—выдохбленный шаръ, къ которому придѣлана нѣсколько искривленная трубка. У Грузинъ почтапается щегольствомъ, налипъ полную кулу вина и выпипъ вино безъ остановки. Кула работы Имерепинца весьма цѣнится у Грузинъ.

(13) Туръ—дикій баранъ, живущій въ горахъ Кавказа.

Картина 4.

Сбѣгала ночная тѣнь и природа оживилась ясной денницей, но князья все еще окутаны крѣпкимъ сномъ. По разгорѣвшимся ихъ щекамъ багровый лучъ солнца разливался въ яркихъ оплѣнкахъ. Опѣмѣніе ихъ сна игривость сновидѣній проявила улыбкой; но наконецъ ихъ бодрствование возбуждается: по членамъ, освѣжившимся отдохновениемъ, нѣга сладостно пробѣгаетъ, они просыпаются, и веселье вскипѣло! Оголосились пѣсни, забренчали бубны, зашумѣло вино, возбудилась пляска и упѣхой пиршества раннее утро—сомкнулось съ сумракомъ вечера.

Снова мракомъ ночи засыпается окрестность, часъ брака наступаетъ: всѣ засуетились хлопотами; уже въ вѣнечальной одеждѣ юная *Анастасія*, хороня подъ бѣлоснѣжнымъ покрываломъ свѣжестъ своихъ прелестей, съ пиhoю радостью принимаетъ отъ почтенной родительницы благословеніе и дары родственницъ и подругъ; и милая ей, онѣ надѣляютъ спѣдливую дѣвственность ея прощальнымъ цѣлованьемъ. Князь *Ираклий* кипитъ желаніемъ услышать сладкозвучный объѣтъ милой подруги...

И наконецъ стихаетъ удовольствіемъ; всѣ въ умиленіи поспежили къ святому храму...

Вдругъ выстрѣлъ! другой!.. удары шашекъ забрякали; смятеніе, шумъ, крикъ, вопль вспревожили брачный ходъ... Леки! Леки! повпоряютъ въ ужасъ Грузины, но имъ ли сопровивляться внезапному нападенію? Имъ ли, предавшимся безпечной радости? Они ищутъ спасенія въ бѣгствѣ, разсыпаются, исчезаютъ, и внезапно мѣсто нападенія опажнулось пищиной, прерывающейся спонномъ смертн.

По времени издалека обзрвая окрестность, смѣльчаки изъ Кварельцевъ, уже съ вооруженной рукой спѣшатъ къ мѣсту, гдѣ свершался злодѣйскій замысль. Спенанія вспрѣчаютъ ихъ слухъ. Но чѣмъ пораженъ взоръ ихъ? Князь *Навуходоносоръ* и веселый князь *Дилитрій*, уже стихли мертвымъ оцѣпенѣніемъ... Князь *Ираклий* съ разсвѣченной головой, превозмогая упорную смертъ, поры-

вается приподняться, вперяя въ горы пусклый взоръ: «*Анастасія* въ рукахъ... у хищнаго Лека!.. Спѣшите на помощь ей»... онѣ сказалъ и въ изнеможеніи рухнулъ о землю, и въ судорогахъ смертн—потухла жизнь его...

Похищена! Въ погоню! вскрикнули образумившіеся Грузины; метнулись на урывистыхъ коней, напали на слѣдъ хищниковъ, взрыли степь, врѣзались въ горы; но искусенъ Горецъ надѣлялъ сбивчивостью слѣды своего бѣга!.. Поздно, поздно, и не на опраду взоры Грузинъ завидѣли юную *Анастасію*...

Картина 5.

«Чу! конекій попомъ! вскользнемъ въ ущелье!.. Стихло... благодаря уловкамъ нашимъ и въ правѣ и въ лѣвѣ прометались, но время за прубку принялся, и отдохнулъ... Склони плѣницу подъ тѣнь каштана; она свѣжестью муравы и брызгами горнаго ключа очнетъ отъ безпамятства... Но ты искусенъ и ловокъ ухаживать за красою, какъ всегдашній прислужникъ серала Шаха... Клянусь пророкомъ, пвой вкусъ не дурень. Спать поодолъ! дай мнѣ полюбовавшись пвоею плѣнительницею... Она хоть кого разшевелишь! Какъ живо разгорается румянецъ по близнѣ лица!... Какъ подстрекапельно ласпится черная кудель власовъ по бѣлоснѣжному лоску груди!... Гляди, какъ черные очи зайскрѣлись и бѣгло озираютъ окрестность. Какъ миловидно разыгралось въ ней смятеніе, ужасъ...»

— Умолкни! она порывается говорить... —

«Гдѣ я? О Леки! куда вы умчали меня? Гдѣ мать? отецъ? что сбылось съ *Ираклиемъ*? Молчите?.. Зачѣмъ въ вертепъ укаса меня съ собой угнѣздили! Чего хотите отъ меня? Я безъ пользы для васъ. Я къ трудностямъ работъ не привыкла, я не несу вашей дикой доли, я взлѣяна на упѣху матери, отца, для ихъ преклонной старости. Возвратите меня въ Кварели! Васъ Богъ наградитъ! Но не проньте чадры (14)!

(14) Чадра—длинное покрывало, кошорое Грузинки употребляютъ выходя изъ дому.

Не довольно-ль оскорбляешь дѣву непѣ-
жимый вашъ глазъ? Избавьте опъ поруга-
нiя... Не то дайше кинжалъ, я кровью гру-
ди моей порадою васъ.»

—Прiятель! у меня въ груди разбушевалось!
вдѣ плѣнницы, ея рыданiя, опчальнiе—мнѣ
нравятся, но изъ дружбы я не забуду мое-
го обѣщанiя, съ тѣмъ однакожь, чѣтобъ
спрасный мой жаръ упоился...—

«Чего пребуешь, любосласпецъ?»

—Воздаянiя за дружбу и опвагу. Ты вспо-
ми, чѣто я сдѣлалъ для тебя... Для кого въ
селенъ враговъ я врѣзался? Для кого око-
ванный бездѣйствiемъ, я цѣлыя сунки про-
былъ въ забытомъ кувшинѣ? (15) Для кого
я жизнию жерпвовалъ въ дерзкомъ нападе-
нiи, гдѣ собою замѣнилъ пучу смѣльчаковъ?
Для кого подвергаюсь я опасному слѣженью
погони? А тебя запрудняешь ничпожное
пожертвованiе?...—

«Бейся со мною! Но я пока живъ, на пору-
ганiе плѣнницы не выдамъ...»

—Чѣтобъ кровь правовѣрныхъ я спалъ за
иновѣрку проливать!...—

Въ мгновение ока, блеснуло лезвее убiй-
ственной шашки и оспруилось кровiю *Ана-
стасiи*...

«Чѣто дѣлаешь?...»

—Мировую!... Я раздѣлилъ добычу; изъ
двухъ половинъ избирай любую... Эпимъ
раздѣломъ мы другъ друга не обидимъ и дру-
жба наша не угаснетъ.—

Оба Горца окинули взорами юную жер-
пву своей люпости, но вспомни объ угро-
жающей имъ погонѣ, они ударились въ бѣгъ
къ аулу (16), въ знакъ прощанья подаря
другъ друга свирѣпой улыбкой.

Л.

(15) Во всякой почпи Грузинской деревнѣ естъ кувшины,
врытые въ землю, о копорыхъ жители не заботятся,
или за излишествомъ или за негодностью. Лезгинцы
пищательно оные опыскиваютъ и скрываются въ
нихъ днемъ, чѣтобъ имѣть въ ночное время подъ ру-
ками предметы для грабежа и разбоа.

(16) Ауль—деревня Горцевъ.

СТИХОТВОРЕНIЯ.

ПЕЧАЛЬ.

Печалепъ я; печаль, какъ камень
На сердце налегма;
А душу жжетъ жестокiй пламень,
И скука и поска.
Судьба желъзною рукой
Преслѣдуетъ меня,
Вдали плѣнишь и вдругъ мечшой
Исчезнешъ, все маля.
Гдѣ потъ невѣдомый предѣлъ,
Та щастiя спрана?
Скажите мнѣ, я-бъ улетьмъ,
Скажите, гдѣ она?
И скороль, скороли минешъ
Обманчивый мой пущь?
Печаль опъ сердца опнадепъ,
Вздохнешъ свободный грудь!

К.

ENIGME.

L'élément destructeur est celui qui m'engendre,
Pourvu qu'on sache l'art de ménager le vent,
Et que par un souffle savant
On tire mon corps de la cendre.

Въ No 61, помѣщенная шарада значить: *И. розъ*.

MODES.

Nous sommes dans un moment où la mode est tout-
à-fait stationnaire.— Dans nos premières maisons nous
ne trouvons rien de nouveau.— Toujours de la paille
de riz avec une fleur ou des plumes. — De la paille
d'Italie avec des fleurs d'arbres fruitiers ou du ruban,
dont le nœud en rosette est peu fourni et peu élevé.—
Ce que nous avons remarqué, simple et de bon goût,
est une capote en crêpe paille doublée de taffetas, la
passe unie assez avancée; au bas de la calotte est po-
sée une rosette presque horizontale, d'où s'élèvent
trois petites roses, l'une rose et deux jaunes chez Mme
Lepetit.

Avec une robe montante, on met des pierrots de
dentelle garnis d'une ruche que nous avons désignée
au commencement de cet article. Ainsi portés tout
seuls, ils sont simples et négligés, noués avec un nœud
de ruban en taffetas chiné.

Les rubans bordés d'une dentelle sont jolis en tours de cou, on ne doit pas faire de rosette,—mais un nœud simple, puis, après avoir croisé les deux bouts, on les attache avec l'épingle.

Des ourlets de mouchoirs de poche se font d'une hauteur démesurée et quelquefois brodée de petites palmes cachemire, avec une plus grande palme aux quatre coins.

On voit beaucoup de capotes de mousseline blanche brodées à fonds de pois, grands comme une petite lentille et plats. — Ces capotes sont montées soutenues comme celles d'étoffe; ordinairement on les garnit d'une ruche et d'un demi-voile de dentelle; à l'intérieur elles sont doublées de soie ou de mousseline unie.

Celles de batiste d'Écosse conservent leur élégance; les plus distinguées sont doublées de vert pomme ou de cerise.

Pour le soir, le crêpe lisse doublé avec une fleur ou des plumes est une charmante demi-toilette.

Au *Père de famille* nous avons vu des soies chinées avec lesquelles on fait des bourses dont les dessins forment des marbrures d'une si grande étendue que le dessin ne se retrouve que trois fois dans toute la longueur. Elles sont fort jolies, soit qu'on les emploie à la navette ou au crochet

Les bourses les plus nouvelles se font en lacets chinés, que l'on joint par des coutures ou surjets; ce même magasin en a un grand choix. Ce petit ouvrage est tout-à-fait facile et amusant.

Les montures de bourses longues que nous recommandons sont celles en émail; de plus simples à choisir selon la couleur de la bourse sont en ivoire, en coco, ou en fer de Berlin. Ces dernières ou celles d'émail doivent avoir de hauts anneaux plats, de petits bouts façonnés légèrement.

М О Д Ы.

Въ сію минулу мода оспановилась на одной почкѣ.—Въ первыхъ нашихъ магазинахъ ничего не видно новаго.—Все басшовыя шляпки съ цвѣтами или перьями.—Соломенные съ цвѣтами фруктовыхъ деревьевъ или ленною, изъ которой башпъ не густъ и не высокъ.—Что мы замѣтили, просто и со вкусомъ: креповой капотъ соломеннаго цвѣта, подложенъ шафною; поле глад-

кое, довольно длинное; внизу шульи розетка положена почти горизонтально, изъ копорой вышьяются при маленькія розы: одна розовая и двѣ желтыя, у г-жи Leretit.

Съ высокими лифомъ носятъ кружевыя кофточки, обшитыя рюшемъ, о копорыхъ мы говорили въ началѣ сей статьи. Надѣтыя пакъ однѣ, онѣ просты, завязанныя бантомъ изъ шафной волнистой ленты.

Ленты, обшитыя кружевомъ, красивы для шейнаго галстучка; розетки не должно дѣлать, но простой бантъ, потомъ, положа концы крестообразно, зашпливуютъ булавою.

Рубцы у носовыхъ плашковъ дѣлаютъ чрезвычайно широкіе, а иногда вышиваютъ мелкими Турецкими пальмами; по чепыремъ угламъ пальмы, побольше.

Видны капоты изъ бѣлой кисеи, вышитыя мелкимъ горошкомъ, величиною въ чечевичное зернушко, плоское.—Дѣлаютъ сіи капоты какъ изъ матеріи; обыкновенно ихъ обшиваютъ рюшемъ и кружевнымъ полу-вуалемъ; снизу подкладываютъ шафною или гладкою кисеєю.

Капоты изъ Шотландскаго баписста сохраняютъ свою щеголеватость; самые отличныя подкладываютъ свѣтло-зелѣною или алою шафною.

Для вечера, шляпка изъ гладкаго крепа, на подкладкѣ, съ цвѣткомъ или перьями, прелестный полу-нарядъ.

Ау *Père de famille* мы видѣли волнистыя шелки для кошелековъ, которые составляютъ столь пространныя волны, что узоръ возвращается только при раза во всю длину. Они весьма красивы, какъ ихъ ни дѣлали—челночкомъ или крючкомъ.

Новѣйшіе кошельки дѣлаются изъ волнистыхъ шнурковъ, которые схватываются швомъ или перехватцами. Эша маленькая работа весьма легка и пріятна.

Мы рекомендуемъ обдѣлки для кошелековъ эмалеваы; просто, смотря по цвѣту кошелека, изъ слоновой кости, кокосовыя, или чугуныя Берлинскіе. Сіи послѣдніе или эмалеваы, должны быть съ широкими гладкими кольцами; маленькія украшенія на концахъ, легко сдѣланныя.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

ТРЕТІЙ ГОДЪ.

Выходишь
по Средамъ и
Субботамъ.

№ 63.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 104 №,
съ 36-ю картинками модъ,
въ С. П. б. 50, съ до-
ставкою и пересылкою
35 рублей.

СРЕДА, Августа 9 дня, 1853 года.

Напрасно ты осла такъ много унижаешь,
И имя честное его за брань щипаешь;
Хотя смѣемся мы большимъ его ушамъ,
Но если-бъ какъ нибудь заговорилъ онъ самъ?
Смотри на наши всѣ дурачества, пороки—
Какіе бы онъ могъ наговорить уроки!
Когда-жъ бы взглянулъ еще въ споллицу къ намъ,
Чего-бъ, профессоръ мой, онъ не увидѣлъ шамъ?
(Изъ 8-й сатиры Воалю.) Аксаковъ.

ПЕРЕСМѢШНИКЪ.

КАЗНЬ ПОСЛѢ СМЕРТИ.

Борисъ Михайловичъ *Фѣдоровъ* десять лѣтъ уже сочиняетъ романъ, подъ названіемъ: *Князь Курбскій*, и, Богу одному извѣстно, докончитъ ли его когда нибудь! Между тѣмъ, опривая отъ него куски, помѣщаются во всѣхъ журналахъ, газетахъ и альманахахъ, такъ, что бѣдное его произведеніе, не будучи молодо, состарѣлось.

Тронутые бѣдспвенною участію знаменитаго воеводы князя *Курбскаго*, издатели *Св. Пчелы* еще въ началѣ 1852 года, при исчисленіи спатей, въ *Невскомъ Альманахъ* помѣщенныхъ, дали автору совѣтъ благой и дѣльной:

«Два прекрасные опривка изъ историческаго романа: *Князь Курбскій*, заставляющіе насъ шепнуть автору его (*Б. М. Фѣдорову*): пора, давно пора перестать обры-

«свать эпопей романъ, пора издать его вполнѣ.» Увы! авторъ не послушался — и еще недавно помѣспилъ одинъ опривокъ въ одномъ журналѣ.

Какъ непоспжимъ жребій челоѣковъ. Хипрый *Князь Курбскій*, щасливо избѣгнувъ отъ царя *Юанна*, попался въ руки *Б. М. Фѣдорову*. *Грозный* приговорилъ бы его, можетъ быть, *четверить*, а Борисъ Михайловичъ *раздвадцатерилъ* его!!!

Такъ иногда мореходецъ безопасно переплываетъ Океанъ и гибнетъ въ ручейкѣ.

Герасимъ Каленевъ.

Ябургъ.
21 Юня 1853.

КТО ХОЧЕТЪ БЫТЬ МОЕЙ ЖЕНОЮ?

Два аршина и пясть вершковъ роста, баспный голось и покрытый волосами подбородокъ: вопъ условія, копорыхъ пребуепъ

Руссо, дабы позволено было называть себя совершеннымъ человекомъ; всѣ эти условія я въ себѣ соединяю.

Лице мое продолговато и довольно полно; съ виду кажется, что я пользуюсь крепкимъ здоровьемъ, на дѣлѣ же очень часто бываю подверженъ разнымъ недугамъ. Волосы у меня свѣтлокаштановые, а усы рыжіе. Лобъ мой широкъ и свидѣтельствуетъ о достаточномъ развитіи умственныхъ способностей. Цвѣтъ лица моего бѣлъ, когда я спокоенъ, и багровъ, какъ скоро чѣмъ нибудь встревоженъ. Слабость горпани придаетъ моему голосу нѣкоторую нѣжность, когда я говорю тихо, когда же беру окпавую выше: тогда онъ становится фальшивымъ, часто прерываемымъ, и тогда разговоръ упоминаетъ меня, если нервы мои не потрепаны какою либо сильною спрашею. У меня живые черные глаза. Взоры мои нѣжны и пронцапельны. Лишь только погружаюсь въ мечпанія при женщинѣ, то она говоритъ, что глаза мои еѣ пугаютъ. Кропость, написанная въ черпахъ моихъ, обманываетъ на щѣпъ моего характера всѣхъ, исключая только людей, съ которыми я былъ связанъ самою искреннею пріязнію, и ни кто не почитаетъ меня доступнымъ для спрашей пылкихъ и необузданныхъ, хотя онѣ составляютъ одно изъ главнѣйшихъ свойствъ моего темперамента.

Горькія печали юности, слишкомъ сильной къ любви и наукамъ, потребность счастья, тщетно преслѣдованнаго въ продолженіе жизни, придали мнѣ видъ задумчивости, которая кажется иногда выраженіемъ внутренняго блаженства, худо мною скрываемаго. Я чрезвычайно скромень и застенчивъ, но еще болѣе нѣженъ въ моихъ склонностяхъ. Съ рѣдкимъ благоразуміемъ сужу я о незнакомыхъ людяхъ, съ которыми вспрѣчаюсь.—Я мало говорю. Слишкомъ нерасположительный на уваженіе, черезъ чуръ упорный въ своей привязанности, никогда не ослабѣвающей; я много вѣрю въ добродѣпель женщинъ, и ни сколько въ добродѣпель мужчинъ, которыми продаю свою преданность, если они поставлены судьбою выше меня. Со всѣмъ тѣмъ, чувствую себя способнымъ и

достойнымъ найти добрую жену и несравненнаго друга.

Я всегда болѣе былъ чувствителень къ превращеніямъ счастья, нежели ослѣплялся пышностію и величіемъ. Я все могу перенести, все предпринять, до тѣхъ поръ, пока не попревожена моя гордость; но малѣйшая жертва, служащая къ ея оскорбленію, для меня почти вовсе невозможна, и только съ невѣроятными усилиями можетъ быть мною допущена. Наконецъ, хотя мужчины и женщины часто твердятъ мнѣ, что я болѣе хорошъ, нежели дурень, но я не высокаго мнѣнія о своей особѣ.

Прибавьте къ этому, что я со вкусомъ одѣваюсь, каждые два дни завиваю волосы, и мастерски умѣю клеить коробочки изъ картонной бумаги для разныхъ дамскихъ ручекъ.

Изъ этаго описанія, всякой, или лучше сказать всякая, легко усмотритъ, что рука моя заслуживаетъ маленькое вниманіе; одно только можетъ внушить дамамъ прошивное мнѣніе, именно: я всегда жилъ холостымъ и намѣренъ умереть не женясь. Да будетъ шако!

N. N.

Жизнь, какъ морская вода, услаждается, подымаясь къ небу.

СЛОВЕСНОСТЬ.

САМОУБИЙСТВО.

(Отрывокъ.)

Эпо была огромная, готической архипектуры комнапа, съ раззолоченными пемнозелеными спѣнами, и мебелью шакого же цвѣта; вообще она имѣла самый печальный видъ.

Берта взяла свѣчу, споявшую на каминѣ, и отворила дверь кабинета.—Я иду молишься,—сказала она *Евгению*, и заповорила за собою дверь.

Евгеній, легъ. Спустия цѣлый часъ не видя жены и спрашась, не случилось ли съ нею чего нибудь, онъ позвалъ её. — Я здѣсь, — опивчала она дрожащимъ голосомъ, какъ-бы глопая слѣзы. Наконецъ она возврапилась; приготовила спаканъ воды съ сахаромъ, поставила его на споль близъ кровати, загасила свѣчу и легла. Около полуночи она спросила *Евгенія*, спишь ли онъ. Получивъ опвѣсть, она попросила его податъ ей спаканъ. — Послушай, *Евгеній*, сказала она ему, не правда ли, какъ мучительно должно быть для мущины, проводишь цѣлую жизнь съ женщиною, которую онъ не любитъ? — «Мнѣ кажется, *Берта*, ты находишь удовольствіе перзатъ себя!» — И тебя я перзаю поже, не такъ ли? Ты правъ, другъ мой; проспи мнѣ, *Евгеній*; проспи мнѣ все, чѣмъ прежде я тебя огорчала! — «Въ самомъ дѣлѣ... *Берта*...» О! ты прощаешь, ты такъ добръ, очень добръ! — Она схватила руку мужа и прижала её къ устамъ своимъ. «Ты дилъ, *Берта*,» сказалъ пронупый *Евгеній*, и поцѣловалъ её. — Боже! Боже! — воскликнула *Берта*; попомъ выпила сладкую воду, и опдала мужу пустой спаканъ.

На другой день, *Евгеній*, по пробужденіи своемъ, видя неподвижность жены, почель её спящею. Онъ вспалъ какъ можно оспорожиѣе, спрашась разбудить её, и невзначай коснулся руки *Берты*; рука эта была холодна. Вѣрояпно, упрення прохлада пому причиною, подумалъ онъ, и прикрывъ её тихо одѣломъ, онъ нѣхотпя взглянулъ на жену. Темнозелѣнный, мрачный цвѣтъ занавѣсокъ и обоевъ опражался на лицѣ *Берты* и придавалъ оному оппѣнокъ синеватой, могильной блѣдности. Какое-то неприянное чувствіе проникло душу *Евгенія*; онъ не былъ суевѣренъ, но печальный видъ комнаты сжалъ его сердце. Онъ наскоро одѣлся, чптобы иппи скорѣе въ паркъ, или просто, ему хотѣлось уйши только изъ этой комнаты, или, быть можетъ, онъ спѣшилъ за извѣстіемъ объ *Алфетѣ*. Надѣвая шляпу, онъ находить въ оной письмо, адресованное на его имя; распечатываетъ, узнаетъ руку *Берты*, и съ удивленіемъ читаетъ слѣдующее:

«Мой единственнй другъ! Моя единственная въ семь мѣръ любовь! —

«Не правда ли, что жизнь разочарованная — жизнь безъ обольщеній, которыя плѣняютъ насъ, очень печальна? Какъ много спрадала я, *Евгеній*, пока приучила себя къ этой мысли! И мнѣ всего только 18 лѣтъ! — Не многія души подобны моей! Душа моя, какъ цвѣпокъ не тронъ меня, увидала опъ малѣйшаго дуновенія; я чувствовала, какъ съ каждымъ днемъ угасала во мнѣ послѣдняя искра жизни! И я не могла умереть! И вдругъ въ умѣ моемъ, какимъ-то цевѣдомымъ путемъ, мелькнула мысль — мысль, которую сначала мы съ испугомъ спараемся удалитъ, но послѣ, когда она возвращается, начинаемъ лѣлѣять, и она дѣлается господствующею: эта мысль — самоубійство!»

Евгеній вздрогнулъ; взглянулъ на постель: но *Берта* спала крѣпкимъ сномъ. Онъ продолжалъ письмо:

«Да, самоубійство! Образованные народы называютъ это преступленіемъ; другіе, почитаемые за дикихъ, допускаютъ оное. Вообразимъ себѣ мыслящее существо, которое говоритъ себѣ: зачѣмъ я здѣсь на этой землѣ? Себѣ и другимъ въ пягость; что значить моя жизнь? Апомъ въ пустомъ проспранствѣ! Моя жизнь! Что называютъ этимъ ничтожнымъ словомъ? Боже! Подвергаться безреспаннымъ болѣзнямъ, сносить тысячи спраданій, на каждомъ шагу вспрѣчатъ запрудненіе — препятствія въ малѣйшихъ желаніяхъ. И ежели потъ, кому она въ пягость, рѣшился свергнуть съ себя это бремя, ... въ чемъ же тутъ зло? Но когда ты щастливъ, когда небо благословило тебя и ты имѣешь друга, котораго бы убила твоя смерть, то жизнь твоя связана съ другою жизнью, душа съ другою душою, и бѣненіе твоего сердца не можетъ оспановиться, не сокрушивъ другаго сердца. О! тогда все повелѣваетъ тебѣ жить; жизнь улыбається...»

«Милый мой *Евгеній*, теперъ еще ты мой, прошу тебя, читай до конца и скажи себѣ:

«Вчера еще существовало творение, которое природа отказала во всемъ, что составляетъ радость и счастье женщины въ красоту и взаимной любви! Женщина эта любила, любила страстно, и безъ содроганія пожертвовала для того, кого любила — жизнью и душою!

«Слезы навернулись на твоихъ глазахъ, но эти слезы, Евгений, принадлежатъ не мнѣ, а другой! онѣ пали мнѣ прямо на сердце, и все мнѣ открыли; слезы эти предписали мнѣ не обязанность мою, я превзошла её, но счастье свое, Евгений!

«Когда ты прочтешь письмо это, другъ мой, тогда узы, насъ соединявшіе, навсегда будутъ уже разорваны; рука твоя невинно нанесла смерть той, которая не могла жить для тебя, но рѣшилась умереть для тебя: проси мнѣ. Пожалуй только обо мнѣ, Евгений, вопи все, о чемъ просить тебя

Берта.»

«Не можешь быть,» воскликнулъ задыхаясь Евгений, и бросился къ постелѣ. «Берта! Берта! ради Бога, отвѣчай мнѣ, о! ты не умерла! Отвѣчай же мнѣ!» И въ первый разъ глаза его обратились съ восторгомъ къ этой женщинѣ, которая не слышала уже его, въ первый разъ онъ искалъ бѣшенія сердца въ той груди, которую самъ же расперзалъ.

Берта была неподвижна и холодна.

Пер. А. С.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

КЪ ПѢВИЦѢ.

Я слышалъ Серафима пѣнье!
И въ звукахъ сладостныхъ понулъ...
Но крапко было по мгновенье!
Онъ быстро крылья развернулъ,
Златолазурными взмахнулъ —
И умъ повергши въ изумленье,
Вопи снова на небо вспорхнулъ,
На мигъ ввуспись опдохновенье!...

Еще во мнѣ кипитъ восторгъ,
Но не земному сродный чувству!
Твой звучный даръ, вѣнецъ искусству,
Земное сердце мнѣ испоргъ,
И въ небѣ силою чудесной,
Въ восторгъ преобразилъ небесной!

В. Р.

1829.

О М О Н И М Ъ.

Полезна пушникамъ, полезна мореходцамъ,
Полезна полководцамъ,
Когда ихъ по горамъ,
Пустынямъ и морямъ,
Путевожу и направляю;
Града и пристани, мысы и островá,
Границы царствъ, и ихъ пространство предспа-
вляю.

Но я не шаковá,
Когда на множество сестѣрь подраздѣляясь,
И въ средство испытавъ торшуну превращаясь,
Ножѣмъ разбойникамъ служу;
Изнѣе, покой, здоровье похищаю,
Въ шпурьму нерѣдко отправляю,
И до отчаянья нещаспныхъ довожу.

Ш.

Въ No 62, помѣщенная загадка значить: *Verre.*

РУССКІЙ ТЕАТРЪ.

Объ игрѣ г. Карамыгина въ трагедіи Преступленіе (*Die Schuld*); пер. съ Нѣмецкаго г-жи Хопляинцовой. *Бенефисъ* г. Хопляинцова, 26-го Іюля 1833-го г., на Александринскомъ театрѣ.

Должно поздравить г. В. А. Каратыгина съ пріобрѣщеніемъ для своего огромнаго репертуара новой, прелестной роли: *Гуго*, графъ *Эриндуръ*, въ трагедіи *Преступленіе*. Роль

эпа сполько согласуется съ блестящими паланшами г. *Каратыгина*, что съ перваго поспавленія онъ уравнилъ её съ избранными своими ролями: *Фердинанда*, *Карла Моора*, *Жоржа Жермани*, графа *Эссекса* и другими, въ коихъ его поржеспво уже признано двумя сподицами.

Трагическія способности г. *Каратыгина* многообразны, изобрѣпающи и почпи во всѣхъ драмахъ близки къ совершенству. Но главное достоинство его состоиптъ едва ли не въ мимикѣ, и лучшія роли его не пѣ ли, въ коихъ онъ можетъ начинать и доканчивать рѣчи лицомъ, взорами, пѣлдвиженіями. Поразившія Москвитянъ формы его положеній супъ полько части его глубокой чувстввами и многомысленной мимики. Яркое же проявленіе эпой мимики и выраженій г. *Каратыгина* еспъ по время, въ которое совершилось преспуленіе или нещасіе, когда уже ворвались въ душу злора, безнадежность и опчаяніе. Онъ рѣдко извлекаетъ слезы, особенно голосомъ; но при видѣ его мученическаго креспа, его наружности, полной внупреннаго спраданія, сердце зрштеля замираетъ, какъ въ собственномъ нещасіи. Еще поспояннѣе, сильнѣе онъ дѣйствуетъ ужасомъ, выраженіемъ опчаянія, злобы, или той горькой ироніи, даже эпиграмматической насмѣшки, которая однакожъ не веселитъ, а давитъ, рѣжетъ сердце. Вообще, въ продолженіи актовъ, основныхъ преспуленію или нещасію, игра г. *Каратыгина* полько изящна; во всемъ сіяніи она является иногда, когда бури души уже подымаются.

Такова лучшая часть пѣ многихъ сценическихъ достоинствъ г. *Каратыгина*, и пакова роль *Гуго*. Хотя эпа роль развипа полько въ прехѣ дѣйствійхъ (ибо *Гуго* выходитъ со 2-го дѣйствія), но прагедія *Преступленіе* начинается пѣмъ, чѣмъ другія оканчиваются. *Гуго* выходитъ, уже совершивъ преспуленіе, съ неопспупающею мыслию, что онъ убійца прежде любимаго имъ *Карлоса*, въ томъ же дѣйствіи видиптъ подобіе убиваго въ лицѣ отца его, дона *Валероса* — и прехѣ дѣйствій довольно для

Каратыгина. Недоспапокъ двухъ предварительныхъ актовъ, не уменьшивъ поля для славы нашего арписта, избавилъ его опъ упрека за неровность, одинъ изъ главныхъ недоспапокъ игры его. Въ продолженіи всей прагедии не оспывалъ попъ высокій паланшъ его, который въ другихъ прагедіяхъ обнаруживается съ половины, или полько при концѣ драмы. *Гуго* и *Каратыгинъ* слились, какъ-бы *Фидіасово* твореніе, съ душою спрадальца, и мучительная жизнь взволновалась въ изящныхъ формахъ!

Внупренна поска, мысль: л убійца—были начертаны на лицѣ, можно сказать на всемъ пѣлѣ г. *Каратыгина*, съ перваго выхода его на сцену. Сначала, въ разговорахъ, хотя гореспныхъ, однакоже не опносящихъ прямо до совершеннаго имъ преспуленія, видно было что онъ глушилъ совѣсть, которая изнупри грызла всего его. При появленіи дона *Валероса*, эпаго мерпвца—*Карла* для *Гуго*, спрашны были его спыдъ и мѣка. Когда же донъ *Валеросъ* спалъ говоритъ о смерти своего сына, о предчувствіи, что сынъ его погипъ насильственно, — *Каратыгинъ* слушалъ съ пѣмъ видомъ, который показывалъ, что убійство въ его воображеніи возобновилось, роспеть, роспеть, слушалъ съ спрахомъ, съ ломкой падеждой преспутника, что пайна неизвѣстна; попомъ, съ угрызениями совѣсти и спыда, слабѣлъ поспепенно, опдалался препещущими шагами, уже уходилъ—и упалъ... Паденія г. *Каратыгина* всегда спровождаются громкими рукоплесканиями зрштелей, хотя бываюптъ иногда спшкомъ непредвидѣнны, иногда неумѣспны и невольнo иривятся полько совершенствомъ исполненія. Напротивъ, ничего не можетъ быпъ еспественнѣе эпаго паденія. Онъ къ тому приготовленъ былъ гореспію; давно, спотря на него, вѣрилось, что онъ спшкомъ расперзанъ, измученъ, и когда онъ упалъ, то привязалась груспная мысль: спыдъ, спраданія его убили!

Еще съ бѣльшимъ совершенствомъ, и по мимикѣ и по выраженію, выполнено г. *Каратыгинъ* 3-е дѣйствіе. Здѣсь раскрылись судьба *Гуго* и все его преспуленіе. Ему,

сыну не графа *Эриндура*, а простого Испанскаго дворянина доня *Валероса*, ворожея, которой мать его, беременная имъ, опказала въ милосыиъ, еще до рожденія пророчила злодѣйства и бѣдствія. Опданный въ младенчествѣ Графинѣ *Эриндуръ*, въ замѣнъ умершаго у ней однолѣтняго съ нимъ сына, онъ назначенъ былъ уиѣшимъ гордаго графа наслѣдникомъ и воспитанъ подъ именемъ его сына. Онъ почти забылъ прежнее свое имя: *Отто*, не зналъ роднаго опца, ни того, что такъ ужасно вспрѣтвившійся съ нимъ на пупи жизни *Карлосъ*, былъ брапъ его...

Вошь, при видѣ одной карпины, донъ *Валеросъ* спалъ подозрѣвая, что *Гуго* еспъ *Отто*, другой сынъ его, еспъ брапоубійца, мужъ жены брапа. Въ то время, какъ преспуление *Гуго* выходило во всей нагопѣ изъ мрака и явилось блудящей истиной, *Каратыгинъ* препепалъ, склонился на спулъ въ онѣмѣннн, и толькo рукою, мушнымъ взоромъ, и ужаснѣе, чѣмъ можно бы было сказать это на языкѣ человѣческомъ, опвергалъ слова *Валероса*. Въ немъ все выражало: нѣшь, я не сынъ *Валероса*, не брапъ убипому, не мужъ жены брапа; выражало, что однакожь все это истина, что однакожь спрашно этому вѣришь! Такъ добродѣпельный мужъ, видя въ тяжеломъ снѣ, что убилъ челоуѣка, вскакиваетъ, и еще держимый грезю, желаетъ, чпобъ это было во снѣ, и не вѣришь пому!...

Наконецъ и *Гуго* убѣдился, что онъ брапоубійца. Тогда-то, на зовъ родителя: «сприди ко мнѣ *Отто*»—загремѣлъ голось сына: «*Кайнъ* я, не *Отто*; сынъ пвой убипъ рукою моею.» Эти слова *Каратыгинъ* произнесъ неподражаемо: въ нихъ слились и ожеспоченіе, и насмѣшка, и послѣдняя степень горести! Спрашно потомъ признавался онъ въ убійствѣ брапа, оправдывалъ себя вѣроломствомъ *Карлоса*, и мучился, спрашно описавъ ревность свою и злобу, и еще спрашнѣе—подробности своего преспуления: какъ онъ прицѣливалъ ружье, какъ дрожали его руки... «и вспыхнулъ огонь, свинецъ зажужжалъ и вошь погибшаго раздал-

ся.» По произнесеніи этихъ словъ *Каратыгинъ*, казалось зрители, что убипый распреспертъ по сцѣнѣ и что убійцу ударило громомъ! Рѣчи его лились изъ расперзаннаго сердца, и до сихъ поръ опзываются онъ въ ухахъ, и молишься: да не случится подобнаго со мною!

Въ послѣднемъ актѣ г. *Каратыгинъ* властвовалъ надъ вниманіемъ зрителей въ описаніи бѣдствій войны и осажденнаго города, въ коихъ думалъ попушить свои бѣдствія: съ злобою радовался, воображая, что дома обнимающся пламенемъ, съ племворною улыбкой показывалъ какъ младенцевъ убиваютъ о камни и съ хохопомъ описалъ вошь и плачь женщинъ! Руку знаменипаго художника показалъ онъ также въ сценахъ съ опцемъ, гдѣ сей вызываетъ его на поединокъ, и особенно въ пош, гдѣ бросается въ объпнн родителя, слагающаго съ него прокляпие, когда, въ первый разъ уиѣшенный, онъ чувствуетъ облегченіе. Его облегченіе было сполькo оправдено прошлымъ, что подобилось облегченію пюремника, много лѣтъ просидѣвшаго въ подземельѣ, и на лицѣ котораго, при видѣ даруемыхъ ему свѣта и воздуха, хопя выражается удовольствіе, но выражается и то, что уже опоздало щаспие!

Сочинитель изобразилъ *Гуго* вѣрующимъ въ созвѣздія. Въ полночь того дня, въ который брапоубійца живепъ на сценѣ, онъ ожидалъ того самаго спеченія звѣздъ, какое было въ день смерти *Карлоса*. Онъ рѣшилъ въ этопъ часъ исполнить мѣру предопреѣленныхъ ему золь: умершвишь себя и жену. Когда часы спали бишь 12, *Каратыгинъ* тихо слушалъ, потомъ тихо склонился на колѣна, сложивъ на грудь руки и преклонивъ голову. Конечно, онъ эпимъ прекрасно выразилъ покорность судьбѣ, но его судьба была сполькo спрашна, что, кажется, ему слѣдовало бы при первомъ боѣ часовъ показатъ внезапный ужасъ, какъ бы при гласѣ судьбы непредвидѣнномъ, а потомъ уже склонивъ съ покорностію. Таково сердце челоуѣческое, что самая ожидаемая нещаспнн оно опклоняетъ опъ мысли, и при собы-

пѣм ихъ, ужасается также, какъ-бы прежде ничего не предвидѣло!

Если въ вѣнокъ человѣка и судьба и люди щитають за непремѣнный долгъ вплепать шерня, хопя иглочку, то продолжимъ непрямныя замѣчанія. Нѣкоторыя мѣста г. *Каратыгина* произносилъ слишкомъ тихо (это остатокъ прежнихъ его грѣховъ). Правда, человѣкъ въ убийствѣ состояніи выражается слабымъ голосомъ; но голосъ такого человѣка не значитъ слѣпый, чуть слышный. Самъ г. *Каратыгинъ* въ другихъ случаяхъ доказываетъ исполненіемъ, что можно говорить и разслабленнымъ голосомъ и вяло. Слова иного актера не дороги: чего не услышалъ, то можно прочесть въ книгѣ; напропивъ, выраженія *Каратыгина*, *Брянскаго*, потеряны, если не дошли до уха: ихъ не возьмешь у А. Ф. *Смирдина*; для нихъ я въ театрѣ иду и въ дождь, и въ холодъ, и на послѣднія деньги.

Впрочемъ, не смотря на замѣченные нами недостатки, роль *Гуго* была разыграна г. *Каратыгинымъ* съ образованнымъ знаніемъ своего искусства. Все изящество наружныхъ формъ только обливало около того, что происходило въ душѣ его. Онъ спрадалъ, самъ чувствуя спраданіе, говорилъ о преступленіи, будто-бы съ нимъ самимъ случившемся, гибъ и умеръ отъ мученій души, былъ а *Гуго*, не *Каратыгинъ*. Отъ начала до конца онъ игралъ просто, одушевленно, ровно. Не помнится ни одного вскрика, ни одного желанія попрыска театрѣ неисповыми плесками райка. Характеръ представляемаго лица онъ образовалъ въ точности, по данному сочинителемъ характеру; но границы драмы расширилъ, глубину мыслей увеличилъ швореніемъ мимики, измѣненіями голоса, памъ, гдѣ власпъ сочинителя оканчивается. Можно сказать, что г. *Каратыгинъ* столько же создалъ сценически трагедію *Преступленіе*, сколько тотъ создалъ еѣ стихами, если не болѣе. Видѣть его новое произведеніе было удивительно, какъ читалъ вновь вышедшую поему *Жуковскаго* или *Пушкина*. Искусства различныя, но одного семейства и одинаково радостны!

Москвичи не повѣряютъ, читая о чувствѣ въ игрѣ г. *Каратыгина*. Но благодарность имъ: они согрѣли сердце Аполлонова любимца, спившее въ холоду Ингерманландіи. Оставивъ въ Москвѣ громкія о себѣ воспоминанія, хопя бы спорныя (и споръ слава), онъ ворошилъ къ намъ достойнымъ и ея госпепримства и славы: смягчилъ сиповатый, глухой голосъ, бросилъ скороговорку въ большихъ монологахъ, играетъ съ бѣльшимъ чувствомъ. Послушность его шѣла, голоса и души удивительны: это воскъ, изъ котораго онъ создаетъ что хочеть, формы, звуки и чувствованія прекрасныя. Надѣмся, что онъ и на этомъ не остановится, но поидеть еще выше въ совершенствованіи своего искусства.

Мое намѣреніе было писать объ игрѣ одного г. *Каратыгина*. Скажу впрочемъ, что и другія (особенно г-жи *Каратыгина* и *Вальберхова*), игравшія съ нимъ лица, содѣйствовали успѣху драмы. Самая трагедія представляетъ смѣсь классическаго съ романтическимъ: ибо хопя дѣйствіе еѣ, ограниченное единствомъ мѣста и времени, обсяняется почти только въ разсказъ, но безъ длинныхъ монологовъ, безъ ходульной напыщенности; лица и происшествія столько обыкновенны, что съ перваго раза трагедію можно принимать за число романтическую. Переводъ не оскорблялъ ни Русскаго слуха, ни вкуса. Удовольствіе публики засвидѣтельствовало достоинство и сочиненія и перевода. Вообще, по спеченію зрителей, бенефисъ г. *Хотинцова* былъ блестящій, а по трагедіи (а) таковъ, что дай Богъ въ будущемъ году такого бенефиса самому г. *Каратыгину*. Съ Февраля 1832-го г. (съ графа *Эссекса*) онъ нынѣ впервые встрѣтилъ трагедію, достойную своего искусства. Такъ рѣдки у насъ даже переводныя хорошія драмы!

Пн.

(а) Еще играли, уже и прежде извѣстныя публикѣ, водевилъ: *Пурсоньякъ-Фалагей*, соч. *Скриба*, перед. к. *Шаховскаго*, и оперу: *Федулъ съ дѣтьми*. Въ первомъ зрѣніи наслаждались непринужденнымъ комизмомъ г. *Сосницкаго*, а во второй—суюкою.

M O D E S.

Une brillante soirée littéraire a réuni, la semaine dernière chez Mme de F. une quantité de jeunes femmes, parées avec recherche et élégance. — Elles venaient entendre l'une de nos Corinnes modernes, et peut-être pensaient-elles lutter de grâce et d'éclat avec la magie d'un talent de vingt ans qui n'avait pas besoin d'être couronné de roses pour que l'on dit: Elle est bien jolie! — Et d'abord on ne voyait que la jeune muse; puis encore après on ne se souvenait que d'elle. Elle était habillée d'organdi. — Sa robe décolletée était nouée à la taille, devant en rosette, par une ceinture large de taffetas rose pâle, aussi pâle que les roses de sa couronne, qu'on nomme *roses nymphes*. Une mantille de dentelle retombait dans le dos et sur les manches. Ces manches courtes étaient garnies de sabots de dentelle, au milieu desquels se retrouvait un nœud de ruban pareil à la ceinture. — Des souliers de gros de Naples blanc, et des mitaines noires, une écharpe de tulle rose, et au cou un rang de perles. — Rien de plus simple et de meilleur goût.

Quelques jolies toilettes de femme se faisaient aussi remarquer. — Sur une robe de pékin fond blanc, peint en roses rouges mêlées à du genêt, se détachait un magnifique mantelet de blonde noire, très-décolleté, attache par un nœud cerise, et plus bas un nœud jaune. — Pour coiffure un chapeau de paille de riz relevé d'un côté, sur lequel était un bouquet de plumes jaunes et un ruban pareil qui tournait en biais autour de la forme, allant faire un assez long nœud par derrière.

Une robe en poue de soie rose, garnie d'un volant en application de Bruxelles, des manches longues et un mantelet en application, les manches marquées dans toute la longueur par des nœuds de gaze rose; — le mantelet attaché de même; — sur la tête un bonnet de tulle rose, garni de blonde, avec des ornemens de ruban rose et d'une rose blanche mousseuse.

Plus simples, des robes de mousseline de soie, brodées de soie pareille, ou de soies nuancées. — De la mousseline de l'Inde brodée au passé en fil d'Écosse, et quelques points d'argent.

Des coiffures d'œillets naturels.

M O Д Ы.

На прошедшей недѣль, блестящій липературный вечеръ у г-жи F., соединилъ множество молодыхъ дамъ, одѣтыхъ со щцаніемъ и щеголеватю. — Онѣ собрались слушать одну изъ нашихъ новѣйшихъ Кориннъ, и можешъ, думали состязанься въ ловкости и блескѣ съ очаровательноспію двадцати-лѣшняго паланша, не имѣющаго нужды бытъ увѣчанному розами, чшобъ сказали: она очень хороша! — Впрочемъ, видѣли шолько одну молодую музу, и потомъ вспомнили о ней шолько. Она была въ платьѣ изъ органди; лифъ открытый; поясъ изъ широкой пашпной ленты, завязанъ спереди розеткою блѣдно-розоваго цвѣта, споль же блѣднаго, какъ розы еѣ вѣнка, называемыя *roses nymphes*. Около спинки и рукавовъ была кружевная манпилья. Короткіе рукава опдѣланы были кружевными *sabots*, въ срединѣ коихъ былъ бантъ изъ такихъ же лентъ какъ поясъ. — Бѣлые гроденаплевые башмаки, чѣрныя мшпены, шарфъ изъ розоваго шюля, на шеѣ одинъ рядъ жемчугу. — Ничего не могло бытъ проспѣе и въ лучшемъ вкусѣ.

Также замѣтно было нѣсколько красивыхъ дамскихъ нарядовъ. — На платьѣ изъ бѣлаго пекина, съ узорами изъ красныхъ розъ, перемѣшанныхъ съ генеспями, опдѣлялась великолѣпная манпилья изъ чѣрной блонды, чрезвычайно открытая, схваченная алымъ банпомъ, а пониже желтый. — На головѣ басшовая шляпка, съ одной стороны приподнята, съ букетомъ желтыхъ перьевъ; лента такого же цвѣта, положенная вкось по шულѣ, соспавляла сзади довольно длинный бантъ.

Платье изъ *roue de soie*, обшито оборкою изъ Бриссельскихъ кружевовъ, рукава длинные, и манпилья изъ Бриссельскихъ же кружевовъ, рукава означены во всю длину розовыми, газовыми бантами; манпилья схвачена такимъ же банпомъ; на головѣ чепчикъ изъ розоваго шюля, обшито блондою, опдѣланъ розовыми газовыми лентами и бѣлою мохъ-розою.

Проспѣе, платья изъ шелковой кисей, вышитыя шелкомъ подъ цвѣтъ, или шелками въ пѣнь. — Индѣйская кисей, вышитая въ проборъ Шопландскими шпками и нѣсколькими серебряными спешками.

Уборы изъ пасполщихъ гвоздикъ.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

.....
ТРЕТІЙ ГОДЪ.
.....

Выходитъ
по Средамъ и
Субботамъ.

№ 64.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 104 No,
съ 36-ю картинками моды,
въ С. П. б. 30, съ до-
спавкою и пересылкою
35 рублей.

СУББОТА, АВГУСТА 12 ДНЯ 1853 ГОДА.

Прочши-ка басенку Крылова,
Сказала сыну мать—и вопль чипаетъ мать.
Я вѣкъ не испыталъ мученія шакова!
Сынъ басню разбираетъ безъ толку по складамъ.
Кого-жь путь повинить? Конечно не Крылова,
Конечно не сына; а повините мать
За то, что неуча шакова
Прекрасные стихи заставила чипать.

Н. Остолоповъ.

ПЕРЕСМѢШНИКЪ.

СПЛЕТНИ.

Глава пятая.

Осенью 1826 года, на вечеринкѣ въ Москвѣ у княгини *Чижинской*, споль уже извѣстной чипапельницамъ и чипапелямъ Липсерапурныхъ Прибавленій, зашѣяли играть въ вопросы и отвѣты. Между игравшими находилось нѣсколько ученыхъ людей, поэшовъ, прозаиковъ, журналисовъ, любителей, знапоковъ, судей словесности. Уже задано было по нѣскольку вопросовъ, прочтены въ слухъ отвѣты, изъ копорыхъ многіе были написаны стихами, многіе остроумны, многіе глубокомысленны. Сначала все шло своимъ порядкомъ, тихо и гладко. Вдругъ дамы и дѣвицы начали между собою перешепываться, значительнo улыбались, выходили, приходили: кавалеры потчасъ замѣтили, что это не даромъ, что между ними кроет-

ся нѣчто таинственное; догадывались, выпытывали, но не могли никакъ найти ключа къ женскому секрету. Черезъ полчаса всё вышло наружу: заданы были вновь вопросы; сдѣланы отвѣты, собраны, перепасованы. Старая княгиня сама вызвалась чипать вопросы и отвѣты, и, хотя по почерку знала, кто дѣлалъ первые, кто писалъ вторые, но, какъ въ сей игрѣ запрещено открывать имена: то она, прочитавъ и потъ и другой, перевѣртывала ихъ изъ предосторожности на изнанку, складывала на споль противъ себя, открывала другую бумагу, прочитывала—и поступала съ нею также, какъ съ предыдущею.

Первый, вынуженный ею наудачу вопросъ, былъ слѣдующій:

«Поэзія, какъ характеры людей, какъ физиономія лицъ, до безконечности можетъ быть разнообразна. Между тѣмъ, какъ мы воображали, что языкъ чувствъ уже не мо-

жесть у насъ сдѣлать новыхъ опытовъ въ своемъ искусствѣ, явился такой поэтъ, который разрушилъ нашу увѣренность. Онъ идетъ новою, своею дорогою. Соединяя въ стихахъ своихъ истинную чувствъ съ удивительною точностію мыслей, онъ показалъ опыты прямо классической поэзіи. Сославъ его стихотвореній, правильность и прелесть языка, ходъ мыслей и сила движеній сердца выше всякой критики. Онъ ясенъ, живъ и глубокъ. Во всемъ опчѣтъ сославляетъ опличительность его стиховъ. Нѣтъ слова, нѣтъ оборота, нѣтъ картины, гдѣ бы вы не чувствовали ума и вдохновенія. Разбирайте строго каждый его стихъ, слѣдуйте за нимъ внимательно до конца стихотворенія: и вы признаетесь, что онъ избѣкъ все лучшее изъ своего предмета, опбросилъ всё излишнее и не забылъ ничего необходимаго. Сколько разнообразія во всѣхъ его самыхъ легкихъ произведеніяхъ! Игривое и важное, глубокое и легкое, истинное и воображаемое: всё онъ постигнулъ и выразилъ.

Назовите мнѣ эпаго Русскаго поэта? Опвѣтъ: *Жуковский*.

«Не мудрено было опгадать!» вскричали всѣ въ одинъ голосъ.

Бумага, на коей изложенъ былъ вышесказанный вопросъ и опвѣтъ, опложена въ сторону. Княгиня развернула другую, пробѣжала её про себя и вскричала: «что за странность, тотъ же самый вопросъ! однакожь прочтѣмъ его, чтобы живѣе запердидъ въ памяти.» Она прочла его. Всѣ при-вспали съ примѣтнымъ неперпнѣемъ; всѣмъ хотѣлось поскорѣ слышать имя поэта.

Княгиня съ важностью прочла: «О комъ изъ Русскихъ поэтовъ это написано?»

Опвѣтъ: о *Пушкинѣ*.

Мушны призадумались. — Между тѣмъ почтенная хозяйка, бросивъ на столъ прочитанный клочекъ бумаги, съ любопытствомъ открыла претій—и, о диво! вопросъ былъ одинъ и тотъ же. «Это явный заговоръ!» вскричала она, бросивъ значительный взоръ на плутовку — среднюю дочь свою,

давнішнюю нашу пріятельницу, бывшую княжну *Варвару Алексѣвну*, а теперь давно уже генеральшу *Тихонравову*. Она покраснѣла; однакожь скоро оправилась и робко опвѣчала: «рука не мол!» — Рука не шло, да швомъ проказы; — замѣшила княгиня мать и, выдернувъ претій листокъ, опашъ нашла поже самое опредѣленіе, поже исчисленіе качествъ поэта; попомъ вопросъ: «Про кого бы изъ нашихъ живыхъ писателей можно было сказать это?»

Опвѣтъ: про *Баратынскаго*.

Мушны заспорили между собою о томъ, что затверженное ими наизустъ изображеніе во многомъ несходно съ *Плещомъ пировъ*, и бала, что онъ не глубокъ, не важенъ, не имѣетъ сильныхъ движеній сердца—*Жуковскаго, Пушкина, О. Н. Глинки, Нелединскаго...* Но княгиня произнесла: à l'ordre! И все припихло. Она спала читать вопросъ: Какое сходство между жизнью и свѣчою? опвѣтъ былъ:

Свѣча и жизнь равно горятъ и пахотъ,

И обѣ равно угасаютъ.

Въ пятомъ вопросѣ спрашивали: чѣмъ лучше заняться лѣнивому человѣку?— Опвѣчающій совѣпывалъ ему:

Сперва соснуть,

Потомъ немного опдохнуть;

Потомъ опашъ соснуть собравши силу,

И не ищи, а нести вѣхъ себя въ могилу.

Въ шестомъ возобновился вопросъ, уже при раза сдѣланный, онъ оканчивался обыкновеннымъ припѣвомъ: «Кому изъ поэтовъ принадлежитъ честь сія? Опвѣчающій, безъ поясненій, безъ оговорокъ, написалъ: *Языкову*.

Какъ элекпическая искра, имя сіе оппрясло всѣхъ шуть находившихся. Одни поржеспвовали, другіе ворчали, претны явно показывали свое неудовольствіе на того, чья дерзкая рука не дрогнула начерпидъ имя *Языкова*; разгоряченныя головы столкнулись, завязался бой. «Какъ языкъ поворопился сказать, что *Языковъ*, пѣвецъ вина и спуденскихъ фарсовъ, все постигнулъ и

выразить: гдѣ же въ немъ важное, высокое, глубокое? Онъ болтунъ, у него опть избытка уста глаголютъ, а насъ хотящъ увѣришь, что онъ отбросилъ все излишнее;» говорили обожатели *Жуковского*, *Пушкина* и *Баратынскаго*.—Примѣръ лучше теоретическихкихъ вашихъ доказательствъ, возразили поклонники *Языкова*, и попросили княжну *Наталью Алексѣевну* принести ея альбомъ. Княжна ушла—и чрезъ пять минутъ возвратилась съ альбомомъ, на которомъ выписанъ былъ No 17. Онъ былъ сафьянный, цвѣту массака, богато написанный узорами въ Готическомъ вкусѣ; углы его изъ золотыхъ бляхъ, застѣжки золотыя, осыпаны бирюзами и брилліанчиками. У княжны естъ альбомы, въ кои вписываютъ только друзья; естъ опредѣленные для извѣстныхъ писателей, естъ съ рисунками славнѣйшихъ Русскихъ живописцевъ: *графа Толстова*, *Кипренскаго*, *Венеціанова*, *Орловскаго* и *другихъ*. Принесенный ею посвященъ стихопвореніямъ *Баратынскаго*, *Языкова*, *Ив. Ив. Козлова*, *Подолинскаго*, *Туланскихъ*, *Веневитинова* и барона *Дельвига*. Пуще всѣхъ восплали прошивъ *Языкова* профессоръ Россійской словесности Московскаго и два эскъ-профессора Россійской же словесности Дерптскаго Университетовъ.

Княжна *Наталья Алексѣевна* превосходно произнесла стихопвореніе *Н. М. Языкова*: *Пѣснь Барда во время владычества Татаръ въ Россіи*.

Гдѣ вы, краса минувшихъ лѣтъ,
 Баяновъ струны золотыя,
 Пѣвицы вольности и славы и побѣды,
 Народу Русскому родныя?
 Бывало рашники лежатъ вокругъ огней
 По берегу свѣтлаго Дуная,
 Когда тревога боевая
 Молчитъ до упревшихъ лучей:
 Вдали, шуманомъ покровенный,
 Спятъ Грековъ, и надъ нимъ грозна,
 Какъ щипъ, въ бою окровавленный,
 Восходитъ полная луна.
 И тихій сонъ во вражьемъ спанѣ:
 Но шамъ, гдѣ вы, сыны снѣговъ,
 Тамъ вдохновенный на курганѣ

Поестъ дѣлнѣя праопцовъ,
 И перены вѣщце лепаютъ
 По звонкимъ, пламеннымъ струнамъ,
 И взоры воинновъ сверкаютъ,
 И рвутся длани ихъ къ мечамъ.
 На упрю, солнце лишь воспало,
 Проснулся дерзостный будащъ;
 Валился Греки рядъ на рядъ:
 И ихъ полковъ, какъ небывало!
 И вы сокрылися, вѣка полночной славы,
 Побѣды и вольности вѣка!
 Такъ сокрывается ликъ солнца величавый
 За громовыя облака.
 Назавтре солнце вновь возстанешъ;
 А мы... намъ долго цѣпи влечь;
 Спошья прюпекупъ—и Русскій мечъ не грянешъ
 Тирансва гордаго о мечъ.
 Неупомимыя спраданья
 Погубящъ памянь объ опцахъ:
 И геній рабскаго молчанья
 Возрадешь, вѣчный, на гробахъ.
 Теперь вошце младый Баянъ
 На голосъ предковъ напѣваетъ:
 Жестокихъ бѣдспвій ураганъ
 Рабовъ полмѣрпвыхъ оглушаетъ;
 И онъ, дрожащею рукой
 Поднявъ холодныя желѣзы,
 Молчитъ, смотря на нихъ сквозь слезы
 Съ неизлѣпимою тоской.

Во время чтенія, спарцы поверпывались на креслахъ, вспоминала чѣрную годину Руси, у Александра Милайловича *Дубовикова* капали крупныя слѣзы, военные хватались за шаги. Генераль-маюръ Александръ Дмитриевичъ *Тихонравовъ* съ силою глубоко-разпроганной души произнесъ наизустъ стихи пламеннаго пѣснопѣвца *Языкова* къ А. Н. В.—фу, въ 1828 году:

Прощай,—неси на поле чести
 Опваги юношескій жаръ,
 Сердечный гласъ вражды и мести
 И неизбѣжный пвой ударъ!
 За Русь, поварищъ, за свободу
 Элады пламенныхъ сыновъ,
 На громъ бойницъ, въ огонь и въ воду,
 Пойдешь пы, сиденъ и суровъ.
 Блаженъ, кто гнѣвомъ упоенный,
 Гулялъ на праздникъ мечей

И вырвать дланью вдохновенной
 Побѣду родинѣ своей;
 Свѣтла кончина боевая;
 Блаженъ, кто очи зашворилъ,
 Последнимъ взоромъ прожая.
 Побѣгъ и казнь прошивныхъ силъ.
 Уже зардѣлась величаво
 Высокихъ подвиговъ заря,
 Шумящъ Суворовскою славой
 Знамена Русскаго Царя,
 Да вновь спрашилишу Спамбула
 Напомнишь наши торжества
 Пожаръ Чесмы, булатъ Кагула
 И Руси грозныя права.
 Дай руку мнѣ: во дни былые,
 Въ кругу внимательныхъ друзей,
 Я воспѣвалъ пиры лихихъ
 Кипучей младоспи пвоей:
 Я спану пѣшь пвою побѣды,
 Воспоргомъ весель огневымъ,
 И бурныхъ юношей бесѣды
 Наполню именемъ пвоимъ!

Важные профессора, люди строгой нравственности и высокаго любомудрія, поглядѣли другъ на друга и сознались, что *Языковъ* съ такою же маленькою напаяжкою, какая сдѣлана обществомъ въ пользу *Баратынскаго*, подходилъ подъ поже опредѣленіе, подъ которое по всей строгости подошли *Жуковский* и *Пушкинъ*. — «Безъ малѣйшей напаяжки!» настойчиво возразилъ (извѣстное въ Литературныхъ Прибавленіяхъ лицо) *Сократъ - Добрытовскій*: «*Языковъ* выражаетъ мысли свои такъ вѣрно, что чипапель можетъ замѣнить и почувствовать ихъ самыя легкія оппѣнки. Нѣтъ словъ, поставленныхъ необдуманно, или невольно.» — Безъ сомнѣнія! съ жаромъ поддержалъ его полковникъ Валерьянъ Александровичъ *Красносельскій*: «онъ ясенъ, живъ и глубокъ. Во всемъ опчѣтъ составляетъ опличительность стиховъ его.» —

Никто не спорилъ — и княгиня принялась опять за вопросы. «Какая разница между разнопы и разноспи?» спрашивалъ какой-то великій мужъ Россійской грамматики, вѣроятно одинъ изъ журналистовъ. Ему опвѣчали:

Свѣтлана — ангелъ красопы:
 Тупъ я не вижу разнопы;
 Свѣтлана — безобразность:
 Тупъ все: и разница, и разнопа, и разноспь!

Вопросъ: Есть ли Русскіе, которые бы пу-
 скались пупешествовать по такому госу-
 дарству, котораго языка они не узнаютъ?

Отвѣтъ-вопросъ: Почти нѣтъ. А много
 ли изъ переселяющихся въ Россію иноспран-
 цевъ знаютъ нашъ языкъ? — Все общество,
 какъ будто бы сговорясь, опвѣчало: ни од-
 ного!

Вопросъ: Безъ чего скорѣе можно обой-
 тись: безъ солнца, или безъ луны?

Отвѣтъ: Конечно, безъ солнца, попому,
 что днѣмъ и безъ него свѣтло.

Слушательницы и слушатели зарукопле-
 скали шуточному опвѣшу на забавный во-
 просъ.

Послѣ сего вынуто опять прежнее, че-
 тыре раза уже рѣшенное опредѣленіе, или
 характеристика: «между пѣмъ, какъ мы
 воображали, что языкъ чувствъ уже не мо-
 жетъ у насъ сдѣлать новыхъ опытовъ въ
 своемъ искусствѣ, явился такой поэтъ, ко-
 торый разрушилъ нашу увѣренность. Онъ
 идетъ новою, своею дорогою. Соединяя въ
 стихахъ своихъ истину чувствъ съ удиви-
 тельною точностию мыслей, онъ показалъ
 опыты прямо классической поэзіи. Составъ
 его стихопвореній, правильность и пре-
 лестъ языка, ходъ мыслей и сила движеній
 сердца выше всякой криптики,» и такъ да-
 лѣ. Въ заключеніе, слѣдовало обыкновенный
 вопросъ: «къ кому изъ живыхъ опечествен-
 ныхъ писателей можно примѣнить сіе опре-
 дѣленіе?» Хозяйка объявила, что она не ска-
 жетъ имени, которое поставлено въ опвѣ-
 шъ; но попросилъ каждаго госпя, поочеред-
 но, сказать имя того поэта, который, по-
 слѣ чепырѣхъ уже поименованныхъ, обла-
 даетъ по крайнему ихъ разумнѣю талан-
 тами и свѣдѣніями, въ вышеприведенномъ
 описаніи начерчанными.

Пылкій артиллерійскій офицеръ *Морген-
 штернъ*, котораго, не смотря на свою Гер-

манскую фамилію, лучше знаетъ Россійскій языкъ, нежели Нѣмецкій, забылъ, что пупъ всѣ старше его и чинами и лѣпами, вскричалъ: *Туманскій!*—«Копорый?» подхватилъ *Сорвиголовинъ*: «сихъ двое, Василій Ивановичъ и Ѳѣдоръ Антоновичъ; оба поэты отличные, я самъ немного маракую въ виршахъ— и написалъ акроспихъ, да двѣ шарады, не вѣрите? Давайте сюда Аглаю князя *Шаликова*: всѣ при шпукѣ памъ напечатаны.»— Василій Даниловичъ правъ; скромно примолвилъ молодой князь *Чижинскій*, поручикъ Староскольскаго пѣхотнаго полка, прѣхавшій въ отпускъ. И въ подкрѣпленіе своей правоты, взявъ сеспринъ Сборникъ (альбомъ), раскрылъ и, предупредивъ слушателей, что начнеть съ сочиненій В. И. *Туманскаго*, прочиталъ:

Къ ней.

Не цвѣта небснаго очи пвои;
 Не розы успа пвои, дѣва!
 Не лиліи перси и плечи:
 Но чшобъ за весна въ споронѣ пой была,
 Гдѣ-бъ розы пакія, пакія лилеи
 Цвѣли на зелѣныхъ лугахъ,
 И небо, и все, что подъ небомъ,
 Блиспадо, какъ очи пвои голубыя!

«Какая роскошь! какой блескъ выраженій! какая прелеснь!» заужжали дамы.—Вопшь еще одно,—молвилъ князь.

Мысль о югѣ.

Я вздѣлянь югомъ, югомъ,
 Ясвымъ небомъ избалованъ;
 Къ югу, югу, вѣрной думой,
 Словно цѣпью я прикованъ.
 Посмотри: памъ волны моря
 Вьются, плещущъ голубыя,
 Всѣ осыпанныя блескомъ
 Какъ надежды молодыя.
 Посмотри: памъ пирамида—
 Тополь въ виноградныхъ дозахъ,
 Вкругъ фонтана вьются розы
 И балконъ алѣешь въ розахъ!
 Посмотри: памъ черныя очи,
 Черныя очи съ долгимъ взоромъ,
 Съ огнедышущей любовью,

Съ огнедышущимъ укоромъ!
 Тамъ гармонія, сіянье,
 Благонья, наслажденье:
 Сѣверъ гордый! Сѣверъ гордый!
 Что-жь ты дашь мнѣ въ утѣшенъе?

«Надобно признаться,» важнымъ пономъ замѣнилъ одинъ изъ профессоровъ: «что коропкіе стихи Одесскаго поэта показываютъ въ немъ достойнаго сына Аполлона, по опчепливости слога и мыслей. Крапкось рѣчи не только не вредитъ ясности стиховъ его, но придаетъ имъ особенную силу. Онъ въ составленіи періодовъ столько же разнообразенъ, какъ и въ изобрѣненіи новыхъ мыслей. И я, за себя и за ученыхъ поварпщей своихъ, подаю голосъ въ пользу г. *Туманскаго*.»—Я бы оспановился немного надъ словами *важень* и *глубокъ*;—прибавилъ другой педагогъ: ибо не помню, чтобы у сего спихопворца, игриваго и лёгкаго, была хопя одна пьеса содержанія важнаго.—Если пошло на замѣчанія, то я не вижу, чтобы онъ шѣлъ *нового* дорогою; сказалъ претій профессоръ.—«Если судить такъ спрого, какъ вы,» возразилъ *Моргенитернъ*: «то и *Баратынскій* и *Языковъ* должны быть исключены изъ числа высокыхъ, глубокомысленныхъ. Вы, господа, спрогіе цѣнители, пребуете опъ поэта—одъ на землепресеніе, на наводненіе, на побѣды—и не хопите слышать, что лёгкія сочиненія столько же образуютъ языкъ, какъ и важныя. Одинъ выборъ содержанія, безъ искусства псымень, въ словесности почти ничего не значить. Въ рукахъ неопытнаго или несвѣдущаго художника—лучшія краски не производятъ надъ зрительмъ никакого дѣйспвія: пакъ и сила мыслей исчезаетъ въ худомъ слогѣ.»

— Кто вамъ говоритъ о плохихъ художникахъ, о *Тредьяковскомъ*, о *Свѣгинѣ*, о *Кузьмигевѣ*, о *Родивановскомъ*? загремѣлъ, овладѣвъ вниманіемъ общеспва, Московскій профессоръ Россійской словесности: мы теперъ спрашиваемъ: достоинъ ли поэтъ *Туманскій* спать на ряду съ *Жуковскимъ* и *Пушкинымъ*? Одинаковою ли славою должны пользоваться художникъ, сдѣлавшій золотую карепу, копорую можеть возинъ блоха, и ху-

дожникъ, извалявшій Венеру Медиційскую?— «Вы всё удалились опть наспоющаго предмета нашихъ разговоровъ; милоспивые государи!» сказала въ свою очередь почтенный спарець Михаилъ Семёновичъ *Башкировъ*. «Каждый изъ васъ взмопился на любимаго конька своего, шумишь и гарцуешь на немъ, не глядя ни на кого и не кого не слушая, Успокоимся, попросимъ князя *Николая Алексеевича* прочесть двѣ — при пьесы другаго спихопворца — *Туланскаго*; потомъ обсудимъ съ хладнокровіемъ: имбуютъ ли господа *Туланскіе* пѣ качества, пѣ дарованія; okazaли-ль они опечеспивенной поэзіи пѣ услуги, какихъ требуется въ вопросахъ, намъ предложенныхъ, а не спанемъ спорить о томъ, равны ли они съ *Гомеромъ* и *Державинымъ*!» Сею рѣчью авпоръ уложилъ спать бурю спраспей, какъ *Нептунъ* окрикомъ на мяпешныя волны моря.

(Продолженіе въ слѣд. листѣ.)

О ГЕРМАНСКОЙ ЖУРНАЛИСТИКѢ.

Въ Германіи дождь идетъ журналиами, говорятъ Французы, но главная сполница ея, Вѣна, сохранила свою непорочность среди всѣхъ искушеній.

И у насъ на Руси уменьшилось количество періодическихъ изданій; за то выиграло качество. Какъ занимашелень журналъ Минисперспва внуспреннихъ дѣлъ; какъ любопытна Коммерческая газета; какую обширную пользу приносятъ журналы Горный и Мануфактурный! Если-бъ слогъ Академическихъ вѣдомостей былъ чище и если-бъ прибавили къ нимъ безприспрастнаго, учёнаго, водимаго разборчивымъ вкусомъ Библиографа, который бы помѣщаль въ нихъ краткій разборъ всѣхъ вновь выходящихъ книгъ: по сіи, древнѣйшіе всѣхъ повременные листы, ежедневно выходящіе, при своемъ дѣятельномъ и неупомимомъ Редакторѣ, далеко бы оспавили за собою всѣ другія газеты.

СЛОВЕСНОСТЬ.

БЪЛОКУРОЕ ДИТЯ.

Why so soon! . . .

Зачѣмъ такъ рано! . . .

Вы видали эшаго ребенка, котораго волнистые русые волосы развѣвались въ порывахъ его беззаботной радости.— Вы видали его, когда, рѣзвый и игривый, онъ попалъ въ землю своими крошечными ножками, и чпобы избѣжать увѣщаній бабушки, которая его журила, припался за кустъ цвѣпювъ, сверкая между розъ своими живыми, огненными глазами, и выказывая изъ за нихъ чистое, невинное чело свое.

Вы видали его, когда съ первыми лучами солнца, онъ опслонялъ кисейные занавѣсы, освѣнявшіе колыбель его, и играя ихъ волнистыми изгибами, высовывалъ свою хорошенькую головку, какъ-бы изъ облаковъ, и улыбаясь, звалъ мать свою.

Вы его видали вечеромъ, когда, успалый, съ полузакрытыми глазами, увлекаемый и сномъ и желаніемъ забавы, онъ приходилъ искашь опдохновенія на колънахъ матери, обнималъ её своими полными рученками, опускалъ голову къ ней на грудь, лепеталъ ея имя, и засыпалъ сномъ невинности.

Вы, которые видали его споль млмымъ, живымъ и прелестнымъ; вы, которые, сохраняя усладительное о немъ воспоминаніе, можете быть ищете снова увидѣть блонкурое дитя: не возвращайтесь болѣе въ усипанную пескомъ алею, гдѣ видѣли его бѣгущимъ; не подходите къ колыбели, гдѣ онъ спалъ, и во снѣ не покидая своей восхищительной улыбки; не спрашивайте его матери, которая такъ часто покрывала его поцѣлуями, наслаждалась нѣжнымъ дѣтскимъ его лепетомъ.

Съ нѣкопорога времени, никто не поспраетъ легкими ножками неску алей; мѣспо колыбели оспасется не занятымъ; успа матери не сыплютъ болѣе поцѣлуевъ, не оживляются улыбкою, и на колънахъ ея не видно спящаго дитяти.

Но если вы хотите найти слѣды его, идите эпою извилистою пропою, усѣянною

по сторонамъ цвѣтами, кустарникомъ и могилами; войдите за эту торжественную ограду, посвященную пѣмъ, которые еще живутъ, пѣмъ, которыхъ уже нѣтъ болѣе. Не содрогайтесь ни при имени кладбища, ни при печальномъ ропотѣ вѣтвей, ни при могильныхъ призракахъ, которые представляются вашему воображенію. Остановитесь, взгляните и пролейте слезу.

Остановитесь предъ этою раннею, свѣжею могилою, обсаженною шиповникомъ, котораго почки, поникшія на своихъ стебляхъ, кажутся, не смѣютъ развернуться, какъ будто-бы и имъ — слишкомъ вѣрному изображенію жизни здѣсь почившаго — поже не было суждено исполнить своей участи. Они осѣняютъ надгробный камень, на которомъ поставлена колыбель, наполненная игрушками, въ послѣдніе забавлявшими дитя, болѣе уже не существующее. Замысловатая и горькая утонченность материнской печали, которая, пренебрегая пышностию мрамора и блескомъ сокровищъ, посвящаемыхъ украшенію могилъ, не находитъ приношенія, болѣе драгоценнаго, какъ-то, что радовало ея сына! Увы! сколько жестокой скорби въ обломкахъ эпига маленькаго барабана, эпигихъ разбросанныхъ кеглей, эпига бѣленькаго барашка, деревянной лошадики! Остановитесь, и плачьте предъ сими веселыми остатками: вамъ представляется въ нихъ отчаяніе матери, и послѣднее воспоминаніе о бѣлокурномъ дитяти.

N. N.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

СОНЕТЫ.

(*Посвящ. В. О. Г. . . .*)

I.

Когда о дѣлахъ любви былой
Забудеть сердце на мгновенье,
Священный часъ уединенья
Мнѣ возвращаетъ образъ твоей. . . —
Предъ легкомысленной толпой

Скрываю я мое мученье
И берегу, какъ наслажденье,
Какъ даръ подруги молодой. . . —

Прости мнѣ, если иногда, я
Кажусь веселымъ среди людей;
Увы! ихъ чаша круговая
Не утолитъ шоски моей! . . . —
Въ пиши безропотно спрадал,
Я вѣренъ памяти твоей! . . . —

II.

Пріятель тихій шумъ ручья
Съ горы бѣгущаго игриво;
Прекрасны пѣсни соловья
Во мракъ ночи молчаливой;
Но ах! прелестней для меня,
Бывало въ юности щастливой,
Когда промолвить: «я твоя!»
Уста красавицы спыдливой! . . . —

Журчанью сладостному водѣ
Люблю внимать, порой поскуча,
Оно раздумье въ душу льетъ;
Но дѣву милую цѣлуя,
Душа для щастья оживетъ,
И наслаждался и ликуя! . . . —

III.

Какъ грустно жить, утративши желанья
И радости, мелькнувшія на часъ,
Какъ тяжко жить безъ сердца упованья,
Когда ничто ужъ не волнуетъ насъ,
Когда любви разсыпались мечтанья,
Когда въ душѣ надежды лучъ погнѣтъ,
Какъ подъ вечеръ блеснетъ зари мерцанье
И быстро вдругъ сокроется отъ глазъ! . . .

Тогда медлительно, уныло
Проходитъ жизнь! . . . Увы! она,
Когда потеряно, что мило,
И ненавистна и холодна! —
И грусть души одной могилой
Лишь можетъ быть уполена! . . .

В. А—въ.

С H A R A D E.

Le pirate sur mon premier
 Court après la fortune;
 Le médecin par mon dernier
 Augmente sa fortune;
 Et protégé par mon entier
 Le marchand fait fortune.

Въ № 65, помѣщенный омонимъ значить: *Карта*.

M O D E S.

Nous indiquerons à cette occasion un moyen d'augmenter le parfum des œillets, et pour une coiffure c'est vraiment une recherche précieuse.—Après avoir choisi des œillets récemment cueillis, très-secs, et à pétales très-épaisses, on les couvre de poudre d'Iris. Ce mélange est d'une fraîcheur suave et parfaite.

Avec les souliers de peau cuivrée, les guêtres de couleur,—celles surtout grises ou vertes,—sont permises et même bien portées.

Les mantelets de mousseline brodée en pleint, garnis de mousseline brodée et festonnée, sont élégans pour le matin, d'autant plus élégans qu'étant laissés au négligé, et non convenables pour une toilette, ils ne deviendront pas communs.

Quoique la chaleur n'ait pas encore été excessive, les femmes ont déjà adopté les peignoirs en blouses pour le matin. Les devans sont froncés, sans corsage marqué, et noué simplement par une ceinture pareille, devant. — Pour cet usage, on choisit les *jaconas-chalys*, ou *cachemires*. — Une jolie disposition simple est, sur fond blanc, une petite palme turque.—Pour éviter, avec ces sortes de vêtemens si aisés, de se charger d'accessoires inutiles, on porte ordinairement les collerettes dont les garnitures tombantes sont montées après un poignet qui s'attache avec un ruban. Cette collerette ne tient à rien, le ruban sert de cravate.

On fait des épingles brochées en ivoire sculpté qui sont simples et distinguées.

Les hommes laissent passer les poignets de chemise en dehors de leur habit. Mais ces poignets ne sont plus empesés comme autrefois, ils sont sans apprêt, et se relèvent de la hauteur de deux doigts sur la manche de l'habit.

Quelques jeunes gens laissent aussi retomber le collet de la chemise sur la cravate: cette mode est encore étrange sans être ridicule.

Pl. № 23. Дамскія, полько что полученныя, наряды.

M O Д Ы.

Мы упомянемъ при семъ случаѣ о способѣ увеличивать запахъ гвоздикъ, и для убора это по истинѣ драгоценное изысканіе.—Выбравши гвоздики недавно сорванныя, чрезвычайно сухія и съ густыми пестиками, ихъ посыпаютъ порошкомъ *Ирисы*. Эта смѣсь необыкновенно пріятна.

Съ башмаками изъ бронзовой кожи цвѣсные шпиблеты,—особенно сѣрые или зелѣные, позволены и даже весьма въ модѣ.

Кисейныя манжильи, вышитыя гладью, обшитыя вышитою, выметанною городками кисеєю, весьма щеголеваты для упра, пѣтъ болѣе, что бывъ осмѣлены для неглиже, какъ неприличныя къ наряду, онѣ не сдѣлаются общими.

Хотя жары еще не слишкомъ велики, но дамы начали уже дѣлать блузами упренніе пенъуары. Передъ собранъ, лифъ не означенъ, а просто перехваченъ поясомъ изъ такой же матеріи.—Для сего употребляютъ жаконеты-шали, или кашемиры.—Красивое, простое расположеніе, по блочу грунгу маленькія Турецкія пальмочки.—Чтобъ не обременять себя бесполезными принадлежностями, при сихъ свободныхъ одеждахъ, обыкновенно надѣваютъ борочки съ висящими оборками, пришитыми къ обшивкѣ, завязывающейся лепшою. Борочекъ ни къ чему не прикрѣпленъ, лепша замѣняетъ галсдукъ.

Дѣлаютъ булавки изъ рѣзной кости, онѣ просты и оплчны.

Мушцины выпускаютъ манжеты опъ сорочки сверхъ фрака. Но манжеты не крахмалятъ, какъ прежде, онѣ просты, и заворачиваются шириною пальца въ два на верхъ рукава.

Нѣкоторые молодые люди опкидываютъ также ворошникъ опъ сорочки на галсдукъ: мода сія спранны, но не смѣшна.

Карп. № 23. Въ прошедшемъ листкѣ нашей газетѣ ошибкою было сказано, что раздаются карпинка мужскихъ плащевъ. Это надобно опнестли къ каршинкѣ модѣ, сегодня раздаваемой.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

•••••
ТРЕТІЙ ГОДЪ.
•••••

Выходишь
по Средамъ и
Субботамъ.

№ 65.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 104 No,
съ 56-ю картинками модъ,
въ С. П. б. 50, съ до-
ставкою и пересылкою
55 рублей.

СРЕДА, Августа 16 дня, 1853 года.

На свѣтъ управляетъ сплошь
Людьми одно предубѣжденье;
И какъ судья ни будь хорошъ,
А все имѣютъ подозрѣнье!
А къ этому служить должно
Вопь обспояшельство какое:
Что правда говоритъ одно,
А судьи говорятъ другое.

Хмельницкій.

ПЕРЕСМѢШНИКЪ.

СПЛЕТНИ.

Глава пятая.

(Продолженіе).

Молодой князь опыскалъ спихи **Ө. А.**
Туманскаго и прочипалъ:

18-го Апрелья.

Съ возвратомъ свѣтлыхъ дней весны,
Какъ оживаетъ все земное
И вѣетъ нѣга съ вышины,
Моя душа поскуешъ вдвое,
И непонятна мнѣ печаль
Моей спрадалицы небесной;
Ей не зимы суровой жаль,
Ей милъ привѣтъ весны предеспной;
Но въ дуновеньи вѣсрка,
Въ напѣвъ пшички голоеской
И въ быспромъ бѣтъ челнока

Съ волной потюка серебрястой,
Во всемъ, прискорбнал, она
Свою задумчивость находипъ,
И, на пиру земномъ одна,
На всё уныніе наводипъ.
Не шакъ я пѣшился весной
Въ шѣ дни, какъ былъ душой моложе,
И чувство радости земной
Во мнѣ шеперь на грусть похоже,
О невозвратныхъ лѣтъ весна,
Недолго дни твои сіюють!
Твои цвѣшты, твоя спрана,
Какъ міръ, ошпъ не расцвѣтають.
И, можешъ бышь, моя душа,
Какъ на ней весна подуешъ,
Невольню радостью дыша,
О дняхъ весны своей поскуешъ.
Такъ съ міромъ разлученъ давно
Ошпельникъ, мершвѣй для природы,
Глядипъ сквозь мрачное окно
На свѣтлый дугъ и хороводы.
Такъ жершва бѣдная любви,

Млада дѣва молчаливо
Таишь спраданиа свои
На праздникъ любви щасливой.

«Списки весьма порядочные!» прошепталъ Иванъ Алексѣвичъ *Добрѣтовскій*. — «Въ нихъ есть тепло чувствованій и какая-то унылость неподдѣльная, подхватилъ директоръ училищъ Александръ Михайловичъ *Башкировъ*.» — Однакожь, по одной небольшой и бѣглой пьесѣ — составилъ характеристикѣ писателя, было бы опромѣтчиво; — дополнилъ рѣчь молодого *Башкирова* полковникъ *Улицевъ*, хранившій до полнѣ глубокаго молчанія.

«Готовъ служить другою!» вызвался князь *Четкинскій*, перелистывая альбомъ. Онъ провозгласилъ: *Родина* — и принудилъ всѣхъ смолкнуть.

Родина.

Есть на землѣ безвѣстный уголокъ,
Уединенный, непримѣнный;
Знакомый дугъ, знакомый лѣсъ, попокъ,
И въ нихъ духъ добрый и привѣтный.
Онъ издавна живешь въ помѣть уголкъ,
Летаешь пшичкой по дубравамъ,
Шумишь въ бору, купаешься въ рѣкѣ
И улыбаешься забавамъ.
Сберется-ль въ дугъ красавицъ хороводъ, —
Онъ между ними невидимкой
И, подъ вечеръ, онъ въ сумракѣ поѣтъ
Любовь съ пасшеской вольнкой.
Я не видалъ его въ странѣ родной;
Но съ нимъ почувствовалъ раздуку,
Когда въ очахъ съ прощальною слезой,
Я посохъ странника взялъ въ руку.
Онъ вокругъ меня въ уныніи шепталъ:
Куда? не яль тебя взлѣдять?
Онъ за рубежъ опчизны провожалъ
И грустью на меня повѣдалъ.
Казалось мнѣ, покинушь дѣшства другъ,
Который вмѣстѣ росъ со мною.
Не даромъ же съ побой раздуку, добрый духъ,
Зовушь по родинѣ шескою.

«Весьма порядочные стихи!» тихо опозвался *Добрѣтовскій*: «но уступають стихамъ его однофамильца и безъ сравненія ни-

же *Баратынскаго* и *Языкова*.» — Я не согласенъ съ вашимъ мнѣніемъ! — возопилъ *Моргенштернъ*. — «Ни я!» объявилъ капитанъ-лейтенантъ *Якоревъ*. — Ни я! — опозвался полковникъ *Красносельскій*.

«Вижу, что въ мирный уголокъ нашъ брошено яблоко раздора!» замѣтила съ ангельскою своею улыбкою княгиня: «я хозяйка, обязана предупреждать споры и несогласія; и такъ, оставляя въ покоѣ прочихъ, и предославляя на волю каждаго изъ васъ щипать господъ *Туманскихъ* подходящими или нѣтъ подѣ опредѣленіе, сполько разъ прочитанное, спѣшу изъяснить мое удивленіе о томъ, что по сихъ поръ никто не наименовалъ любимаго моего поэта — слѣща *Козлова*. Вопъ въ его-то стихотвореніяхъ — «нѣтъ слова, нѣтъ оборота, нѣтъ карпины, гдѣ бы вы не чувствовали ума и вдохновенія. Разбирайте строго каждый его стихъ, слѣдуйте за нимъ внимательно до конца стихотворенія: и вы признаетесь, что онъ извлекъ все лучшее изъ своего предмета, отбросилъ все излишнее и не забылъ ничего необходимаго. Но сколько разнообразія во всѣхъ его самыхъ легкихъ произведеніяхъ! Игривое и важное, глубокое и легкое, истинное и воображаемое: все онъ постигнулъ и выразилъ.» — Смѣю думать, что характеристикѣ *Козлова* ближе, чѣмъ чья нибудь, наведена въ вопросѣ, который насъ уже часа два занимаешь;» продолжала княгиня, спрашная любительница поэзіи: «смѣю думать, что вы позволите прочесть нѣсколько стихотвореній его: вы еще сильнѣе убѣдитесь, что ему принадлежатъ пальма первенства.

Барвара Алексѣевна *Тихонравова*, желая угодить обожаемой ею родительницѣ, наскоро развернула альбомъ. «Опрывокъ изъ поэмы *Чернецъ*;» провозгласила она.

Ахъ, что сбилось съ моей душою,
Когда въ святой краѣ своей,
Вдругъ видъ открылся предо мною
Родимыхъ Кіевскихъ полей!
Они какъ прежде зеленѣли,
Волнами также Днѣпръ шумѣлъ,
Все пошъ же лѣсъ вдали шемѣлъ,
На кивахъ шѣ же пѣсни пѣли,

И также всё въ спранѣ родной:
 И нѣтъ лишь памь еѣ одной!
 Вездѣ знакомыя долины:
 Ручьи, пригорки и равнины
 Въ предестной, милой пишинѣ,
 Со всѣхъ споронѣ являлись мнѣ
 Съ моими свѣтлыми годами;
 Но я, съ оправленной душой,
 На родинѣ пришлецѣ чужой,
 Я ихъ привѣтсповодалъ слезами
 И безопрадную поской.
 Я шель: день къ вечеру склонялся;
 И скоро сельскій Божій храмъ
 Предспалъ испуганнымъ очамъ;
 И внѣ себя я приближался
 Къ могилѣ шой, гдѣ сынѣ, жена,
 Вся жизнь моя погребена.
 Я чупъ спупалъ, какъ-бы спрашлся
 Прервалъ ихъ непробудный сонѣ;
 Въ груди спѣнялъ мой шяжкій спонѣ,
 Чшобъ ихъ покой не возмущился;
 Спраспямъ въспревожненнымъ своимъ
 Не смѣлѣ вдаваться духъ унылькй;
 Казалось мнѣ: надъ ихъ могилой
 Дышалъ я воздухомъ свлпнымъ.
 Творилось дивное со мною:
 И я, съ надеждой неземною,
 Коленъ шихо преклонилъ,
 Молился, плакалъ и любилъ.
 Вдругъ слышу шорохъ за кустами;
 Гляжу: что-жъ взоръ въспрѣчаепъ мой?
 Жнеца съ подругой молодой
 И возѣ, накладенный снопами.
 И вижу я: между сноповъ
 Сидилъ въ вѣнкѣ изъ васильковъ
 Младенецъ съ альми щекнами.
 Невольно я зашрепсепалъ:
 «Я все имѣлъ, все поперялъ;
 «Намъ не дали жишъ-другъ для друга;
 «Въ сырой землѣ моя подруга,
 «И не въ цвѣшкахъ младенецъ мой:
 «Его червь почилъ гробовой.»
 Тогда въ слезахъ къ нимъ на могилу
 Безъ памяти бросаюсь я:
 Горѣло сердце у меня;
 Тоска души убила силу.
 Цѣлуя дернѣ, я разрывалъ
 Руками жадными моими
 Ту землю, гдѣ я легъ бы съ ними.

Въ безумствѣ дикомъ я ропсгалъ;
 Мнѣ что-то спранное мечпалось;
 Едва дышалъ я: въ мушной пьмѣ
 Сливалось все какъ въ пляжкомъ снѣ.
 Ужъ чувствво жизни пресѣкалось,
 И я лежалъ между гробовъ
 Мертвѣй ихъ хладныхъ мертвсцовѣ.
 Но свѣжйй воздухъ, влажностъ ночи
 Спрадальца вновь живопворяпъ:
 Вздохнула грудь, открылись очи;
 Кругомъ бродилъ мой помнйй взглядъ:
 Все было шихо, скрыпно мглою;
 Въ шуманѣ мѣсяцъ чупъ свѣпилъ,
 И лишь могилою правою
 Полночный въперъ шевелилъ.

Всѣ слушали безмолвно; какое-то свлщен-
 ное унынйе овладѣло сердцами слушапелей.
Барвара Алексеевна минушы при не нару-
 шала пишины, но воспользовавшись распо-
 ложенйемъ своихъ слушапелей, продеклами-
 ровала предеспное подражанйе слѣнца-поѣ-
 та *Шатобриану* о разореннй Рима и воспла-
 новленнй Христпанспа.

Изъ мрачныхъ сѣверныхъ дѣсовъ,
 Съ восточныхъ дальнихъ береговъ,
 Сыны опваги и свободы,
 Спремаясь дикйе народы
 Съ двойной сѣкирою пѣшкомъ,
 Въ звѣриной кожѣ, съ булавами,
 И на коняхъ съ коньсмп, спрѣлами,
 И черепъ вражйй за сѣдомъ.
 Дошли: разсыпались удары,
 Клубился дымъ, горяпъ пожары,
 Спонѣ шяжкйй бипвы заглушалъ,
 И Римъ, колосъ державнйй, палъ.
 Порочнйй палъ онъ, жертва мщенья,
 И шумно вѣстры разнесли
 Ужаснйй громъ его паденья
 Въ концы испуганной земли.
 Но туча грозная народовъ
 Съ небеснымъ гнѣвомъ пронеслась,
 И пылъ опъ буйныхъ переходовъ
 Въ поляхъ кровавыхъ улеглась.
 На вѣки мершвое молчанье
 Слѣнило вопли и спепанье;
 Уже паденья спрашнйй гулъ
 Въ пустынѣ гореспной уснулъ,
 Въ шуманѣ зарево не рдѣеть,

И черный дымъ уже рѣдѣеть,
 Яснѣетъ мгла, съ печальныхъ мѣсѣтъ
 Вдали спалъ видѣтъ свѣплый Крестъ.
 Другіе люди, вѣра, нравы,
 Иной языкъ, правдѣ, утѣхы;
 Чистѣйшій міръ, рожденный Имъ,
 Явился вдругъ чудесно съ Нимъ,
 И проповѣдники святыя
 На пепелища роковыя
 Пришли съ Евангеліемъ въ рукахъ,
 И межъ развалинъ на могилы
 Возсѣли, полны пайной силы;
 Горѣла испина въ очахъ.
 Глазъ тихій, скорбный ушѣшишель,
 Небесной воли возвѣщившель,
 Вселенной жизнь другую далъ:
 Такъ ихъ Божественный Учитель
 По вѣрѣ мертвыхъ воскрешалъ.

Не успѣла *Варвара Алексѣевна* кончить, какъ гулъ одобренія пробѣжалъ по госпитальной. Вопль истинный элегической поэмы! сказали нѣсколько дамскихъ голосовъ вмѣстѣ: глубокія чувствованія, поэтическіе объемы предметовъ, мысли сильныя и живыя!—«Онъ выше обоихъ *Туманскихъ*; примолвилъ одинъ изъ профессоровъ: и едвали не выше *Баратынскаго* и *Языкова* по важности и высотѣ предметовъ, имъ воспѣваемыхъ, по чистотѣ небесной нравственности, по высокимъ чувствованіямъ...»—Но не по слогу!—замѣтила генеральша *Тихонравова*.—«И по языку, и по слогу! Онъ быстро отгадалъ тайны поэтического слога, и рѣшительно приближается къ разряду первоклассныхъ стихотворцевъ нашихъ;» возразилъ профессоръ.—Если уже пошло на споръ: то объявляю вамъ, что есть поэтъ, у котораго болѣе измѣненія въ формахъ, въ которыхъ являюся ряды слянныхъ понятій;—сказала генеральша (которая не только имѣетъ обширныя свѣдѣнія и тонкій вкусъ, но и сама прекрасно пишетъ по Русски): а это измѣненіе формъ сообщаетъ движеніе слогу и усиливаетъ заманчивость чтенія. Что же касается до гармоніи стиховъ, *Баратынский* замѣнилъ однозвучную гладкость языка переливами тоновъ. Такимъ образомъ, вдохновенная музыка, лаская слухъ, нерѣдко волнуешь душу

неожиданными звуками. Онъ выше всѣхъ, всѣхъ достойнѣе и, также какъ *Жуковский* и *Пушкинъ*, высокъ, исполненъ благородныхъ чувствованій и генія, но стихи его еще роскошнѣе, слаще, прелестнѣе: это *Батюшкова*!—Едва генеральша произнесла сіе магическое слово, какъ споръ былъ конченъ—и *Батюшкову* отдана пальма первенства въ элегіяхъ и вообще въ легкой поэзіи.

«Не пора ли кончить?» спросила хозяйка, обращаясь къ почтенному спарцу *Башикову*, къ *Дубовикову* и къ господамъ профессорамъ.—«Вашъ вопросъ, княгиня, похожъ на вопросъ заключеннаго въ дымящихся развалинахъ Москвы *Наполеона*, который спрашивалъ у *Кутузова*: зима близка, много пролило крови человѣческой: не пора ли кончить кампанію?—А *Кутузовъ* отвѣчалъ ему: моя кампанія только начинается. То было дѣло великое, а наше бездѣлье; однако дамы насъ молодцовъ одурачили... миспифировали, хотѣлъ я сказать, и вмѣсто игры въ вопросы и отвѣты, вышла игра въ загадки и отгадки. Дамы загадали намъ загадку мудреную: мы еѣ не умѣли отгадать—и остались въ спыдѣ. Пусть же теперь позволятъ намъ мужчинамъ загадать вамъ загадочку, хотя не хитрую, надъ которою однакожь и *Варвара Алексѣевна* и ваше сіятельство призадумаетесь.»

Княгиня и всѣ бывшіе на вечеринкѣ дамы охотно согласились на его предложеніе. *Добрытовскій* взялъ у спаршей княжны ключъ отъ библіотеки—и принесъ опшуда небольшую книжечку, заглавіе которой не показавъ любопытствовавшимъ и увивавшимся вокругъ него праправнучкамъ прародительницы нашей *Еввы*.

(Окончаніе въ слѣд. листкѣ.)

НАПОЛЕОНОВЪ САПЁРЪ.

Наполеонъ обвинялъ своихъ сапёровъ въ томъ, что они рано взорвали мосты въ 1813 году подъ *Лейпцигомъ*. Принцъ *Деминъ*, прочитавъ это въ газетахъ, сказалъ: «c'est la première fois, que Buonaparte parle de sa peur (Sa-peur)!»

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Н О Ч Ь.

Исчезъ цвѣтъ неба голубой,
Незнойно опъ лучей палящихъ,
Неслышенъ грома прескъ глухой
И опблескъ молнии спрѣлъ блестящихъ:
Запихло все—и кой-когда
Засвѣпишь яркая звѣзда!

*

Стоишь, какъ спрѣжъ во пьмѣ ночной,—
Темнѣ мрака—ель гуспая;
И крики пищъ ночныхъ порой
Разносишь даль одна пуспая:
Все дико, мершво,—шолько спрѣжъ
Въ преспуныхъ гнѣздишя сердцахъ!...

*

Но сквозь и мракъ и облака
Глядишь на землю мѣсяць ясный,
Глядишь—и пихая рѣка
Рисуешь ликъ его прекрасный:
Не пы ли мѣсяць былъ одинъ
Сердецъ влюбленныхъ власшелинъ?...

*

Лешяшь часы—и мракъ слегка
Нашъ мѣръ подлунный оставляешь;
Какъ будшо чѣрный крепъ рука
Съ лица прелеспнаго снимаешь:
Исчезла пѣма,—но, свѣтъ, не пы—
Пишаешь ночь мои мечпы!.....

Ө. Длѣтковъ.

LA CHAUMIÈRE.

Séjour de mon heureuse enfance,
Qu'il me fallut trop tôt quitter,
Vers toi, franchissant la distance,
Ma pensée aime à se porter.
Je vois ces murs couverts de lierre,
Ce foyer, ce toit protecteur;
Et je regrette ma chaumière,
Où je connaissais le bonheur.
Forcé de vivre au sein des villes,
J'ai connu leurs bruyans plaisirs;
Là, les hommes ne sont habiles
Qu'à se créer de vains désirs;

Chacun d'eux use sa carrière,
En rêvant fortune et grandeur!...
Moi, je regrette ma chaumière,
Où je connaissais le bonheur.
Quand de l'amour goûtant l'ivresse,
Je crois à la félicité;
Je suis trahi par ma maîtresse,
Qui rit de ma fidélité;
Du grand monde c'est la manière:
La constance n'est qu'une erreur!...
Moi, je regrette ma chaumière,
Où je connaissais le bonheur.
Le désir ardent de la gloire
M'a fait affronter les combats,
Alors je voyais la victoire
Suivre les pas de nos soldats;
Mais du tems la faux meurtrière
Moissonne à son tour le vainqueur!...
Ah! retournons dans ma chaumière,
Où je connaissais le bonheur.

Ш А Р А Д А.

Планеша—первый членъ; пканъ грубая—второй;
А цѣлое во снѣ, ночной порой,
Закрывъ глаза бѣжишь на ловлю,
Какъ кошка крадется на кровлю,
И можешь испугать собой.

Ш.

Въ No 64, помѣщенная шарада значить: *Mer-cure.*

НОВАЯ КНИГА.

Андрей Бичевъ, или смѣшны мнѣ лю-
ди. *Комедія. Сочиненіе Эраста Перцова.*
С. П. б. 1833.

Весьма пріятное явленіе въ обласпи Рус-
ской словесности. Въ двухъ дѣйствіяхъ, на
копорыя раздѣлена сія комедія, сочинитель
очень искусно представилъ очерки нѣсколь-
кихъ характеровъ, *гражданствующихъ*, если
можно такъ выразиться, въ современномъ
Русскомъ обществѣ средняго сословія. Одинъ
изъ нихъ изображенъ въ лицѣ пожилой *тѣ-*
тушки и весьма хорошо оипѣненъ окру-
жающею еѣ прислугою. Другіе—всѣ почти

принадлежать молодымъ или, по крайней мѣрѣ, средняго возраста людямъ, надъ которыми возносятся, образомъ мыслей и чувствованій—главное лице комедіи, *Андрей Бичевъ*, пропоишь образованнаго молодого человека нынѣшняго времени, съ возвышенною душою, съ благородными наклонностями, негодующій на односпоронность, ничтожность и мелкость окружающихъ его лицъ, какія къ сожалѣнію такъ часто встрѣчаются въ *свѣтскихъ* кругахъ, и негодование свое изливающий въ ѣдкихъ сарказмахъ, выражаемыхъ въ прекрасныхъ стихахъ, исполненныхъ силы, благозвучія и оспроты. Такимъ образомъ онъ *бичуетъ* свѣтскіе предрассудки, слабости, заблужденія и пороки. Дѣйствія въ эпозъ сочиненіи весьма мало; но пѣмъ не менѣе представляеть оно очень занимательную картину нравовъ. Цель и родъ сего сочиненія авпоръ удовлетворительно объясняетъ помѣщеннымъ вначалѣ его книжки разсужденіемъ о драмѣ, въ которомъ, излагая свой образъ мыслей на щепъ драматическихъ произведеній, предупреждаетъ своего читателя, что онъ не найдетъ въ его комедіи ни двухъ любовниковъ, ни дяди-резонѣра, ни женишьбы, ни даже волокитства.—Языкъ всѣхъ дѣйствующихъ лицъ комедіи приданъ имъ съ большимъ искусствомъ, и вездѣ очень хорошо выдержанъ. Прекрасны также роли, хопя небольшія, слуги, *непонимающаго* своего молодого господина, и вертушки-горничной, находящейся подъ строгою властію своей повелительницы, пѣтки *Бичева*. Какъ въ крапкой журнальной рецензіи невозможно представить всѣхъ красотъ разбираемаго произведенія, то мы не щипаемъ лишнимъ выписать здѣсь нѣкоторыя мѣста изъ комедіи *Андрей Бичевъ*, чтобы лучше познакомить съ нею нашихъ читателей.

Бичевъ.

Въ халатъ, за письменнымъ столомъ, читаетъ; потомъ въ задумчивости кладетъ книгу.

Ужасно! Вотъ поэзія!... Уже ли мы рождены, чтобы узнавать

Свое ничтожество, въ лучшее желать,
Назначить цель себя—и не достигнуть цели?
Шакспиръ великъ!—Ужъ какъ хороша *Галилей!*
Какія истины раскрыты передъ нами!

Намъ опъ самихъ себя покоя нѣтъ:
Спрадаемъ, пѣшимся своими же мечтами.
Но что мечты? Сонъ, бредъ! Къ чему насъ жизнь ведетъ?
Чѣмъ все окончилось? Чпо насъ за гробомъ ждетъ?
Философы такъ-сякъ подкуоушь, все двояко:
Не знаешь, гдѣ всему причину опыскашь...

Который часъ однако?

На службу чтобы не опоздать!...

Вотъ, напимѣрь, какъ можемъ мы сказать,

Что человекъ—свободное созданье?

Рабъ общества, окованы желанья,
Умъ ограниченъ такъ, какъ ограниченъ взоръ,
Какъ понаучишься, увидишь очень ясно:
Все въ жизни надобно и все на свѣтѣ вздоръ!
Лордъ Байронъ, фаросъ нашъ, сказалъ ужъ такъ прекрасно...

(*За кулисами бьютъ часы*).

Девяптый часъ! ахъ, къ должности пора!

Изъ департамента мнѣ навязали дѣло;

Я на домъ взять еще вчера:

Не заглянулъ въ него, а упрое пролетѣло!

Бѣда, ужъ эпозъ мнѣ *Шакспира* претій шомъ!...

Вотъ такъ, невидимо, вся наша жизнь проходитъ:

Опомнишься, бытъ можеть, спарикомъ,

Какъ за плечами смерть ужъ бродитъ,

Оглянишься назадъ, начнешъ припоминать:

Какъ много начато—какъ сдѣлано немного,

И какъ хотѣлось бы помолодѣть опять!...

Опять забылъ, у насъ присмаприваюмъ строго

Начальники, когда приходитъ молодежь!

Эй, человекъ!

Горничная, *заглянувъ въ дверь*.

Вы дома-съ? Тѣтушка прислала вамъ сказать,

Входитъ.

Сегодня праздникъ нашъ приходской;

Дискашь, угодно-ль съ ней къ обѣднѣ? Ужъ звоняшь.

Бичевъ.

Я заняшь.

Горничная.

Грѣхъ, дискашь, имъ въ праздникъ занимаешься.

Бичевъ.

Пора на службу.

Горничная.

Пусть по службѣ извинятся.

Бичевъ.

Я боюсь.

Горничная.

Служите Архирей.

Бичевъ.

Ну; пѣвчіе поютъ длиннѣй—
Тѣмъ лучше пѣшущкѣ.

Горничная.

Плохой вы богомольникъ!

И я, сударь—хоть праздникъ, грѣхъ большой —
Вамъ подрубила я фуляръ вашъ носовой;
Для васъ, сударь, спѣшила; весь игольникъ
Расправила. . . . замолвила за насъ,
Чтобъ на гулянье оппустили. . .
Вы и не взгляните!.. Такіе-ль прежде были?
Бывало, всякой Божій часъ. . .

Бичевъ.

Отстань ты отъ меня съ своими пусыками.

Горничная.

Вопь нонче спрашно ужъ и говорите-то съ вами!
Что-жь пѣшущкѣ сказать прикажете о помѣ?

Бичевъ.

Толкуютъ Русскимъ языкомъ:
Я занятъ, боюсь я. . . .

Горничная.

Сердитесь не извольте.
Вѣдь сами, пѣшущка меня прислали къ вамъ;
Вѣдь я вамъ говорю по ихнимъ же словамъ.

Бичевъ.

Отъ замѣчаній сихъ увольте;
Прощайте!

(Горничная уходитъ).

Взбѣсятъ хоть кого!

Душѣ хотьдось бы ученьемъ напипаться:
Какъ сладостно въ иной разъ зачипаться,
Задуматься и чуждо бытъ всего.

Но здѣсь . . . своимъ бездумьемъ святы.

Вѣкъ девятнадцатый! — И кѣмъ я окружень?

Гроза со всѣхъ споронъ!

Невѣжества повсюду депушаты!

Гдѣ женскій заведется духъ,

Тутъ сплешни и капризы вдругъ!

На богомолье съ ней! У всякой спарой дамы

Одна мохипва ближнимъ вредъ,

Да—Господи, просни!—слѣды былыхъ побѣдъ!

Вопь мысль! Нельзя-ль ея для эпиграммы?

Въ заключеніе представимъ одинъ образецъ прекраснаго разсказа, изъ 1-го дѣйствія.

Сквозинь.

Да, карпы, признаюсь, моя спихія!

Подъ часъ скрываются въ нихъ таинства какія!
Глаголь судьбы! . . . Со мной вамъ случай разскажу:
Попромошала я, всё позапущала средства,
И вопь опъ всѣхъ моихъ имѣній, погляжу,
Ужъ какъ-то уцѣлѣлъ опъ дядина наслѣдства
Серебряный спаринный дежене.

Какъ бытъ: ни гроша нѣтъ! Въ займы ни Жидъ не
вѣрнѣтъ.

Хоть въ пеплю, а расходъ куда шебъ умѣрнѣтъ:
Тутъ въ пику кой-кому, шаль надобно женѣ,
Дай новой экипажъ—и къ Масляной! Ну, спрасни!
Бывалъ ужъ въ понкиихъ я, все не въ такой напасни!

По щастью, ярманка случилася тогда
Въ сосѣднемъ городкѣ. . . Вопь я скорѣй пуда.
Доспалъ перекладныхъ, взялъ дежене съ собою.

По ярманкамъ у игроковъ рѣзня;
Но я не промахъ самъ! Я спавилъ до убою,
Чтобъ имъ не обыграшь навѣрное меня, —
Не вдругъ весь дежене: то кружечку, то крышку.
И этакъ имъ спустилъ почти весь дежене;
Оспалось блюдечко, пупъ я на пе, на вскрышку;
Гляжу, пліе! Фу, чортъ! Мурашки по спинѣ!
Я двѣспи на мѣлокъ: шуза! Сорвалъ. Вдвойнѣ
Туза еще! Даютъ; я транспортѣ. Глядь—ко мнѣ!

Я банкъ мепать; перемѣнилъ колоду.

Но, не подумайте, не плутовалъ я сроду! . . .
И въ ночь не только что вернулъ я дежене —
Чужихъ зашибъ вещей и денегъ пыскать на сню.
Они хоть приспаюнтъ: еще мечи!—я баста!

Забастовалъ, да съ ярманки домой

Уже въ карешѣ четвертѣй.

Такъ вопь примѣръ вамъ, сударь мой:
Что въ карпахъ вся судьба людей въ иную пору.

Весьма жалѣемъ, что мѣсто не позволяеть выписать болѣе. Но довольно и этого, чтобы показать, что подобныя произведенія довольно у насъ рѣдки, и что любящему опечесивенную словесность нельзя не радоваться имъ опъ чистаго сердца.

А. Г.

MODES.

C'est principalement dans les promenades du soir que l'on voit la grande majorité des mantelets doublés et ceux de taffetas; la seule robe est trop légère; un châle est souvent trop chaud; aussi ce joli vêtement *comme il faut* est-il en grande faveur pour les demi-toilettes que l'on remarque réunies aux Champs-Élysées; les étoffes de soie et laine, celles de laine seulement, fines et claires comme une mousseline, sont adoptées pour ces concerts sous les arbres. — Notre été, quoique assez beau, n'est pas chaud; les tissus de printemps se renouvellent, et les chapeaux de paille de soie n'ont pas encore été rejetés.

Nous avons donné vaguement une idée d'un charmant petit chapeau de paille de riz, à petits bords, qui avait été remarqué à la soirée de Mme F... Nous avons appris qu'il venait de chez Mme Lepetit, en retrouvant le pareil dans son magasin; la différence cette fois était dans les plumes rose pâle, ainsi que les rubans. — La forme est semblable à celle des chapeaux de velours, que l'on portait cet hiver pour soirée; la passe, si l'on peut nommer ainsi un bord large d'une petite main, retousse légèrement du côté où sont placées trois têtes de plumes en bouquet; un ruban qui tourne autour de la forme se termine derrière par un nœud en rosette. — Il n'y a point de brides.

Quelquefois, à ces élégants petits chapeaux, Mme Lepetit place une fleur.

Pour les demi-toilettes, on couvre de la moire en crêpe lisse. — Les reflets de l'étoffe confondus avec le chatouement de la gaze produisent un joli effet, surtout en rose. Des plumes, un fleur, ou même un nœud de ruban sont également bien pour cette coiffure de petite toilette.

On parle beaucoup des pékins à fleurs ajustés sur des jupes de dessous en damas blanc; ceci est une mode parée qui ne sortirait des salons que pour se montrer en grande loge à l'Opéra.

МОДЫ.

На вечернихъ прогулкахъ особенно видно множество маншиль на подкладкѣ и шафляныхъ; одно платье слишкомъ легко; въ шали часто слишкомъ жарко; а потому эта красивая приличная одежда въ большемъ употребленіи съ полу-нарядными платьями, въ которыхъ собираются въ Елисейскія поля. Шерстяныя матеріи съ шелкомъ, просто шерстяныя, тонкія и прозрачныя, въ употребленіи для концертовъ на открытомъ воздухѣ. — Наше хотя довольно хорошее лѣто, не жарко; опять принимаются за весеннія шляпки, и шляпки изъ *roux de soie* еще не были оставлены.

Мы дали слегка понятіе о прелестной маленькой баншишовой шляпкѣ, съ маленькими полями, замѣченной на вечерѣ у г-жи F... Мы узнали, что она была сдѣлана у г-жи Lepetit, увидѣвъ подобную шой въ еѣ магазинѣ; разница была въ перьяхъ блѣдно-розоваго цвѣта, также и въ лентахъ. — Форма похожа на бархатныя шляпки, которыя нынѣшней зимою дѣлали для вечеровъ; поле, если можно такъ назвать лоскутокъ шириною въ узенькую ладонь, приподнято немного съ шой стороны, гдѣ пришилиены при головкѣ перьевъ букетомъ; лента, обернутая вокругъ тульи, оканчивается сзади розеткою. — Завязокъ нѣтъ.

Иногда къ симъ щеголеватымъ маленькимъ шляпкамъ г-жа Lepetit прикалываетъ цвѣтокъ.

Въ полунарядѣ шляпки изъ бѣляри обшлягиваются гладкимъ крепомъ. — Опилвы матеріи, соединенныя съ шароховатостию газа, очень красивы на взглядъ, особливо въ розовомъ цвѣтѣ. Перья, цвѣтокъ или бантъ изъ ленты равно хороши къ сему убору въ небольшой нарядѣ.

Говорясь много о *пекинахъ* съ цвѣтами, надѣваемыхъ на нижнія юбки изъ бѣлой камчатной шкани; это нарядная мода, которая выдѣтъ изъ гостинныхъ не иначе, какъ съ пѣмъ, чтобы показаться въ большой ложѣ въ Оперѣ.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

ТРЕТІЙ ГОДЪ.

Выходитъ
по Средамъ и
Субботамъ.

№ 66.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 104 №,
съ 36-ю картинками моды,
въ С. П. б. 30, съ до-
спавкою и пересылкою
35 рублей.

СУББОТА, АВГУСТА 19 ДНЯ 1853 ГОДА.

Вопль главный мой совѣшь: будь твердь въ своемъ пы мнѣнь

И бранью защищай нелѣпное пворенье;

На всё за дѣшнице любезное дерзай,

Ни умнымъ, ни глушамъ ни въ чемъ не уступай.

Милоновъ.

ПЕРЕСМѢШНИКЪ.

СПЛЕТНИ.

Глава пятая.

(О поганіе.)

Въ промежутокъ времени, прошедшій въ полкахъ и сборахъ *Добрѣтовскаго*, котораго всё движенія были медленно важны, спавская совѣшница *Мотовская* уговорила спарую кнѣгиню составить партію въ виспъ. Онъ удалился въ госпину и увелъ съ собою прокурора *Зилина* и агронома *Дубовикова*. *Сорвиголовинъ* и *Оглоблинъ*, охотники только до пѣхъ листковъ, на которыхъ напечатаны креспы и бубны, вны и черви, ушли играть въ биліардъ; кашпанъ *Глухой-Вороватинъ* увелъ съ собою цѣлую толпу понктѣровъ и понктѣрищъ, шепнувъ всѣмъ пмъ поочередно за секретъ, что онъ намѣренъ сдѣлать банчикъ. Въ круглой залѣ оспалось дамъ и дѣвищъ не болѣе пятнадцати: опчальныхъ любительницъ поэзіи, готовыхъ умереть за честь

Жуковскаго, за славу *Пушкина*; спорить до обморока за величіе *Карамзина*, за палашъ *Подолинскаго*, за гешій *Крылова*; веселый спарець *Башикировъ*, молодой генераль *Тихонравовъ*, другой зяпъ кнѣгини — дѣйсствительный спавскій совѣшникъ *Тугендбергъ*, профессора, поэты, журналисты и толпа молодыхъ офицеровъ.

Добрѣтовскій удалился въ уголь, съ свѣчею, чернилцею, бумагою, раскрылъ маленькую свою книжечку, въ 10 мишупъ написалъ вопросъ, засыпалъ пескомъ, спрясалъ книжку—и возвратясь къ круглому столу, около коего сдѣла дамы съ рукодѣлемъ, произнёсъ сперва вступительную рѣчь, какъ будто бы на публичномъ испытаніи своихъ гимназіасповъ, съ тою разницею, что рѣчь его не пахла педантствомъ. Она была почпи сдѣвующаго содержания: «уговоръ лучше денегъ, милоспивыя государыни; я прочпшаю *нашъ* вопросъ; я говорю *нашъ* попому, что дѣлается отъ имени всѣхъ мушницъ, здѣсь находящихсл. Смѣю покориѣйше просить, чтобы каждая дама, не совѣшлась съ другими, написала свой отвѣтъ. Сей отвѣтъ

въспѣ долженъ состоятъ изъ одного имени поэта, котораго почитается она ближе другихъ подходящимъ подъ характеристиксипу, въ загадкѣ точно и ясно изложенную.»

Всѣ дамы изъявили свое согласіе и, взявъ или карандашъ, или перо, въ чернила омоченное и лоскутъ бумаги, разсѣлись по рознь.

Добрѣтовскаго загадка состояла въ слѣдующемъ: «въ лѣто 1826-го опъ Р. Х. живешь и здравствуешь на св. Руси юный, вдохновенный пѣвецъ отечественныхъ доблестей: онъ, какъ веселая надежда, пробуждаетъ въ сердцахъ нашемъ прекрасные мысли; исполненъ поэпического огня и смѣлыхъ картинъ. Слогъ его опсвѣчивается красотами первокласныхъ поэтовъ. Его дарованіе быстро идетъ блистательнымъ путемъ своимъ. Онъ сжатъ, ровень и силенъ. Чистопла души и ясность мыслей плѣнительны въ его стихахъ. Кто бы былъ эпопъ юный, вдохновенный пѣвецъ?» Заскрипѣли перья, заходили карандаши. Князь *Чигкинскій* обобралъ *отгадки* — и подалъ *Башикирову*, какъ старшему всѣхъ, а сей передалъ для прочпенія *Добрѣтовскому*. Одна написала имя князя *Вяземскаго*, другая *Баратынскаго*, третья *Языкова*, четвертая *Подолнскаго*, пятая барона *Дельвига*, шестая *Василья Туманскаго*, седьмая — молодаго *Шишкова*. Были поименованы *А. Крыловъ*, *Вердеревскій*, *Веневитиновъ*, *Григорьевъ*, *Плетнѣвъ*, *Хомяковъ*.

Совѣспъ мушинъ призналъ, что всѣ сіи поэпы исполнены поэпического огня и смѣлыхъ картинъ, что слогъ ихъ опсвѣчивается красотами первокласныхъ поэтовъ, что дарованіе ихъ быстро идетъ блистательнымъ путемъ своимъ, что ни одного изъ нихъ нельзя упрекнуть въ водяности, расплутности, шероховатости, разгильдяиспвѣ, и что въ стихахъ ихъ видна чистота души и ясность мыслей; но такъ какъ спрашивалось только объ одномъ нераздѣльномъ поэтѣ: то чтеніе лучшихъ ихъ пѣпическихъ произведеній поставитъ собравшихся здѣсь любителей отечественной словесности въ возможность рѣшить: у кого изъ поэповъ

вышепоименованныхъ слогъ болѣе опсвѣчивается красотами первокласныхъ поэповъ?

Много рысся въ книгахъ было нечего: принесли нѣсколько книжекъ *Вѣстника Европы*, вторую половину 1820 года, весь 1821 и первую половину 1822 года *Сына Отечества*, всѣ годы *Новостей Литературы*, *Полярную Звѣзду*, *Сѣверные Цвѣты* — и только! Начали съ князя *Вяземскаго*.

Мои желанія.

Пуспъ все идетъ своимъ порядкомъ,

Иль безпорядкомъ: все равно!

На свѣспѣ, въ эпопѣ зданьи шапкомъ,

Жишь смирно — значитъ жишь умно.

Успройся пѣ, какъ можно пише,

Чтобъ зависпи не разбудить;

Безъ нужды не взбирайся выше,

Чтобъ послѣ шеи не сломишь.

Пуспъ будешь во владѣнни скромномъ

Цвѣтникомъ, при ручейкѣ древа,

Алтарь любви въ предѣлѣ пѣтномъ,

Для дружбы спудъ, а много два;

За шрапезой хлѣбъ-соль просая

Съ приправкой ласкъ молодой жены;

Въ подвалѣ гостѣ съ холмовъ Токая,

Душистый вѣспникъ спарини.

Двѣ-три картини не на славу;

Пріюпъ мечпанью — камелѣкъ,

И про домашнюю забаву

Непозолоченный гудокъ;

Книгъ дюжина, хопъ не въ сабянѣ:

Не рукъ, разсудка поржеспво;

И денга лишняя въ карманѣ

Про нищещу и сиротспво.

Вопъ всё, чего бы въ скромну хапу

Опъ Неба я просипъ дерзая!

Тогда-бъ къ хранишело-пенану

Съ такой молипвою приспалъ:

«Я не прошу о благѣ новомъ;

Мое мнѣ только сохрани,

И опъ злословца будъ покровомъ,

И опъ глупца оборони!»

Свяшочная шушка.

Скажете-жь, видѣли-ль вы чорпа?

Каковъ онъ? Нѣмецъ иль Русакъ?

Что на ногѣ его: ботъ-форта
 Иль камеръ-юнкерскій башмакъ?
 Черноволось ли, блѣбрысь ли?
 Въ усахъ ли, иль не дуешь въ усь?
 Что, каковы въ немъ чувства, мысли?
 Что за прѣмы, рѣчи, вкусъ?
 Что опъ него вы переняли,
 Иль не его-ль учили вы?
 Чорпъ, какъ ни чорпъ, но все едва ли
 Хипрѣй онъ женской головы.
 Чорпъ хощъ ужъ ладона боится,
 И шо одно спасенье ешь,
 Но кто опъ женщинъ защитишься,
 Но женщинъ какъ и чѣмъ проवेशъ?
 Сжигалъ я ладонъ передъ ними,
 Но сердце съ ладономъ прожѣгъ,
 И я съ убытками одними,
 А откуришься все не могъ.
 Что, говорилъ ли онъ стихами,
 Иль черповщину прозой дралъ,
 Не хуже, какъ и между нами
 Дерешъ еѣ иной журналъ?
 Онъ романпическій прелесникъ,
 Или классическій ворчунъ?
 Кто свашъ его: Европы-ль Вѣспникъ,
 Или Онѣгинъ нашъ шалуноъ?
 Что, всѣ ли онъ ума паданпа,
 Или старалъ стала глупалъ?
 Я съ чорпомъ жилъ за панибрапа
 Въ бѣдахъ и щаспьи пополамъ.
 Меня онъ жаловалъ, мой милой,
 Грѣшно мнѣ укорить его.
 Я крѣпокъ былъ подъ вражьей силой
 И не спрашилъ ничего.
 Но нынѣ ужъ другое время:
 Съ лѣпами чорпъ ко мнѣ не пошь,
 И по нещаспью, злое сѣмъ,
 Какъ прежде, цвѣта не даешь.
 Не говоря худаго слова,
 Чорпъ, хощъ и добрая душа,
 Но какъ любви ему обнова
 Для перемѣны хороша,
 Онъ съ молодѣжью куралеситъ,
 А насъ морочитъ не пушѣмъ,
 И нынѣ бѣсъ меня лишь бѣситъ
 И дразнитъ ангельскимъ лицомъ.

ливаго остроумца, написавшаго: *Мои желанія и Святогнущую шутку*;) замѣнила Варвара Алексѣевна. «Князь Вяземскій не увлекся владычествомъ нынѣшней Европейской поэзіи, обольстительной по своей мечтательности, но справедливо порицаемой за изысканность и преувеличеніе украшеній;» продолжала она. «Спрогий вкусъ его воспользовался только пѣмъ въ романпической поэзіи, что карпинамъ придалъ яркость красокъ, а испинамъ заманчивость пайны. Его можно причислить къ разряду прежнихъ Французскихъ поэтовъ, вѣроятно, бывшихъ руководителями опроческихъ его опытовъ. Онъ также напоминаетъ ихъ въ пѣхъ мѣстахъ, гдѣ хочеть бытъ шупливымъ и остроумнымъ.»—Добавше, что онъ перѣдко переводитъ ихъ, но переводитъ, какъ мастеръ своего дѣла, замѣляетъ ихъ золопо Русскимъ золопомъ, ихъ алмазы—своими солиперами;—пояснилъ *Добрътовскій*. Онъ османовилъ, подумалъ и, обратясь къ своей милой ученицѣ, сказалъ ей въ полголоса: мнѣ помнишься, что сіи самыя слова я уже слышалъ опъ васъ, но вы опносили ихъ къ другому стихопворцу, помнишься къ *Баратынскому*; помнишься также, что я тогда же доказалъ вамъ, что сказанное вами красно, а несправедливо. Говоря о кн. *Вяземскомъ*, оно кстапи, какъ нельзя больше.—

Ученица закраспѣлась и, чтобы не привлечь на себя плоскихъ каламбуровъ *Костина* (*) и плоскихъ эпиграмовъ *Рудомѣтова*, развернула альбомъ и начала громко декламировать:

Какъ обманъ, какъ упоенье,
 Какъ предеспный призракъ сна,
 Какъ слѣное заблужденъе,
 Какъ надежды обольщенъе, —
 Скрылась дней моихъ весна!

 Какъ блескъ молнии свѣтлозарной,
 Какъ минущныя цвѣшпы,
 Какъ любовь неблагодарной,
 Какъ въ нещаспьи другъ коварной,—
 Шамѣнили мнѣ мечшы!

«Есть прелеспныя пѣсни и романсы князя *Вяземскаго*; въ нихъ нельзя узнать шуп-

(*) Однажды онъ оппустилъ княгинѣ слѣдующій каламбуръ: «Ваша особа особа мною уважаешся.» Каковъ оспражъ?—*К.*

Какъ пернатый житель лѣса,
 Какъ пустынная спрѣда,
 Какъ отважный конь Черкеса,
 Какъ попокъ съ вершинъ утеса,
 Радость быстро протекла.

«Я не хотѣлъ мѣшать чтенію прелестныхъ стиховъ, и самъ хотѣлъ ихъ послушать въ сладость душевную;» повѣлъ слово вишневатый спарець *Башкировъ*: «но держусь пого мнѣнія, что онъ, блестящій, остроумный, задумчивый и вмѣстѣ веселый— есть уже не юный поэтъ, возбуждающій надежду, но исполнившій оную преемникъ *Державина, Карамзина, Дмитріева*, сверстникъ *Жуковского, Батюшкова, Ф. Н. Глинки*, подающій руку младшимъ себя пѣснопѣвцамъ *Пушкину, Баратынскому, Языкову и Дельвицу*. Не объ нёмъ здѣсь рѣчь идётъ.»— У меня было на языкъ эпо; подхватилъ *Моргенитернъ*. — «Я думалъ по же, но не смѣлъ выказать думы своей; я здѣсь всѣхъ моложе; всякой сверчокъ, знай свой шестокъ;» опкрылся князь *Чигкинскій* пѣмъ изъ гостей, кои ближе другихъ къ нему сидѣли.— «А я уже годъ тому назадъ преподавалъ объ эпомъ съ каеэдръ;» сказалъ одинъ изъ профессоровъ: «опкровенно объявляю, что задача намъ задана сбивчивая, и на неё опвѣчали бы столь же различно и члены Российской Академіи, если-бъ имъ она была предложена.»—

— Она не мною выдумана, замѣнилъ *Добрытовскій*.— «И нашъ вопросъ не нами соспавленъ;» быстро подхватили генеральша *Тихонравова, Костина, Оглоблина* и другія дамы: «Мы слово въ слово выписали изъ печатнаго!»— Видно, что бумага всё перпишь, и что слѣпо нельзя вѣрись даже и печатному; вздохнулъ профессоръ; однакожь вѣряшь!— «Въ книжечкѣ, изъ которой взяты сіи двѣ характеристикски, кромѣ пого, есть вещи презабавныя. На пр: авторъ увѣряетъ, что «опважные пріемы въ изображеніи сильныхъ чувствованій, новость карспинъ, создаемыхъ живымъ воображеніемъ, «опличаютъ стихотворенія такого-то поа«па;» замѣнилъ директоръ училищъ; а въ самомъ дѣлѣ стихи его опличаются сума-

збродспвомъ. Это наспоющій бредъ челоуѣка въ горячкѣ, и о нихъ упоминашь на ряду со стихами *Державина, Крылова, Капниста*, совсѣмъ не слѣдовало. Гораздо бы приличнѣе бросишь нѣсколько словъ о *Фонъ-Визина* Посланій къ слугамъ, о *В. В. Измайловъ*, о *В. Л. Пушкинъ*; но забышь ихъ, забышь *Мерзлякова, Востокова, Панаева* . . . непроспительно!— О піипическихъ произведеніяхъ другаго, правльнаго, опрягнаго въ слогъ, но холоднаго до почки замерзанія и, между пакими паланпами, какъ *Языковъ* и *Дельвицъ*, совсѣмъ незамѣпнаго, панегириспъ написалъ, что «вѣрность вкуса, легкость спи«хосложенія, благородныя движенія души и «спихая мечпательность—соспавляютъ ихъ «характеръ!» Больше эпаго нельзя сказашь и о *Подолинскомъ* . . .»— *Подолинскій!* *Подолинскій!* вскричалъ спарый *Башкировъ*: попрудипись, милая *Александра Алексѣевна*, выбрашь и прочеспъ нѣсколько его стихопвореній, если они у васъ подъ руками.—

«Съ удовольспвіемъ,» опвѣчала она, и къ удовольспвію гостей прочитала:

Невѣста.

Омрачили небо юга
 Буря осени и ночь,
 На дворѣ мяпель и въюга . . .
 Опъ жилья далеко прочь
 У Днѣпра спойпъ избушка,
 Въ ней убогая спарупка
 Спорожипъ большую дочь.
 На раздолѣ въперъ шумный
 Дико воепъ и свиспипъ:
 Дочь проснулась, взоръ безумный
 Вопыхнулъ разомъ . . .

Д о ч ь.

«Кпо спучишь?
 Слышишь . . . голосъ?»

М а ш ь.

Я не слышу!
 Только въперъ доипъ крышу
 И соломоу шумипъ.

Д о ч ь.

«Кпо-то свипцетъ, кпо-то скачетъ . . .
 Ближе, ближе . . . вопъ зашкхъ —

Торопись, невѣста плачешь,
Торопись, мой женихъ!»

М а ш ь.

Не пугайся! это вьюга
Поспучалася въ окнѣ.—
Съ Богомъ . . . спи! — — Но жарь недуга
Мучишь бѣдную: одинъ
Съ нею грезы сна и ночи!
Милый образъ видяшь очи,
Милой рѣчи внемлешь слухъ,
Ждѣшь его—а онъ. . . Но вдругъ,
Въперъ въ дверь ударилъ съ силой
И съ размаха распворилъ —
«Вошь онъ! Вошь! бѣгу, мой милый!»
И, собравъ ошашокъ силъ,
Съ ложа бросилась больная
Въ дверь—и вонъ! . . . Полуживая,
Клнчешь въ стѣдъ спарушка-мать.
Дочь ушла! . . . И на кроватъ
Пада, бѣдная, рыдала. . .
Ночь прошла; снѣга легли,
Но въ Днѣпрѣ еще кипѣло—
И безчувственное шѣло
Волны къ берегу несли;
Трупъ спрадалицы нашли.—
И понинѣ видно мѣсто
Двухъ могилъ межъ липъ густыхъ:
Тамъ печальная невѣста,
Рядомъ съ ней—ея женихъ.

«Весьма хорошо разсказана сказочка, или,
по нынѣшнему, баллада;» сказалъ *Михаилъ*
Семѣновичъ. «Нельзя ли, мапушка, другую?»

Смерть на чужбинѣ.

Кого положили пущь въ землю сырую?
Надъ кѣмъ эти вѣшви связали кресномъ?
Жилья пущь не видно: могилу другую
Очами далѣко не въспрѣшишь кругомъ.
Здѣсь умеръ прохожий, не аѣщилго края,
Двойной онъ окончили нечаянно пущь!
Никто не заплакалъ . . . но всѣмъ намъ родная
Земля и прищельцу опверзнула грудь.
Давно позабыли о бѣдномъ чужие,
Межъ шѣмъ, какъ далѣко, въ предѣлѣ иномъ,—
Бышь можешъ—подруга, друзья и родные
Ждутъ мнлаго госпя, ждутъ веспи о вѣмъ. . .

Узнаюшь когда-шо—и слѣзы польются;
Но къ милому праху слеза не прильнѣтъ!
Къ могилѣ ихъ вздохи по вѣпру пошлются,
Но вѣпръ охладить ихъ, когда донесѣтъ.

Пусть спишь одинокій! ему на чужбинѣ
Сонъ не былъ бы миренъ средъ общихъ гробовъ,
Гдѣ сеспры о брашѣ, гдѣ маиеръ о сынѣ,
Гдѣ илачуются дѣти надъ прахомъ опцовъ!
Въ могилѣ пуспынной—семью цвѣтущей—
Фѣялки пѣснися подъ шѣню въпвей,
И райскую пѣсню о жизни грядущей
Надъ нею, что вечеръ, поѣнъ соловей.

Царедворецъ *Екатерины великой*, спарецъ
Башкировъ, подошелъ къ *Александръ Алек-*
сѣевнѣ, поцѣловалъ у неѣ ручку и побла-
годарилъ за прудъ, который приняла она.
Всѣ мушны вѣжливо ей поклонились — и
сквозь зубы проворчали свою благодарность.

Башкировъ возвратился къ своимъ кре-
сламъ, уперся бороною на проспъ съ золо-
тымъ набадашникомъ, и распановочно про-
говорилъ: «Чипанный нами молодой поѣпъ
еспъ сынъ вдохновенія; онъ далеко пойдѣтъ,
и, можешъ быть, подаритъ нашу словес-
ность какою нибудъ опличною спихо-
пворною повѣспью, или поѣмою изъ Рус-
ской исторіи. Пусть только зрѣло обду-
мываетъ свои планы и не торопится вы-
давать въ свѣпъ.» Онъ вспалъ, взялъ шля-
пу и собирался уѣхать домой; но дамы и
мушны соспавили около него кружокъ—и
спросили: «Занимательна ли показалась ему
сегодншняя игра?» Спарецъ, вмѣспо опвѣ-
па, вынулъ изъ кармана часы: они показы-
вали чепверпъ двѣнадцатаго. «Намъ бы хо-
пѣлось слышать ваше мнѣніе о сочинителѣ
характеристики Русскихъ поѣповъ?» ска-
зали ласкаясь къ нему дамы.—Куда мнѣ во-
ронѣ въ высокія хоромы! Я мужикъ про-
спой, знаю грамоту про свой обиходъ, об-
рапитесь лучше къ господамъ профессорамъ,
къ господамъ журналистамъ;—смѣючись оп-
вѣчалъ хипрый спарикъ.—«Съ насъ доволь-
но и того, что мы проповѣдываемъ съ ка-
ѣдры;» возразили ученые.—«А съ насъ то-
го, что мы морочимъ людей въ недѣльныхъ
лиспкахъ своихъ;» опозвались журнали-

спы.— Вижу, что мнѣ опъ васъ не опнѣ-
капсья; сказалъ *Башикировъ*: а чѣмъ скорѣй
я удовлетворю ваше желаніе, тѣмъ скорѣй
исполнись мое собспвенное, то еспь: воз-
вращеніе домой къ пѣплой лежанкѣ, къ мое-
му кошаку и пулупу. Извольте-жь выслу-
шать: мнѣ кажетсья, что къ автору харак-
териспики кспапи бы примѣнишь спихи
Крылова:

Еспь люди: будь лишь имъ пріятель,
То первый пы у нихъ и геній и писатель,
За то уже другой,
Какъ хочешь, сладко пой,
Не только, чтообъ опъ нихъ похваля себъ дождашься,
Въ немъ красопы они и чувспвовать бояшься.

«Мнѣ также кажетсья, что его разборъ
слишкомъ пѣмень, характериспики недо-
стапочна, черпы физиономіи не рѣзко обо-
значены. Первое достоинство порспрепа—
сходство съ подлинникомъ.»

— Вы опчаспи прѣвы, вѣжливо замѣпишь
я: но вишь авторъ и самъ признаетсья,
что онъ написалъ крипику *не угѣную*.—
«Аминь!» сказалъ въ опвѣтъ спарець *Баш-
кировъ*, пожалъ мнѣ руку—и опсправился къ
своимъ пенапамъ.

А. Кораблинскій.

КЛЕВЕТНИКЪ И УГОЛЬ.

Клеветникъ, какъ уголь: если не обож-
жѣтъ, то замараетсья.

СЛОВЕСНОСТЬ.

МЫСЛИ ЖАНЪ-ПОЛЯ.

Дубовый лѣсъ.

«Не руби моего священнаго лѣса, о вель-
можа! сказала Дриада, я накажу педья же-
споко.»— Однако онъ его вырубилъ.— Чрезъ
нѣсколькo лѣтъ, онъ долженъ былъ поло-
жить свою голову на плаху, — и смотря
внимательно на плаху, вскричалъ: она изъ
дубоваго дерева!

Завоеватель.

О, сколь часто пы уподобляешьсь пвое-
му Риму! Среди всѣхъ сокровищъ вселен-
ной, среди кумировъ и величій, пы окру-
жень пустынею и смертью;—вокругъ Рима
зеленѣетъ одно только злоспворное болопо:
все пусто и дико, и ни одна деревенька не
глядитъ на храмъ святаго Пептра.

Испышанія народовъ.

Драгоценные камни испытываються огром-
ными зажигапельными зеркалами; народы
завоевателями.

Книги.

Безъ библиотеки жизнь человекская по-
чпи была бы слишкомъ вяла и глупа; мож-
но сказать, что самое оспроумнѣйшее об-
щество одѣваепъ не порпной, а переплет-
чикъ.

Безсмертіе.

Человѣкъ былъ бы на землѣ сущеспвомъ
суешнымъ, и пепломъ, и ягрушкою, и ды-
момъ, если-бъ не чувспвовалъ своего ничпо-
жества. О Боже! сіе самое чувспво еспь
наше безсмертіе!

Истинная храбрость.

Одно спслѣтіе за другимъ ведетъ храб-
рые народы въ поле брани; но храбрость
местпи, грабежа, корыспи, позорно гибнетъ
въ испоріи. Одна только храбрость вѣрно-
спи и любви къ опчизнѣ горитъ неугасае-
мымъ свѣпиломъ на небѣ будущаго: ибо
надъ чиспымъ только золопомъ нравспвен-
ности безсильна ржавчина времени.

Гердеръ и Шиллеръ.

Оба въ молодости своей хотѣли сдѣлать-
ся хирургами. Но судьба сказала: нѣтъ!
есть раны, кои глубже ранъ пѣлесныхъ,—
исцѣляйте пѣ, кои глубже!—И оба спали
писапъ.

Пер. В. Тило.

МЫСЛИ ПОРТАЛИСА.

Супруги обязаны другъ другу вѣрностію и вспоможеніемъ. Мужъ долженъ быть защитникомъ жены своей, жена должна повиноваться мужу: вопль единственная мораль супруговъ! Долго спорили о превосходствѣ и равенствѣ половъ: прудъ напрасный! Вездѣ мущина и женщина сходны и различны между собою; сходство происходитъ отъ рода, различіе отъ пола. Они бы менѣе любили другъ друга, еслибы менѣе различались.

Разнообразіе въ ихъ нравственномъ существѣ предполагаетъ и разныя обязанности. Супружество имѣетъ, безъ сомнѣнія, общую цѣль для жены и мужа; но они идутъ къ сей цѣли не однимъ путемъ. Сила и смѣлость принадлежатъ мущинамъ, скромность и снѣдливость женщинамъ. Они не могутъ заниматься однѣми работами, сносятъ одинакіе пруды. Не законъ, но природа опредѣляетъ жребій каждаго пола. Женщина имѣетъ нужду въ покровительствѣ, ибо она слабѣе; мущина свободнѣе, ибо онъ сильнѣе.

Повиновеніе жены есть благодарность къ защитнику и необходимое слѣдствіе брачнаго союза, который не могъ бы существовать, еслибы одинъ изъ супруговъ не повиновался другому.

Мужъ и жена равно обязаны быть вѣрными; но невѣрность жены предполагаетъ болѣе разврата, имѣетъ болѣе вредныхъ слѣдствій, нежели измѣна мужа: для того первая всегда строже наказывается закономъ и мнѣніемъ. Всѣ народы, просвѣщенные опытомъ, согласно думаютъ, что полъ любезнѣйшій долженъ быть для щастія людей и добродѣтельнѣйшимъ.

По общественному праву и морали государственной: таинство вѣры и согласіе родителей составляютъ бракъ: они даютъ женщинамъ достоинство супруги, столь важное и великое, что, по словамъ древнихъ, не любострастіе, а честь и добродѣтель украшаютъ еѣ симъ именемъ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

ЭЛЕГІЯ.

Не думай ты, что я плѣнился
Искусствомъ нравишься своимъ —
Достоинствомъ получужимъ,
Въ которомъ ясно отразился
Надменный навѣкъ щеголихъ,
Быль зеркаломъ причудъ чужихъ;
Нѣтъ! я люблю въ тебѣ природу:
Невинность, крохость чувствъ твоихъ;
Небрежность, сельскую свободу,
Вліявшихъ жизнь въ твои мечты;
Непринужденность разговора,
И то, чѣмъ привлекаешь ты:
Живое выраженіе взора!

Вопь, любящъ что въ тебѣ твой другъ!
Я не хочу съ тобой встрѣчаться
Тамъ, гдѣ досугъ и недосугъ
Привыкли гордо выславляться;
Гдѣ надо пышно наряжаться;
Гдѣ не живутъ, не говорятъ
Согласно съ чувствомъ и съ душою;
Гдѣ каждый шагъ и взглядъ слѣдятъ,
Ты тамъ мнѣ кажешься чужою!
Въ гостинныхъ, въ залахъ, за толпой,
Не узнаю тебя, не вижу,
И самъ себя я ненавижу
За встрѣчи скучныя съ тобой!

О милый другъ! другъ нѣжный мой!
Когда я не обманушь чувствомъ,
И справедливо мнилась мнѣ
Любовію, а не искусствомъ,
Твоя привязанность ко мнѣ;
Коль любишь ты въ уединенъ,
Подъ кровомъ хижины меня:
Оставь чертоговъ зашоченье!
И, свойство жизни измѣня,
Дѣли со мною наслажденіе
И въ пѣть ночной, и въ шумъ дня!...

Н. Стасюловъ.

LOGOGRIPE.

Lecteur, sous un rapport, je ressemble aux amours,
 Quand je ne croîtrai plus, je décline toujours.
 Aux amans, aux vœleurs, ma vue est importune.
 Ma tête étant à bas, pas moins j'en en garde une.

Въ No 65, помѣщенная шарада значить: *Луна-тиль*.

MODES.

On fait de jolies poches garnies de petits nœuds.— Nous ne saurions trop engager les personnes qui veulent bien prendre nos avis, à adopter cet ancien usage renouvelé avec la conviction de l'utilité. — Ces petits nœuds se posent ainsi: la poche fendue, et garnie d'un plissé, est marquée aux deux extrémités par un nœud, celui d'en bas plus grand que l'autre, et deux petits de chaque côté.

Ce plissé est joli seul; mais dans ce cas le ruban doit être au moins large de trois doigts, tandis qu'avec les nœuds, il suffit d'une largeur de deux petits doigts.

Les pélerines-mantelets qui se font en jaconas ou mousseline de couleur, s'attachent quelquefois avec des nœuds de taffetas, à mille raies, ou carreaux mille raies, la ceinture à gros grain du même genre; mais il est de meilleur goût de les faire pareils à la robe, ainsi que la ceinture qui se double d'un ruban de fil.

Pour les peignoirs négligés, les ceintures semblables à la robe sont presque de rigueur.

Les tabliers de batiste écrue que les femmes portent à la campagne, sont quelquefois bordés d'une petite dentelle noire.

Pour ceux des enfans, on emploie beaucoup les percales damassées; — elles sont simples quoique habillées.— La batiste unie est toujours ce qu'on peut leur choisir de mieux.

À la promenade, aux Tuileries surtout, qui sont le rendez-vous de tous les petits *élégans*, on remarque beaucoup de chapeaux ronds en paille d'Italie, bordés d'un velours noir posé à cheval, et serrés à la tête par un autre velours, attaché avec une boucle d'acier. Cette coiffure convient aux garçons jusqu'à l'âge de sept à huit ans. — À cet âge on doit leur mettre une blouse serrée à la taille par une large ceinture, une

chemise à collerette plissée montante, retenue par une cravate, et des guêtres.

МОДЫ.

Шьются красивые карманы, опдѣланные маленькими баншиками.— Мы не можемъ довольно упростить особъ, сообразующихся съ нашимъ мнѣніемъ, принявъ эпоть спаринный обычай, возобновленный съ пвердою увѣренностію въ его пользѣ.— Эпи маленькіе баншики пришиваются такъ: прорѣшекъ обшить складочками, и означенъ на концахъ баншами, нижній больше верхняго, и два маленькіе съ обѣихъ споронъ.

Эпи складочки красивы и одни; но въ такомъ случаѣ ленпа должна быть по крайней мѣрѣ шириною въ три пальца, между шѣмъ какъ съ баншами, достащочно, если она шириною въ два мизинца.

Пелеринки-маншилы, которыя дѣлаются изъ жаконеша или цвѣшной кисеи, иногда схващываются баншами изъ папильныхъ ленпъ, съ мелкими полосками, или клѣпками изъ мелкихъ полосокъ; поясъ грограновый въ такомъ же родѣ; но лучше ихъ дѣлать такіе же какъ плашье, также какъ поясъ, который подшиваешся пещемкою.

Для проспыхъ пенъуаровъ, поясъ шакой, какъ плашье, почти необходимъ.

Передники изъ суроваго баписта, которые дамы носятъ въ деревнѣ, иногда обшиваются узенькимъ чѣрнымъ кружевомъ.

Для дѣтскихъ много, много употребляютъ гамчатнаго перкала;— они проспы, хотя нарядны.— Гладкой бапистъ всегда всего лучше.

На прогулкахъ, особенно въ Тюльери, гдѣ всегдашнее собраніе всехъ маленькихъ щеголей, много замѣтно круглыхъ шляпъ изъ Ишаланской соломы, обшитыхъ чѣрнымъ бархапомъ, положеннымъ на перекрестъ, припаяннымъ около шулы другимъ бархапомъ, схваченнымъ спальною пряжкой. Эпоть уборъ приличенъ мальчикамъ до семи и восьми лѣтъ.— Въ эти годы должно надѣвать на нихъ блузы, перехваченныя около палин широкимъ полсомъ; рубашку съ высокимъ борчкомъ, сложеннымъ въ складочки, прихваченнымъ галсшукомъ, и шпиблешы.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

•••••
ТРЕТІЙ ГОДЪ.
•••••

Выходитъ
по Средамъ и
Субботамъ.

№ 67.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 104 Но,
съ 36-ю картинками модъ,
въ С. П. б. 30, съ до-
спавкою и пересылкою
35 рублей.

СРЕДА, АВГУСТА 23 ДНЯ, 1853 ГОДА.

Злу грустью не помочь;
Безумный плачетъ лишь отъ бѣдства,
А умный ищетъ средства
Какъ дѣлу пособить.

Крыловъ.

ПЕРЕСМѢШНИКЪ.

ХЛѢБЪ-СОЛЬ ЪШЬ, А ПРАВДУ РѢЖЬ.

Мы отъ всей души уважаемъ благородное стремленіе *Молвы* и *Телескопа* пропиво-спавить оплошъ полкамъ *Московского Телеграфа*, и попому намъ непріятно видѣшь въ главномъ издамелѣ вышепоименованныхъ двухъ журналовъ ошибки пропивъ вкуса, сего тонкаго, разборчиваго, нѣжнаго судіи изящныхъ произведеній. Ни смакъ, ни чупь не могутъ замѣнить его.

Еслибъ для кого либо показались ошибки сіи не совсѣмъ доказанными, даже и по проченіи несправедливыхъ опзывовъ издамеля *Телескопа* о спихотвореніяхъ *Жуковского* и *Пушкина*: то мы увѣрены, что прочитавъ въ Но 70 *Молвы*—его похвалу ничпожной, не по Русски написанной книжѣнкѣ, подъ заглавіемъ: *Баснописецъ-переводчикъ, или стихотворнымъ слогомъ переводъ избранныхъ басней, сказокъ, повѣстей, совѣтовъ и полезныхъ анекдотовъ, съ иностранныхъ діалектовъ на Славяно-Русскій. Але—й Н—р—ц—в.*

Москва, онъ уже опложивъ всякое сомнѣніе.

Пересмѣшникъ не обязанъ писать ученые крипки. Ему нѣтъ ни досуга сочинять, ни мѣста, гдѣ помѣщать ихъ. Хотя бы онъ и желалъ подражать издали пѣмъ, кои нѣкогда *Жуковский* печаталъ въ В. Е., при разборахъ *Кантелировыхъ* сапирь, *Крылова* бачень и пр.; или пѣмъ, какими ученый защипникъ *Карамзина*, С. В. *Руссовъ*, достигъ извѣстности и уваженія благоразумныхъ любители отечественной исторіи. *Пересмѣшникъ* съ улыбкою высказываетъ авпорамъ правду. Онъ посмѣялся выраженію: *переводъ съ иностранныхъ діалектовъ на Славяно-Русскій*, посмѣялся надъ доспойными профессора элоквенціи *Тредьяковского* виршами:

Трубачъ, побудившій трубою
Полки къ кроволитиу бою,
Врагами былъ схваченъ въ полонъ.
Когда по исходъ сраженъ
Въ разводъ полеваго движенья,
Для казни былъ вызванъ и онъ;
Сказалъ имъ: «слушайте, братцы!

Невиненъ я; могъ ли я *драться?*
 Кого могъ изъ васъ умершвиль?
 Меча и копыя не имѣю,
 Одной лишь пубою владѣю:
 Зачто-жь меня жизни лишиль?»

Но онъ наморщился, чипая сѣрзозныя увѣренія издаателя *Молвы*, что сіи вирши написаны *въ сѣрзозномъ родѣ*; и чуть не заплакалъ, пробѣжавъ вирши (басня *мальчикъ и колпакъ*):

И разсердясъ, онъ вѣшвъ сломилъ рукой,
 Вспуилъ съ чудовищами въ бой;
 Но гроба своего сія живая туга
     Носоколюга,
 Въ маханьи вѣтви не нашла,

и видя, что издатель *Молвы* сѣрзозно выдаетъ ихъ за образецъ *шуточныхъ*.—«Развѣ *шуточскихъ*?» замѣпилъ онъ суровымъ голосомъ. Однако, тучи не на долго заспмали чело его, и онъ расхохотался, дочипавъ до того мѣста, гдѣ почтеннѣйшій издатель *Молвы* упрекаетъ *Крылова* въ *ненатуральности*; а баснописца А. Е. *Измайлова* обвиняетъ въ *педантствѣ*, въ такомъ порокѣ, въ копоромъ ни одинъ рецензентъ не укорялъ его. Такое, ни съ чѣмъ несообразное обвиненіе распотѣшилъ и чипапелей, особливо, если сказать имъ, что *Измайлову* спавился въ вину одинъ изъ прекраснѣйшихъ стиховъ *Лафонтена*:

Amour! tu perdis Troye!

простодушно вырвавшійся у знаменипаго Французскаго баснописца, когда онъ смотрѣлъ на пѣшушью драку.—«А. Е. *Измайловъ* былъ педантъ;» говоритъ г. издаатель *Молвы*: «ибо-де у него въ баснѣ: *Два пѣтуха*, говоритъ о войнѣ Троянской, гдѣ якобы

За женщину дрались и боги и герои!»—

Такое сужденіе г. издаателя *Молвы* восхипило *Пересльинника*; а выраженіе якобы показало ему прелеспнымъ!

Мы бы некрено совѣновали нашему Московскому прѣпелю не писатъ рецензій ни на *Крылова*, ни на *Жуковскаго*, ни на *Пушкина*, ни даже на баснописца *Измайлова*:

это ему не по силамъ. На это естъ Александръ Анфимычъ *Орловъ*, Федоръ *Олинскій*, и пр. и пр. и пр.

Герасимъ Каменевъ.

РУССКІЙ НАРЦИСЪ.

Г. Н. Н. до того влюбленъ былъ въ свою красопу, что занимаясь дѣлами, не снималъ перчапокъ, боясь испоршпть кожу своихъ бѣлоснѣжныхъ ручекъ, и до того почипалъ себя умнымъ, что сказавъ оспрое словцо, первый начиналъ хохотать въ знакъ аплодисимента. Это не все! Онъ былъ увѣренъ, что всѣ въ него влюбляются.

Однажды шелъ онъ по улицѣ съ своимъ лакеемъ. Дѣвушка подбѣжала къ окну и приспально на него смотрѣла. Г. Н. Н. прошедь мимо, спросилъ, не обѣршывая головы: «*Кашипаръ*, что, смотришь?»—Глазъ, сударь, не спускаетъ! опвѣчалъ плупъ-слуга.—«*Пускай спрадаетъ!*»—

О С Т О В Ъ.

.... Что до меня касается, господа, опозвался живописецъ, по хопя происшествіе, копорое разскажу вамъ, само по себѣ часпное, но не менѣе того необыкновенное.

Во время долговременнаго моего спранспвованія по Германіи, остановился я опдохнушь въ местечкѣ Оспероженъ въ Баваріи. Прибылъ я шуда безъ всякихъ рекомандацій; однакоже, когда услышали меня разсуждающаго о картинѣ *Альберта Дурера*, выспавленной въ присупспвенной залѣ большаго совѣпа: по почли меня, Богъ вѣспъ почему, за великаго художника. Съ пѣхъ поръ, знапные не давали мнѣ покоя; мнѣ должно было писатъ со всѣхъ вельможъ порптры, и мѣсяца еще не прошло, какъ все памошнее дворянство и съ женами и съ дѣпьми перенесены моею киспью на полошно. Тогда слава моя пакъ возрсла, что госпо-

да рапманы положили не выпускать меня изъ города, пока не напишу имъ иконы для вновь отстроиваемую часовню.

Предметъ для оной мнѣ самому позволено было выбрать.

Видѣлъ я въ Римѣ изображеніе Спрашнаго Суда, работы *Мишель-Анжа*, и долженъ признаюсь, что его созданіе, слишкомъ классическое, не удовлетворило моего ожиданія. Но мнѣ можно бы было выполнить оное съ нѣкоторою воспорженностью воображенія, котораго недостаетъ сему произведенію, впрочемъ, достойному удивленія.—По сему, я положилъ изобразить сей самый предметъ, но такъ, какъ самъ я понималъ его. Мнѣ казалось, что эпизодъ воскресенія мертвыхъ долженъ былъ лучше занять мѣсто въ этой великой поэмѣ, нежели какое удѣлил ему *Мишель-Анжъ*. Я полагалъ, что въ этой гипотезѣ можно весьма щастливо соединить улыбающееся съ ужаснымъ, и придавъ заимательности разнонародной толпѣ, тѣснящейся на Спрашный Судъ. Разсмотрите только, и вникните, какъ одни, подъ прикрытіемъ чинской совѣсти, спѣшаютъ предъ милосердаго Судію, между тѣмъ какъ другіе, пробуждаясь съ памятью о порочной жизни, прячущая позади праведниковъ, спараясь хопя на одинъ мигъ отсрочить приговоръ вѣчный. Далѣе, тамъ не забавно ли видѣть война, который оставивъ на полѣ сраженія свою ногу, и будучи погребенъ за триста или болѣе верствъ, хлопочеть, что-бы отыскать еѣ? Бѣдняжка увѣренъ, что и на этомъ большомъ парадѣ будутъ споль же спрого съ него разыскивать, какъ на смотре полковаго командира; что придется ему спрого опивчаться, когда не дощипаючися какого нибудь члена, выданнаго ему сполна при рожденіи.

Въ такихъ мысляхъ началъ я набрасывать первые очерки, но, не имѣя предъ глазами у себя никакого образца, трудно мнѣ было выспавить сполько разнообразныхъ фигуръ: я замѣнилъ, что невозможно было мнѣ успѣть въ этомъ, не присматриваясь къ натурѣ. Не такъ бы меня останавливало это въ Паризѣ: ибо у меня въ мастер-

ской есть прекраснѣйшій скелетъ, какой только вообразить себѣ можно; проволока серебряная, движенія свободныя, разныя, натуральныя; истинное чудо механики. Здѣсь же не было у меня подъ руками никакихъ пособій. Долго размышляя о томъ, какъ-бы мнѣ замѣнить сіи неудобства, прибѣгнулъ я къ спорожу на кладбищѣ. Онъ за двѣ серебряныя монеты взялся доставить мнѣ полный остовъ челоуѣка, такой остовъ, лучше котораго желать нельзя. Онъ просилъ меня обождать для два, потому, что онъ былъ очень занятъ: онъ женился.

Честный спорожъ, онъ же и гробокопатель, сдержалъ свое слово: чрезъ два дни я имѣлъ у себя споль желанный мною костякъ. Я до того обрадовался своему приобрьщенію, что не теряя ни минуты, принялся за кисть и работалъ до поздней ночи, хотя было это въ праздникъ Всѣхъ святыхъ. Давно уже пробило одиннадцать, и я одинъ одинѣхонекъ при лампѣ изучалъ мой скелетъ. Вдругъ, только что на часахъ пробилъ двѣнадцать, и только что подхожу къ нему, чтобъ дать ему новое положеніе, остовъ опдѣлился отъ стѣны, къ которой былъ приславленъ, поклонился мнѣ важно, прошелъ свободно по комнатѣ, отворилъ дверь и пустился бѣжать съ лѣстницы. Сначала я думалъ, что это мнѣ грезится, что это дѣйствіе разгоряченнаго воображенія, но опомнившись и осмотрѣвшись, я убѣдился, что споявшій предо мною остовъ дѣйствительно исчезъ; я даже слышалъ, какъ затворялись внизу двери, и въ окно увидѣлъ моего бѣглеца уже на улицѣ. Тѣнь его при лунномъ свѣтѣ похожа была на тѣнь опъ рѣшетчатыхъ ставней на полу. Онъ встряхивалъ рысью, остановился только на мигу на поворотѣ улицы, и вскорѣ совѣмъ пропалъ у меня изъ виду.

Я обыкновенно ничему не удивляюсь, по пути, признаюсь, смутило меня нѣсколько сіе явное нарушеніе законовъ природы. Размышляя о случившемся, спалъ я сожалѣть, что не изслѣдовалъ сего приключенія, и когда любопытство мое преодолѣло всѣ прочія чувства, я положилъ непременно догнать

чуждаго своего ночного собесѣдника, копорый меня такъ вѣжливо оставилъ.

Вышедъ на улицу, по которой онъ опправился, я не могъ его найсти, и думалъ, что уже и слѣдъ его проспыхъ, какъ вдругъ, подходя къ концу улицы, вижу каршину удивительную! Казалось, что всѣ могилы, по крайней мѣрѣ верспъ на десять кругомъ, выпустили своихъ жильцовъ погулять и, между пѣмъ, какъ городъ упопалъ въ глубокомъ снѣ, четыре или пять поколѣннй мертвецовъ собрались передъ соборомъ, и полкались какъ жипели многолюднаго города во время ярмонки: только, вмѣсто шуму, копорой носится надъ полною многочисленнаго народа, шумъ царспивовала глубочайшая, ужасная пишина, копорой не прерывалъ ни малѣйшй шорохъ шаговъ. Изрѣдка только какая-то погребальная музыка раздавалась изъ среды сей толпы; то былъ вѣщерь, свиспѣвшй между коспями.

Нѣсколько времени присмапривался я къ сему зрѣлищу съ удивленіемъ, смѣшаннымъ съ робостію, какъ вдругъ голосъ, какого не въ силахъ изобразить слово человѣческое, раздался: «Теперь спанемъ играть въ хоровады!» И потчасъ вся эпа толпа разспуилась... мертвечи спали въ двѣ длинныхъ цѣпи, и держась за руки, обошли при раза вокругъ собора поступью важною. Въ шу же минуцу, какъ обѣ цѣпи вспрѣчались на площади, прежнй голосъ повторилъ: «гуляйте, мертвечи!» И сй послѣднй, раздѣляясь на пары, начали кружиться въ вихрѣ вальса. Танцовщики развеселились, разгулялись—и танцы сдѣлались живѣе. Тогда, по пѣлдвиженіямъ, поступи и осанкѣ, разыгравшихся скелетовъ, можно было угадать возрастъ, въ какомъ распались они съ пѣломъ: спарцы кружились пише и пѣжеле, а молодежь проворнѣй и опважнѣй; дамы опмичались спраспью къ танцамъ, и пѣлдвиженіями спройнѣйшими и пріятнѣйшими.— Тутъ только насилу вспомнилъ я, что послѣ праздника Всѣхъ святыхъ наступаетъ день всеобщаго поминовения по усопшимъ, и догадался, что покойники праздновали свой день.

Между прочимъ замѣпилъ я, что во время сей попѣхи, часто плясуны, одинъ послѣ другаго, оставляли собраніе, прохаживались по сосѣдней улицѣ и вскорѣ опянь снова возвращались на свои мѣспа. Когда уже спалъ я участвоватъ въ эпомъ забавномъ собраніи: то захопѣлось узнать все подробно и обстоятельно. Такимъ образомъ, когда проходилъ мимо меня легкй и спатнй остовъ женщины, я подошелъ къ нему вѣжливо, какъ будто къ какой нибудь красопкѣ, вспрѣченной на булеварѣ, и спросилъ: «Куда такъ спѣшите, прелестная дѣвица?» Мое присупствие не смупило еѣ. Она, не перемѣняя походки, не обернувъ даже головы ко мнѣ, опвѣчала пѣмъ же голосомъ, какой звалъ на пляску: «Спѣшу къ моему жениху, *Фридриху*; онъ, рыдая на моей спрадальческой груди, побожился, что никогда меня не забудеть.»— Думаешь ли, сказалъ я, что онъ будетъ радъ свиданію съ побою?—«Конечно!... Развѣ ему непріятно видѣть свою милую *Фанни*?» Она ускорила шаги, подходя къ дому, и опворила дверь, подавивъ знакомую ей пружину. Мною овладѣло такое любопытство, что я пошелъ слѣдомъ за нею по лѣспницѣ. Тутъ услышали мы громкй шумъ, звонъ покаловъ, и явспвенно раздавались мужскіе и женскіе голоеа: «*Фридрихъ! Фридрихъ!*» восклицали они: «не давай ему цѣловать свою милую: эпо кикомора, а не человекъ, увидишь, что и она умретъ, какъ пвоя *Фанни*.»— Опвяжись опъ меня! опозвался голосъ, должно думать *Фридриха*: чортъ побери всѣхъ бабъ, и живыхъ и мертвыхъ; пятьдесятъ бы красавицъ опдалъ я за одинъ стаканъ хорошаго пуншу...— Вспревоженная такимъ опзывомъ покойница не захопѣла долѣе шумъ оставаться; она воропилась въ свой кругъ и спала плясать по прежнему.

Вскорѣ новый плясунъ опспавилъ общепство. Видя что разговоръ съ дамою мнѣ удался, я и его запронулъ и спросилъ: Куда идеше?—«Къ моему лучшему другу,» опвѣчалъ онъ: «я извѣспнй докторъ *Тодкранкъ*,» (видя его въ ливрѣ того свѣспа, я вспомнилъ про себя прекрасное нравоуче-

ніе: не дѣлай того другому, что себѣ не мило): «оставилъ я послѣ себя разныя сочиненія, которыя должны обезсмертить мое имя.» (Сіе выраженіе показалось мнѣ прегордымъ въ устахъ покойника). «И такъ иду къ моему *Шварцу*, чпобъ узнать, занимается ли онъ изданіемъ моихъ твореній. Какой прилежный, онъ конечно корпится надъ нами; теперь часъ за полночь, а у него въ кабинетѣ не погашены свѣчи. Надо мнѣ зайти къ нему и исправить забавную ошибку въ претрѣй главѣ физиологій, касательна соединенія души съ тѣломъ.» И ученый *Тодкранкъ* отправился къ своему лучшему пріятелю *Шварцу*. Вскорѣ однако я увидѣлъ, какъ лучший пріятель *Шварцъ* выбрасывалъ въ окно знаменитаго друга своего, докпора *Тодкранка*. Живой человекъ разсыпался бы въ куски, но почтенный докпоръ упалъ просто на ноги, почно какъ кошка съ крышки.—«Бездѣльникъ,» сказалъ онъ, обращаясь ко мнѣ. «Собака его приласкалась ко мнѣ, а онъ, повѣришь ли? Пишетъ предисловіе къ моимъ твореніямъ, которыя печатаются подъ своимъ именемъ!» — Я отвѣчалъ ему, что весьма этому вѣрю. И онъ поже ворошился въ свой кругъ и началъ съ прочими вертѣться.

Попомъ вышелъ почтенный муженѣкъ, котораго достойная половина такою была надѣлена нѣжностью, что, казалось, умереть съ горести въ день кончины своего супруга. Я былъ увѣренъ, что она зачахла; поелику прошло болѣе прехъ мѣсяцовъ, какъ онъ покинулъ её вдовою. По сему-то онъ спѣшилъ узнать, скоро ли она переселится на помѣ свѣтъ и соединится съ нимъ неразрывными узами. Мы съ нимъ чрезъ каменную ограду подошли къ прекрасному крыльцу. «На лѣво внизу спальня моей жены. Посмотри въ рѣшетчатый спавень и увидишь, какъ она будетъ щаслива моимъ приходомъ;» шепнулъ мнѣ сухощавый мой спупникъ. Я подошелъ на цыпочкахъ къ окну и, пока давнишній хозяинъ дома прошелъ во внутренніе покои, я увидѣлъ при блѣдномъ мерцаніи ночника, подлѣ самой постели, желтые полусапожки и дуломанъ Венгерскаго гусара. Отспавной мужъ припво-

рилъ скорѣе за собою двери: ибо догадался, что дражайшая его половина успѣла приискапъ себѣ упѣшителя. Онъ, какъ и всѣ прежніе, ворошился въ свой кругъ и началъ кружиться безъ милосердія.

Такимъ же образомъ сыновья выгоняли опцовъ, братья не узнавали братьевъ. Да они и правы! Ну, еслибы всѣмъ мерпвецамъ вздумалось ожить, какая бы суматоха вышла, особливо за наслѣдство. Не одинъ бы изъ нихъ даже собственнаго дома не узналъ: ибо все перестроено по новому вкусу, къ иному придѣланъ балконъ, другой поднятъ на цѣлый ярусъ—и въ нихъ ни одного спараго жильца не оспалось.

Между тѣмъ ночь подвигалась, и я внимательно разсматривалъ сіе новаго рода безпутство, желая дожидаться конца. Вдругъ одинъ изъ сихъ нежданныхъ гостей, воротясь на площадь, завопилъ: «братія и сеспры, теперь у опца моего, здѣшняго коменданта, панцы, хопите ли со мною на балъ?»—На балъ! на балъ къ губернатору!—раздалось вокругъ меня; мои покойники раскудахтались, какъ куры, и кинулись за комендантскимъ сыномъ.

Я вспомнилъ въ эпу минутому, что дѣйствительно комендантъ *Вальтеръ*, поперявшій за нѣсколько недѣль передъ тѣмъ сына, въ эпотъ день давалъ балъ, по случаю проѣзда какого-то герцога, и что я былъ также приглашенъ къ нему. Но хотя бы меня и не пригласили, я бы пошелъ туда незванный, чтобы посмотрѣть, какое впечатлѣніе произведетъ на общепство сіе неожиданное посѣщеніе. Я прибавилъ шагу, и прежде кадрили мерпвецовъ прибылъ ни балъ. Какое прошивоположное видѣнному мною за минутому предъ тѣмъ зрѣлище мнѣ открылось. Эпа живая человѣческая веселость со всемъ своимъ упоеніемъ; эпи рѣзвыя красавицы, полныя и бѣлыя; эпи цвѣты, газы, ленты, эпо лучезарное освѣщеніе, эпа сладостная музыка и вся атмосфера благоуханій и живыхъ наслажденій! Съ четверть часа прохаживался я въ полѣ и начиналъ уже забывать о другомъ собраніи, какъ лакей распворилъ двери и возвѣспиль о прибытіи

покойниковъ, которые хопя поздно прибыли, какъ жеманное какое нибудь семейство, чпобъ эвимъ обратипсь на себя предпочпительное вниманіе; но такое произвели впечатлѣніе, какъ будто бы вступила въ залу спая волковъ и медвѣдей. Менѣе чѣмъ въ полчаса опустили комнапы: остались только разбросанные наряды, покинутые въ бѣгствѣ перепуганными весельчаками. Я только одинъ изъ живыхъ оспался и, спряпавшись за занавѣсъ, снова разсмапривалъ самое необыкновенное зрѣлище, какое только могло когда либо видѣть человѣческое око.

Чудаки-усопшіе, удержавъ за собою поле бипвы, начали распоряжаться доспавшеюся имъ послѣ обрапвившаго пыль неприпелля добычею. Въ танцовальной залѣ, на спульяхъ около спѣны, засѣли рядкомъ мапушки, пѣшушки, молодыя монахини и пожилыя знатныя дамы, принарядясь въ разныя вещицы, которые въ поропахъ расперяли живыя красавицы. Впереди ихъ спояли и расхаживали дѣвицы, поджидавшія ангажировки молодѣжи, между пѣмъ же убирали себя въ цѣпты и перья, надѣвали перчаткы и башмаки, щеголевато запыкая букеты между реберь. Другія обвивали въ голубые или розовые шарфы свои отпращипельные черепы. Посреди залы собрались жеманные модники; не одинъ изъ нихъ верпѣлся съ лорнетомъ, выбирая себѣ изъ шакого множества красотъ танцовщицу для Французской кадрили. Спашиспикы и дипломаты спояли въ окнахъ и разсуждали о современной имъ полипикѣ Европы. Въ прилегающихъ къ большой залѣ комнапахъ звенѣло золотомъ, забытое на зеленыхъ столикахъ; одинъ осповъ держалъ колоду и гиповъ былъ мешать банкъ; вокругъ него обспали скелеты и костякы понкпѣры. Многочисленная дворця, прикрытая оспашками ливрей, которую ухпавила въ переднихъ, кружилась посреди собранія, разнося подносы съ конфектами, плодами, аршадомъ и лимонадомъ. Госпи очень хорошо вѣдали, что у нихъ нѣтъ ни упробы, ни желудка, и съ важною уклонкою головы отпказывались. Надобно было видѣть, какъ прохаживался молодой сынъ губернапора, удѣляя на всѣ

спороны оспроумныя эпиграмы и розовыя мадригалы; какъ оповсюду сыпалась ему комплименты за порядокъ и блиспапельность бала. Не думайте, что у мерпвецовъ недоспавало пересудовъ, насмѣшекъ, волокипства на ихъ пиршествъ! Не бойтесь, ни ревность, ни зависть, ни желаніе нравиться не погасли въ женщинахъ! Рѣдко на вечеринкахъ между живыми завязывается споль живой, пекучій разговоръ; рѣдко сверкаютъ такія яркія искры ума въ спорахъ и шуткахъ, какія рассыпали мои усопшіе. Я согласенъ, что не могли они ни поводить очами, ни дѣлать глазкы: ибо у нихъ глазъ не было; но въ замѣну того, посмопрѣли бы вы, какъ они коварно, нѣжно или весело осклабляли свои пожелпѣтые зубы, съ какою чувспвипельностью наклоняли голову, или слегка пожимали руки. Между пѣмъ на хорахъ, богато обипныхъ, семеро вирпуозовъ наспроивали инспрументы, и одинъ изъ нихъ, вмѣсто барабанной палочки, которую навѣрно унесъ съ собою съ переполоху барабанщикъ, держалъ въ рукѣ собспвенную голень, готовясь выбивать шактъ по первому знаку.... Но!.... какъ въпропльны радости сего свѣта! Едва только смычокъ успѣлъ пробудить первые звуки и начали составляться кадрили, на ближней колокольнѣ грянуло чепыре часа; запѣлъ пѣшухъ, и вся полпа исчезла, опсправясь снова на вѣчный покой въ могилу.

«Эпо спало быть другими словами, сказалъ я тогда, значить, что ты проснулся и протѣрь глаза.»

— О, совсѣмъ нѣтъ. Ибо на другой день по цѣлому городу ни о чемъ другомъ не говорили, какъ о возстаніи усопшихъ, и о дерзкомъ ихъ явленіи тамъ, гдѣ ихъ ни сколько не ожидали, и гдѣ все было устроено и уложено, полагаясь на вѣчное ихъ отспуспвие, и даже въ предотпращеніе и на грядущія времена подобной неблагоприспойности, отспавили церковнаго гробокопателя за дурной его надзоръ надъ своими подчиненными, какъ будто эпопъ нещаспный могъ что нибудь сдѣлать проптивъ предопредѣленія. Все кладбище усыпано негаше-

ною извѣстью для превращенія костей въ прахъ. Касапельно же меня, по высокому Магистрану извѣстясь, что я за нѣсколько дней передъ тѣмъ доспалъ себя осповъ, возымѣло на меня подозрѣнiе въ участiи, въ заговоръ съ усопшими, и объявилъ мнѣ, чтобы и черезъ прое супокъ оспавилъ предѣлы государства. Я исполнилъ это въ при часа времени.—

«Щасливъ ты, сказалъ одинъ изъ слушателей, что такъ легко опдѣлался. Лѣтъ за тридцать, за сорокъ назадъ, сочли бы тебя колдуномъ, и поржественно сожгли бы на кострѣ живаго. Въ наше же время пожалуй пугай насъ преждевременнымъ воскресенiемъ мертвыхъ, мы не спрусимъ!»

Пер. В. Романовичъ.

СТИХОТВОРЕНIЯ.

А Б А З I Я.

Забуду ли тебя, спрана очарованiй!
Гдѣ дикой красошой плѣнился юный умъ,
Гдѣ сердце силою плѣнительныхъ мечпанiй
Узнало первые порывы смѣлыхъ думъ
И въ дань несло восторгъ живѣйшихъ удивленiй!
Волшебный край! приюти цвѣтень!
Спрана весны и вдохновенiй!
Гдѣ воздухъ напоенъ дыханiемъ садовъ
И горный вѣтерокъ жаръ неба прохладаетъ,
Гдѣ нѣга помная въ шпши густыхъ лѣсовъ
Къ забвенью и мечпанъ такъ сладоспно склоняетъ!
Гдѣ поражаютъ робкiй взоръ
Кавказа лдянаго зубчатыхъ вершины,
Потоки быстрые, лѣса по цѣпи горъ,
Аулы дикарей и темныя долины!
Гдѣ все бесѣдуешь съ восторженной душой!
Тамъ сладоспно ночей печенье,
Роскошны сны и шпхъ покой!
Тамъ въ грудь мою лились восторгъ и насла-
жденье,—
И я дышалъ огнемъ поэзiи свяшой!

Е. Зайцевскiй.

МАЛОРОССIЙСКАЯ ПѢСНЯ.

Летпшь орель надъ синимъ моремъ,
Крылами машетъ высоко!
Казакъ взглянулъ и вспомнивъ съ горемъ,
Вздохнулъ о прошломъ глубоко:

Лѣша, лѣша мои младае!
Куда вы дѣлиси, ушли?
Въ луга-ль, въ овраги ли глухiе
Свои слѣды вы унесли?

Ой, понапрасну пропадаетъ
Теперь добыча казака...
Въ одинъ денекъ онъ пропиваетъ
Трудъ семидневный бапрака!—

В. Р.

1832.

Ш А Р А Д А.

Мой *первый* слогъ есть роца, или лѣсъ,
Высокий и густой, чернокудрявый, дикой,
Богатъ грибами онъ, едва ли земляничкой
И не унизанъ повиликой.

Послѣднее мое исполнено чудесъ:
Цѣлются въ немъ съ молнiями громы,
Клокочетъ адъ, сияетъ видъ небесъ,
Лешаютъ генiи, кричатъ богини, боги,
Алмазные вездѣ соспроены черпоги.
А *цѣлое* мое—распѣтъ;
Однако-жъ не права, не лѣсъ, не плодъ.
Еѣ перѣдко жнуптъ, хопъ никогда не съюптъ;
А женщины и шой заботы не имѣюптъ.

III.

Въ No 66, помѣщенный логогрифъ значить: *Lune, une.*

М O D E S.

La chaleur, qui revient lourde et orageuse, donne l'idée de fichus très-simples, renouvelés aussi de siècle passé; c'est une *pointe* d'organdi très-clair, croisée sous la ceinture par devant, et attachée plate dans le dos. Quelquefois on borde les biais d'une petite dentelle haute d'un doigt, et les bords droits d'une beaucoup plus haute, froncée comme une mantille.
Ces pointes doivent aller de rigueur avec une robe dont le corsage ne soit pas tout-à-fait montant; il est

joli de mettre avec une ceinture de taffetas, nouée par devant après avoir croisé.

Des cols de mousseline, que l'on porte beaucoup en ce moment, sont simples, mais à trois rangs de plis en ourlets, ce qui figure trois cols. On les borde chacun d'une basse dentelle. Cette même façon s'emploie pour des pélerines; elle est d'un fort bon effet en ce qu'elle ne charge pas de trois doubles, et se porte sans s'altérer au blanchissage.

On brode en soie nuée des écharpes en tulle noir ordonné qui sont bien portées.

Les rubans-écharpes, passés dans la ceinture, tombant plats, jusqu'aux pieds, comme fait une *étole*, ont déjà paru il y a plusieurs années. Après avoir été oubliés, ils reviennent cette année avec distinction. Ils doivent être très-larges et très-forts, souvent ils se terminent par une frange de soie ronde nouée; souvent aussi les bouts sont arrondis, et le ruban, dans toute sa longueur, est bordé d'une petite dentelle noire.

De charmantes petites bourses se font en forme de sac, serrées à la gorge par une ganse délicate, la petite tête formée par l'étoffe qu'on replie en dedans. Le bas forme une pointe à laquelle pend un petit gland, et chaque côté une pointe et un pareil gland; la ganse qui serre la gorge se tire avec deux autres petits pour ouvrir. La partie du bas qui forme la pointe est semée de petites perles.

Un bel ornement de cheminée nous a frappés dans le magnifique magasin de M. Schœlcher, boulevard des Italiens; ce sont deux obélisques formés de gradins en porcelaine élégamment peinte, garnis de fleurs en relief également en porcelaine. Ces obélisques larges de quelques pouces à la base peuvent avoir au moins un pied de haut.

Pl. No 24. Nouvelles modes.

М О Д Ы.

Возвратившийся сильный, удушающий жаръ, подавъ мысль дѣлать весьма проспья косыночки, также возобновленіе прошедшаго спольшя; эша воспряя косыночка изъ весьма прозрачнаго органди, положена спереди крестообразно подъ

поясъ, а сзади прищиплена вгладь. Иногда ко-сую спорону обшивають узенькимъ кружевомъ, шириною въ палець, а прямыя спороны об-шпы кружевомъ по шире собраннымъ, какъ маншима.

Эши косыночки непременно должно надѣваш не съ высокими лифами; онѣ весьма красивы съ пафьяными поясами, завязанными спереди.

Кисейные воротники, которыхъ пеперь много носятъ, проспы, но съ према складочками въ видѣ рубцевъ, что составляетъ при воротника, каждый обшить узкимъ кружевомъ. Эпопъ же фасонъ употребляется и для пелеринокъ; оно весьма красиво потому, что легко и не поршп-ся въ мышь.

Вышивають волнистымъ шелкомъ шарфы изъ крученаго чѣрнаго шюля; они въ большомъ упо-требленіи.

Ленпы-шарфы, пропущенные подъ поясъ, ле-жащія въ гладь, до низу плашья, въ видѣ араря; они уже показывались нѣсколько лѣтъ тому на-задъ. Бывъ позабышы, они возвратились нынѣш-ній годъ съ оплгчьемъ. Они должны быть весьма широки и плошны; они часто окапчиваюпся пе-ревязанною бахрамою изъ сученаго шелку; часпо концы бывають округлены, а ленпа, во всю дли-ну, обшпиа узенькимъ чѣрнымъ кружевомъ.

Прелестные маленькіе кошельки въ видѣ мѣш-ка, сдернушые вверху поненькимъ снурочкомъ; маленькая верхушка составлена изъ матеріи, за-гнушой внупръ; низъ составляетъ мысокъ, къ которому подвышенъ маленькой желудъ, и съ бо-ковъ по мыску и шакому же желудю, снурочикъ вверху раздвргивается двумя маленькими желудя-ми. Нижняя часть кошелька, составляющая мы-ски, усыяна бисеромъ.

Прекрасное украшеніе для камина поразило насъ въ пышномъ магазинѣ Г-на *Schoelcher*, на Италіанскомъ булеварѣ; эшо два обелиска, соста-вленные изъ фарфоровыхъ ступенекъ, щеголевапо разкрашенныхъ, убранныхъ возвышенными цвѣ-тами, также изъ фарфора. Эши обелиски въ осно-ваніи шириною въ нѣсколько дюймовъ, въ высо-пу же имѣюпъ по крайней мѣрѣ футъ.

Карш. No 24. Новые фасоны дамскіе.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

ТРЕТІЙ ГОДЪ.

Выходитъ
по Средамъ и
Субботамъ.

№ 68.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 104 Но,
съ 56-ю картинками модъ,
въ С. П. б. 30, съ до-
спавкою и пересылкою
55 рублей.

СУББОТА, Августа 26 дня 1833 года.

Не проныше, подлещы, вы родъ его почтенной:
Онъ будетъ знаменитъ, доколѣ во вселенной
Воздастся должная, правдивая хвала
За дѣбрые списки и добрыя дѣла.

Дмитрисъ.

П Л А К С А.

И МОИ МЫСЛИ О КНИГѢ *НОВОСЕЛЬЕ*,
изданной книгопродавцемъ А. Ф. Смирди-
нымъ въ Санктпетербургъ—1833—съ виньет-
ками и картинками.

Лучше поздно, нежели никогда.

Передъ нами лежатъ два крипическіе раз-
бора *Новоселья*, на каждой спрокъ другъ
другу проповорѣчающія, въ каждой мысли
противоположныя: одинъ видитъ бѣлымъ
то, что другой чѣрнымъ; одинъ хвалитъ
то, что другой оуждаетъ; въ одномъ на-
зывается остроумнымъ то, надъ чѣмъ въ
другомъ насмѣхаются, какъ надъ шупымъ
и плоскимъ. Одна изъ сихъ оцѣнокъ непре-
мѣнно должна быть фальшивою; не наше
дѣло входитъ, опъ чего произошло сіе. Вѣ-
роятно, опъ различнаго возрѣнія на пред-
меты. Мы, случая здѣсь приговоры двухъ
журналистовъ о вновь вышедшихъ книгахъ,
имѣемъ цѣлью вывести на свѣжую воду
ошибки нѣкоторыхъ рецензентовъ, вовле-
кающихъ публику въ убытокъ и скуку свои-

ми несправедливыми полками, библиографіа-
ми, рецензіями, крипиками, антикрипика-
ми, перекрипиками. — Съ горестью видимъ
это — и принимаемъ за перо, не съ пѣмъ,
чтобы смѣяться, а съ желаніемъ открыть
глаза своимъ добрымъ, но нѣсколько легко-
вѣрнымъ согражданамъ, которымъ пора бы
переспать вѣрнѣ въ *неогрѣшительность*
журналистовъ. Они, право, такіе же люди,
съ косями, мясомъ, спраспями, спраспниш-
ками и пристрастіями.

У насъ на *критику* смотрятъ совершен-
но съ разныхъ споронъ: въ мірѣ сколько
головъ — столько умовъ! Весьма многіе мы-
слятъ, что разбираютъ книги — значитъ за-
водитъ междоусобія въ спокойной республи-
кѣ липературы, превращаютъ еѣ въ поле сра-
женія, на которомъ одинакое безславіе ожи-
даетъ и побѣдителя и побѣжденнаго, а чи-
пашелей, сдѣлавъ просто зрителями, при-
нуждаютъ смотрѣть на пѣшушій бой задо-
рныхъ журналистовъ, смѣяться (*) и, мо-

(*) Не худо бы прибавить: платитъ хорошія деньги за
худой товаръ и прашитъ время на чтеніе книгъ
недостойныхъ. — В.

жесть бытъ, презираеть людей, забавляющихъ ихъ своими ссорами. Я твердо увѣренъ, что такія унижительныя ссоры много вредятъ словесности и, безъ сомнѣнiя, унижаютъ почтенный характеръ писателя.

Весьма многіе образованные люди полагаютъ, что критика и антикритика однозначащельны съ словами ссора, распрѣ, брань, бой, сраженіе, междоусобица; но всѣ сіи ужасныя слова, коими окружили они миролюбивое слово критика, совсѣмъ не принадлежатъ къ ея свитѣ.

Критика есть сужденіе, основанное на правилахъ образованнаго вкуса, безпристрастное и свободное.

Если же мнѣнiя издавателя газеты или журнала о книгахъ не основаны на правилахъ здраваго вкуса и приспρασны: тогда надобно сожалѣть о немъ и плакать: ибо онъ увлекаетъ за собою толпу, поршивъ вкусъ своихъ соотечественниковъ и (чего не смѣемъ даже предполагать въ своихъ собранiяхъ) уповребляютъ свое изданіе, какъ орудiя личности и мщенiя.

Примѣръ и опытность полезнѣй наставленiй.

Вопь для чего мы, не распложая много словъ, докажемъ все нами вышеизложенное примѣрами.

ВЫПИСКИ.

Изъ Московскаго Телеграфа. Изъ Сѣверной Пчелы.

1.

Явился какой-то баронъ *Брамбеусъ* съ тяжелымъ оспроуміемъ, которое можно продавать на вѣсь! Баронова статья: *Незнаколка*, такъ безцѣльна, что не знаешь, къ какому берегу хотѣль причалить авторъ съ лицепворенною имъ сатирую? Къ чему тратилъ онъ слова, жалѣя мыслей?

Первая статья *Незнаколка*, соч. барона *Брамбеуса*. Статья сія составлена и написана очень умно, замысловапо, оспро и прiятно.

1.

2.

Другая статья барона *Брамбеуса*: *Большой выходъ у Сатаны*, уже не просто плохо... Глазѣмъ не вѣришь, что такъ пишутъ и печатаютъ въ *Пестербургѣ*.

3.

Опрывокъ изъ повѣсти *Раскольникъ*, сочиненiя г. *Панаева*, довольно вѣрно нащминаетъ намъ испорическую спраницу, занимаемую царствованіемъ *Петра II*, но разсказъ автора холоденъ и слишкомъ опзывается трудомъ, не нося на себѣ печати созданiя.

4.

Шестъ стихопворенiй князя *Вяземскаго* всѣ на одну статью: во всѣхъ онъ шутитъ во всѣхъ, и черезъ сорокъ лѣтъ все пошь же!

5.

Съ ожиданіемъ встрѣпили мы два стихопворенiя *Е. А. Баратынскаго*: *На смерть Гѣте* и *Кольцо С. Э*—пѣ. Они оспавили въ насъ такое же чувспво, какъ вы-

2.

Большой выходъ у Сатаны, соч. барона *Брамбеуса*. Сатирическая картина, написанная зоркимъ наблюдателемъ и искуснымъ рисовальщикомъ.

3.

Раскольникъ, отрывокъ изъ повѣсти первой половины *XVIII* столѣтiя, соч. *В. И. Панаева*. Авторъ избралъ богатую эпоху для романа: послѣднее бореніе спаринныхъ Русскихъ и Азіатскихъ нравовъ съ новыми Европейскими. Изображеніе князя *Мъшеца* оригинально и живо. Порпретъ царицы *Евдокии*, первой супруги Императора *Петра I*, чрезвычайно заманчивъ.

4.

Князь *П. А. Вяземскій* подарилъ на *Новоселье* нѣсколько своихъ затѣйливыхъ, оспрыхъ стихопворенiй, которыя можно бы назвать *лирическими эпиграммали*.

5.

На смерть Гѣте, стихопвореніе *Е. А. Баратынскаго*, по моему мнѣнiю, есть лучшее во всей книгѣ. Другое его стихотвореніе *Кольцо*, мило и привлекательно.

дохнувшіеся цвѣты,
какъ образъ безъ жи-
зни. Въ нихъ нѣтъ
поэта.

6.

Два опривка: *Балъ*
и *Бригадиръ*, означен-
ные липерами Ъ, ъ, й,
принадлежащъ тому
автору, который ны-
нѣ довольно часто яв-
ляется въ альмана-
хахъ, совсѣмъ особен-
нымъ, но не ориги-
нальнымъ родомъ.

7.

Сказка о нѣкоемъ
православномъ покой-
номъ мужикѣ и о
сынѣ его Емелькѣ ду-
рачкѣ. Сочиненіе ка-
зака *Луганскаго*. При-
знаемся, мы не лю-
бимъ поддѣльности
ни въ чемъ, и попо-
му намъ не нравятся
и эпоты, сдѣлавшіеся
пошлымъ, обычай на-
зывающіеся спранными
не своими именами, и
это желаніе поддѣ-
латься подъ Русскія

6.

Балъ—прозаическая
пьеса въ пять спра-
ничекъ, соч. неизвѣст-
наго—(подпись Ъ, ъ, й)
въ изложеніи подра-
жаніе новой фанпа-
спической школъ *Жа-*
лена, *Бальзака* и т. п.
но въ сущестствѣ сво-
емъ прекрасное, ори-
гинальное выраженіе
мысли, которая въ шу-
мѣ и вихрѣ пичпож-
ныхъ удовольствій
свѣпскихъ, невольно
возникаетъ въ душѣ
человѣка, привыкшаго
чувствовать. Другая
пьеса погоже автора:
Бригадиръ, нравится
мнѣ еще болѣе: она
также умна, также
глубокомысленна, но
написана съ меньши-
ми претензіями.

7.

Сказка о Емель-ду-
рачкѣ, соч. *Владими-*
ра Луганскаго, испе-
чена изъ ржаной Рус-
ской муки, и присы-
пана солью, но кажет-
ся, не пересолена. Хо-
тѣлось бы мнѣ пора-
спроситъ о со-
чиненіяхъ сего рода,
но теперь не мѣсто
и не время. Между
пѣмъ я увѣренъ, что
многіе и многіе чи-
татели *Новоселья* про-
чипаютъ *Емелью* съ

сказки, причемъ не-
рѣдко изъ необрабо-
таннаго куска золо-
та, намъ выдѣлыва-
ютъ красивый пер-
спенекъ. Мы не имѣ-
ли случая сказать свое
мнѣніе о прежнихъ
сказкахъ Луганскаго,
и поэтому скажемъ его
подробнѣе о новой.
Въ Русскихъ сказ-
кахъ вообще намъ
драгоценны: игривый
умъ, духъ народный
и языкъ. Но можно
ли поддѣлаться подъ
нихъ? Можно ли быть
подражателемъ въ умѣ
и въ языкѣ? Относи-
тельно перваго, ка-
жется и спорить
нечего; относительно
втораго, споры
современныхъ намъ
Французскихъ писа-
телей пояснили, что
возвратиться къ язы-
ку праотцевъ невоз-
можно. Но ни *Курье*,
ни *Сентъ-Бѣръ*, ни
Викторъ Гюго, самые
ревностные и дарови-
тые поборники спа-
риннаго языка, не по-
дражали ему такъ,
какъ нашъ казакъ *Лу-*
ганскій: ибо такое по-
дражаніе есть усиліе,
на которое не спа-
нетъ ни какого да-
рованія: непременно
впадете въ пошлость,
въ неестественность—
слѣдственно, просто
упадете! Сверхъ по-
го, что естественно
и даже прелестно въ
природѣ: то почти

удовольствіемъ, а это
главное.

всегда несносно и утомительно въ подражаніи; или давай-те просто природу, или пворите какъ художникъ. Русскія сказки предоставляютъ художнику руду неиспощимую; но слишкомъ безопчѣпно пользуется ею прекрасное дарованіе казака *Луганскаго*. Онъ хочеть представившися проспымъ рассказикомъ, мужичкомъ, со всѣми прибаутками и приговорками малограмотнаго казака. Для человѣка съ хорошею памянью, эпо слишкомъ легко, и слишкомъ ниже искусва. Не такъ долженъ пворить художникъ: онъ долженъ напишаться духомъ народнымъ, обогатить свой языкъ языкомъ сказокъ, и создавать свое. Иначе вы всегда будете ниже образцевъ своихъ: пбо всегда будете только подражателемъ по ращѣту, по мѣркѣ, а не по вдохновенію. Доказательствомъ сего можетъ служить и вновь изданная сказка *Луганскаго* о *Емелѣ дуррагѣ*. Какъ далеко просподушнѣе, игригѣе, поняннѣе она въ рассказѣ простаго мужичка, или даже въ рассказѣ подѣ лубочными карпинками! Впрочемъ, отдаёмъ

всю справедливоспъ начипанности и памяни казака *Луганскаго*: онъ узналъ про спонародіе Русское до дна, и конечно дарованіемъ своимъ явишъ намъ его въ новыхъ, современныхъ, доспойныхъ искусства формахъ.

8.

Наконецъ, встрѣчается имя и господина *Булгарина*. Онъ напечаталъ въ *Новосельѣ* двѣ спашы: *Омаръ и просвѣщеніе*, и *Ничто, или альманачная статейка о ничемъ*. *Г. Булгаринъ* неизмѣненъ: онъ вездѣ гонитъ злоупотребленія, пороки, слабоспи и прославляетъ прямодушіе, добродѣтели, геройспво. Иногда эпо можно почеспъ односторонноспью: ибо надобно вспомнишъ, что правоученія не у мѣспа въ произведеніяхъ изящной словесности, которою исключительно занимается г. *Булгаринъ*. Но шѣмъ не менѣе эпо дѣлаетъ честь сердцу автора.

Особенно въ *Ничто* г. *Булгаринъ*, какъ говорится, *выжилъ* весь! Въ эпой спашъ я узналъ бы автора безъ подписи.

8.

Омаръ и просвѣщеніе, соч. *Ө. В. Булгарина*. Въ сей спашѣ доспойно вниманія вступленіе, заключающее въ себѣ теорію пого, какъ пишется исторіа. Оспро и припомъ основательно. Жаль только, что *Омаръ* говоритъ у автора по умно, по глупо. Эпо, конечно, съ людьми бываетъ, но не такъ, какъ здѣсь, безъ повода и причины. Еслибъ *Омаръ* не былъ Магомепанинъ: по можно-бъ было заспавишъ его умно говоритъ по упру, а глупо послѣ обѣда, или на оборотѣ. Къ щаспю, глупоспи *Омара* искупаются многими умными и замысловапными сужденіями самаго автора.

Ничто, или альманачная статейка о ничемъ, соч. *Ө. В. Булгарина*. Объ эпой спашъ слѣдовадо бы сказать *ничего*, но въ ней не *ничто*, а *нѣтъ*

то: это юмористическая вспышка, или, что называютъ Французы une boutade. Авторъ ея жалуется на нынѣшнія распри и партіи въ литературѣ, и воспоминаеть о какомъ-то златомъ вѣкѣ, въ которомъ литераторы жили въ дружбѣ и ладу. Онъ не правъ, по моему мнѣнію: во первыхъ, эпопѣ вѣкъ не существовалъ никогда; всегда бывали ссоры, перебранки, объясненія между писателями, и быть сему иначе нельзя: въ непрерывныхъ взаимныхъ сношеніяхъ писателей, ежеминутно задѣвается слабѣйшая струна сердца человеческого—самолюбіе и звуки пылчя эпихъ струнъ производятъ всѣ *слыси* журналовъ и газетъ. Во вторыхъ, это сполкновеніе, это бореніе имѣеть и свою пользу: избави Боже, отъ безмолвія, отъ застоя въ литературѣ.

9.

Ровно за годъ до изданія сей книги, А. Ф. *Смирдинъ*, Петербургскій книгопродавецъ, пригласилъ почти всѣхъ литераторовъ къ себѣ на *новоселье*.—«Госпи-литераторы — говорилъ онъ — изъ особенной благосклонности ко-

Благодарю васъ за исправную присылку давножданнаго мною *Новоселья*, котораго я ожидалъ съ такимъ же припомъ неперпѣніемъ, съ какимъ собрался въ прошедшую осень поглядѣть на давнообъщанную комету. Но ко-

мнѣ, вызвались, по предложенію В. А. *Жуковскаго*, подарить меня на *новоселье* каждый своимъ произведеніемъ, и вопѣ дары, коихъ часпѣ издаю нынѣ.»

Таково происхождение сей книги, замѣчательной по многимъ отношеніямъ. Конечно каждый изъ литераторовъ подарилъ добраго хозяина чѣмъ могъ лучше, и конечно г. *Смирдинъ* не оставилъ подѣспудомъ ничего лучшаго; слѣдовательно книга: *Новоселье*, можетъ служить обращикомъ нашей литературы, какъ плодъ соединенныхъ прудовъ почти всѣхъ извѣстныхъ литераторовъ *Русскихъ*. Съ сей точки зрѣнія она получаетъ особенную занимательность и заслуживаетъ все наше вниманіе. Она пробудила въ насъ нѣсколько мыслей, и мы постараемся дать въ нихъ опчѣпъ, по возможности полный.

Точно, литература наша вся въ эпои книгѣ, со всѣми знаменитыми именами, со всѣми недостатками и достоинствами, со всею щепетильностью и безхарактерностью своею — и, прибавимъ къ сожа-

мѣпа не соотвѣтствовала моимъ ожиданіямъ. Я надѣялся увидѣть лучезарное свѣпило, подобное тому, которое въ юности моей, въ 1811-мъ году, спрашило и увеселяло меня въ ясныя ночи; вмѣсто того, новая комета подвилась въ такомъ маломъ форматѣ, что мы, зрители; не вооруженные двадцатифутовыми телескопами, не могли её замѣпить. Съ *Новосельемъ* случилось совершенно противоположное. Я ждалъ альманаха, п. е. маленькой, щцедушной книжечки, въ тѣсномъ переплетѣ, въ золотомъ обрѣзѣ, съ узенькими полями, съ извиненіемъ, что гравѣръ и литографъ не успѣли кончить заказной имъ работы къ сроку,—получилъ дорогую книжицу, въ большую осьмушку, напечатанную роскошно, чѣпко, великолѣпно, съ полями шире пропопопской шляпы, съ гравюрами, какихъ мы не привыкли видѣть при *Русскихъ* изданіяхъ, наполненную спашьями, свидѣпельствующими, что наши отечественные писатели, вопреки общей о нихъ молвѣ, умѣютъ сдержать свое слово. Спасибо и имъ, и вамъ

лѣнію — съ безнадежно-
ностью на будущее!
Кромѣ немногихъ ,
уединенныхъ именъ,
не блистающихъ на
литературномъ пор-
жистѣ современной
Руси, почти всѣ ли-
тераторы шли къ А.
Ф. Смирдину съ да-
рами своими, и соспа-
вили книгу, предспа-
вительницу своихъ
дарованій. Что же
представляетъ намъ
эта книга?

(А. Ф. Смирдину). *Новоселье* ваше не альма-
нахъ, повпоряю я, и
содержаніемъ своимъ.
Если можно продол-
жать прежнее срав-
неніе: по скажу, что
альманахи наши суть
испінныя кометы ли-
тературныя: являют-
ся неожиданно изъ
туманныхъ полостей
беззвѣднаго неба, рѣд-
ко въ урочное время,
обыкновенно гораздо
позже, нежели обеща-
но аспрономомъ и,
поблиставъ нѣсколь-
ко дней, исчезаютъ
или навѣки, или до
второго пришествія.
Если принять гипотезу,
которою силят-
ся доказать, что ко-
меты обитаемы: то
конечно жилили ихъ
подобны статьямъ на-
шихъ альманаховъ:
выдержки, опривки
изъ цѣльныхъ су-
ществъ, образки не
рожденныхъ твореній,
и самыя кометы, суть
не всегда удачныя по-
пытки будущихъ пла-
неть. И въ этомъ от-
ношеніи *Новоселье* бе-
ретъ верхъ надъ ними:
оно соспошиъ (за ис-
ключеніемъ одной
спашьи прозаической
и двухъ спихопворе-
ній) изъ существъ
полныхъ, имѣющихъ
и начало и конецъ,
говоря по торговому,
изъ кусковъ или ку-
сочковъ цѣльныхъ, а
не образчиковъ.

10.

Мы исчислили все.
Рука успала при
эпомъ исчисленіи,
такъ же, какъ успа-
ло вниманіе наше, ко-
гда мы читали книгу.
Не такъ ли устаеиъ
и вниманіе наблюда-
теля нашей словесно-
сти, при неблагодар-
номъ прудѣ его? Бѣд-
ная словесность!... И
такъ, соединенныя
силы почти всѣхъ пи-
сателей Русскихъ
произвели не болѣе,
нелучше? Признаюсь,
это могло бы приве-
сти въ опчаяніе, если
бы мы не знали, что
при настоящемъ со-
сполніи умовъ и не-
льзя было ожидать ни-
чего лучшаго. У насъ
литература суще-
спвуешъ для публи-
ки, для читателей, а
не для писателей, ко-
торыхъ такъ мало,
что и соединенныя
ихъ силы не могутъ
создать ничего бле-
спящаго, не только
огромнаго. Много
лѣтъ наблюдая ходъ
литературы нашей,
мы въ правѣ сказаиъ,
что одна публика
есть у насъ творецъ
посильнаго движенія
въ литературу, а соб-
спвенно литерато-
ровъ нѣтъ, ибо нѣ-
сколько исключеній
не доказываютъ ни-
чего. Правда, книгъ
выходитъ довольно;
нѣсколько журналовъ

10.

Вопъ, кажется, я
высказалъ мнѣніе свое
обо всѣхъ спашьяхъ
Новоселья, или, по
крайней мѣрѣ, сооб-
щилъ вамъ, какое онъ
произвели на меня
впечатлѣніе. Чпожь
пещерь выведсти вооб-
ще обо всей книгѣ?
Итогъ слѣдующій:
Новоселье представ-
ляетъ читающей Рус-
ской публикѣ разно-
образное собраніе ста-
пей неровнаго липе-
ратурнаго достоин-
ства, но вообще до-
спойныхъ болѣе или
менѣе вниманія люби-
телей отечественной
словесности, и мо-
жеиъ, по справедли-
вости, назваться *луч-
шимъ* изъ нынѣшнихъ
Русскихъ альмана-
ховъ, или сборниковъ.

влачатъ печальную жизнь; но что за книги выходятъ, и что за жизнь въ нашихъ журналахъ, наполняемыхъ по большей части спашьями переводными! Изъ книгъ едвали десятокъ въ годъ насчитаете дѣльныхъ, хорошихъ; оспальное все или переводы, или такія произведенія, о которыхъ говорить совѣстно. Только въ публикѣ замѣтна жизнь либературная, и она-то дозволяетъ книгопродавцамъ печатать книги, а журналистамъ угощать своихъ читателей скромною прапезою. Иногда можно подумать, что у насъ есть либература, есть какое-то движеніе. И точно есть стремленіе въ литературѣ, которое поддерживается чтеніемъ иностранныхъ книгъ; но писателей Русскихъ нѣтъ. Петербургъ почитаютъ у насъ нынѣ средоточіемъ образованности — и справедливо; но много ли въ Петербургѣ образованныхъ людей, которые не заняты службою, свѣтомъ, или промышленностью во всѣхъ видахъ? Кто же будетъ писателемъ? У кого есть досугъ для безкорыстнаго труда писателя.

Не обвиняемъ никого въ безжизненности нашей либературы, по причинѣ самой сильной: обвинять некого! Пусть попъ, кто не знаетъ Россіи, кто не посвященъ въ тайнства нашей либературной механики, кто не вникалъ въ окружающія его обстоятельства, пусть попъ дивился эпой безжизненности. Концерпы аматёровъ давно вошли въ пословицу; но Русскіе либераторы почти всѣ аматёры, а не арписпы по призванію внутреннему, или по силѣ обстоятельствъ.

По сему не дивись, что концертъ, данный ими А. Ф. *Смирдину*, иногда гремитъ и противъ теоріи искусства и противъ исполненія: его разыгрывали не художники, а любители, для которыхъ либература есть мимолетное, пріятное и довольно веселое занятіе.

Отъ Издателя Лип. Прибавленій.

Къ чему прибѣгнуть должно, видя, что два человека упрямо спорятъ между собою и никакъ не хотятъ согласиться между собою? Надобно призвать третьяго, непристрастнаго, знающаго хорошо тотъ предметъ, за который споръ происходитъ. Мы то и сдѣлаемъ въ слѣдующемъ листкѣ *Литературныхъ Прибавленій*.

(Продолженіе въ слѣд. листкѣ.)

СТИХОТВОРЕНІЯ.

ПРОЩАНІЕ.

Прощи, Марія! Богъ съ побою,
 Не умножай моей шоски;
 Я, можетъ бышь, швоей руки,
 Тебя я, можетъ бышь, не спою. . .
 Но дай воскреснушь къ жизни вновь;
 О, будь къ спрадальцу благошворной,
 И жалосью копя припшворной
 Ты усади мою любовь!
 И шо мнѣ будешъ ушѣшеньемъ,
 И шѣмъ доволенъ буду я,
 Чшо наградишя спрасшь моя
 Хошя минушнымъ сожалѣньемъ.

А. Крещицкиъ.

ВЪ АЛБОМЪ

Двищиъ, парисовавшей въ нелъ цвѣтокъ.

Съ душею ангельской, какъ небо чистой, ясной,
 Для щасшя швоихъ друзей,
 Цвѣщи всегда, какъ сей цвѣпокъ прекрасной,
 Рукою милою написанный швоей.

П—въ.

ENIGME.

Si je n'ai pas des plus brillans carrosses
 Et la richesse et l'ornement,
 De me voir conduit par des rosses
 Je n'ai pas le désagrément.
 D'un sort peu favorable éprouvant la secousse,
 Mon maître cependant me soutient et me pousse;
 Avec moi l'on ne peut agir plus poliment,
 Il me suit par derrière, et je suis par devant.

Въ No 67, помѣщенная шарада значить: *Бор-ода.*

MODÈS.

Il faut croire que nos grands pères avaient bien bon goût puisque nous reprenons ainsi toutes leurs

modes; non-seulement une femme se pare avec l'antique grande-robe de son aïeule, mais elle s'entoure des meubles à son usage.

Il y a deux ou trois ans, vous admiriez les magasins de *Lesage*, de *Vachez*, de *Vervelle*; ils s'occupaient de nouveautés, et c'était un mérite à vos yeux. Aujourd'hui ce n'est plus cela. Le *nouveau* c'est l'*ancien*. La mode, s'est un secrétaire en palissandre bien noir, bien sévère, d'une forme lourde (car il faut bien en convenir, nos grands pères n'étaient pas légers du tout); c'est un haut fauteuil vraiment gothique à bois tournés en spirale, et couvert en velours ou en tapisserie. Ce sont des toilettes à travail, et divisées en mille compartimens, fort commodes à la vérité, et dont les pieds sont enchâssés dans des sabots de cuivre, dorés, à serrures pareilles.

Aujourd'hui donc, on ne cherche pas la mode chez les marchands de nouveautés, mais chez les *antiquaires*.

МОДЫ.

Надо полагашь, что дѣды наши имѣли очень хороший вкусъ, когда мы такъ принимаемъ за всѣ ихъ моды; не только дамы наряжаются изъ гардеробовъ своихъ прабабушекъ, но окружаюшь себя и мебельми, копорыя онѣ употребили.

Два или три года шому назадъ, вы удивлялись магазинамъ *Lesage*, *Vachez*, *Vervelle*; они занимались новостями, и эшо было достоинство въ нашихъ глазахъ. Теперь не шо. *Новое* эшо *старинное*. Мода, эшо бюро изъ дерева палиссандръ весьма чѣрнаго, весьма мрачнаго, тяжелой формы (надо соглашиться, что дѣды наши совсемъ не были *легки*); эшо высокія креслы, совершенно спаринныя, изъ дерева, выпоченнаго спирально, и облянушы бархатомъ или шпалерами; эшо шуалелы, раздѣленные на пысячу опдѣлений, весьма удобные, по правдѣ, ножки обдѣланы мѣдными вызолоченными скобками, замкы шакіе же.

И такъ, нынѣ моду ищущъ не у продавцевъ новоспей, а у антикваріевъ.

При No 65-мъ сей газеты роздана прибавочная картинка No 2, на ней изображены: 1) дѣпская кровашъ и 2) барселонетка.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

ТРЕТІЙ ГОДЪ.

Выходитъ
по Средамъ и
Субботамъ.

№ 69.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 104 №,
съ 56-ю картинками модъ,
въ С. П. б. 50, съ до-
спавкою и пересылкою
35 рублей.

СРЕДА, АВГУСТА 30 ДНЯ, 1853 ГОДА.

Коль съшь однимъ—на что при блюда?

Коль ешь кашпанъ — на что ихъ пашь?

Къ чему попребна денегъ груда?

Умрешь—съ собой вишь ихъ не възшь.

Князь Долгорукій.

П Л А К С А.

И МОИ МЫСЛИ О КНИГѢ *НОВОСЕЛЪЕ*,

изданной книгопродавцемъ А. Ф. Смирдинымъ въ Санктпетербургъ—1833—съ виньетками и картинками.

(Продолженіе.)

«Съ истиннымъ удовольствіемъ исполняемъ мы пріятную обязанность обративъ вниманіе нашихъ читателей на новое собраніе статей въ прозѣ и стихахъ, изданное, подъ названіемъ *Новоселья*, книгопродавцемъ А. Ф. Смирдинымъ;» говорятъ издатели *Journal de St. Pétersbourg*. «Двадцать семь липераторовъ участвовали въ семъ собраніи, и принесли почтенному издателю дань трудовъ своихъ, на память перемѣщенія библіотеки чтенія и книжнаго магазина его въ домъ Люперанской церкви св. Петра. Имена *Пушкина*, *Жуковскаго*, *Гильдига*, князя *Вяземскаго*, *Крылова*, *Козлова*, какъ поэтовъ, и *Греча*, *Булгарина*, *Панаева*, *Сенковскаго* и пр., какъ прозаиковъ, заранѣе ружались за успѣхъ сего изданія. Мы жалѣемъ,

что не можемъ удовлетворить любопытству публики, назвавъ пѣхъ липераторовъ, которые, изъ скромности, уклоняясь отъ справедливыхъ похвалъ критики, выставили вымышленныя имена барона *Врамбеуса* и казака *Луганскаго* подъ нѣкоторыми прозаическими статьями, заслуживающими особенное вниманіе читателей.

Вообще, стихи и проза сего сборника, достойно оправдываютъ блистательную извѣстность, пріобрѣтенную ихъ сочинителями.—В. А. *Жуковский* подарилъ насъ прелестною *Сказкою о царѣ Берендѣ*, могущею служивъ новымъ доводомъ противъ мнѣнія пѣхъ, которые отказываютъ Русскому языку въ гекзаметръ. Разумѣется, что это новое стихотвореніе *Жуковскаго* не навлекаетъ на себя упрека въ напыщенности, въ которой привыкли обвинять Русскій гекзаметръ. Напротивъ, рѣдко удастся слышать столь легкую и прелестную мелодію нашего языка. Въ семъ народномъ преданіи, въ сей совершенно національной сказкѣ, находишь всю простоту древней словесности, хотя *Сказка о царѣ Берендѣ* и не прина-

длежишь къ числу пѣхъ высокихъ эпическихъ сценъ, которыя такъ долго почитались единственнымъ поприщемъ, доступнымъ для Русскаго гекзаметра. Переводчикъ *Аббадо-ни* доказываетъ симъ изящнымъ, новымъ произведеніемъ, исполненнымъ духа народности и того простодушія, которое отличаетъ младенчество народовъ, что Русскій языкъ съ выгодою можетъ обогатиться всеми возможными метрами. Мы такъ долго были приучены къ однообразному ямбическому размѣру, слухъ нашъ такъ привыкъ находить на концѣ стиха звонкую риму, что услышавъ бѣлый стихъ, или гекзаметръ, не представлявшій намъ созвучія, мы были поражены какъ-бы невѣдомыми звуками. Эпому причиною наши первые писатели, которые, вмѣсто того, чтобы знакомиться съ духомъ Русскаго языка и искать образцевъ въ нашихъ старинныхъ сказкахъ и народныхъ пѣсняхъ, заимствовали ихъ у иноземцевъ. Новый *Ронзаръ—Тредьяковский*, коверкалъ Русскій языкъ, чтобы подчинить его Латинскимъ формамъ. Даже *Ломоносовъ* и *Державинъ* (*), можетъ быть, слишкомъ придерживались формъ, принятыхъ современниками ихъ стихосложенія, и гений ихъ не рѣшился сбросить съ себя узы, которыми предразсудки опутывали лирическую поэму того времени. Вотъ отъ чего мы видимъ въ стихахъ ихъ тѣ усѣченія, и иногда запутанные обороты, которыхъ никогда не встрѣчаемъ въ старинныхъ народныхъ стихотвореніяхъ.

А. С. Пушкинъ имѣлъ, по видимому, ту же цѣль, какъ и *Жуковский*. Его предельный рассказъ: *Домикъ въ Коломнѣ*, написанъ октавами съ римами, по образцу Италіанцевъ. Это почти первый опытъ въ стихахъ сего рода на Русскомъ языкѣ. Всегда веселый и шутливый, любезный поэтъ и въ эпозѣ новымъ произведеніемъ своего паланта являетъ намъ ту предель, легкость и плав-

ность стихосложенія, которыя составляютъ отличительное его свойство. Вымыслъ сего разсказа милъ и забавенъ.

Одна вдова, дочь ея и старая *стряпуха* ихъ живутъ въ домикѣ въ Коломнѣ. Поэтъ вспоминаетъ, что онъ не разъ видалъ подъ окномъ эпои смиренной лачужки, мѣсто коей давно уже заступили огромныя палаты, красавицу *Парашу*, которая, по вечерамъ, любила смотрѣть на луну, а можетъ быть и прельщаться черноусыми гвардейцами, часно проѣзжавшими мимо ея оконъ. Сдѣлало ли сердце *Парашы* выборъ между сими любимцами *Марса*, поэтъ намъ того не сказываетъ. Случилось однажды, что старая стряпуха занемогла и умерла. Всѣ въ домѣ чистосердечно объ ней жалѣли, но всѣхъ болѣе копъ Васька. Между тѣмъ нельзя же было оставаться безъ кухарки; пришлось подумать о замѣнѣ покойницы. Въ одинъ вечеръ вдовушка кличетъ дочь и говоритъ ей: «*Параша*, свѣдай у сосѣдки, не знаетъ ли она гдѣ взять кухарку?— Дешевыя такъ рѣдки,» прибавляетъ спарушка.— Освѣдомлюсь, маменька,— отвѣчаетъ пригожая *Параша*, и поспѣшь уходитъ изъ дома. Кажется, исканія ея были не напрасны, ибо она воротилась, ведя за собою высокую дѣвушку, недурную собою, но немного робкую, которая прижалась въ уголъ, опустивъ глаза и перебирая концы своего фаршука. Скромные опыты ея полюбились вдовѣ, и новая кухарка вступила въ исполненіе своей должности.

Въ слѣдующее воскресенье, *Параша* съ матерью пошла къ обѣднѣ, а кухарка осталась дома. Въ церкви вдругъ незъяснимый страхъ овладѣлъ вдовою. Ей пришло въ голову, что кухарка осталась не за чѣмъ больше, какъ съ намѣреніемъ обокрасть еѣ. Будучи не въ состояніи преодолѣть своего безпокойства, она выходитъ изъ церкви, бѣжитъ домой, входитъ, и чтоже представляется глазамъ ея?— Кухарка, чинно сядя передъ зеркальцемъ *Парашы*, и густо намыливъ бороду, брилась!... Спарушка не въ силахъ перенести эпого зрѣлища; она падаетъ на полъ, почти безъ чувствъ, а ку-

(*) Мы не согласны съ симъ мнѣніемъ: *Державинъ* испыталъ почти всѣ возможные на Россійскомъ языкѣ метры, кромѣ октавы и гекзаметровъ. Справедливо можно обвинить въ эпозѣ *Крылова*, *Дмитріева* и *Богдановича*.—В.

харка перепрыгиваетъ черезъ неё въ сѣни, на крыльцо и убѣгаетъ. Послѣ обѣдни приходилъ молодой *Параша* и видитъ мать свою въ ужасной превогѣ; она хочетъ добиться, что случилось, и спрашиваетъ между прочимъ:

«Да гдѣ-жь *Мавруша?*» — Ахъ, она разбойникъ!
Она здѣсь брилась!... точно мой покойникъ! —

опвѣчала вдова.

Предоставляемъ читателямъ самимъ судить о вымыслѣ сего стихотворенія, основу котораго мы имъ передали въ краткомъ очеркѣ. Скажемъ еще нѣсколько словъ объ изложеніи онаго.

Довольно длинное введеніе предшесвуетъ сему разсказу, но нельзя упрекать за это автора, который умѣлъ сдѣлать свое введеніе занимательнымъ и приятнымъ не менѣе самаго повѣствованія. Онъ обращается къ стихамъ своимъ; чепыреспонный ямбъ падоль ему: имъ пишеть всякой; онъ давно хотѣлъ приняться за октаву. Теперь онъ приспугаетъ къ этому: онъ дѣлаетъ воззваніе къ стихамъ своимъ, командуетъ ими по военному, какъ солдатами:

Ну, женскіе и мужскіе слогі!
Благословясь, попробуемъ: слушай!
Ровнайшесь, вытягивайше ноги
И по шри врьдъ въ октаву заѣжай!

И длинное введеніе, которое, нѣкоторымъ образомъ, могло бы почестъся недоспапкомъ, спановишся здѣсь красотою — ибо на немъ основывается заключеніе сей небольшой поэмы.

«Какъ!» спрашиваетъ читатель, когда авторъ кончилъ разсказъ свой:

«Развѣ все пущь? шумите!» — Ей Богу. —
«Такъ вопъ куда октавы насъ веди!
Къ чему-жь пакою подняли превогу!
Скликали рашъ и съ похвальбою шли?
Завидную-жь избрали вы дорогу!
Ужель иныхъ предметовъ не нашли?
Да нѣтъ ли хопъ у васъ правоученья?»
— Нѣтъ... или есть: минуточку перпѣнья...
Вопъ вамъ мораль: по мнѣнью моему,
Кухарку даромъ нанимать опасно;

Кто-жь родился мужчиною, тому
Рядиться въ юбку справно и напрасно:
Когда нибудь придется же ему
Брить бороду себѣ, что не согласно
Съ природой дамской... Больше ничего
Не выжмешь изъ разсказа моего. —

Мы сказали наше мнѣніе о двухъ самыхъ значительныхъ стихотвореніяхъ сей книги; добавимъ еще, что каждое изъ нихъ порознь могло бы любой альманахъ сдѣлать занимательнымъ и спующимъ прочтенія. *Новоселье*, кромѣ ихъ, представляетъ намъ много другихъ пьесъ, не менѣе заслуживающихъ вниманіе читателей.

Упомянемъ напередъ о стихотвореніяхъ князя *Вяземскаго*. Три (*) изъ нихъ: *Сновидѣніе*, *Къ старому гусару* и *Да, какъ-бы не такъ!* оправдываютъ славу, заслуженную у насъ ихъ авторомъ. Они исполнены огня и силы.

Стихи *Баратынскаго*, на смерть *Гёте*, служатъ *Новоселью* не послѣднимъ украшеніемъ. Поэтъ показалъ въ нихъ всеобщность того генія, котораго оплакиваетъ Германія. Онъ съ благородствомъ изобразилъ сей обширный и глубокий умъ, обшмавший всѣ предметы. Не плачьте надъ его могилою, говорилъ онъ, черепъ генія спалъ наслѣдьемъ червей, но геній сдѣлалъ довольно для славы; онъ сдѣлалъ довольно, чтобы оправдать творца, еслибъ даже жизнь наша и не простиралась за могилу.

Кольцо, *Баратынскаго* же, есть также стихотвореніе, по справедливости, достойное хвалы. Оно сдѣлало бы честь многимъ другимъ; но авторъ стиховъ на смерть *Гёте* даетъ намъ право быть къ нему болѣе спругими.

Кавказская быль, *Н. И. Гильдига*, пробудила въ насъ еще большее сожалѣніе о поэтѣ, недавно похищенномъ смертію. Русская литература долго будетъ чувствоватъ потерю писателя, который уже сдѣлалъ для

(*) Къ старому гусару — прекрасно; двѣ другія пьесы — посредственны. Публикъ надольи эти напѣвы à la *Garard*. — В.

неё столько своимъ превосходнымъ переводомъ *Илады*, и общалъ впередъ бытъ ей равно полезнымъ. *Кавказская быль* есть прогательный, справедливый разсказъ, разсказъ крапкій, но сильный, опличающійся прекрасными описаніями, которыя дышащъ чувствомъ и истиною.

Два стихотворные опривка: одинъ подъ заглавіемъ: *Михаилъ Никитичъ Романовъ*, г. *Лобанова*, переводчика *Федры* и *Ифигеніи*; другой изъ драматической поэмы, въ которой является *Петръ Великій*, г. *Погодина*, должны пѣмъ болѣе заслужить одобрение читателей, что они общающъ обогатить нашу литературу двумя новыми оригинальными драмами. По опривкамъ нельзя судить о цѣлхъ сочиненіяхъ (*), и попому мы ограничимся только немногими словами о достоинствѣ самыхъ стиховъ, и съ удовольствіемъ скажемъ, что въ семь опношеніи, оба опривка удовлетворяющъ пребваніямъ самой взыскапельной критики. Будемъ надѣяться, что гг. сочинители не опановятся на сихъ опривкахъ, и не заспаиващъ публику долго поминьясь неперпѣливымъ ожиданіемъ.

Два челнока, стихотвореніе *И. И. Козлова*, есть прекрасная аллегорія, хорошо выдержанная во всѣхъ своихъ частяхъ. Два челнока плывущъ по одной и той же рѣкѣ. Одинъ изъ нихъ, усыпанный цвѣтами, украшенный бѣлымъ парусомъ, быстро скользитъ по свѣплымъ волнамъ. Въ немъ сидитъ молодая красавица. Она воспѣваетъ свое щастье и лазурное небо, сілющее падъ нею, и природу, которая ей улыбается. Одно только опасеніе нарушаетъ ея блаженство. Она знаетъ, что въ рѣкѣ, тамъ, гдѣ она впадаетъ въ море, есть мрачная бездна, которой ей не миновать въ пути своемъ.

(*) Поминуйте, да у насъ вѣчно журналисты заключающъ по части о цѣломъ, по первой книжкѣ журнала о достоинствѣ всѣхъ опальныхъ книжекъ, по первому листу—о достоинствѣ и характерѣ газетъ, которой должно выпити въ годъ 100 или 200 нумеровъ. Это самый легкій способъ разбранить то сочиненіе, которое уронить желаютъ, и выславить негоднымъ, какую книгу или угодно.— В.

Другой челнокъ медленно разсѣкаетъ волны; на немъ вздымается черный парусъ; блѣдный спрадалецъ сидитъ въ немъ. И далеко слышенъ стонъ и жалобы нещасливца.

Какъ мнѣ ужасно плыть рѣкою!...

На берегахъ со всѣхъ споронъ

Угрюмый боръ передо мною,

И солнце въ тучахъ шмится днѣмъ,

А ночью мгла и страхъ кругомъ.

И преданъ я на вѣкъ поскѣ!...

Лишь мнѣ одно опрадно въ горѣ:

Есть бездна мрачная въ рѣкѣ,

Тамъ, гдѣ она впадаетъ въ море!...

Не спрашно мнѣ о томъ мечпашъ,

Что бездны намъ не миновать!—

И спремленье рѣки далеко уноситъ плывцовъ, и оба исчезаютъ въ мрачной безднѣ. Такова была и философія *Горація*.

Жаворонокъ, орелъ и поэтъ, стихотвореніе г. *Холлкова*, которое, не будучи облечено въ совершенно лирическую форму, возвышается до вдохновенія оды. Мысль онаго сильна и прекрасна, а выраженіе вполне достойно мысли.

Кончимъ разборъ стихотвореній *Новоселья* парюю словъ о басняхъ нашего добраго *Крылова*. Пящъ новыхъ басенъ помѣщено въ семь изданіи. Всѣ они достойны нашего баснописца, но преимущественно одна *Бѣлка* заслуживаетъ, по мнѣнію нашему, полное одобрение критики. Другія, не будучи равно оригинальны, опъ того не менѣ прелесны. Радостно видѣть, что одинъ изъ лучшихъ нашихъ поэтовъ, не довольствуясь заслуженною славою, не переспаетъ прудиться для чести Русской литературы.

(Продолженіе въ слѣд. листкѣ.)

ПРЕКРАСНЫЙ ПОЛЬ.

Въ одномъ обществѣ играли въ вопросы и опвѣпы. Сдѣланъ вопросъ: какое сходство между женщиною и паркетомъ? Тотъ, кому онъ достался на рѣшеніе, опвѣчалъ: *И то и другое—прекрасный полъ.*

КОРОТКО, ДА ЯСНО.

«Посылаю вамъ четвертый томъ *Клятвы при гробѣ Господнемъ*;» пишетъ ко мнѣ *Китайкинъ*: «онъ мнѣ доставилъ только одно удовольствіе — возвратилъ вамъ его въ цѣлости.»

СЛОВЕСНОСТЬ.

ГОСНАЙ.

(Происшествіе 1793 года).

Бываютъ дни, когда смерть кажется прекрасною, подобно земной ночи, усыпанной звѣздами,—бываютъ души, которыхъ, въ горестное время, существованіе тяготитъ, какъ злодѣйство.

Франсуа *Госнай*, фурьеръ Бергинскаго гусарскаго полка, заслужилъ любовь своихъ начальниковъ и товарищей. Онъ былъ исправенъ по службѣ, веселъ и оспроуменъ въ обществѣ. Никто лучше его не умѣлъ разсказами смѣшить своихъ товарищей; опкровенная веселость появлялась на всѣхъ лицахъ и хохотъ раздавался повсюду. Впрочемъ, безпечный и припомъ не ревнивый, какъ и прочіе воины того времени, *Госнай* не былъ поборникомъ буйнаго народнаго правленія: его познанія ограничивались исполненіями нѣкоторыхъ неважныхъ обязанностей. Онъ не игралъ важной роли въ клубѣ, хотя и могъ забавлять общество своимъ оспроуменіемъ. Однажды слышали, какъ язвительно опускалъ онъ каламбуры на щепъ своего сосѣда чебопаря, который за свой буйный патриотизмъ назначенъ былъ президентомъ Якобинскаго клуба, заведенномъ въ семь маленькомъ мѣстечкѣ въ подражаніе Парижскому. *Госнай*, сынъ бѣднаго столяра изъ Шалона при Саонѣ, былъ аристократомъ. Чебопарь, находясь въ званіи народнаго представителя, находилъ весьма неумѣстными его насмѣшки, и донесъ на него членамъ клуба, какъ на заговорщика и оскорбителя народныхъ правъ; къ счастью, Бергинскій полкъ долженъ былъ въ это время выступить съ кватирь.

Капитанъ *Госнай*, въ помъ же полку находившійся, былъ спарый служивый, сражавшійся еще въ семидѣтиую войну; за славные свои подвиги получилъ онъ капитанскій чинъ и крестъ. Капитанъ съ неудовольствіемъ смотрѣлъ на всѣ переменныя дѣлаемые преобразованіями въ его отечествѣ и въ арміи; а болѣе всего ему не нравился новый покррой мундировъ. Къ Франсуа *Госнаю* пипалъ онъ родительскую любовь, хотя, кромѣ одинакаго прозванія, никакое родство не связывало ихъ между собою. Не разъ, вопреки своей до безумія страсти къ дисциплинѣ, ему случалось, сядя за столомъ наединѣ съ своимъ фурьеромъ, опорожнить кружку пива. Въ то время, часто, когда сѣдые усы его купались на два пальца въ пивѣ, онъ держалъ кружку у рта, со вниманіемъ слушая молодого оратора, который разсказывалъ, какъ національная ихъ гвардія заходила въ поль-оборота на право и спрѣляла повзводно. Тутъ капитанъ обыкновенно улыбался, — но улыбка сія, какъ молнія, исчезала съ смуглаго его лица, и грубая Нѣмецкая поговорка заключала ихъ бесѣду.

Однажды Франсуа *Госнаю* вѣрно было явиться къ капитану, который въ это время былъ такъ задумчивъ и угрюмъ, какъ его не видавали такимъ съ тѣхъ поръ, какъ вышло несчастное приказаніе о переѣнн формъ гусарскихъ сѣделъ. — «*Франсуа*, скажь онъ ему: любишь ли ты меня?»—Люблю, капитанъ!—«Такъ ты опсправился со мною?»—Хоть на край свѣта, капитанъ.—«Ну, сѣдай же лошадей и привяжи вьюки: чпобъ чрезъ десять минутъ все было готово.»

Въ задумчивости и молча, они выѣхали на большую дорогу и скоро переправились за границу. Большая часть Бергинскихъ гусаръ послѣдовали за ними. Опдѣльными взводами они увеличили маленькую армію, собравшуюся въ Кобленцѣ. Ужасное происшествіе 10-го Августа принудило ихъ рѣшиться на освобожденіе своего короля. Но въ какомъ уголкѣ Франціи великодушное сіе предпріятіе могло тогда избѣгнуть казни? Франсуа *Госнай* сражался храбро; каждый изъ Бергинскихъ гусаръ презиралъ смерть; но

его мужественное хладнокровіе въ бѣдѣхъ имѣло что-то сверхъ-естественное. Наконецъ его произвели въ офицеры,—и это была послѣдняя радость для стараго капитана!—Раненый смертельно, онъ попрепалъ рукою по золотому эполету молодого своего повариха, обнялъ его и умеръ съ веселою улыбкою на устахъ!—Военныя дѣйствія кончились—и *Госснаю* захотѣлось возвратиться въ отечество. Ему не мудрено было скрыть свое новое званіе; но что могло тогда избѣгнуть отъ пронизательнаго взора шпионовъ и донощиковъ? *Франсуа* схваченъ, какъ эмигрантъ, и заключенъ въ темницу.

Узники содержались въ обширныхъ залахъ, которыя были свидѣтельницами Сенябрскихъ убійствъ: крупныя капли крови, сохранившія всю свою свѣжесть отъ сырости, представляли красныя арабески на стѣнахъ и напольныхъ плиткахъ и напоминали симъ несчастнымъ объ ихъ участи.

Госснай былъ веселъ въ темницѣ: никогда сіи своды не вмѣщали въ себя такого веселаго лица! Окружающіе его съ участіемъ жалѣли о его молодыхъ лѣтахъ, любовались благороднымъ обращеніемъ, и оплакивали его участь;—а онъ—онъ улыбался—насмѣшивалъ свой старыи маршъ, и разсуждалъ о смерти менѣе философически, но безпечнѣе, нежели *Сократъ*!

Всѣхъ болѣе приняла въ немъ участіе одна молодая дѣвушка. Чрезъ мольбы и слѣзы получила она позволеніе отъ тюремщика раздѣлять заключеніе своего дяди, дряхлаго старика, присужденнаго къ казни за подозрѣніе въ сообществѣ съ заговорщиками. Каждый день, по три и по четыре часа проводила она вмѣстѣ съ молодымъ *Франсуа*. *Генриетта* всею душою желала бы его увидѣть, облегчить несчастную его участь, оживить въ немъ надежду,—но сама нуждалась въ надеждѣ и утѣшеніи. Въ тюрьмѣ любовь скоро родилась. *Генриетта* была красавица: она имѣла большіе черные глаза, прекрасныя каштановыя волосы и очаровательную осанку; душа соотвѣтствовала ея лицу. *Госснай* не остался равнодушенъ ко всѣмъ ея попеченіямъ... а она... съ какою

радостію опдала бы она жизнь свою за душю человѣка, ею обожаемаго!... Она питала надежду—а въ 18 лѣтъ кого надежды не подкрѣпляютъ! Онъ же шутилъ, былъ веселъ,—но не отъ того, что надежда его обманывала.

«*Генриетта*, любишь ли ты меня?» однажды онъ спросилъ еѣ.—О другъ мой! всѣмъ сердцемъ!—«*Генриетта*, ты будешь моею женою.»—Женою?... твоею женою!... О, это счастье слишкомъ велико для меня.—Помошь они говорили о будущемъ хозяйствѣ, о свадьбѣ, о маленькомъ домикѣ, гдѣ они будутъ жить, и назначили имена будущимъ своимъ дѣтямъ. *Госснай* и *Генриетта* были внѣ себя отъ радости; ночь заспала ихъ въ этомъ пріятномъ разговорѣ, и грубый голосъ тюремщика принудилъ ихъ разлучиться. *Госснай* поцѣловалъ свою невѣсту, и они распались, упоенные любовію.

На другой день, когда *Франсуа* и *Генриетта* мечтали опять о будущемъ счастьи, вошелъ къ нимъ человѣкъ звѣрскаго вида, и молча, подалъ бумагу узнику.—«Что это за бумага, мой другъ?» спросила испуганная *Генриетта*.—Ничего! отвѣчалъ хладнокровно *Госснай*, прочитавъ еѣ. Трубка его была набила; онъ зажегъ бумагу и закурилъ ею, стараясь развеселить *Генриетту* своими воздушными замками. Когда они спали, прощались, то еслибъ лучъ солнца озарилъ его лице, она бы замѣтила слезу на его рѣсницѣ.—«До завтраго!»—сказали они оба—и распались.

На другой день они опять увидѣлись;—но гдѣ?—Бумага, которую съ презрѣніемъ сжегъ *Госснай*, была обвинительный его актъ. Его привели предъ-суровыхъ судей и допрашивали. Онъ признался и разсказалъ все подробно съ необыкновеннымъ хладнокровіемъ. Адвокатъ его вспалъ съ мѣся, и объявилъ, что обвиненный поперлъ расудокъ. *Госснай*, сурово взглянувъ на него, сказалъ: «напрощивъ, теперь еще менѣе, нежели когда нибудь!»—Адвокатъ спросилъ, и *Госснай*, схвативъ его за руку, сказалъ: «низкій лжець! я запрещаю тебѣ оправдывать меня!—Пусть ведутъ меня подъ гильотину!»

Сполько презрѣнія къ жизни вселило бы соспрананіе въ людяхъ; но *Дюма* и судья его были кровопійцы! Приговоръ прочтенъ— и *Госснэй* съ воспоргомъ выслушалъ его. Вдругъ пронзительные крики раздались въ толпѣ присутствующихъ, и приговоренный, обернувшись, сказалъ, указывая на небо: «*Henrietta!* памъ ты будешь моею женою!..» Это было послѣднее ихъ свиданіе.

Онъ весело проспился съ поварищами, копорымъ часъ смерти еще не пробилъ, и ободрялъ назначенныхъ раздѣлить съ нимъ равную участь. Стоя на пелѣгѣ, онъ глядѣлъ на народъ, который смѣялся его хладнокровію. «Подья пвари!» сказалъ онъ: «пойдете ли вы съ такимъ мужеспвомъ на смерть?» Прибывъ къ эшафоту, онъ послѣшно возшелъ на него, и вскричалъ: «наконецъ я доспигъ своей цѣли!»

А несчастная *Henrietta*? Что съ нею сдѣлалось? Не спанемъ эпаго допытывались!...

Ея спрананія были непродолжительны. Она скоро соединилась съ милымъ своимъ другомъ—и пеперь они навсегда неразлучны.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

ЖИЗНЬ АЗІАТЦА.

Безпечны Азіи сыны,
Безмолвно лѣпся шокъ ихъ жизни,
Лѣнливой нѣгой дышащъ дни,
Какъ знойный климатъ ихъ опчизны.
Въ прохладномъ сумракѣ садовъ,
Упившись запахомъ цвѣтновъ,
И дымомъ сладкаго кальяна,
Близъ шихо бьющаго фонтана,
Сидишь безъ дѣла цѣлый день
Востока сынъ празднлюбивый,
И услаждаешь прихотливо
Свою задумчивую лѣнь.
Спустился вечеръ благовонный,
Вольнѣе дышешь грудь земли,

Темпѣеть даль: надъ степью сонной
Зажглись небесные огни.

Во мглѣ вечерняго тумана,
Какъ пѣсія радостныхъ духовъ,
Звучишь незримаго Имана
Съ высокой башни громкій зовъ.
Порою, коѣ-гдѣ селенемъ
Раздастся пѣсія пош спраны,
Мѣшайся съ звучнымъ ударенемъ
Въ бассейнѣ плещущей волны...
Воспока мирныя пуспыни,
Какъ сладки пѣсни вашихъ дѣвъ,
Въ ухахъ моихъ звучишь донинѣ
Ихъ грустно-сладостный напѣвъ.
Но темно въ полѣ. Звездъ сіянье
Надъ нимъ и чисто и свѣтло;
Полночи свѣжее дыханье
На міръ забвенья навело.
Сынъ юга дремлетъ, упоенный
Подруги дивною красой,
И ласки жаромъ упоженный,
И рѣзвостью ея живой.

Такъ вѣчно важный, молчаливый,
Свой праздный вѣкъ проводишь онъ,
И сынъ Европы хлопотливый,
Ему и спраненъ и смѣшонъ.
Лишь изрѣдка въ сей вялой жизни
Его пробудишь брашнй гласъ,
Какъ будишь трепеть сердца въ насъ
Въ чужомъ краю напѣвъ опчизны.
Тогда, забывъ прекрасныхъ женъ,
Распоргнувъ цѣпи праздной нѣги,
Палачимъ вихремъ мчидся онъ
Чрезъ степи въ буйные набѣги;
Играешь огненнымъ копемъ,
Въ деревни вносишь испребленье,
И часто въ полѣ роковомъ
Поешь любовь и наслажденье
Надъ обезглавленнымъ врагомъ.
И въ лютомъ праздникѣ сраженій
Упившись кровью, мчидся вновь
Въ объащья женъ, на лоно лѣни.—

Такъ лѣпся жизнь швоихъ сыновъ
Востокъ, край чудныхъ воспоминаій!

Ты прожилъ длинный рядъ вѣковъ,
 И въ свой чередъ, на полъ брани
 Пшпомцевъ пущынь высылалъ.
 И бралъ съ Европы дальней дани,
 И грады въ пепель превращалъ.
 Но и понынѣ ты хранишь
 Завѣсь свяшой, первоначальный,
 И спариною дорожишь.
 Зрю всюду мѣръ Папприархальный:
 Цѣпь горъ, пущыни, по лугамъ
 Спада и шабуны спешные,
 И дѣпомъ сѣни кочевья,
 И звуки нѣсенъ по горамъ.
 Какъ плѣвникъ въ узахъ пробужденный,
 Душа поскуеешь—рвешся въ даль;
 Сперва ей грустно; сердцу жаль
 Полей Европы просвѣщенной;
 Но скоро мирной пишиной,
 Какъ въ зной дыханіемъ Зефира,
 Ты вновь миришь его съ собой,
 О колыбель народовъ міра!

N. N.

О М О Н И М Ъ.

Продѣта въ колесѣ дубовомъ,
 На почшовыхъ, на долгихъ я качусь,
 А на мѣху бобровомъ
 Сребристой бѣлизной горжусь.

Въ No 68, помѣщенная загадка значить: *Brouette*.

М О Д Е С.

Aussi voyez l'importance de mademoiselle *Delau-
 nay*. Le calme avec lequel elle vous dit: Cette armoi-
 re de lacque? 6,000 fr.; le fond est rouge, l'or est en
 bosse. Ce fauteuil de mélèze? 200 fr.; il est un peu
 vermoulu, mais il est solide, et je garantis sa date de
 construction. Ce vase de porcelaine, bon tout au plus
 à contenir un bouquet de violettes? 300 fr. C'est qu'il

vient des manufactures de Sèvres, et qu'il est en pâte
 molle.

Ensuite la mode est d'une telle camplaisance! De-
 puis qu'il est très-permis de se passer d'elle, elle a
 bien dû, la pauvre reine sans sujets, faire toutes les
 concessions qu'on en exigeait. Elle a des désirs, mais
 plus de volontés; elle n'a que des préférences, et ac-
 cepte tout.

Une chambre, un cabinet fashionables, sont plutôt
 un mélange de tous les goûts, une mosaïque de tous
 les genres, une encyclopédie de tous les temps, que
 l'assemblage des modes de ce temps. Le moyen-âge,
 le siècle dernier, se confondent avec l'époque du mo-
 ment, en observant cependant que ce qui date de 1800
 jusqu'à nous, étant regardé comme moderne, est ex-
 clus comme passé de mode; c'est trop près de nous
 pour conserver le mérite de l'antiquité et trop connu
 pour de la fantaisie.

М О Д Ы.

Посмотрите на важность, хладнокровіе г-жи
Delanay, съ какими она вамъ говоритъ: эпошь
 лаковый шкафъ? 6,000 фр.; грунть красный, зо-
 лото возвышенное. Эпи креслы изъ *мелезы*? 200
 фр.; они немкого попорчены, но прочны, и я
 ручаюсь за ихъ древность. Эпа фарфоровая ваза,
 годная развѣ только для букета фіалокъ? 300
 фр., потому что она Севрской мануфактуры,
 и сдѣлана изъ мягкаго состава.

Мода такъ теперь снисходительна! Съ тѣхъ
 поръ, какъ весьма позволено обходиться безъ неѣ,
 она должна была, бѣдная царица безъ подданныхъ,
 сдѣлать всѣ пребеуемыя уступки. Она имѣетъ
 желаніе въ предпочтеніи, а не волю, и на все со-
 гласна.

Модная комната, кабинетъ, болѣе смѣсь всѣхъ
 вкусовъ, мозаикъ всѣхъ родовъ, энциклопедія
 всѣхъ временъ, нежели собраніе пелерешныхъ
 модъ. Средній и прошедшій вѣка, сливаются съ
 наспоющею эпохою, замѣтя однакожь, что все,
 что извѣстно съ 1800 года до нашихъ временъ,
 какъ новое, исключается какъ вышедшее изъ моды;
 эпо слишкомъ близко къ намъ, чтобы имѣть до-
 стоинство спарины и слишкомъ извѣстно для
 прихотливаго.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

ТРЕТІЙ ГОДЪ.

Выходишь
по Средамъ и
Субботамъ.

№ 70.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 104 №, сь
36-ю картинками модъ,
въ С. П. б. 30, сь до-
ставкою и пересылкою
35 рублей.

СУББОТА, СЕНТЯБРЯ 2 ДНЯ 1833 ГОДА.

Бѣдные мы! Что нашъ умъ? Сквозь шуманъ озаряющій факель
Бурей гонимый нашъ челнъ по морю бѣдствій и слѣзь;
Щастіе наше въ невѣднѣи жалкомъ, въ мечпахъ и безумствѣ:
Свѣчку хватаешь дупля, юноша ищешь любви.

Баронъ Дельвицъ.

П Л А К С А.

И МОИ МЫСЛИ О КНИГѢ *НОВОСЕЛЪЕ*,

изданной книгопродавцемъ А. Ф. Смирди-
нымъ въ Санктпетербургѣ—1833—съ виньет-
ками и картинками.

(Продолженіе.)

«Говоря о стихотвореніяхъ *Новоселья*, намъ оспавалось полько опозвапьясь о нихъ съ похвалою,» продолжаютъ безприспраспные изданіи J. de St. Pétersbourg. «Даже пть изъ оныхъ, о коихъ мы вовсе не упомянули, никакъ не могутъ быть названы худыми, или слабыми; но мы, спѣсняемые предѣлами газетной спашпы, по неволѣ принуждены были выбирать и предспавить чпшпашелямъ полько разборъ стихотвореній, болѣе другихъ замѣчательныхъ. Теперь перейдемъ къ разбору спашпей прозаическихъ, копорый долженъ быть строже и обширнѣе, сообразно своему предмету. Не произнося напередъ приговора объ общемъ достоинствѣ сего сборника, спспараемся пред-

спавить справедливую и безприспраспную крипику, изложить наше мнѣніе въ томъ видѣ, въ какомъ оно родилось въ насъ, при внимательномъ чпеніи книги.

Мы уже замѣнили выше, что спашпы, подпсанныя вымышленнымъ именемъ барона *Брамбеуса*, заслуживаютъ особенное вниманіе чпшпашелей. Одна изъ нихъ называется *Незнакомкою*, другая *Большимъ выходомъ у Сатаны*. Иные, въ обѣихъ спашпяхъ сихъ, видѣли подражанія въ первой *Асмодею*, *Жанена* (книга *Ста одного*, томъ 1-й), а въ послѣдней *театру Сатаны*, *Бальзака*. Правда, что основная мысль первой спашпы довольно схожа съ мыслью *Жанена*, но весьма сомнишельно, чтобы она была ей подражаніемъ.

Также, какъ *Асмодей*, *Незнакомка* есть сапира, но *Асмодей* духъ ея, злобный и насмѣшливый демонъ, а *Незнакомки* ничто другое, какъ сапирическая книга, сапира, родившаяся въ концѣ XVII-го столѣтія, копорую авторъ надѣляетъ словомъ и мыслью. Памятникъ первыхъ дней царствованія *Пе-*

тра великаго, она была свидѣтельницаю великихъ перевороповъ, происшедшихъ въ столицѣ Россіи, и успѣховъ просвѣщенія оной. Истинная незнакомка для чинапелей, она исчисляеть свои качества и недоспапки, она хочеть сдѣлаться извѣсною, не называя себя, хочеть опредѣлить себя своими свойствами; она не принадлежитъ ни къ одному разряду тѣхъ существъ, о которыхъ она упоминаеть, но на всѣхъ ихъ похожа, всѣхъ ихъ качества соединяеть въ себя по немногу. «Она видѣла то, чего мы «не видали, и еще увидимъ многое, чего мы «уже не будемъ видѣть; видѣла тѣ времена, «когда густой, непроницаемый мракъ носилъ «ся надъ нашею Русью; была свидѣтельницаю, какъ онъ поспешенно прояснился, и, «безъ сомнѣнія, доживетъ до той минутой, «когда разсѣется совершенно. Не поропи- «спесь: это еще не скоро будетъ!...»

Далѣе, она приводитъ на память тѣ времена, которыхъ она была свидѣтельницаю, по обществу, которое родившись въ глазахъ ея, успунило мѣсто другимъ обществамъ, обществамъ оригинальнымъ, одареннымъ каждое своими особенными свойствами и слабостями, своимъ характеромъ, добродѣтелями и пороками; обществамъ юнымъ и сильнымъ, какъ всѣ тѣ, которыхъ слѣдуютъ непосредственно за великими полипическими переворопами, какъ всѣ тѣ, которыхъ родяпся съ обновленіемъ государствъ. Она современница всѣхъ сихъ обществъ; она слѣдовала за ихъ измѣненіями, за ихъ успѣхами; она рассказываетъ намъ ихъ исторію, и въ то же время исторію духа сапиры, духа, который родился вмѣстѣ съ ними, который служилъ имъ ангеломъ-хранителемъ. До сихъ поръ *Незнакомка* не разнится въ основной идеѣ съ *Асмоделемъ*, *Жанена*. Въ обѣихъ счастьяхъ сихъ мы находимъ исторію сапиры и общества, которое было свидѣтелемъ ея происхожденія.

Это составляетъ занимательнѣйшую часть *Незнакомки*. Окончивъ рассказъ свой, показавъ намъ общій характеръ всѣхъ эпохъ, слѣдовавшихъ за эпохою *Петра великаго*, она снова становится сапирою частною, са-

пирою, которая издѣвается уже надъ лицами, а не надъ народами. Она сама сапира, книга, но книга, одушевленная спраспями своего сочинителя, книга одаренная жизнью, гражданка въ государствѣ книгъ, споящихъ въ библиотекѣ *Смирдина*, которыхъ мы почитаемъ лишенными чувства и понятія, но которыхъ, точно также, какъ и мы, пользуемся жизнью, которыхъ, какъ скоро гаситъ кенкеты и люди уходятъ изъ библиотекъ, начинаюптъ хохотать, спорить, пересмѣивать сочинителей, чинапелей, передавать другъ другу дневныя свои замѣчанія. Тутъ незнакомка представляеть намъ образецъ того смутнаго шума, того гуспаго пумапа словъ и звуковъ, который ежедневно образуется въ библиотекѣ для чтенія; и ошривокъ сей составляетъ новую сапирю.

Таковъ предметъ *Незнакомки*, предметъ, естественнымъ образомъ раздѣляющийся на двѣ различныя части. Въ первой, какъ и въ *Асмоделѣ Жанена*, онъ обнимаетъ сапирю вообще; во второй становится сапирою болѣе частною, сапирою, нападающею на писателей, на сочиненія, на духъ времени, на родъ, господствующій въ литературѣ. Въ обѣихъ частяхъ *Незнакомка* произведеніе замѣчательное, но особенно первая изъ нихъ заслуживаетъ вниманіе. Она отличаетъ новымъ и вѣрнымъ взглядомъ, сильнымъ и яркимъ слогомъ, живыми и рѣзкими изображеніями. Однимъ словомъ, если *Незнакомка* и подражаніе *Асмоделю*, то подражаніе, едва ли уступающее подлиннику.

Большой выходъ у Сатаны есть общая сапира на нашу эпоху, въ которой всѣ спраспы, одушевляющія людей, олицетворены и представлены въ видѣ черпей. У Сатаны свой дворъ, свои министры, свои выходы. Сочинитель вводитъ насъ на одно изъ подобныхъ адскихъ торжествъ. По свидѣтельству папера *Бузенбаума*, Иезуитскаго Богослова и Философа, черти вспаюптъ около заката солнца, въ попѣ часть, когда въ Римѣ оппоютъ вечерню. Сатана просыпаеться и выходитъ въ пронную залу, имѣющую 99 верстъ вышины; въ *Отчественныхъ запискахъ* было сказано, будто она вышиною

въ 999 верспъ; но, прибавляетъ злой *Брамбеусъ*, Опечеспвленнымъ запискамъ ни въ чемъ,—даже и въ разсужденіи ада,—вѣршпъ не возможно.

Его мрачность садится на своемъ престолѣ. *Лукулль*, скончавшійся отъ обжорства, исправляетъ при дворѣ его должность оберъ-гофмейстера. Онъ самъ подаетъ Сапана завтракъ, состоящій изъ чистаго Смоленскаго дегтю съ кудороснымъ масломъ, которые замѣняютъ ему кофе со сливками; при этомъ подносятъ ему огромную сороковую бочку, наполненную сухарями. Сухари эти супъ не что иное, какъ книги, издаваемыя писателями нашей планеты. Сапана ежедневно испребляетъ ихъ ужасное количество; и надобно замѣнить, «что какъ скоро онъ съестъ какую нибудь книгу, «слава ея на землѣ вдругъ исчезаетъ, и люди забываютъ объ ея существованіи. Вотъ почему столько плодовъ авторскаго генія, «сначала пріобрѣтшихъ громкую извѣстность, впоследствии внезапно попадають съ совершенное забвеніе. Сапана выкушалъ сихъ съ своимъ кофе!...»

Потомъ, онъ обращается къ визирю своему, *Вельзевуоу*, и спрашиваетъ о дневной очереди. Визирь отвѣчаетъ, что въ попъ вечеръ должны докладывать ему оберъ-предсѣдатель мятежей и революцій, первый лордъ-дьяволъ журналистики, великій чортъ словесности и главноуправляющій супружескими дѣлами.

Доклады сихъ министровъ составляютъ главный предметъ спатъи. Мы жалѣемъ, что предѣлы нашей газеты не позволяютъ намъ хотя вкратцѣ изложить содержаніе сихъ докладовъ, испинной и ѣдкой сапиры на духъ и дѣла нашего времени.

Такъ какъ мы говоримъ о сапирѣ, то здѣсь кспати упомянуть о спатъи г. *Булгарина*: *Никто, или альманажная статейка о никель*. Это сапира, совершенно отличная отъ сапиры барона *Брамбеуса*. Авпоръ обращается отъ своего имени къ г. *Смирдину*, доказываетъ ему всю важность *Никого*, и разсуждаетъ о многочисленности приложений онаго въ свѣпъ. Онъ говоритъ потомъ объ

успѣхъ, который пріобрѣтають часто въ свѣпъ не совсѣмъ позволительными средствами, о гоненіяхъ, которые испытываютъ, желая исправлять порокъ и слѣдовать стезею добродѣтели; наконецъ, онъ какъ будто хочетъ увѣрить себя, что, дабы не казаться смѣшнымъ, надобно сдѣлаться эгоистомъ, несправедливымъ, и пр. и пр., онъ хочетъ освоиться съ этими правилами; пакая перемѣна трудна немного для его характера, но онъ надѣется, что со временемъ ему удастся къ ней привыкнутьъ, и п. п.

Не входя въ глубокой разборъ сей сапиры, которая, по большей части, сбивается съ принятаго направленія и впадаетъ въ преувеличенія, скажемъ только, что очень трудно сдѣлать занимательнымъ свое произведеніе, говорл въ немъ лишь о самомъ себѣ.

Воспоминанія, спатъи Н. И. *Грега*, безспорно, одна изъ занимательнѣйшихъ *Новоселья*, хотя сочинитель позже говоритъ въ ней о себѣ. Но разсказъ липератора, который передаетъ намъ обстоятельство, сопровождавшія его вступленіе на поприще, на коемъ онъ сдѣлался извѣстнымъ, превращеніи, имъ испытанныя, успѣхи, его ободрившіе,—можетъ ли быть не занимательнень? Припомъ, къ воспоминаніямъ о его молодости присоединяется воспоминаніе о двухъ липераторахъ (*Никольсколь* и *Крюковсколь*), опиятыхъ у Россіи преждевременною смертію; онъ зналъ ихъ, жилъ съ ними въ пѣсныхъ связяхъ; онъ разсказываетъ намъ ихъ исторію, и его повѣствованіе, простое и прогательное, какъ судьба генія, пожаатаго смертію, прежде нежели онъ успѣлъ совершенно развиться, есть одно изъ самыхъ любопытныхъ во всей книгѣ.

Упомянемъ еще объ историческихъ повѣспяхъ, напечатанныхъ въ семь издачіи. Ихъ три: *Раскольникъ*, *Панасова*; *Русскій Икаръ*, *Масальскаго*, и *Призракъ*, *Фѣдорова*.

Раскольникъ, повѣспъ изъ первой половины XVIII-го столѣтія, имѣетъ двойной инпересъ: романическій и историческій. Она знакомитъ насъ съ временемъ суевѣрій, съ которыми пакъ долго боролся геній великаго *Петра*; суевѣрій, опвергавшихъ всякое

нововведеніе, какъ дѣло, удобное Саманѣ. Слогъ сей повѣсти чистъ и пріятенъ; вообще, она заставляе насъ желать, чтобы сочиненіе, коего она составляетъ опрывокъ, скорѣе появилось въ свѣтъ, и весьма выгодно предупреждаетъ насъ въ его пользу.

Русскій Икаръ, повѣсть г. *Масальскаго*, написана съ пѣмъ достоинствомъ слога, которое отличаетъ сочинителя *Стрѣльцова*.

Съ удовольствіемъ можно прочесть *Призракъ*, Б. М. *Фѣдорова*, повѣсть, отличающуюся искусною завязкою и чистымъ, правильнымъ слогомъ.»

(*Ожиданіе въ слѣд. листкѣ.*)

И ВОЛЬТЕРЪ ПОПАЛЪ ВЪ ПРОСАКЪ.

Ядовитый *Фреронъ* безъ милосердія разбранилъ *Вольтеру* трагедію *Меропу*. Желая ошмстить ему, *Вольтеръ* напечаталъ сію трагедію со всею типографскою роскошью. На виньеткѣ изображенъ *осель, оцѣтывающій листь лавроваго дерева*.

Фреронъ въ періодическихъ листкахъ своихъ расхвалилъ изданіе и прибавилъ, что оно украшено *портретомъ автора*.

Сіе объявленіе до крайности оскорбило щекопливаго и щеславнаго автора *Меропы*: онъ за дорогую цѣну скупилъ всѣ экземпляры и испребилъ ихъ.

ДѢТСКАЯ ОТКРОВЕННОСТЬ. —

Одинъ школьникъ, читая по складамъ *Молоко*, никакъ не могъ произнести цѣлаго слова. Учитель, стараясь надумать его, спросилъ: «ну, какъ же называется то, съ чѣмъ твоя мамушка кушаетъ чай?» — *Ромъ!* — опивчалъ мальчикъ.

ЕЩЕ РУСКІЙ КАЛАМБУРЪ.

У меня на журналъ: *Болбайская каланча*, принимается подписка; сказалъ мнѣ книгопродавецъ N. — «Да подписываются ли?» спросилъ N. N.

СЛОВЕСНОСТЬ.

В Д О В А.

Среди беззаботнаго разгуля независимой жизни, среди наслажденій, которыя она представляетъ, ея заманчивыхъ и разнообразныхъ приключеній, какой молодой человекъ не чувствовалъ потребности въ щастіи мирномъ, пихомъ и законномъ? Какой молодой человекъ не мечталъ, даже въ объятіяхъ самой счастливой любовницы, о блаженствѣ проводить жизнь съ женою, прелестною по своей нѣжности, скромности и чистосердечію?

Такъ, долгіе, спокойные дни, вполне посвященные прудамъ и ученію; вечера, ласкамъ дилланти и ужину вдвоемъ съ женою; послѣ того, прогулка въ какомъ нибудь уединенномъ мѣстѣ, безконечные разговоры, дышащіе любовію и довѣренностью; попомъ, крѣпкій сонъ, и когда по утру открываешь глаза, плѣнительная улыбка жены, или невинный поцѣлуй младенца!...

Щастливый Эрнестъ! Скоро всѣ сіи блага будутъ его удѣломъ. Еще нѣсколько дней и онъ сдѣлается мужемъ *Каролины*.

Теперь пусть скажутъ ему, сыщите мнѣ дѣвицу, которой бы взоры были нѣжныѣ, поступъ простѣе, осанка благороднѣе? Когда она поетъ, голосъ ея прогаеетъ душу; задумывается ли она, облокотясь головою на руку, — на глазахъ невольно выкупаютъ слезы нѣжности; чувствуешь какое-то волненіе, сладостно спѣсняющее грудь.

Каролина! милая *Каролина!* О, какъ желаетъ онъ оградить еѣ любовію и щастіемъ.

Много разъ обманывалъ онъ себя, думая что любитъ; но никогда, нѣтъ, никогда не любилъ онъ такъ, какъ любитъ еѣ. Теперь онъ понимаетъ эпо. Точно, любовь есть спрасть высокая, священная. Въ долга не можетъ быть любви, любви неистощимой, которую онъ пипаетъ.

И за то онъ уничтожитъ все, что напоминаетъ ему прежнія его связи и удовольствія. Волосы, кольца, письма, онъ все пре-

даспъ пламени. Онъ еще разъ взглянетъ на нихъ, перечтетъ ихъ, и попомъ все преврапится въ пепель.

Неизъяснимая прелестъ заключалась въ эпихъ засохшихъ цвѣткахъ, въ эпихъ баншикахъ, нѣкогда принятыхъ съ воспоргомъ, въ эпихъ неровно исписанныхъ листкахъ, которые, бывало, развертывалъ онъ съ пакою поспѣшностію, пожиралъ глазами, и отъ которыхъ билось его сердце, но которые теперь онъ открывалъ небрежно, и пробѣгалъ съ неясною улыбкой на устахъ.

Пламя испребило все: на днѣ ящика оставались только письма *Маріи дѣ Беланкуръ*, бывшей предметомъ первой любви его.

Маріа также была имъ любима, и любима, можетъ быть, не менѣе *Каролины*: ибо и она должна была сдѣлаться его женою, и осуществивъ мечты о щастіи, рождавшіяся въ его поэтическомъ воображеніи.

Семейства ихъ радовались, видя *Эрнеста* и *Марію* вмѣстѣ гуляющихъ, и въ полгоса назначали время, въ которое пора будетъ соединить сихъ милыхъ дѣтей. *Эрнестъ*, слыша объ эпихъ предположеніяхъ, почипалъ себя щаспливѣйшимъ человѣкомъ въ мірѣ!

Случилось, что одинъ молодой офицеръ, богатый, любезный, знатнаго рода, плѣнился *Марією дѣ Беланкуръ*; съ тѣхъ поръ *Эрнестъ* спалъ очень жалокъ.

Молодая дѣвушка задумывалась, когда онъ начиналъ говорить съ нею о любви, и спаралась прислушиваться, не раздастся ли попомъ верховой офицерской лошади. Самой пріятной прогулкъ предпочитала она воинственные звуки трубъ и лишавръ, шумныя и спройныя движенія эскадроновъ въ блестящихъ лапахъ, съ развѣвающимися перьями. Теперь ничто не нравилось ей сполько, какъ видѣть спрой солдатъ, спѣсняющихъ, вытягивающихъ, развертывающихъ ряды свои среди криковъ команды, конскаго топота, стука спшбающихся сабель. Тогда глаза ея блиспали и щеки покрывались огненнымъ румянцемъ.

Маріа дѣ Беланкуръ вышла за молодого офицера.

Эрнесту спомло большаго труда утѣшиться. Глубокая печаль надолго вкоренилась въ немъ, а слѣдствиемъ ея были недовѣрчивость и разочарованіе. Бѣдный молодой человѣкъ! Онъ переспалъ въришь въ осуществованіе любви.

Наконецъ, онъ обратилъ на себя вниманіе *Каролины*, плѣнительной *Каролины*, и съ тѣхъ поръ спалъ щаспливъ по прежнему.

Можетъ быть, даже болѣе прежняго: ибо воспоминаніе о прошломъ увеличивало для него цѣну обладанія благомъ, которое онъ опчаявался когда либо въспрѣшпиль благомъ, въ самомъ осуществованіи коего онъ еще сомнѣвался.

Опредѣленный срокъ наступилъ: одинъ еще день, и онъ будетъ мужемъ *Каролины*!

Она осуществивъ мечты о щастіи, пробужденныя въ немъ письмами *Маріи*, письмами, которыхъ онъ не можетъ не прочесть еще однажды.

Въ письмахъ сихъ господствовало выраженіе истинной спраспи, нѣжность, которая не могла быть притворною. Та, которая говорила такимъ образомъ о любви, умѣла любить!

Она предпочла блескъ пспиннымъ благамъ жизни: да будетъ она щасплива! Еѣ прельспили обворожительными описаніями свѣтской жизни; да сохранилъ она навсегда свое заблужденіе!

Онъ все еще перечипывалъ, и никакъ не могъ рѣшиться сжечь *Маріиныхъ* писемъ.

Между тѣмъ, какъ они наполнили его нѣжными и прогашельными воспомнаніями, ему подали записку.

Нѣтъ, это не мечта... Ея почеркъ! подпись сладоспнаго имени *Маріи*, и даже та печать, которую она всегда упопробляла.

«Если хопите видѣть прежнюю подругу «вашей молодости, подругу, разлученную

«съ вами въ продолженіе пяти лѣтъ, по «можете найти её у г-жи *Сентъ-Ивъ*, куда «она пріѣхала сегодня утромъ.»

Марія.

Вотъ что прочелъ *Эрнестъ* въ запискѣ.

Онъ поспѣлъ явиться по назначенному адресу, и заспалъ *Марію* одну, въ шраурѣ.

Сначала прошло между ними съ минутой затруднительнаго молчанія; потомъ они сдѣлали другъ другу нѣсколько сухихъ и несвязныхъ вопросовъ.

Наконецъ, мало по малу, они повели разговоръ съ искренностію, какъ двое старыхъ друзей, которые встрѣчаются послѣ продолжительной разлуки.

Марія овдовѣла восемь мѣсяцевъ тому назадъ. Мужъ оставилъ ей значительное состояніе; дѣшей у неё не было.

— И такъ, вы были счастливы въ продолженіе пяти лѣтъ?—спросилъ *Эрнестъ*.

«Счастлива!» подтвердила *Марія* прогательнымъ голосомъ. «А вы, *Эрнестъ*?»

Онъ содрогнулся: ибо она назвала его шѣмъ именемъ, которымъ называла во дни ихъ взаимной любви.

Онъ поспѣшилъ заговорить о *Каролинѣ*; ему казалось, что оппкладывая долѣ, онъ спановившися неправымъ предъ своею невѣстою. Онъ разсказалъ о щастіи, которое ожидало его съ нею; описалъ её, какова она была на самомъ дѣлѣ: кропкою, нѣжною, чиспосердечною, но въ словахъ его вовсе не было той увлекательности и того восторга, которые недавно воспламеняли его воображеніе.

Далѣе, спалъ изображать онъ чиспую, пихую, сладоспную жизнь, которая гопвилась для него въ союзѣ съ *Каролиною*. На эпопъ разъ, онъ не могъ оспапться равнодушнымъ предъ симъ изображеніемъ—и выраженія его нечувствительныо сдѣлались пламенными и спраспными.

Слезы капилсь изъ глазъ *Маріи*. Она также заговорила о щастіи, но щастіи, ко-

порого она никогда не встрѣчала; щастіи, доспающемся на долю двухъ существъ, понимающихъ другъ друга; щастіи, которое еще незадолго предъ симъ она почитала возможнымъ, и которое было создано не для неё; увы! теперѣ она понимала эпо.

«По крайней мѣрѣ, прибавила она съ смущеніемъ, вы навсегда оспапетесь моимъ другомъ? Не правда ли, *Эрнестъ*, въ какомъ бы положеніи вы ни были, какое бы распояніе, какой бы срокъ не раздѣлялъ насъ, вы всегда сохраните воспоминаніе о *Маріи*, всегда примете въ ней участіе?»

Эрнестъ былъ слишкомъ пронуть, что-бы опвѣчать. Онъ пропаянулъ *Марію* руку. Эпо движеніе опкрыло ей перспень, который *Эрнестъ* носилъ на пальцѣ. Нѣкогда онъ получилъ его опъ самой *Маріи*, *Маріи дѣ Беланкурѣ*.

Чтобы не лишиться чувствъ, она припуждена была вспать и пройти нѣсколько разъ по комнапѣ.

Потомъ, она снова съла пропивъ *Эрнеста*, и погрузясь въ сладоспныя, но вмѣспѣ грустныя мечпанія, долго сдѣла задумавшися.

Наконецъ, съ усиліемъ надъ собою, она позвонила, опдала приказанія вошедшимъ людямъ, и, печально улыбаясь, сказала своему другу:

«Прощайте, *Эрнестъ*, прощайте на вѣчно!»

При сихъ словахъ онъ оцѣпенѣлъ опъ изумленія, и думы роемъ спали пѣснишсь въ умѣ его.

Приказанія *Маріи* были исполнены и лошади запряжены.—«Прощайте, *Эрнестъ*, повпорила она, съ трудомъ удерживаясь опъ рыданій; прощайте... навсегда!»

Руки ихъ соединились еще однажды, и потомъ экипажъ опправился. Онъ давно уже переспалъ бытъ виднымъ, а *Эрнестъ*, все еще споялъ, успремивъ взоры на край небосклона, шуда, гдѣ онъ въ послѣдніе скрылся изъ глазъ его.

Унылый, чувствуя ужасную пуспоту, онъ возвратился къ *Каролинѣ*. Она сочла

его нездоровымъ, попому что во весь вечеръ онъ былъ задумчивъ и печалень.

На другой день, онъ не разъ начиналъ чувствовать ту же грусть, предавался той же задумчивости, и когда, наконецъ, оставшись наединѣ съ *Каролиной*, въ брачной комнатѣ, заключилъ её въ объятія, по невольному прошепталъ: *Марія, милая Марія!*

На завтра утромъ, при пробужденіи, между ними какъ съ улыбкой щасстья на устахъ, онъ въ самыхъ нѣжныхъ выраженіяхъ изъявлялъ *Каролинѣ* пламенную любовь свою, она, облокотясь на плечо *Эрнеста*, напомнила ему вчерашнюю его ошибку въ имени.

«О! сказала она съ прищворнымъ неудовольствіемъ, но вовсе не вѣря въ душу справедливости своего упрека, это вѣрно ты, копорая шебъ милѣе *Каролины*; неправда ли, злой человекъ?»

Онъ снова впалъ въ прежнюю задумчивость. Попомъ вругъ, прижавъ *Каролину* къ груди, вскричалъ:

— Тебѣ, одной шебъ принадлежу я на всю жизнь!—

N. N.

КРОАТСКІЙ БАНЪ.

(*Иллирійскій рассказъ*).

Былъ въ Кроаціи банъ, слѣпой на правый глазъ, глухой на лѣвое ухо. Онъ правымъ глазомъ смотрѣлъ на бѣдность народа; лѣвымъ ухомъ слушалъ жалобы своихъ воеводъ. Кто былъ богатъ, на того доносили; на кого доносили, того умерщвляли. Банъ велѣлъ опсѣчь головы *Гуманай*-бею и воеводѣ *Жаболугу*, и взялъ ихъ сокровища. Онъ казнилъ ихъ невинно и пѣни сихъ двухъ жертвъ безпрестанно его преслѣдовали. Каждую ночь, въ ногахъ же его постели, спояли *Гуманай* и *Жаболугу*, глядя на него потухшими взорами. Въ ту пору, какъ звѣзды блѣднѣютъ, а небо начинаетъ краснѣть на воспокъ, тогда (ужасно!) оба невинно

умерщвленные кланялись ему, какъ-бы привѣтствуя съ добрымъ упромъ; головы ихъ падали съ своихъ шуловищъ на полъ и капились по немъ. Тогда только банъ могъ уснуть. Однажды, въ мрачную и холодную зимнюю ночь, *Гуманай* сказалъ бану: «мы давно уже шебъ кланяемся; зачѣмъ же ты никогда головой даже не кивнешь?»— Банъ, дрожа, вспалъ; но только наклонился, что-бы опадать поклонъ, голова его сама собою упала съ шуловища и покапчилась по полу.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Д О Л Я.

Позабудь, другъ милый! суетность земную:
Не въ чинахъ, не въ златѣ, щастье для сердець.
Что ропсали напрасно на судьбу слѣпую?
Всѣмъ дары поровну раздѣлилъ Творецъ.

Часто спранъ обширныхъ грозный обладатель
Среди забавъ помнитъ скрыпою тоской.
А лачужки дымной бѣдный обитатель
Весель и доволенъ міромъ и собой.

Посмотри, какъ дѣти безъ заботъ играютъ:
Барскій и крестьянскій щасливы равно,
Ежели невинны и еще не знаютъ
Что кому съ рожденьемъ жребіемъ дано.

Мы себя умѣе предъ дѣтскими щитаемъ;
Что-жь съ умомъ надменнымъ щастья не найдемъ?—

Не того, что пужно, мы всегда желаемъ;
Ослѣпленье спроси щастіемъ зовемъ.

Миръ души! вопъ тайна щастія прлмая!
И перпенье, въ жизни дивный шалисманъ.
Спроси лишь горячка: сердце предавалъ
Призракамъ волшебнымъ, ловимъ лишь обманъ.

Всюду неразлучны доброе и злое;
И цвѣпы и перны мы повсюду зримъ.
Гдѣ одно находимъ, видимъ и другое;
Ахъ! на что вниманья больше обратимъ!

Если мы цвѣтами будемъ любоваться
Только пѣмми, коихъ намъ нельзя достать,
А вблизи лишь къ шернамъ взоромъ успрямляясь,
Въ правъ ли мы будемъ на судьбу ропщать?

Думъ высокихъ сладоспъ, свѣпльи мечпанья,
Образъ сокровенный райской красопы,
Лучъ небесной вѣры—пайну упованья,—
За форсуну черни, другъ! отдашь ли ты?

И. Пальминъ.

LOGOGRIPHE.

Je suis femelle avec ma tête,
Et deviens mâle sans ma tête;
J'ai deux pieds en gardant ma tête,
Et j'en ai quatre étant sans tête;
D'un vol pésant avec ma tête,
Je marche au petit trot sans tête;
Je suis fort sottе avec ma tête,
Et peu docile sans ma tête;
J'habite l'eau quand j'ai ma tête,
Et l'étable en perdant ma tête;
Enfin l'on me mange avec tête;
Et l'on me monte sans ma tête.

Въ No 69, помѣщенный омонимъ значить: *Ось*.

MODES.

De jolis services de dessert et hors-d'œuvre se font en porcelaine, imitant de forme et de couleur une feuille de vigne; ces services comprennent les assiettes et les petits plats de dessert, les beurriers, un plat pour les figes et le melon, et de très-petites soucoupes pour mettre des glaces.

Dans ce beau moment des fruits, on fait les plus jolies corbeilles à jours pour dresser des pyramides aux deux bouts de table. Ordinairement on mélange

les fruits en les séparant avec du feuillage, c'est d'une fraîcheur et d'une grâce toutes pittoresques.

On fait aussi en porcelaine imitant le vieux Sèvres, de charmantes corbeilles pour servir les gâteaux *au thé*. Elles sont à facettes, peintes en petites fleurs, une anse tournée surmonte le panier. Cette mode est toute d'élégance; une maîtresse de maison a certainement plus de grâce à présenter sa corbeille qu'une assiette chargée de pâtisserie.

Pour le service du thé, il est beaucoup de mode de se servir d'objets anglais ou chinois. Une boîte en lacque pour enfermer le thé; des théières anglaises.

Il y a de charmantes petites serviettes, destinées à cet usage qui nous viennent de l'Inde; elles sont en coton écri à dessins blancs.

Pl. No 25. Une dame avec deux petites demoiselles.

МОДЫ.

Красивые фарфоровые сервизы для десерта и *hors-d'œuvre*, формою и цвѣтомъ на подобіе винограднаго листка; въ эпихъ сервизахъ заключаются шарелки и маленькія блюда для десерта, масляницы, блюдо для фигъ и дыни, и весьма маленькія блюдечки для мороженаго.

Теперь, когда плодовъ много, дѣлають самыя красивыя прозрачныя корзинки для соспавленія пирамидъ на двухъ концахъ стола. Обыкновенно перемѣшиваютъ плоды, раздѣляя ихъ листьями. Свѣжестъ и красивый видъ сего совершенно живописны.

Также дѣлають изъ фарфора, подражая спаринному Севрскому, прелесныя корзинки для пирожковъ къ чаю. Онѣ граненыя, росписанныя маленькими цвѣточками; ручка у корзинки круглая. Эта мода чрезвычайно щеголеватая; пріятнѣе видѣть хозяйку дома, подающую корзинку вмѣсто шарелки, наполненной пирожными.

Для чайнаго сервиза въ модѣ употребляютъ что нибудь Англійское или Кипайское. Лаковый ларчикъ для чаю; Англійскіе чайники.

Есть прелесныя небольшія сажетки для сего употребленія, привезенныя изъ Индіи; онѣ изъ суровой бумаги съ бѣлыми узорами.

Карш. No 25. Дама съ двумя дѣвочками.

N° 25th Къ Америк. Трудов. Къ Р. М.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

ТРЕТІЙ ГОДЪ.

Выходишь
по Средамъ и
Субботамъ.

№ 71.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 104 No,
съ 56-ю картинками модъ,
въ С. П. б. 50, съ до-
ставкою и пересылкою
35 рублей.

СРЕДА, СЕНТЯБРЯ 6 ДНЯ, 1853 ГОДА.

Пока чинъ малъ и бѣдень,
То плусть не такъ еще примѣнешь;
Но важнѣй чинъ на плусть, какъ звонокъ,
Звукъ отъ него и громокъ и далекъ.

Крыловъ.

П Л А К С А.

И МОИ МЫСЛИ О КНИГѢ *НОВОСЕЛЪЕ*,

изданной книгопродавцемъ А. Ф. Смирдинымъ въ Санктпетербургѣ—1833—съ виньетками и картинками.

(Окончаніе.)

«Теперь приступимъ къ разбору тѣхъ прозаическихъ спашей, о которыхъ мы еще не говорили чинапелямъ въ предшествовавшихъ нумерахъ. Число ихъ простирается до девяти. Слѣдующія три изъ нихъ испинно достойны замѣчанія: *Антаръ*, воспочная повѣсть г. *Сенковскаго*, *Русская сказка казака Луганскаго* и *Бригадиръ*, сочинитель которой скрылъ свое имя подъ буквами: *ъ, ѝ, ѿ*.

Сія послѣдняя спашья особенно замѣчательна по глубокой идеѣ, въ ней заключающейся.

Представьте себѣ человѣка, который прожлъ на свѣпѣ больше полувѣка, и въ продолженіе эпаго времени, пока цари и цар-

ства возвышались и падали; пока опкрытія смѣняли одно другое и превращали въ развалины все, что прежде называлось законами природы и челоувѣчества; пока мысли, порожденныя прудами вѣковъ, разроспались и увлекали за собою вселенную,—оспаваля равнодушнымъ, безчувспеннымъ, не обращамъ на все эпо никакого вниманія; челоувѣка, которъй вѣлъ, плѣлъ, не дѣлалъ ни добра, ни зла, не былъ никѣмъ любимъ и не любилъ никого, не былъ ни веселъ, ни печаленъ, и опсправился на попѣ свѣпѣ, не оставивъ по себѣ ни одной мысли, ни одного чувспва.

Смерпная постель пакого челоувѣка есть непріятное, птягоспное зрѣлище; все вокрытъ него нечувспвительное; все ищете слезъ, а на васъ находипъ насмѣшливал, едва ли не презрительная улыбка. И попомъ, мысли ваши обращаются на самого себя; вы невольное опрѣхаете свинцовую дремоту, опягчавшую ваши чувспва; съ сожалѣніемъ разспаетесь съ тѣмъ сладкимъ равнодушіемъ, которое въ гладкую ледяную кору заключало для васъ все подлуиное.

Наконецъ, представьте, что призракъ эпического человѣка вамъ является, начинаетъ говорить съ вами, описываетъ вамъ жизнь свою, раскрываетъ предъ вами свою душу. О! тогда нечувствительность ваша исчезнетъ и вы прольете горькія слезы надъ его могилой. И въ самомъ дѣлѣ, кто заслуживаетъ ихъ болѣе, какъ не онъ, несчастная жертва обстоятельствъ, даннаго ему воспитанія и самаго организма своего; онъ, котораго будучи съ юныхъ лѣтъ подавленъ непреодолимыми предразсудками, спѣшенъ въ своихъ понятіяхъ, въ своихъ дѣйствіяхъ и не смѣя даже мыслить выступить изъ пробной колеи, — во всю жизнь повиновался внушенію другихъ, не зналъ собственной воли; во всю жизнь оставался машиною, заведенною по принятымъ понятіямъ и предразсудкамъ. Вы равнодушны къ смерти эпического человѣка, а плачете объ умершемъ гени; и однакоже, кто изъ двухъ болѣе достоинъ сожалѣнія?

Такова общая идея сего сочиненія, идея, по несчастію встрѣчающая очень частыя примѣненія въ свѣтѣ. Она искусно развива въ этой сатирѣ, которая вообще исполнена новыхъ и сильныхъ мыслей.

Мы не можемъ сказать того же о другой сатирѣ сего автора, напечатанной въ *Новосельѣ* подъ названіемъ: *Балъ*. Это, также какъ и *Бригадиръ*, сатирѣ философская, но кромѣ того, что главная мысль оной не столь нова и глубока, вообще предметъ ея показался намъ довольно страннымъ.

Балъ разгорался часъ опъ часу сильнѣе; комнаты были полны веселящеюся, неспокою полною; все вертѣлось, прыгало, бѣсновалось въ сладострастномъ безуміи. Съдой капельмейстеръ управлялъ оркестромъ. «Съ улыбкой на лицѣ, внѣ себя опъ восторга, онъ безпрестанно учащалъ размѣръ, и взоромъ и плѣдженіями, возбуждалъ упоительныхъ музыкантовъ.

«Не правда ли? говорилъ онъ мнѣ опривиско, не оставляя смычка, (продолжаетъ «авторъ): не правда ли? я говорилъ, что оживѣло опотъ балъ и сдержалъ свое слово. Все «дѣло въ музыкѣ, — не умѣютъ соспавлять

«её, — она поднимаетъ съ мѣста, — она невольно вводитъ танцующихъ въ упоеніе, и пр. «и пр... Вопль, слышите: это вопль доксы *Анны*, когда донъ *Жуанъ* насмѣхается надъ нею; вопль это спонъ умирающаго «командора; вопль минуца, когда *Отелло* начинаетъ вѣрить своей ревности; вопль послѣдняя молитва *Дездемоны*.» — —

Не занимаясь болѣе идеями убійства, мщенія, злобы, измѣны, опчаянія, и длиннымъ исчисленіемъ всѣхъ мыслей, наполняющихъ страницы новыхъ романовъ и порождаемыхъ въ умѣ сочинителя симъ оркестромъ, замѣшимъ только, что выборъ музыки, сдѣланный капельмейстеромъ для его концертовъ или вальсовъ, кажется намъ немного страннымъ, и что, сверхъ того, невѣроятно, чтобы тоны, выражающіе самыя ужасныя душевныя ощущенія, могли возбудить неистовую веселость въ танцующихъ, заспавитъ ихъ *бѣсноватъся въ сладострастномъ безуміи*.

Поговоримъ о восточной повѣсти г. *Сенковского*. Бедуинъ *Антаръ* навсегда покинулъ людей, ожесточенный ихъ неблагодарностію. Верхомъ на вѣрномъ конѣ своемъ, онъ является среди развалинъ Тедмора (Пальмиры). Голодь раздираетъ его вступенность. Вдругъ онъ примѣчаетъ спройную, легкую газель, и пускается её преслѣдовать. Огромная хищная птица, по видимому, также спарается её настигнуть. *Антаръ*, который всегда былъ защитникомъ слабыхъ, забываетъ, что онъ самъ гонимъ за газелью, бросаетъ въ хищную птицу копье свое, ранитъ её и принуждаетъ удалиться. Онъ спасъ несчастную газель и потому отказывается опъ преслѣдованія ея, садится въ развалинахъ и засыпаетъ. Пробудясь, онъ видитъ себя лежащимъ въ великолѣпномъ черпогѣ, на пышной софѣ, и окруженнымъ полною невольниковъ, ожидающихъ его приказаній. Позади богатаго краснаго занавѣса сидитъ *Гюль-Назаръ*, царица Тедмора. Она открываетъ ему, что принадлежитъ къ числу добрыхъ духовъ, обитающихъ въ сихъ развалинахъ; что газель, которую онъ преслѣдовалъ въ пустынѣ, была она сама, и что

хищная птица, опъ которой онъ спасъ еѣ, былъ коварный *Джанъ-Гиръ*, злой духъ, искавшій ея гибели. Въ награду за сію услугу, *Голь-Назаръ* клянется исполнить все, о чемъ ни попроситъ еѣ *Антаръ*, и убѣждаетъ его возвратиться къ людямъ. Три великія сладости присвоены существованію человека, говоритъ она: сладость мщенія, сладость властвованія надъ подобными себѣ... *Антаръ* не даетъ ей докончить и проситъ царицу надѣлать его сладостью мщенія. И онъ возвращается къ племенамъ своимъ, чтобы опмстить неблагодарнымъ.

Онъ наслаждается мщеніемъ во всей полнотѣ его. Но его сердце недовольно по прежнему. Онъ снова приходитъ къ благодѣтельному генію Тедмора и желаетъ испытать сладость власти; желаніе его исполнено, но душа жаждетъ новыхъ наслажденій. Наконецъ, онъ возвращается въ третій разъ, и тогда царица Тедмора открываетъ ему, что третья сладость, данная Провидѣніемъ въ удѣлъ человеческому роду, есть сладость любви. *Антаръ* любитъ и въ объятіяхъ безсмертной царицы обрѣтаетъ щастіе.

Таково содержаніе сей, испинно восточной повѣсти. Слогъ ея совершенно приличествуетъ предмету; онъ блещетъ пою роскошью выраженій, тѣмъ колоритомъ, которыми опличаются восточные языки. Болѣе намъ ничего не остается прибавить въ похвалу сатиры г. *Сенковскаго*.

Казакъ *Луганскій* рассказываетъ намъ на новосельѣ *Сказку о нѣкоемъ покойномъ православномъ мужикѣ и о сынѣ его Емельѣ дурачкѣ*,—сказку, которую услышишь опъ каждой няньки и кормилицы. Посему сочинитель не имѣетъ никакого права на вымыселъ, и слогъ составляетъ его единственное достоинство. Но въ этомъ отношеніи онъ, по всей справедливости, заслуживаетъ полное одобреніе. Онъ совершенно понялъ духъ избраннаго имъ предмета, и рассказъ его исполненъ того неподдѣльнаго и оспроумнаго простодушія, которое опличаетъ наши народныя сказки и невольно заставляетъ улыбаться, когда ихъ читаешь, или слушаешь.

Въ *Новосельѣ* есть другая сатира г. *Бульгарина*, съ которою мы еще не успѣли познакомиться читателей. Это *Омаръ и просвѣщеніе*, сатира историко-сатирическаго. Сочинитель представляетъ намъ *Омара* въ Александрійской библіотекѣ. Софистъ, которому поручено сопровождать его въ оной, показываетъ ему книги, разсѣяныя по предметамъ. Онъ называетъ ему теогонію, психологію, высреннюю философію. При каждомъ объясненіи софиста, гитѣвъ *Омара* увеличивается; всѣ сіи сочиненія кажутся ему оскорбленіемъ божества. Одна только книга, которую представляетъ *Омару Апертусъ*, Римскій гражданинъ, пользующійся его довѣренностью, удостоивается благосклонности халифа. Книга сія заключаетъ въ себѣ *Разказы учениковъ Сократа о его жизни, дѣлняхъ и ученн*, *Сократа*, котораго уроки далеки опъ сходства съ мнимою мудростію софистовъ.

Къ числу занимательныхъ сатиръ въ *Новосельѣ* можно причислить еще *Кіевскихъ вѣдьмъ*, *Порфирія Байскаго* (*), — повѣсть, написанную чистымъ и пріятнымъ слогомъ.

Мы исчислили почти всѣ замѣчательныя сатиры сего изданія. Не станемъ говорить объ *Ординъ-Нацокинѣ* г. *Берха*. Историческое достоинство его изысканій можетъ быть весьма велико, но они почти вовсе не занимательны въ литературномъ отношеніи.

Черпы изъ жизни Императора *Александра*, соч. *А. И. Михайловскаго-Данилевскаго*, драгоценны, какъ все, относящееся къ жизни въ Бозѣ почивающаго Государя. Тоже можно сказать и объ анекдотахъ о *Екатеринѣ великой*, *А. С. Шишкова*. Замѣтимъ лишь, что сіи послѣдніе, не смотря на свою достоверность, весьма слабо, какъ намъ кажется, изображаютъ духъ и характеръ великой Государыни.

Заклучимъ разборъ нашъ немногими словами о наружности изданія. Мы съ удоволь-

(*) Покойнаго Ореста *Мих. Солова*, котораго потеря весьма чувствительна для любителей легкой прозы.—*В.*

спіємъ замѣчаемъ возраспающіе успѣхи нашихъ гравёровъ и пипографій. Буквы опличаюпся удивительною чистотою, и сомнительно, найдется ли хотя двѣ опечатки въ цѣлой книгѣ, вышедшей изъ пипографіи вдовы *Плюшаръ* съ сыномъ. Карпинки, изображающія царя *Беренделъ*, домикъ въ Колоннѣ, выходъ у *Сапаны*, дѣлають честь *Новоселью*, украшенному, сверхъ того, прекрасною виньеткою, представляющею объѣдъ, который давалъ книгопродавецъ *Смирдинъ* почти всѣмъ липерапорамъ, по случаю своего новоселья. Нѣкоторыя изъ сихъ послѣднихъ нарисованы съ удивительнымъ сходствомъ. Наконецъ, даже липографированная обертка книги представляеть видъ дома, въ которомъ помѣщается теперь книжный магазинъ издашеля.»

И. И.

СТОЙКОСТЬ.

Американецъ *Родлигъ* за какое-то дѣло возненавидѣлъ Боспонскаго жипеля *Эллери* и вызывалъ его на дуэль; *Эллери* отвѣчалъ: «я не прусь, а драпсья не хочу.» — И съ той поры всячески убѣгалъ своего непріятели. Однакожь судьба свела ихъ въ одномъ пракширѣ: *Родлигъ*, упопробивъ всѣ способы вывести изъ першнія пропивника своего, и видя его непоколебимое равнодушіе, схватилъ наконецъ сего флегмапика за носъ, жалъ, щипалъ, прясъ его и спрашивалъ: пойдешь ли теперь на дуэль со мною? ... *Эллери* отвѣчалъ ему спокойно: «ты можешь опорвать мнѣ носъ, но не заспавишь меня драпсья: ибо поединокъ естъ глупость и не согласенъ съ моими правилами!»

Къ щаспію, вбѣжалъ пракширщикъ и вызвождалъ носъ господина *Эллери* изъ рукъ его непріятели.

НЕЛѢПЫЙ ВОПРОСЪ.

Драгунскій маіоръ *И.* спѣсиво сказалъ славному профессору *Рауху* на замѣчаніе

его о древнихъ философахъ: «г. профессоръ, видно и вы въ молодости своей коѣ-чему учились?» — Присутствовавшіе пупъ замѣлились. Маіоръ, замѣпя, что сдѣлалъ промахъ, хотѣлъ поправиться, пояснилъ свой вопросъ, сказавъ съ важностію: «въ мое время учились одни дворяне!» — Присутствовавшіе захохотали.

СЛОВЕСНОСТЬ.

ПЕТЕРБУРГСКІЕ ОСТРОВА.

Въ чемъ состоятъ спихи ландшафта, можетъ бытъ, единственнаго въ своемъ родѣ, на который иностранцы взирають съ споль справедливымъ удивленіемъ; ландшафта, который производитъ на Русскихъ сладостное впечатлѣніе, неослабляемое самою привычкою? Въ рѣкѣ, пропекающей равными мѣстами и при успѣхъ своемъ образующей нѣсколько лѣсистыхъ оспрововъ. Воды ея богаты; онѣ прозрачны, какъ стекло, и цвѣтущіе берега живописно опдѣляются опъ лазурной влаги. Здѣсь искусство завладѣло природою; милліоны рублей брошены, чтобы забушишь сіе болото, и благодаря сему обильному посѣву, подъ 60-мъ градусомъ сѣв. широты воздухъ распворенъ бальзамическимъ запахомъ померанцовыхъ деревьевъ и розъ. Скоро расчищенные лѣса преврапились въ сады и прекрасныя гульбища, рыбачьи хижины въ царскіе чертоги. Берега Каменнаго оспрова покрылись рядомъ великолѣпныхъ дачъ. Мостъ, перекинутый черезъ Неву съ воздушною легкостію, соединяетъ Петербургъ съ деревенскою столицею. Другіе мосты на судахъ поддерживають всегдашнее сообщеніе, между оспровами брапьями — *Каменнымъ*, *Крестовскимъ* и *Елагинымъ*. Каждый изъ сихъ оспрововъ имѣетъ свои красоты особеннаго рода. Внупренность перваго изъ нихъ представляетъ предеспную роццу, пересѣкаемую рѣзвыми дорожками, перепутанными аеями и каналами; они пянупся по прямой линіи и дають волю игрѣ случайно упадающаго свѣта, который

на всѣхъ почкахъ отражаясь въ водѣ, кажется волшебнымъ.

Крестовскій островъ, не столь веселый и многолюдный, имѣетъ болѣе простоты, болѣе романтическаго. Лѣса его большею частью сохранили свою первобытную дикость. Длинные просѣки, гдѣ гуляющіе вдыхаютъ въ себя ароматическія испаренія хвойнаго лѣса, начинаясь отъ береговъ залива, выводятъ на круговину такъ называемаго Воскреснаго гульбища. Здѣсь-то честные наши Нѣмецкіе ремесленники вполне предаются удовольствіямъ, заключающимъ праздничный день въ ихъ опечесствѣ. Сборнымъ мѣстомъ для нихъ служатъ гостиница, снабженная богатымъ запасомъ курительнаго табаку и сигаръ; тамъ вы найдете кегельную игру, столы на открытомъ воздухѣ, группы щегольски разодѣтыхъ Нѣмочекъ съ семействами вокругъ столовъ, уставленныхъ пивомъ, кофе, бутербродомъ. Ничто не забыто для увеселенія сихъ людей. Я чуть было не пропустилъ танцевальнаго зала и важнаго *Liber Augusten*, родъ философическаго вальса, коего медленные повороты позволяютъ наслаждаться вдругъ двумя удовольствіями: танцовать и курить трубку. Большой Свѣтъ, который не всегда забывается, по Воскресеньямъ также съѣзжается на Крестовскій островъ, чтобы по крайней мѣрѣ посмотрѣть, какъ другіе пѣшались. Подлѣ сихъ живыхъ воспоминаній о Германіи, полна молодыхъ дѣвицъ съ длинными локонами, въ косямъ, который, кажется, изобрѣлъ самъ богъ вкуса, танцуютъ лучший изъ національныхъ танцевъ. Между тѣмъ, какъ вы перелепаете въ созерцаніи сихъ важныхъ красотъ, вечерній вѣтерокъ съ противоположнаго берега приноситъ къ вамъ мелодическіе звуки Русскихъ пѣсней. Такъ, смѣсь двухъ народовъ, представляется въ сѣверной Пальмирѣ, на каждомъ шагу, съ самыми разительными противоположностями.

Елагинъ островъ, совершенно новое произведение, есть ничто иное, какъ обширный садъ въ Англійскомъ вкусѣ. Онъ имѣетъ видъ продолговатаго треугольника; искусство такъ расположило зелень и воды, что

всѣ виды повторяются, или перенимаютъ одинъ у другаго очерки, посредствомъ извивающейся линіи, описываемой дорожками и каналами. Ничто не можетъ сравниться съ живописною и изящною опдѣлкою всѣхъ частей острова; опрятность, въ какой содержатся оныя, можно назвать изысканною, или лучше, роскошною. Украшенія его отличаются благородною простотою. Здѣсь нѣтъ ни развалинъ, ни грофовъ, ни нечаянностей, ни одной изъ тѣхъ запѣй садоводства, которыя давно уже изгнаны разборчивымъ вкусомъ. Можно замѣтить только одну хитрость и то совершенно эстетическую. Я говорю объ опдаленныхъ водахъ на заливъ, которые внезапно открываются при выходѣ изъ какой нибудь тѣмной и излучистой просади, гдѣ вы находите какъ бы въ прохладномъ пайникѣ.

Взойдите съ любой стороны на островъ, вездѣ божество сихъ мѣстъ—Нева, одушевляетъ и украшаетъ берега свои, отражая ихъ въ чистомъ своемъ кристаллѣ. Рукава ея гармонически соединяютъ всѣ части сихъ мѣстъ. Какое разнообразіе предметовъ, какія очаровательныя мѣстоположенія! Здѣсь рядъ дачъ, спорящихъ между собою въ блескъ и пышности, и обращенныхъ фасадомъ къ другой дачѣ съ зеленымъ куполомъ, посреди густой сѣни; она отличается отъ прочихъ изящною наружностію (*). Тамъ прекрасное село съ пестрыми кровлями и церковью, повелѣвющею симъ великолѣпнымъ видомъ водъ. Еще далѣе, возвышается Каменно-островскій театръ, подобно Греческому храму среди священной рощи. *Елагинъ-островскій* дворецъ дружественно взираетъ съ другаго берега рѣки на веселый памятникъ—имъ покровительствуемый. Соудство, напоминающее собою всѣмъ признательнымъ сердцамъ, что благородныя наслажденія, доставляемыя изящными искусствами, происходятъ для насъ изъ того же источника, откуда почерпаемъ мы болѣе прочныя благодѣянія гражданственности. Сердцамъ Русскимъ не нужно напоминать о томъ; въ высокопороджественные дни и

(*) Дача графини Лаваль.

спарь и младь, богатый и бѣдный, спѣшатъ къ дому Царей, чтобы раздѣлить общую радость. Кто не помнитъ Елагино-оспровскаго гулянья? Кто не видалъ сего спеченія городскихъ жипелей, которые полпами спремилса къ оспровамъ; безпрерывнаго ряда экипажей, мприада лодокъ, покрывающихъ Неву? Кто не видалъ сего соединенія всѣхъ удовольспвій, доспавляемыхъ артистами, начиная опъ первыхъ драматическихъ писателей и композиторовъ, до комедіантовъ и фокусниковъ? Кто не слыхалъ сего исполнскаго концерта, гдѣ тысячи голосовъ, сливающиеся съ звукомъ трубъ тридцати хоровъ пѣвчихъ, тридцати оркестровъ духовой музыки, потрясаютъ воздухъ, подобно бурѣ? Все сіе придаетъ разительный характеръ пышности и единодушія сему безчисленному спеченію народа; но главную прелестъ получаетъ видъ сей опъ мѣстоположенія и магической ясности нашего неба во время ночи, которое всегда благосклонно улыбаешся въ день рожденія Императрицы!

ПОХИЩЕННЫЙ БРАСЛЕТЪ.

Корабль, опсправлявшійся изъ Порпсмута въ Ботани-Бай съ осужденными въ ссылку, выпулилъ въ море. Въ числѣ ихъ нельзя было не замѣтить молодой женщины, лѣтъ двадцати, которой измѣнившійся опъ горести черпъ и благородный видъ особенно противорѣчили съ наружностью прочихъ преступницъ. Она была очень приспойно одѣта, и закрывала себѣ лице плапкомъ всякой разъ, какъ оспанавливались на ней нескромные взоры любопытсва. Садясь на корабль, она залилась слезами, и, съ глубокимъ вздохомъ, бросила послѣдній взглядъ на опчизну; потомъ сошла внизъ вмѣстѣ съ другими ссылочными. Какая разительная противоположность! Эта молодая особа, получившая воспитаніе въ одномъ изъ первыхъ Лондонскихъ пансіоновъ,—находилась между женщинами, приговоренными въ ссылку—за воровство! Вахпенный лейтенантъ

подходитъ и показываетъ назначенное ей мѣсто: не смѣя поднять глазъ и ни слова не опвѣчая, она занимаетъ оное. Офицеръ, видя еѣ горько плачущею, спросилъ, не желаетъ ли она облегченія своей участи? и опвѣчалъ исходатайствовать оное у капитана. «О, нѣтъ!» опвѣчала она протрапелнымъ голосомъ: «мнѣ ничего не нужно: я щастлива!» На другой день корабль долженъ былъ сняться съ якоря. Капитанъ, извѣщенный лейтенантомъ объ этой женщинѣ, и подспрѣкаемый любопытствомъ узнать, кто она такая, приказалъ предспавить еѣ къ себѣ. Сначала, она не хотѣла опвѣчать на вопросы капитана, но потомъ, пронутая благосклонностью его, сказала. «Господинъ капитанъ! меня приговорилъ, назадъ пому чепыре мѣсяца, Эксперскій уголовный судъ къ семилѣтней ссылке: я преспуница, обезславленная закономъ; прошу васъ не принуждать меня къ повѣствованію моихъ горестей, которое возбудишь въ душѣ моей самыя тяжкія воспоминанія.»— Капитанъ приказалъ помѣстить еѣ въ особую комнату, и чрезъ нѣсколько часовъ возобновилъ распросы. Наконецъ, убѣдясь нѣжнымъ участіемъ капитана, вопъ что объявила она ему: «я называюсь Пресилла Д..., и принадлежу къ одной изъ первыхъ семей въ Эдинбургѣ. Любя спраспно Жоржа С..., за котораго родные мои не согласились меня выдать, я имѣла слабость бѣжать съ нимъ, назадъ пому девять мѣсяцовъ, изъ дома родипельскаго.— Мы прибыли въ Ньюпортъ-Бюшель; у насъ очень мало было денегъ; когда же, въ непродолжительномъ времени и послѣднія были издержены, Жоржъ вынужденъ былъ опсправиться въ Эксперъ для пріисканія себѣ какой нибудь должности; но не найдя ни гдѣ мѣста, и будучи въ совершенной крайности, зашелъ онъ къ ювелиру и унесъ кольцо. Это тотчасъ замѣтили: взяли его подъ спражу и приговорили къ ссылке. Теперь, уже восемь мѣсяцовъ, какъ онъ опсправленъ въ Ботани-Бай. Я не могла болѣе жить безъ него, зная, что была причиною его нещастія, и вознамприлась раздѣлиться съ нимъ его участъ. Пока содержался онъ въ пюрмѣ, я нанима-

лась у одной швеи, часто видѣлась съ нимъ, и плодами прудовъ моихъ облегчала его заключеніе. Когда же его сослали, я рѣшилась непременно подвергнуть себя такому же осужденію, и однажды, опнося плащъ къ нѣкоторой госпожѣ, нарочно унесла съ уборнаго столика браслетъ, сдѣлавъ это такимъ образомъ, чпобъ меня замѣтили. Меня взяли и представили въ судъ, который приговорилъ меня къ ссылкѣ, подъ пѣмъ именемъ, какое приняла я на себя: слѣдственно участь моя неизвѣстна моему семейству. Я щаслива, ибо увижу друга души моей и соединюсь съ нимъ: но не могу не плакать, когда вздумаю о моемъ опцѣ и о сестрахъ моихъ!.. Между пѣмъ превозмимъ меня теперь та мысль, что если, въ послѣдствіи времени, откроется какимъ нибудь образомъ подлинное мое имя, то не въсь можетъ быть знаюпъ, что преступленіе мое—умышленное.»

Пер. Силловъ.

УМНАЯ БЕРЕЖЛИВОСТЬ.

Уже приидать лѣпъ, говорилъ *Бюффонъ*: «я такъ учреждаю доходы и время свое, что у меня еспъ всегда въ запасъ деньги и часы для пріятелей. Надобно избѣгать всякихъ бесполезныхъ дѣлъ, всякихъ ненужныхъ и пустыхъ издержекъ суешности, чпобъ имѣть досугъ для важнаго дѣла и способы для истиннаго щастія.»

СТИХОТВОРЕНІЯ.

ЛУЧШАЯ МИНУТА.

Темнѣетъ звѣздный небосклонъ,
 На мѣрѣ виспала риза ночи,
 И оковаль державный сонъ
 Ему покорственныя очи.
 Одна лишь шумная волна
 Молчанье ночи нарушаетъ,
 И одинокая луна
 На спыхшій спанъ лучи роняетъ.

Вотъ часъ священный для души,
 Прямое сердцу утѣшенье,
 Тогда мой богъ-воображенье
 Со мной бесѣдуетъ въ тиши.
 Освобожденный опъ спрданій,
 Дневныхъ суешъ, заботъ, мой умъ
 Спремится въ области мечтаній
 И молился во храмъ думъ,
 Доколь не вспыхнетъ лучъ денницы
 Среди восточныхъ облаковъ.
 Не такъ ли узникъ изъ пемницы,
 Разбивъ замѣкъ своихъ оковъ,
 Бѣжитъ во тѣмѣ ночной по полю?
 Продлись! Опъ молилъ ночи пѣнь:
 Хоть разъ помедли яркій день,
 Иль ты освѣпишь вновь неволю!

М. Федоровъ.

A UNE JEUNE FILLE.

Vous qui ne savez pas combien l'enfance est belle,
 Enfant! n'enviez point notre âge de douleurs,
 Où le cœur tour à tour est esclave et rebelle,
 Où le rire est souvent plus trisse que vos pleurs.

Votre âge insouciant est si doux qu'on l'oublie!
 Il passe, comme un souffle au vaste champ des airs,
 Comme une voix joyeuse en fuyant affaiblie,
 Comme un alcyon sur les mers.

Oh! ne vous hâtez point de mûrir vos pensées!
 Jouissez du matin, jouissez du printemps;
 Vos heures sont des fleurs l'une à l'autre enlacées;
 Ne les éffeuillez pas plus vite que le temps.

Laissez venir les ans! le destin vous dévoue,
 Comme nous, aux regrets, à la fausse amitié.
 A ces maux sans espoir que l'orgueil désavoue,
 A ces plaisirs qui font pitié!

Riez pourtant! du sort ignorez la puissance;
 Riez! n'attristez pas votre front gracieux,
 Votre œil d'azur, miroir de paix et d'innocence,
 Qui révèle votre ame et réfléçhit les cieux!

Ш А Р А Д А.

Моимъ *нагаломъ* называющъ
И въ знакъ почтенья величающъ
Дворянчиковъ, но не у насъ;
Когда-жь тебѣ загадка не далась,
Завѣсу древности подымай спарайся,
Увидишь памъ божка, да полько не пугайся:
Хоть не красивъ онъ, но поможешь
Мою загадку разгадашь.
А пѣмъ же, кто не можетъ
Вторую часть узнать,—
Скажу: обитель шо великаго Царя,
Который вѣрный былъ служитель алшаря.
А *цѣло*—есть заведенье
Для восшпанія дѣшей и обученья.

III.

Въ № 70, помещенный логотифъ значить: *Cane, âne.*

M O D E S.

Les manches larges du bas, terminées par un haut poignet, se voient chaque jour davantage aux femmes élégantes; si elles sont accueillies avec quelque autorité, comme nous sommes fondés à l'annoncer, elles vont complètement remplacer les bas de manches justes: d'abord, parce que les modes imposées par les femmes du monde *fashionable* prévalent toujours; et puis qu'on est las d'une mode de trois ans qui paraissait si durable.

Les poches sont maintenant une fantaisie qui ne se fait plus remarquer; on met quelque recherche dans leur façon, comme des noeuds qui semblent les fermer, une petite garniture presque plate de dentelle noire, ou une ruche. Jusqu'à présent les poches n'ont paru qu'en négligé ou petite toilette. Nos mères en mettaient à toutes leurs robes.

Mais nos mères avaient à loger, dans toute situation, l'éventail, la bonbonnière, le flacon, la pelotte, et que sais-je encore? Les poches avaient un but d'utilité. Aujourd'hui la plupart de celles que nous admirons sont fausses et figurées seulement en dehors.

On a remarqué ces jours passés à l'Opéra une charmante toilette de petit deuil. Sur une robe en pou de soie noir était posé un mantelet en point d'Angleterre, très-simple de dessin, et garni au cou d'une dentelle tombant comme un col. Un ruban de taffetas noir descendait autour du cou en sautoir, et faisait un nœud sur la poitrine; les deux pans volaient sans être retenus. Un chapeau de paille de riz doublé de noir avec trois cercles de rubans de taffetas autour de la forme, et un nœud en rosette. Des bas de soie noirs à jours et des souliers de gros de Naples.

M O Д Ы.

Рукава широкіе, внизу съ широкою обшивкою, всякой день видны болѣе и болѣе на щеголихахъ; если они приняты будутъ съ нѣкоторымъ одобреніемъ, какъ мы шо полагаемъ, шо совершенно замѣняютъ рукава въ обшажку, во первыхъ потому, что моды, вводимыя дамами моднаго свѣта, всегда превозмогающъ, а сверхъ того уже соскучились прехъ-лѣпнею модою, которая казалась такъ поспоянна.

Карманы теперь уже не замѣчательная прихоть; къ фасонамъ ихъ прилагающъ нѣкоторую изысканность, на пр. банпы, которые будпо завязываютъ ихъ, узенькая оборочка изъ чѣрнаго кружева почши вмадь, или рюшь. До сихъ поръ карманы видны полько *запросто* или въ небольшой нарядѣ. Бабушки наши дѣлали ихъ ко всякимъ платьямъ.

Но бабушкамъ нашимъ надо было класъ въ нихъ, во всякомъ положеніи, опахало, бомбоньерку, флаконъ, клубокъ, и что еще? Карманы имѣли полезную цѣль. Нынѣ же большая часть ихъ, которые мы видимъ, фальшивые, сдѣланные полько снаружи.

На прошедшихъ дняхъ замѣтили въ Оперѣ прелестный полупраурный нарядѣ. На платьѣ изъ чѣрнаго *rou de soie* надѣта была маншилья изъ Англійскихъ кружевовъ, весьма проспаго узора, и обшита около шеи кружевомъ, опкпнувшимъ какъ воротникъ. На шеѣ была чѣрная шэфляная лента, завязана на груди банпомъ, концы распущены. Шляпка бассовая, подложена чѣрнымъ съ према обручиками по шувъ изъ чѣрныхъ шэфляныхъ лентъ, банпъ розеткою. Черные шелковые прозрачные чулки, гроденаплевые башмаки.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

.....
ТРЕТІЙ ГОДЪ.
.....

Выходитъ
по Средамъ и
Субботамъ.

№ 72.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 104 №,
съ 36-ю картинками модъ,
въ С. П. б. 30, съ до-
ставкою и пересылкою
35 рублей.

СУББОТА, СЕНТЯБРЯ 9 ДНЯ 1833 ГОДА.

Прошла любовь, явилась Муза,
И прояснился шемный умъ.
Свободенъ, вновь ищу союза
Волшебныхъ звуковъ, чувствъ и думъ;
Пишу, и сердце не поскуешиъ;
Перо, забывшись, не рисуешиъ,
Близъ неоконченныхъ стиховъ,
Ни женскихъ ножекъ, ни головъ.

А. Пушкинъ.

ПЕРЕСМѢШНИКЪ.

ПОЗДНО ПРИШЕЛЪ—НИЧЕГО НЕ НАШЕЛЪ.

(Пословица).

Что можетъ быть несноснѣе людей, ко-
торые являются къ обѣду въ концѣ спо-
ла?— Они, какъ селѣдка за десертомъ, какъ
настойка послѣ обѣда, какъ Шампанское
предъ онимъ, какъ молодой женѣ дряхлый
мужъ, какъ . . . пѣма вещей, которыхъ пе-
реть не припомню.

Лучше опоздать, нежели вовсе не быть;
вопъ обыкновенная поговорка эпитъ поздно-
пріѣзжихъ: изъ вѣжливости поже самое впо-
риши и хозяинъ дома.

Для запоздалаго гостя все приходитъ въ
волненіе: встающъ, кланяющъ; хозлева, го-
сти, стулья, шарелки, все въ движеніи, какъ-
бы играли въ *весь таулетъ*. А ему какое дѣло?
Покуда каждый изъ собесѣдниковъ, какъ бы

на ученъ, принимаетъ въ поль-оборота на
право, или на лѣво, поздно пожаловавшій
препокойно располагается фронтомъ: садитъ
ся, придвигаетъ стулъ, оподвигаетъ при-
боръ своего предмѣстника, очищаетъ мѣ-
сто; между стѣмъ, офиціантъ, проклиная его
внупренно, съ веселымъ видомъ спѣшипъ
подашь ему чистый приборъ.

Хлопоты, дѣла важныя удержали его и
заспали опоздать къ обѣду: сегодня до-
кладной день у министра; бумагъ скопилось
множество, и всѣ весьма нужны; нельзя бы-
ло опорваться. Каждому предоставляется
право вѣриши, или не вѣриши сказанному.
Вспревоженные собесѣдники, сорванные съ
своихъ мѣстъ какъ будто землепрлсеніемъ,
единодушно лишь вѣряпъ тому, что запо-
здалый гостъ хопѣлъ лучше обѣдапъ поз-
дно, нежели вовсе не обѣдапъ. Спранные лю-
ди, они утверждающъ, и даже вопреки по-
словицъ, что лучше вовсе не являпъся, пе-
жели превожипъ цѣлое общество.

Для новоприѣзжаго объѣдъ было пріоспано-вился, но онъ изъ вѣжливости просипъ хо-зяина не спѣснился, а сей послѣдній, какъ человекъ знающій общежитіе, не противорѣ-читъ своему гостю—блюда снова замелька-ли вокругъ стола.

Поздноприбывшему несупъ супъ, холод-ное, корншоны — тогда какъ произведеніе Французской кухни, распространяя благо-уханіе, нѣжитъ вкусъ и обоняніе прочихъ поѣшителей: запахъ прески сливается съ ароматомъ ванили; заспывшая говядина, воз-вращенная изъ кухни, можетъ быть, опня-тая у поваренковъ, почитавшихъ его уже своимъ достояніемъ, очутилась, по милости запоздалаго, рядомъ съ золотымъ ананасомъ, съ румянымъ абрикосомъ. Смѣсь этихъ раз-личныхъ запаховъ производипъ непріятное ощущение на носы уже полуобѣдавшихъ: прихотливимъ обжорамъ пропивно даже видѣть блюда, которыя ими же, садясь за столъ, были приняты съ восхищеніемъ, блю-да, первоначально уполившія ихъ голодь.— Какаа неблагодарность!

Поздно пришелъ — ничего не нашелъ — или очень мало, добавимъ мы: запоздалому по-даюпъ супъ, но онъ уже проспиль, мозги подѣрнулись саломъ, надъ обрѣзанною пу-лардою можно учипсья анапоміи, дичь яв-ляется поже разрушеніе.— Опъ чего же все это? Только опъ того, что гостю неиз-вѣсна была старинная пословица—пустъ говорятъ пеперь, что пословицамъ вѣрпть не должно.

Пока желудокъ запоздалаго досадуепъ, спа-ли подаватъ десертъ; гостъ спѣшипъ доѣсть оспапки принесеннаго ему крема, который лишасъ своей прекрасной формы, колыхался какъ прелести обвешшалаой кокепки; но пщетна поздняя поѣшность.

Единственнпй персикъ, остававшійся на парелкѣ, манипъ взоръ и вкусъ гостя, онъ протягиваетъ руку—но, о ужасъ! одинъ изъ собесѣдниковъ, какъ-бы не замѣчая движенія запоздалаго гостя, беретъ плодь, и—безпло-денъ прудъ запоздалаго: ему достаюпся только лиспья, на коихъ покоидся пуши-спый лакомый плодь.

Обѣденный часъ, какъ минула любовнаго свиданія; опоздапъ въ обоихъ случаяхъ не-выгодно, и даже опмѣнно невыгодно: *позд-но придеши—ничего не найдешъ.*

Э

ПРИЧИНЫ БѢДНОСТИ НѢКОТОРЫХЪ РУС-СКИХЪ ДВОРЯНЪ.

Михаилъ Сергѣевичъ Шулепниковъ въ кни-гѣ своей: *Мысли о Русской прольпшленности*, написалъ между прочимъ: «по послѣдней ре-визіи, помѣщичьихъ креспьянъ и дворовыхъ людей соспоипъ до 9,316,000 душъ. Изъ нихъ по Банку, по Опекунскимъ Совѣтамъ, по Приказамъ Общественнаго Призрѣнія, по виннымъ опкупапъ и по другимъ случаямъ въ залогъ соспоипъ, безошибочно сказапъ можно, гораздо болѣе половины. Тѣ изъ заим-щиковъ, кои взяпыми деньгами дѣйспвитель-но пользуются и, посредспвомъ своихъ обо-роповъ, получаюпъ на нихъ болѣе процен-повъ, нежели плапятъ, вѣрно на безденежь не жалуются. Но если, какъ я полагаю, чи-сло паковыхъ, въ сравненіи съ прочими, мало: то нельзя не повѣрптъ, что между помѣщиками почно еспъ пакіе, которые опъ безденежья терпятъ; какимъ же об-разомъ выпипи изъ споль запруднительна-го положенія? Совѣпъ коропкій: не быпъ гусями *И. А. Крылова*, и обратпться къ бла-горазумію, прудолобію, умѣренности и дѣ-спельности.»—Къ сему можно и еще нѣчто прибавипъ въ пополненіе; но главное

По одѣжки протягивай носки!

ТЩЕСЛАВІЕ ВВОДИТЬ ВЪ ДУРАКИ.

Ясновельможный панъ, князь ***, над-мѣнный знапною породеою и богатепвомъ, ождапъ поѣщенія фельдмаршала Графа *П...* Желая блеснупъ передъ нимъ своею пышно-спію, онъ приказалъ дворецкому выспавипъ на споль къ объѣду *все серебро, какое у него въ долпъ имѣлось.* Какъ же удивился графъ *П...*,

когда сядься за столъ, увидѣлъ на немъ двѣнадцать паръ серебряныхъ шпоръ! Въ какіе дураки попалъ гордый хозяинъ, по милости своего дворецкаго!!!

ХОДЬБА НОВЫМЪ МАНЕРОМЪ.

Учитель одной школы рассказывалъ слѣдующій анекдотъ, герой коего по крайней мѣрѣ достоинъ похвалы по своему присущему духу, хотя бы онъ и выдумалъ (случившееся будто бы съ нимъ) происшествіе. — Это былъ одинъ изъ учениковъ упомянутой школы, который зимою въ гололедицу пришелъ цѣлымъ часомъ позже на лекцію. — Учитель спросилъ его, почему онъ такъ поздно явился? — «Потому,» отвѣчалъ ученикъ, — «снѣго при всякомъ покушеніи сдѣлать шагъ впередъ, я всякой разъ на два шага откапывался назадъ.» — Но какъ же ты наконецъ пришелъ сюда? возразилъ учитель. — «А вотъ какъ: я сдѣлалъ на лѣво кругомъ—и прикатился сюда въ обратномъ смыслѣ.»

СЛОВЕСНОСТЬ.

Л Ю Б Л Ю.

Народное преданіе.

(Изъ Мицкевича).

Посмотри, *Мама*: тамъ, гдѣ перемѣжаются рощи, гдѣ вправо густыя лозы распушь, влѣво проспирается мягкій лугъ, впереди рѣчка и мостикъ.

Тутъ же старая церковь: въ ней живутъ совы и филины. Возлѣ колокольни сгнившій срубъ, за колокольнею кусты малины, а въ энихъ кускахъ могилы.

Бѣсъ ли скрывался тамъ, или душа заколдованная; но въ полуночный часъ, никогда, сколько запомнятъ старые люди, никто не провзжалъ мѣстъ сихъ безъ страха.

Какъ скоро полночь одѣнетъ землю своимъ покровомъ, церковь расплывается съ шумомъ,

въ пуспомъ срубѣ колокола звонятъ сами собою, въ кустарникахъ что-то гулитъ и шипитъ.

Иногда пусклый огонекъ мелькаетъ въ долину; иногда слышится громъ — ударъ за ударомъ: поднимаются могильныя доски, и видно, какъ мѣртвае встаютъ изъ могилъ.

То прокатится по дорогѣ пруръ обезглавленный, то голова безъ плуловища: она открываетъ и ротъ и глаза, а во рту и въ глазахъ пылаютъ каменные уголья.

Иногда волкъ прибѣжитъ: захочешь прогнать его, и вдругъ волкъ распустилъ орлиныя крылья! Но довольно перекреститься, довольно сказать: пропади, исчезни, и волкъ исчезнетъ; а громкій хохотъ его еще долго бываетъ слышенъ.

Каждый путешественникъ былъ свидѣтелемъ сихъ ужасовъ, и каждый проклиналъ эту дорогу: у того переломится дышло въ повозкѣ, у другаго опрокинутся везы, у инаго лошади вывихнутъ себѣ ногу.

Я помню: старый *Андрей* не разъ говаривалъ, заклиналъ меня не ходить мимо этого мѣста; я смѣялся надъ чертлами, не вѣрилъ колдовству, и ѣздилъ и бѣгалъ туда.

Однажды, въ ночное время, поѣхалъ я въ Рупу: вдругъ на мосту остановилась моя повозка! Кучеръ спалъ погонялъ лошадей, кричалъ имъ: эй, ну, билъ ихъ кнутомъ... напрасно, лошади спояли на одномъ мѣстѣ; а наконецъ, вдругъ поскакали изъ всей силы—въ повозкѣ переломилось дышло, у самаго корня... Остатся въ полѣ, одному... ночью... вотъ *люблю*, сказалъ я: вотъ *люблю!*

Едва я выговорилъ сіи слова, — въ то же мгновение ужасная женщина - мерзвецъ выплыла предо мною изъ пучины ближайшихъ водъ! Свѣтлая одежда была на ней; лице ея было бѣло, какъ снѣгъ; огненный вѣнокъ лежалъ на ея головѣ!

Я хотѣлъ бѣжать, но упалъ отъ испуга: волосы вспали дыбомъ на головѣ моей! — Да будетъ слава Спасителю! — воскликнулъ я. «Во вѣки вѣковъ!» отвѣчала она.

«Кто бы ты ни былъ, добрый человекъ! благодарю тебя: ты избавилъ меня отъ мученій! Миръ тебѣ! Будь долготѣпелъ и щасливъ!»

«Ты видишь предъ собою образъ нечистой души; но скоро и я похвалюся небомъ: ибо однимъ словомъ *люблю*, ты избавилъ меня изъ темницы чистилищной.

«Пока не попухли на небѣ звѣзды, и первые пѣшухи не заплѣли въ ближнемъ селѣ, я расскажу тебѣ исторію моей жизни; а ты, для прѣдѣра, расскажешь еѣ другимъ.

«Нѣкогда и я жила въ этомъ мірѣ: *Машю* тогда меня называли. Опець мой, сильный, богатый и честный, былъ первымъ лицомъ въ повѣсть.

«Онъ желалъ, чтобы прежде кончины его вышла я за мужъ. Я была богата и молода; множество жениховъ искали руки моей: ихъ манили и красота и приданое.

«Нѣкоторые льстили тщеславію моей молодости—я безъ разбора пренебрегала толпою искапелей; но любила поклоны и угожденія этой толпы.

«Прѣѣхалъ *Иосифъ*—двадцатую доживалъ онъ весну: былъ молодъ, заплѣчивъ и добродѣпеленъ; не зналъ выраженій любви, но испыпалъ на себѣ пламя сей спраспи.

«Тщепно несчастный юноша испаявалъ передъ моими глазами; щепно лилъ слезы и денно и ношно: въ слезахъ его находила я какое-то смупное для себя удовольствіе; холодность моя приводила его въ опчаяніе.

«Я уйду!» говорилъ онъ, заливаясь слезами.—Иди.—Онъ ушелъ и любилъ, и любилъ и умеръ!—Здѣсь, возлѣ рѣки, подъ симъ зеленѣющимъ дерномъ, лежатъ его кости.

«Съ тѣхъ поръ жизнь сдѣлалась для меня несносною; я почувствовала позднее угрызение совѣсти; но не было средства возвраппишь потеряннаго; минуло время для принесенія покаянія.

«Однажды, въ полночь, я наслаждалась бесѣдою своихъ родипелей; вдругъ слышалъ

ся шумъ, свистъ, вопль...прилепаешь *Иосифъ*...спрашенъ былъ видъ его: какъ опверженный, весь онъ пыпалъ огнемъ необыкновеннымъ.

«Онъ схватилъ меня, задушилъ гуспымъ дымомъ, клубившимся по спонамъ его, и ввергнулъ въ пучину чистилища. Тамъ услышала я споны, скрежепаніе зубовъ, и узнала въ сихъ словахъ свое назначеніе:

— Ты знала, что изъ ребра мущины Богъ сотворилъ родъ женскій; ты знала, что онъ созданъ для услажденія заботъ мужскихъ, для ихъ развлеченія, а не для усугубленія ихъ спраданій.

— Ты имѣла сердце, но это сердце какъ будто окаменѣло въ груди пвоей: тебя не прогали споны; ни просьбами, ни перпѣніемъ, ни слезами, никто не могъ вымоппишь у тебя прѣпное слово.

— Въ наказаніе за жестокость свою, ты будешь испыпываешь всѣ чистилищныя мученія до тѣхъ поръ, пока кто нибудь изъ мущинъ, обипатель земли, не скажетъ для тебя: *люблю!*

— Было время, когда *Иосифъ* молилъ тебя о семь словъ: несчастный проливалъ о тебѣ горькія слезы. Моли же и ты, но не просьбами, не слезами, а чудесами и спрахомъ.—

«Вдругъ, адскіе духи схватили меня, и съ тѣхъ поръ... соппый годъ испекаетъ...днемъ мучаешь меня, а ночью снимаютъ оковы, и я оспавляю пучины палаяція.

«И въ церкви, и на могилѣ *Иосифа*, презрѣнная Небомъ, опверженная землею, я ужасаю пупниковъ, являясь имъ въ полночь, какъ привидѣніе.

«Идущихъ завлекаю въ лѣса и болопа, ѣдущихъ оспанавливаю, цѣпляясь за поводъ лошадей, и всякой кричипъ, бранипся, клянеть меня; ты первый сказалъ: *люблю!*

«За то опверзнулся передъ побою покровы судьбы... я покажу тебѣ будущность, въ черныхъ пучахъ сокрытую. Увь! ты также узнаешь *Машю*; но опа... «Въ эту минупу, къ несчастію, пѣшухи заплѣли въ селеніи.

Въ глазахъ ея отразилась небесная радость; она махнула рукою, какъ будто бы въ знакъ прощанія, превратилась въ прозрачный паръ и исчезла, какъ блѣдное облако, когда порхнувъ на него Зефиръ.

Смотрю: повозка моя спойтъ на дугу неврединю. Я съѣлъ въ неѣ—спрахъ мой мало по малу разсѣлся... Прошу помолитъся о душахъ въ чистилищѣ спраждающихъ.

Съ Польскаго *А. П.*

ТЩЕСЛАВНЫЙ ЧЕЛОВѢКЪ.

(*Посвящ. А. М. А—ву*).

Скромность есть добродѣтель, нужная для тѣхъ, коимъ небо даровало великіе таланты; но, что можно сказать о тѣхъ мелкихъ умахъ, которые смѣло выславляютъ гордость, могущую обезславить и самыхъ великихъ людей? Вездѣ вижу людей, которые безпрестанно говорятъ о самихъ себѣ; ихъ обращеніе есть зеркало наглости и безчинства. Они спанутъ говорить о всякихъ бездѣлицахъ, которыя только съ ними случились; почтивъ ихъ для себя импересными, желаютъ, чтобъ эпопѣ самый импересъ пронуль и васъ не меньше. Они все дѣлали сами, все видѣли, обо всемъ говорили, все передумали; они служатъ образцомъ для всѣхъ; они обильный примѣръ сравненій, неисчерпаемый источникъ примѣровъ.—О, какъ ничтожна эта похвала въ сравненіи съ ихъ достоинствами!

За нѣсколько дней предъ симъ, случилось мнѣ видѣться съ однимъ человѣкомъ, который имѣлъ точно такой характеръ. Онъ цѣлые два часа рассказывалъ намъ о себѣ, о своихъ достоинствахъ и дарованіяхъ; но какъ еще нѣтъ въ Свѣтѣ непрестаннаго движенія, то и эпопѣ господинъ наконецъ замолчалъ; между тѣмъ разговоръ завелъ снова, и мы старались поддерживать его.

Тутъ одинъ человѣкъ, казавшійся довольно серьезнымъ, началъ жаловаться на скуку, господствующую въ обществахъ. «Какъ!

вы жалуетесь на глупцевъ, которые безпрестанно сами себя хвалятъ, и все хорошее принимаютъ на свой щѣтъ?» — торопливо отвѣчалъ намъ говорунъ: «ваша правда: лучше всего поступать такъ, какъ я. Я никогда себя не хвалю. Я имѣю доспапокъ, доволенъ своимъ незнапнымъ родомъ, издерживаю всегда довольно. Друзья мои говорятъ, что я имѣю сколько нибудь дарованій; но я не люблю объ этомъ говорить. Если я подлинно имѣю какія хорошія свойства, по вѣрно первое изъ нихъ есть скромность.— Я люблю её во всякомъ.»

Я удивлялся эпому нахалу, и между тѣмъ, какъ онъ говорилъ очень громко, я сказалъ весьма тихо: щасливъ тотъ, кто столько тщеславенъ, что не хочетъ никогда говорить о себѣ съ похвалою; боится тѣхъ, которые его слушаютъ, и не сравниваетъ своихъ достоинствъ съ гордостію другихъ.

А. Гревъ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

ЗВѢЗДА.

(*А. Е. Грену.*)

Звѣзда! какъ свѣтло блещешь ты,
 Какимъ величіемъ сілешь,
 На душу мрачныя мечты
 И пайный пренептъ насылаешь.

*

Я на тебя, звѣзда, гляжу
 Порой съ неясною тоскою,
 И очарованный мечтою
 Въ душѣ все прежнее бужу.

*

И мнѣ привѣстенъ образъ пвой,
 Какъ для спрадальца упованье.
 Свѣти звѣзда, пвое сіянье —
 Врачуешь духъ печальный мой.

Ап—изъ Лесницкій.

L O G O G R I P H E.

Fuyez, et loin de moi précipitez vos pas,
O vous tous, qui ne voulez pas
Ou rôtir ou vous battre!

Je brûle avec six pieds, et je perce avec quatre.

Въ No 71, помѣщенная шарада значить: *Пансіонъ*.

БИБЛИОГРАФІЯ.

Повѣсти и рассказы Вильгельма Карлгофа. *Дѣтъ части. С. П. б. 1833.*

Многіе почтенные люди мыслятъ, будто бы мы, по какому-то личному неудовольствію, споль часто обличаемъ и уличаемъ издаателя *Моск. Телеграфа* въ промахахъ, недосмотрахъ и явныхъ пропироврчіяхъ истинѣ и льстописямъ. Совсѣмъ нѣтъ! Пусть развернутъ они листки *Русскаго Инвалида* 1825, 1826 и 1827 годовъ: они увидятъ, что ошибаются, что мы, при вспуленіи г. *Полеваго* на журнальное поприще, ободряли эпаго неопытнаго молодаго челоуѣка, спарались всѣми зависѣвшими отъ насъ средствами благорасположить въ его пользу опечеспвенную Публику. Тогда онъ издавалъ *Телеграфъ* подъ благопворнымъ вліяніемъ князя *Вяземскаго*, *Погодина*, *Максимовича*, *Строева*, объявлялъ свои мнѣнія скромно, даже застѣнчиво, держалъ себя въ границахъ умѣренности.

Въ послѣдствіи, когда онъ опспутился отъ логики, мы опспутились отъ него. И могли ли мы равнодушно слушать его выходки пропирвъ знаменитаго исторіографа, его нападки на *Владимира Мономаха*, его усиліе выспавить героемъ добродѣтели *Святополка Окаяннаго*?

У издаателя *Славянина* и *Лит. Прибавленій* не только не тайлось въ душѣ никакой личной неприязни къ издаателю *Моск. Телеграфа*, а напропирвъ, всегда оспавалась жалость къ его липературнымъ заблудженіямъ и признательность за его прежніе хорошіе о его журналахъ опзвывы. Г. *Полевой* смѣло защищалъ

ихъ пропирвъ другихъ, не совсѣмъ безпристрастныхъ газетчиковъ: «вы хвалите *Описаніе дѣйствій Черноморскаго флота*, соч. А. В. *Висковатова*, вы хорошо опозвались о переводѣ книги *Осенній походъ 1813 года*, соч. Д. П. *Бутурлина*, вы находите пріятными, занимательными и чиспымъ Русскимъ языкомъ написанными *Повѣсти и рассказы* (*) В. И. *Карлгофа*,» пвердилъ онъ имъ: «а все сіе, прежде, чѣмъ вышло въ Свѣтъ книгамъ, было напечатано въ *Славянинѣ*: опъ чего же находили вы сей журналъ споль скучнымъ, споль нелѣпымъ? Не опъ того ли, что его издавалъ *Воейковъ*, навлекшій на себя вашъ гнѣвъ, ваше неблагорасположеніе?» Такъ, или почти такъ справедливо и громко изъяснялся тогда г. *Полевой*.

Начипавъ нынѣ въ No 9-мъ его журнала основательный, хопя нѣсколько запоздалый разборъ *Повѣстей и рассказовъ* г. *Карлгофа*, мы перепечатаваемъ оный, не перемѣняя ни одного слова, въ *Лит. Прибавленіяхъ*.

«Важнымъ преимуществомъ эпаго собранія *Повѣстей и рассказовъ* передъ другими,» говоритъ г. *Полевой*: «полагаемъ мы по, что авпоръ не хотѣлъ писатъ ни *красныхъ*, ни *синихъ*, ни *зеленыхъ*, ни *разноцвѣтныхъ* сказокъ, какъ пишутся пеперь повѣсти и сказки у насъ, и пишутся попому только, что Французы пишутъ разноцвѣпныя повѣсти, и называютъ ихъ *зелеными*, *синими*, *красными*, и проч.—Г-нъ *Карлгофъ* писалъ, какъ ему писалось. Достоинства и недоспапки спуть его собспвенныя. А эпо въ Русской словесности не бездѣлица.

«Хопите ли знать опличительный характеръ повѣстей г-на *Карлгофа*? Войдите въ собраніе молодыхъ офицеровъ; вслушайтесь въ ихъ разговоры. Разговоръ живъ, лепучъ, легокъ; вернитесь на обыкновенныхъ предметахъ общепитія, песпирится подробностями офицерской и бивачной жизни. Но внимательно и долго прислушиваясь, вы узнаете, что собесѣдники не проспо молодые офицеры, у которыхъ бѣенія сердца ино-

(*) Не всѣ повѣсти полковника *Карлгофа* были помѣщены въ *Славянинѣ*.—В.

гда не слышно подъ менпикомъ, а звонъ и спукъ сабли нерѣдко заглушаютъ голосъ души. Нѣтъ! вы услышите опъ гусара прогашельный, живой разсказъ; опъ улана смѣлую, глубокою мысль; аршиллеристъ изумитъ васъ своимъ познаніемъ сердца чело-вѣческаго! Гдѣ они не бывали? Чего не переиспытали, не смотря на юность свою? И все это говоритъ и разсказываетъ мимоходомъ, лепитъ и исчезаетъ, какъ дымъ изъ трубокъ, окружающій собесѣдниковъ, какъ шипучее произведеніе *Жаксона*, веселящее ихъ въ бѣгло, разнообразномъ разговорѣ! Вы видите людей, привыкшихъ жить подъ шапромъ, засыпать подъ свистомъ пуль, просыпаться опъ грохота пушекъ, и спѣшить жизнью. Въсповая ракета оканчивается у нихъ жаркій философскій споръ; громъ барабана перерываетъ главу поэпической повѣсти, или разсказъ, начатый опъ сердца доброму повариху, о незабвенной дѣвѣ, имя которой тихо шепчетъ усатый офицеръ, смотря на золотое колечко ея, когда смерть высылаетъ къ нему приглашеніе въ гости съ Турецкой батарее, и каждое ядро, жужжа надъ его головою, какъ будто спрашиваетъ: «не вы ли потъ, къ кому меня послали?»

«Именно это характеръ найдете вы въ повѣстяхъ г-на *Карлгофа*. Разсказъ его живетъ на бивакѣ, или отдыхаетъ въ общеспѣ офицерскомъ; повѣсти его писаны на разоспланномъ для отдыха плащѣ, разсказаны въ кругу товарищей, за спаканомъ чаю, бокаломъ Шампанскаго, трубкою пабаку; событія вьются около лагеря и спавки. Не ищете въ нихъ эпои пишины досуга, когда для спрасти есть время плѣтъ и разгараться; не ищете глубины чувства, копорая является опъ уединенной жизни въ самомъ себѣ, съ самимъ собою; не ищете и цвѣпистой живописи подробностей: онѣ сжаты, коропки, мимолетны. Авторъ едва задумался, и уже улыбается. Вы ждете опъ него рѣшенія психологической задачи въ его разсказѣ: онъ кончитъ шупкою; шупка его неожиданно переходитъ въ тяжелый вздохъ! Такъ вы слѣдуете по спрапичкамъ его книжки, и готовы сказать при

окончаніи: «мы не довольны авторомъ: онъ или не хочетъ высказать себя вполне, или невольно оспавляетъ что-то за душею.»— Что же опвѣтитъ вамъ авторъ: «Мнѣ некогда, Мм. Гг.!— Будьте довольны нѣсколькими легкими очерками, и извините автора: онъ спѣшитъ на разводъ, въ дежурство...»

«Самый объемъ спавпей показываетъ, что авторъ бросалъ ихъ наскоро: это листочки, вырванные изъ записной книжки чело-вѣка съ умомъ, душею, замѣчательнымъ дарованіемъ; но это *листочки*, а не вполне окончанныя созданія художника! Въ двухъ небольшихъ книжкахъ, г-нъ *Карлгофъ* помѣспилъ *девятнадцать* повѣстей и разсказовъ. Многие изъ нихъ можно назвать анекдотами походной жизни, или шупками, мило разсказанными. Другіе любопытны тѣмъ, что знакомятъ насъ съ подробностями военной жизни нашихъ современниковъ. Мы увѣрены, что многое совсѣмъ не выдумалъ авторъ: онъ и не думалъ объ изобрѣпении, списалъ просто, что видѣлъ, слышалъ, что мелькало передъ его глазами, и поражало его душу, его сердце.

«Признаемся, что лучшею повѣстью въ собраніи г-на *Карлгофа* кажется намъ: *Портретъ*. Мысль богатая, поэпическая, и какъ жаль, что авторъ не развилъ ея! Но о вкусахъ спорить не будемъ, и скажемъ, что повѣсть: *Ротлистръ Ветлинъ*, не удовлетворяя развязкою, занимательна своею таинственностью и многими подробностями; что въ повѣсти: *Сосилъ*, мы находимъ большую неспественность: намъ кажется, что *Сосилъ* не могла скрывать опъ своего любовника споль продолжительное время. Опъ эпига разрушается для насъ предеспъ главныхъ положеній.

«Оспавимъ однакожъ споры и мелкія привязки, и замѣпимъ, что слогъ г-на *Карлгофа* вообще правиленъ, чистъ, и, что всего важнѣе, согрѣтъ теплотою сердца, оживленъ добропотою души, чистотою, неподдѣльною. Можно поспорить съ авторомъ во многомъ, но нельзя не полюбить его, прочитавъ его *Повѣсти и разсказы*. Мы осмѣились бы тоже сказать лично о самомъ авторѣ; но лич-

носпи не позволены въ липературномъ дѣлѣ, и мы принуждены ограничиться только напоминаніемъ извѣснаго сѣиха:

Душа поэтовъ въ ихъ швореніяхъ видна.»

М О Д Е С.

On fait beaucoup, pour les toilettes du matin ou les visites du soir négligées, des capotes en mousseline de l'Inde, doublées en gros de Naples de couleur; un demi-voile de dentelle, et un ruban coquillant comme un chou avec une dentelle qui s'y trouve entremêlée.

Une très-jolie façon de pélerine simple et destinée à de petites toilettes est en tulle uni, sans broderie ni tulle de bordure. La première est boutonnée devant sur la poitrine, par des boutons de lingerie; elle est coupée droite sans pointe. La seconde arrondie aussi devant; la troisième forme le col. Ces pélerines étant faites à ourlets rapportés, et toujours blanches à neuf, sont très-légères et transparentes; elles siéent parfaitement au visage lorsqu'elles sont mises sur une robe d'étoffe ou de mousseline de couleur. Il faut éviter de les porter avec une cravate lourde; il faut choisir au contraire un ruban grenadine, ou une pointe en gaze Dona Maria.

La chaussure est certainement un des points les plus importans de la toilette d'une femme. C'est une partie de son élégance, c'est le cachet de son bon ou mauvais goût. Les bas à jours ou unis doivent être d'une finesse extrême. Les souliers sont moins carrés, non point du bout, mais de l'entrée, qui doit un peu s'arrondir. Les souliers de gros de Naples ou peau satinée de couleur, sont les seuls permis. Ceux de satin, malgré la saison se portent aussi le soir. Mais gardez-vous bien des souliers de prunelle, devenus si communs, qu'il faut les abandonner, avec les brodequins en prunelle et peau, qui déjà en hiver on ne portait pas dans un certain monde. Les maroquins anglais de couleur sont fort bien pour le matin, et souvent avec des guêtres de gros de Naples assorties.

Les femmes reprennent les gants paille, citron, beurre frais, et elles ont bien raison. Rien n'est joli comme une petite main gantée en couleur claire; rien

n'est élégant comme ce qu'on suppose n'être porté qu'une fois.

М О Д Ы.

Для упренныхъ нарядовъ, или вечернихъ визитовъ за-просно, дѣлають много капотовъ изъ Индѣйской кисеи, подложенныхъ цвѣснымъ гроденаплемъ, съ кружевнымъ полууалемъ и лентою, свернутою капусскою, перемѣшанною съ кружевомъ.

Для небольшого наряда, весьма красивый, простой фасонъ пелеринки изъ гладкаго шюля, безъ шипья и ничѣмъ не обшитой. Первая заспегнуша на груди пуговками, упопреляемыми для бѣлья; она скроена безъ мыска. Вторая округлена спереди; шрепя составляетъ ворошникъ. Пелеринки сѣи, съ завороченными рубцами, моются за-ново, весьма легки и прозрачны; онѣ весьма идутъ къ лицу, когда надѣшь ихъ на шелковое или изъ цвѣсной кисеи платье. Надо избѣгать надѣвать съ ними шажелье галстуки; всего приличнѣе напрошивъ ленша гренадиновая или косыночка изъ газа Донна Марія.

Обувь конечно одна изъ важнѣйшихъ спашья въ женской одеждѣ. Это частъ ея щеголеватости, это оппечатокъ ея хорошаго или дурнаго вкуса. Чулки прозрачны, или гладкіе, должны быть чрезвычайно тонки. Башмаки не такъ чепвероугольны, не съ концевъ, а гдѣ надѣваются, шупъ должны немного округляться. Въ упопреленіи только гроденаплевые башмаки и изъ цвѣсной апласистой лайки. Апласные, не взирая на время года, надѣвають вечеромъ. Но берегись упопрелять прюнелевые башмаки, сдѣлавшіеся споль обыкновенными, что ихъ должно бросить, съ прюнелевыми и лайковыми сапожками, которые еще зимою перестали носить уже въ нѣкоторомъ свѣтѣ. Англійскіе цвѣсные сафьяны весьма приличны упромъ, иногда съ гроденаплевыми шпиблетами подѣ цвѣтъ.

Дамы опять принялись за перчашки соломеннаго, лимоннаго и свѣжаго масла цвѣповъ. Ничего нѣтъ красивѣе, какъ маленькая ручка въ перчашкѣ свѣплаго цвѣта; ничего нѣтъ щеголеватѣе того, что предполагають нельзя упопрелить болѣе одного раза.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

•••••
ТРЕТІЙ ГОДЪ.
•••••

Выходитъ
по Средамъ и
Субботамъ.

№ 73.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 10 1/4 №, сь
съ 36-ю картинками модъ,
въ С. П. б. 50, сь до-
спавкою и пересылкою
35 рублей.

СРЕДА, СЕНТЯБРЯ 13 ДНЯ, 1853 ГОДА.

Откуда на меня рокъ чёрный накачался?
Почто я съ ремесломъ безвыгоднымъ спознался?
Какой злой духъ меня перомъ вооружилъ?
О Небо, сколько мной поспраченныхъ чернилъ!

Дмитрисъ.

ПЕРЕСМѢШНИКЪ.

ВѢРНОЕ ЛЕКАРСТВО ОТЪ ОБМОРОКОВЪ.

«Вторая жена моя румянится, какъ актриса, бѣлится, сурмитъ брови, прыгаетъ и панцуетъ мазурку, забывая свои 46 лѣтъ;» пишеть къ издапелю —скій помѣщикъ Севасьянъ Григорьевичъ *Пантюхинъ*. «Другая слабость ея еще отвратительнѣе. Дражайшая моя половина изъ числа тѣхъ женщинъ, копорыя падають въ обморокъ безъ всякой перемѣны въ лицѣ, и всегда отъ *моральныхъ* причинъ; но копорыя, не смотря на вѣчныя спазмы и слабость нервъ, вѣдять очень хорошо, спятъ крѣпко и полспѣють.

«Мѣсяца черезъ три послѣ свадьбы жена моя развернула передо мною свои дарованія; она пригословила мнѣ множество прагматическихъ сценъ: двадцать обмороковъ и столько же истерическихъ припадковъ. Это было не очень прудно для неѣ: она садилась на канане или на кресла и говорила: *мигъ дурно!* закрывала глаза, черезъ нѣсколько минутъ раскрывала ихъ—и все шуть. Но моя

роля пребовала гораздо болѣе пруда. Надлежало кликнуть служанку, лишь укусъ, ходить за больною, сидѣть подлѣ неѣ—и брать участіе въ глупой комедіи, потому, что она для меня игралась.

«Наконецъ я выдумалъ средство прекрапшить еѣ, къ несчастію, уже на третій день, а не прежде; а именно: замѣпивъ, что жена моя бѣлится и сурмитъ себѣ брови, я спросилъ холодной воды, и сказалъ вслухъ, что намочу ею платокъ—и буду тереть имъ лицо у больной. Выдумка подѣйствовала—и госпожа *Пантюхина* образумилась.

«Съ удовольствіемъ сообщаю публикѣ это невинное изобрѣненіе, копорое можетъ бытъ вѣрнымъ лекарствомъ для многихъ дамъ, склонныхъ къ обморокамъ.»

СРЕДСТВО РАЗБОГАТѢТЬ.

Хотите ли разбогатѣть? Купите N... за то, чего онъ сподитъ, и продайте за то, во что онъ себя цѣнитъ.

СЛОВЕСНОСТЬ.

ИСПАНСКІЙ ГРАНДЪ.

Во время экспедиціи, предпринятой *Лудовикомъ XVIII* въ 1823 и 1824 годахъ для вспомошествованія *Фердинанду VII-му*, я случайно находился въ Турѣ, лежащемъ на дорогѣ въ Испанію.

Наканунѣ моего выѣзда изъ сего города, я посѣтилъ балъ одной изъ любезнѣйшихъ женщинъ Тура, въ которомъ умѣюпъ величаться лучше другихъ провинціальныхъ городовъ. Незадолго передъ ужиномъ: ибо въ Турѣ эпопѣ обычай еще существоуетъ, — я подошелъ къ небольшому кружку, посреди котораго неизвѣстный мнѣ человекъ разсказывалъ какое-то происшествіе.

Эпопѣ разсказчикъ поздно явился на балъ. По пріѣздѣ онъ прямо сѣлъ за *экарте*, и проидя нѣсколько разъ, къ удовольствію державшихъ за него пари, оставилъ игру, будучи побѣжденъ Карабинернымъ подпоручикомъ. Чтобы утѣшиться въ своей невгодѣ, онъ принялъ участіе въ разговорѣ объ Испаніи, — обыкновенномъ предметѣ тысячи бесполезныхъ диссертацій.

Во время разсказа, я разсмапривалъ съ невольнымъ вниманіемъ черпы и самую особу разсказчика. Эпо было существо *многолицное*, имѣющее сходство съ сполькими *типалами*, что наблюдатель оспанется въ недоумѣніи, къ какому разряду людей причислитъ его.

Во первыхъ, онъ былъ украшенъ красною лепточкою; но эпо опличіе, слишкомъ распоченное, не подаетъ уже особо выгоднаго мнѣнія объ особѣ, получившей оное; на немъ былъ зелѣный фракъ, а я не люблю видѣть эпопѣ цвѣтъ на балѣ, поному, что приличіе повелѣваетъ въ собраніяхъ эпопаго рода носить черное платье; на башмакахъ у него блестѣли спальные пряжки, вмѣсто бантовъ; галсхухъ повязанъ дурно; словомъ, я замѣтилъ, что онъ не много занимается своимъ нарядомъ: я принялъ его за аршиста.

Голосъ и пріѣмы его имѣли нѣчто слишкомъ обыкновенное; лице, озаренное красно-

пою пицеваренія, не имѣло ни какой рѣзкой черты, которая опличала бы всю его особу; онъ имѣлъ открытый лобъ и мало волосъ на головѣ. По эпой діагностикѣ, я колебался опредѣлить его быть: совѣтникъ ли онъ префектуры, или прежній военный комисаръ; какъ вдругъ онъ положилъ руку, съ судейскою ужимкою, на руку своего соѣда, и я помѣспилъ его въ разрядъ пишущихъ живописныхъ.

Я былъ совершенно увѣренъ въ истинѣ моего опредѣленія, замѣпя, что его слушаюпъ только поному, что разсказъ его занимателенъ; ни одинъ изъ слушателей не оказывалъ ему той покорной внимательности, принадлежащей людямъ, пользующимся всеобщимъ уваженіемъ.

Не знаю, представите ли вы себѣ живо, какъ эпопѣ человекъ набиваетъ пабакомъ носъ, говоритъ скоро, подобно пѣмъ, кои спѣшатъ окончить разсказъ свой, спрашасъ не быть дослушанными; впрочемъ, свободно выражается, разсказъ его хорошъ, описанія его оригинальны и онъ забавенъ, какъ полковой *лустихъ*.

Чтобы избавить васъ отъ скуки, я дозволяю себѣ передать вамъ его испорію, слогомъ разсказчика, и придамъ оному попѣ дидактической образъ, необходимый для повѣспованій, которыя изъ дружескаго разсказа передаются наборщикомъ во всеузнаніе.

Герцога *Бергскій*, по вспугленіи въ Мадридѣ, пригласилъ знатнѣйшихъ жипелей онаго на балъ, который давала Французская армія новозавоеванной спольцы. Не смотря на пышность празднества, Испанцы были не слишкомъ веселы, супруги ихъ танцовали не много.

Дамы, со всею безопасностію, могли прогуливаться въ блистательно-освѣщенномъ саду... Праздникъ былъ царски роскошенъ; ничего не пощажено, чтобы дать Испанцамъ высокое понятіе объ императорѣ, ежели бы они вздумали судить о немъ по его подданнымъ.

Въ опдаленной бесѣдкѣ, въ два часа за полпочь, нѣсколько Французскихъ офицеровъ разговаривали о превращенностяхъ войны, и не совсѣмъ радостной будущности: объ эпюмъ можно было заключить по недовольному виду Испанцовъ, находившихся на балѣ.

« Чортъ возьми, сказалъ одинъ изъ собесѣдниковъ, въ мундирѣ главнаго корпуснаго доктора, я вчера формально просилъ *Мюрата* объ увольненіи меня отсюда. Это я сдѣлалъ не отъ того, чтобъ боялся положить здѣсь свои кости, но я предпочитаю перевязывать раны, наносимыя нашими добрыми сосѣдями Нѣмцами; оружіе ихъ вопзается въ плѣо не столь глубоко, какъ Каспильскіе кинжалы... Съ малолѣтства начинался я Испанскихъ книгъ, и затвердилъ объ ужасахъ, которые случились въ семъ государствѣ: это невыгодно предварило меня о нравахъ жителей... И что же! Со вступленія нашего въ Мадридъ, мнѣ уже удалось быть, ежели не героемъ, то по крайней мѣрѣ участникомъ опаснаго происшествія, по мрачности и запущенности своей годнаго для романа госпожи *Радклиффъ*... А какъ я вѣрю въ предчувствія: но завтра же убиваюсь отсюда во сволси.»

— А какъ ты намѣренъ намъ откланиваться, то прежде расскажи свое происшествіе— воскликнулъ полковникъ, старый служака, чуждый придворнаго тона.

Главный докторъ, внимательно озираясь вокругъ, и удосповѣряясь, что шупъ не было ни одного Испанца, сказалъ:

« Охотно, полковникъ *Шарень*; здѣсь все одни Французы.— Дней съ шесть тому назадъ, часовъ въ одиннадцать вечера, я преспойно возвращался домой отъ генерала *Латура*, который живетъ со мною въ одной улицѣ... Вдругъ, изъ переулка два незнакомца, или лучше, два бѣса кинулись на меня, завернули мнѣ голову и руки въ огромный плащъ... Я, какъ вы себя можете представить, кричалъ не хуже бытои собаки, но плащъ заглушалъ мой голосъ, и когда съ невѣроятною быстротою перенесли меня въ карету и сорвали варварской по-

кровь: тогда женской голось дурнымъ Французскимъ лзыкомъ сказалъ мнѣ:

— Если вы закричите, захопите освободиться, или сдѣлаете малѣйшее двусмысленное движеніе, то господинъ, напропивъ васъ сидящей, заколетъ васъ.— Сидите же смиренно. Теперь я сообщу вамъ причину вашего похищенія... Попрудитесь пропянуть ко мнѣ руку, вошь здѣсь, между нами, найдете вы ваши инструменпы. Мы посылали за нами къ вамъ отъ вашего пмени; они вамъ конечно будутъ нужны. Мы веземъ васъ шуда, гдѣ присутствіе ваше необходимо... Дѣло идетъ о спасеніи чести благородной дамы. Она близка къ разрѣшенію отъ бремени... Хотя мужъ ея все еще страстно влюбленъ въ нее, рѣдко покидаетъ, и спережеть еѣ со всею неусыпною ревностью Испанца, но она умѣла скрыть отъ него свою беременность. Онъ почипаешь еѣ больною. И такъ, вы видите, что опасность предпріятія до васъ не касается: только повицуйтесь намъ; въ проптивномъ случаѣ, любовникъ этой дамы, который сидитъ напропивъ васъ, и который не понимаетъ ни слова по Французски, заколетъ васъ при малѣйшей вашей неосторожности.—

« Кто же вы сами? » спросилъ я разскащицу, ища руки ея, которая была покрыта мундирнымъ рукавомъ.

— Я горничная этой дамы, ея повѣреннал, и голвовая вознаградила васъ, ежели вы добровольно примете участіе въ неприяпномъ нашемъ положеніи.—

« Согласенъ! » отвѣчалъ я, видя что силою вовлеченъ въ опасное приключеніе.

Пользуясь темнотою, я спарался удостовѣриться, гармонируютъ ли формы разскащицы съ ея роскошнымъ, музыкальнымъ голосомъ.

Она вѣроятно уже приготовилась ко всѣмъ случаямъ сего страннаго похищенія: ибо хранила самое снисходительнѣйшее молчаніе, и не прошло десяти минутъ, какъ она обмѣнилась со мною спростнымъ поцѣлуемъ.

Сидящій пропивъ меня господинъ не оскорбился за нѣсколько полчковъ, которыми я невольно наградила его; но какъ онъ не понималъ по Французски, то я полагаю, что и не обратилъ на насъ вниманія.

— Съ однимъ условіемъ могу я только принадежаться вамъ, — отвѣчала мнѣ разскащица на мои нелѣпости, которыми осыпалъ я её въ жару моей неудовлетворенной спрашки.

« А именно?»

— Чтобы вы не допскивались, у кого живу я... Приходишь къ вамъ буду ночью, а вы будете принимать меня безъ огня.—

На эпомъ прекратился разговоръ нашъ. Карета остановилась у садовой ограды.

— Позвольте мнѣ завязать вамъ глаза! — сказала моя спутница, и немедленно это исполнила.— Теперь дайте мнѣ руку, продолжала она, я поведу васъ.— —

Я слышалъ, какъ оспорожно вложили ключъ въ замокъ — вѣроятно, молчаливый любовникъ, сидѣвшій пропивъ меня; вскорѣ послѣ того, проводница моя повела меня по пещанымъ аллеямъ сада — и вдругъ остановилась.

Судя по шуму шаговъ нашихъ, раздававшихся въ воздухъ, я предположилъ, что мы находимся у дома.

— Теперь молчите!... — сказала она мнѣ на ухо, и берегите сами себя!... Будьте внимательны къ моимъ знакамъ: ибо я не могу уже говорить съ вами, не подвергая обонхъ насъ опасности— дѣло идетъ о спасеніи вашей жизни.

Потомъ она сказала вслухъ:

— Чтобы дойти до комнаты госпожи моей, должно будетъ проходить чрезъ комнату ея супруга и даже мимо его кровати; такъ смотрите же, не кашляйте, идите тихо, не отставайте отъ меня, чтобы не задѣть за что либо, или не свернуть съ ковра, который я нарочно подослала.—

Тутъ глухо проворчалъ любовникъ отъ нестерпимія. Горничная умолкла; услышавъ скрипъ распоряющейся двери, я почув-

ствовалъ теплый компаный воздухъ, и мы пробрались на цыпочкахъ, какъ воры на промыселъ.

Наконецъ, нѣжная ручка горничной сняла съ глазъ моихъ повязку.

Я очутился въ огромной комнатѣ, дурно освѣщенной дымящеюся лампадою. Окно было раскрыто, но въ немъ, ревнивымъ мужемъ, вставлена была желѣзная рѣшетка: я очутился какъ-бы въ мѣшкѣ.

Прелестная женщина лежала на полу; на лице ея было наброшено кисейное покрывало, сквозь которое полные слезъ глаза ея сіяли, какъ звѣзды. Она держала во рту баписловый платокъ, и споль сильно кусала его, что ея зубы впилсь въ него... Я не видывалъ тѣла прелестнѣе этой женщины, но тѣло это отъ спраданій свертывалось, какъ мепаллическая спруна въ огнѣ. Спрадалица упиралась ногами въ комодъ, руками держалась за перекладыны спула; жилы ея ужасно напряжились—она согнулась въ дугу.— Она подобила преспунику, котораго члены корчались подъ пышкою.

Впрочемъ, ни малѣйшаго крика, лишь кости ея хрустѣли, и это былъ единственый звукъ въ комнатѣ.— Мы прое оставались безгласны и недвижимы.

Храпѣніе супруга раздавалось съ упѣшительнымъ однообразіемъ.

Мнѣ хотѣлось рассмотретьъ горничную, но она опять надѣла на себя маску, которую дорогою вѣроятно снимала, и я лишь увидѣлъ черные глаза ея и явспенныя округлости, сильно вздымавшія ея мундиръ. Любовникъ равномерно былъ замаскированъ. Вспуия въ комнату, онъ немедленно бросилъ полотно на ноги своей любезной и сложилъ вдвое покрывало на лицѣ ея.

По тщательномъ рассмотрѣніи спрадалицы, я увѣрился чрезъ нѣкоторые признаки, замѣченные мною нѣкогда въ одномъ гореспномъ событіи моей жизни, что ребенокъ уже не существовалъ; я сообщилъ о томъ горничной.

Въ эту минуту, недовѣрчивый незнакомецъ обнажилъ кинжалъ свой; но я уже ус-

пѣлъ все сообщить горничной, а ша передасть ему.

Любовникъ запрепепалъ опть моего приговора; мнѣ казалось, что я вижу, какъ блѣднѣетъ онъ подь своею бархатною маскою.

Горничная, пользуясь минутою, когда эптопть опчаянный человекъ смопрѣлъ на умирающую, показала мнѣ на два спакана, наполненные лимонадомъ, и сдѣлала оприцательный знакъ.

Я понялъ, что не смотря на ужасную духоту, мнѣ не должно было пить.

Вдругъ любовникъ схватилъ претпій спаканъ съ лимонадомъ и выпилъ половину.

Въ эту минутоу, замѣпивъ въ спрадалицѣ сильное судорожное движеніе, возвспившее мнѣ щаспливую минутоу перелома мукъ, я схватилъ ланцетъ, и пропиву воли ел, удачно пустилъ ей кровь изъ правой руки. Горничная приняла въ салфетку изобильно текшую кровь; любовникъ впалъ въ уныніе, благопріятное для моей операціи... Я вооружился смѣлостью — и, по прошеспвіи часа, извлекъ изрѣзаннаго на части младенца.

Испанецъ видя, что я спасъ его любезную, не думалъ болѣе убить меня; онъ плакалъ, и изъ подь маски капали слезы на его плащъ.

Роженица не испустила ни малѣйшаго спона; только кусала плапокъ; потъ лилъ съ неѣ градомъ, и она препепала, какъ серна.

Въ одну изъ самыхъ рѣшительныхъ минутоу, она указала на комнату мужа; спругъ повернулся на кровати, и изъ всѣхъ насъ, она одна слышала шелестъ его одѣяла и скрыпъ кровати.

Мы оставались недвижны — любовникъ и горничная взглянули другъ на друга огненными взглядами.

Пользуясь минутою отдыха, я пропянулъ руку къ спакану, почашому незнакомцемъ; но онъ, полагая, что я возьмусь за одинъ изъ полныхъ, прыгнулъ съ легкостію кошки и положилъ кинжалъ свой на оправленные спаканы. Онъ указалъ мнѣ свой,

чтобы я его допхлъ. Въ эпомъ быстромъ движеніи и его знакахъ заключалось такъ много чувспвъ, что я почти проспилъ ему его адское преднамѣреніе, смертію заглушитъ всякое воспоминаніе о семъ событіи.

Когда я выпилъ, онъ съ судорожнымъ движеніемъ пожалъ мнѣ руку, и самъ щщательно завернулъ останки своего младенца. Когда же, послѣ двухъ-часоваго старанія и спраха, мы съ горничною уложили спрадалицу, онъ снова пожалъ мнѣ руку, и безъ вѣдома моего, сунулъ мнѣ въ карманъ нѣсколько неоправленныхъ бриліаншовъ. Но, замѣчу мимоходомъ, что я не зналъ о пышномъ подаркѣ Испанца; а слуга мой, понкій офціщикъ драгоценныхъ камней, укралъ ихъ у меня и бѣжалъ.

Я сообщилъ на ухо горничной о нужныхъ предосторожностяхъ для больной, и потомъ изъявилъ желаніе быть освобождену. Любовникъ, уложивъ мерпваго дшпя и окровавленное бѣлье, сприяпалъ все эпто подь плащъ, положилъ мнѣ руку на глаза, какъ-бы желая дасть знать, чтобы я закрылъ оные, и пошелъ впередъ, показывая, чтобы я за него держался. Ухватясь за его плащъ, я бросилъ послѣдній взглядъ на горничную. Она видя, что Испанецъ не смоприптъ, сорвала съ себя маску и показала мнѣ личико красоты очаровательной.

Очупившись въ саду, на чпспомъ воздухѣ, признаюсь, я вздохнулъ такъ, какъ будто бы камень свалился съ груди моей. Въ почтпительномъ разстояніи слѣдовалъ я за проводникомъ моимъ, внимательно наблюдая за его малѣйшимъ движеніемъ.

Подойдя къ каликѣ, онъ взялъ меня за руку и приложилъ къ губамъ моимъ печать, бывшую у него въ перспнѣ. Я понялъ всю важность эпаго краспорѣчиваго знака. На улицѣ, вмѣсто кареты, ожидали насъ двѣ осѣдланныя лошади. Мы сѣли на нихъ; Испанецъ, лѣвою рукою взявъ мою поводья, свои держалъ въ зубахъ; ибо въ правой рукѣ держалъ онъ свое кровавое сокровище. Мы понеслись какъ молнія. Я не въ состпніи былъ различитъ ни одного предмета, по которому можно бы распознать дорогу.

Передъ съѣмомъ я очутился у воротъ моей квартиры, а Испанецъ ускакалъ по улицѣ къ ворошамъ Апоча.»

— И вы ничего не замѣтили такого, по которому могли бы подозрѣвать, кто была эта дама? — сказалъ одинъ изъ офицеровъ.

«Одно только.... когда я пускалъ кровь, то замѣнилъ посреди руки пяпшышко съ темными волосами, величиною съ чечевицу... Домъ показался мнѣ роскошнымъ, огромнымъ; безконечный фасадъ....»

Съ этими словами, нескромный докторъ остановился, поблѣднѣлъ. Взоры всѣхъ обратились на его глаза, и слѣдовали ихъ направлению. Французы увидали Испанца, завернутого въ плащъ, огненные взоры котораго блистали во мракѣ, подъ сѣнію апельсиновыхъ деревьевъ.

Незнакомецъ исчезъ съ легкостію Сильфиды; за нимъ пустился молодой подпоручикъ.

«Прахъ побери, друзья! воскликнулъ докторъ: я оледенѣлъ отъ этого взгляда василиска. У меня въ ушахъ звонятъ колокола; я съ вами напередъ прощаюсь... вы меня здѣсь похороните!»

— Не глушь ли ты! — сказалъ полковникъ Шарень; *Лекалюсь* пустился за шпиономъ; онъ его проучилъ. —

«Ну что же, *Лекалюсь?*» закричали офицеры, при видѣ возвращающагося подпоручика, едва дышущаго отъ усталости.

— Ну его къ чорту! — отвѣчала *Лекалюсь*: онъ, я думаю, ушелъ сквозь спѣну; но какъ я не почишаю его кождуномъ, то онъ вѣрно изъ здѣшняго дома; ему извѣсны всѣ переходы, и потому удалось скрыться. —

«Я погибъ!» сказалъ докторъ мрачнымъ голосомъ.

— Успокойся! — отвѣчали офицеры; мы станемъ тебя караулить по очереди до пвоего отъѣзда, и пойдемъ сего вечера съ тобою. —

И въ самомъ дѣлѣ, прое молодыхъ офицеровъ, проигравъ всѣ деньги, не имѣя лучшаго занятія, проводили доктора до его квартиры и остались у него.

Черезъ сутки онъ получилъ увольненіе во Францію, и собрался отправиться съ одною дамою, которой *Мюратъ* давалъ сплнный отрядъ провожатыхъ. Докторъ сидѣлъ за столомъ въ кругу друзей, когда ему доложили, что молодая женщина желаетъ говорить съ нимъ. Докторъ и его при офицера немедленно вышли; но незнакомка успѣла лишь сказать своему любезному:

— Берегись!... —

Упала — и умерла.

Это была горничная. Чувствуя, что её отправили, она надѣялась придти еще въ пору, чтобы спасти доктора.

Идъ совершенно её обезобразилъ.

— Чортъ возьми! — воскликнулъ *Лекалюсь*: вотъ что называется любить!... Одинъ Испанки способенъ къ такому поступку. —

Докторъ сильно задумался. Наконецъ, чтобы утопить свои мрачныя предчувствія, онъ опять сѣлъ за столъ, и началъ пить довольно неумѣренно, равно какъ и его товарищи; потомъ, всѣ они въ полъяна рано улеглись спать.

Въ полночь, визгъ колець занавѣса, сильно отдернутого, разбудилъ доктора. Онъ привспалъ; невольный трепетъ овладѣлъ имъ, какъ сіе случается въ минушу подобнаго пробужденія. Передъ нимъ сползъ Испанецъ, завернутый въ плащъ. Незнакомецъ бросилъ на доктора огненный взглядъ, поразившій его во время празднества.

«Помогите!... Сюда, друзья!» закричалъ докторъ.

На сей опчальный вопль Испанецъ отвѣтствовалъ горькимъ смѣхомъ.

— Опіумъ роспелъ для всѣхъ... — сказалъ онъ, указывая на крѣпко-спящихъ его приятелей. Потомъ Испанецъ вынулъ изъ подъ плаща женскую руку, недавно опниающую, и указывая на знакъ, подобный тому, который спомъ неосторожно былъ описанъ докторомъ:

— Тотъ ли это? — спросилъ онъ.

Докторъ при свѣтѣ фонаря, поставленнаго незнакомцемъ на кровать, оледенѣвъ

опъ ужаса, опвѣспивоваль движеніемъ головы.

Не распрашивая ничего болѣе, мужъ незнакомки вонзилъ кинжалъ въ грудь доктора.

«Сказка эпа черповски *телина*, сказалъ одинъ изъ слушателей: а болѣе того невѣроятна; ибо, кто же вамъ все это рассказываль: Испанецъ, или убитый имъ докторъ?»

— Милоспивый государь!— опвѣчалъ разскащикъ, оскорблясь такимъ замѣчаніемъ: по щастію, кинжалъ скользнулъ вправо, вмѣсто того, чпобъ иппи влѣво, и вы конечно позволите мнѣ знать опчаспи случившееся со мною происшествіе... Клянусь, чпо еще теперъ бывають ночи, въ копоры я вижу во снѣ эппи бѣсовскіе глаза.—

Вдругъ разскащикъ - медикъ поблѣднѣлъ и оспановился разинувъ ротъ, какъ-бы разбитый параличемъ.

Мы всѣ обернулись къ дверямъ госпоиной— въ нихъ споялъ Испанскій грандъ, изгнанный *afancesados* (*), и недавно пріѣхавшій съ своимъ семействомъ въ Туръ. Онъ впервые явился въ общеспво; вель подъ руку жену свою, правая рука копорой оспавалась недвижима.

Мы всѣ разспуцдлись, чпобы пропуспшпъ эпу чепу, на копорую не могли смоспрѣшь безъ сильнаго внуспренняго движенія.

Это была испинная картина *Мурило!* Мужъ былъ спрашно худощавъ; огненны были впалые глаза его; черепъ опъ волосъ обнаженный... Жена!... вообразите еѣ себѣ... Нѣпъ!—вы ошибеспь.— Дивный спанъ; блѣдна, но еще прекрасна; цвѣпъ лица, по непоспщжимой привычкѣ Испанокъ, былъ блиспапельной бѣлизны; но взглядъ эпой женщины упадалъ на васъ какъ распопленный свинець... Ея блѣдное пѣло, оспненное жемчугомъ, подобилось могильному мрамору; какъ будто бы смерпъ гнѣздилась въ

ея сердцѣ!... Она являла собою гореспь Испанки во всемъ величій.

Не пужно говорипъ, чпо докторъ исчезъ.

— По какому случаю, графиня, лишились вы руки?—спросилъ я Испанку подъ конецъ вечера.

«Я поперяла еѣ въ войнѣ за независимость;» опвѣчала она.

П—ик—вѣ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

ПЛАТОНУ ПЕТРОВИЧУ СЕМЕНОВУ.

Ты правъ, любезный тѣска мой!
 Для дружбы испинной, святой,
 Ненужно словъ выпіеватыхъ:
 Ей чувсхва дѣроги,—онѣ
 Не въ рѣмахъ крокося богатыхъ,
 Нельзя ихъ высказать вполнѣ;—
 Но сердце ихъ поспичъ умѣеть,
 Оно хранишь ихъ и лѣлеть:
 Такъ нѣжной ласкою своею,
 Лѣлють матери дѣшей!...—
 Люблю въ тебѣ я нравъ опкрышой,
 И эппи юныя мечпы,—
 Сей оппечатокъ красопы—
 Души ещѣ полуразвитой;
 Сей пшпгическій порывъ,
 И благородный, и прекрасный,—
 Онъ, какъ свобода, горделивъ,
 И чиспъ, какъ въ небѣ мѣсяць ясный.
 И сохрани, и сбереги—
 Ты свѣплый огонь первоначальный,
 Какъ съ милою берзѣють руки
 Неспста перстекъ обругамный;—
 И полный жизни, въ цвѣпѣ лѣпъ,
 Цѣппи пшп Музы вдохновенье,
 Какъ цѣппишь матери привѣпъ,
 Или опца благословенье;—
 И дай мнѣ руку,—и съ тобой
 Гоповъ дѣлпшся я душой!—

П...онъ В...вѣ.

(*) Приверженцы Фердинанда VII въ родѣ Французскихъ эмигрантовъ. Король сей для нихъ устанопилъ особый орденъ.—*Прим. переводника.*

О М О Н И М Ъ.

Живописнымъ многимъ масть-природа
Орудье крѣпкое даетъ;
На эту-жь нынѣ вещь пришла такая мода,
Что рѣдкой муженѣкъ безъ оной проживетъ.

Въ No 72, помѣщенный логогрифъ значить: *Flamme, lame.*

М О Д Е С.

La nouveauté du moment sont les capotes de gros de Naples puce avec des rubans verts. Celles que nous avons vues cette semaine, chez Madame Lepetit, étaient à passes ovales, tendues, calotte moyenne, et ornées d'un bouquet de pensées, ou d'une rose verte.

Les pensées sont charmantes, et très-distinguées, sur un chapeau blanc.

Sur du crêpe blanc, un bouquet de réséda et d'héliotrope est fort bien.

Sur le rosé, on place encore une branche de trois petites roses variées, ou des œillets mélangés. — Les pensées sont également très-bien sur le rose. Madame Lepetit, que nous citions tout à l'heure, s'attache à poser cette fleur avec l'irrégularité qu'elle a dans la nature, ce qui fait qu'une touffe de pensées sur un de ses chapeaux n'a rien de lourd ni composé.

Dans ce moment, les fleurs ont peu de succès sur les chapeaux de paille de riz. — Pour la promenade, ou les petites toilettes, on les orne simplement de rubans de taffetas; plus habillées, on y met des plumes, le plus souvent blanches.

Sur les chapeaux de paille d'Italie on voit, aux femmes très-élégantes, deux plumes paille ou blanches.

Les petits bonnets de dessous ou les bonnets figurés sont devenus vieux. — On ne met plus que des brides garnies, et si l'on voit quelque chose au-dessus du front, c'est une traverse de ruban quelquefois terminée par un nœud.

Les mantelets de dentelle noire doivent être peu garnis. — Les ruches intérieures, garnissant le bord

d'un bout à l'autre, sont extrêmement étroites et basses, à peu près comme celles d'un bonnet d'enfant.

Pl. No 26. Les nouveautés, qui étoient en vogue à Paris sur la fin d'Août.

М О Д Ы.

Теперешняя новосць. — Гроденаплевые капоты посоваго цвѣща съ зелеными лентами. Которыя мы видѣли на нынѣшней недѣлѣ, у г-жи *Lepetit*, были схвачены полями, на сборкахъ; пуфы средней, отдѣланныя букетомъ Анюпиныхъ глазокъ, или зеленою розою.

Анюпины глазки прелестны и весьма оплчны на бѣлой шляпѣ.

На бѣлой креповой, весьма прилично букетъ резеды или гелиотропа.

На розовомъ, припиливаютъ при маленькія различныя розы, или перемѣшанныя гвоздики. — Анюпины глазки равно приличны и къ розовому. Г-жа *Lepetit*, о которой мы сей часъ упоминали, прикалываетъ эти цвѣты съ неправильною, которую они имѣютъ въ природѣ, опчего кустики Анюпиныхъ глазокъ на такой шляпкѣ не кажется ни тяжелымъ, ни приготовленнымъ.

Теперь цвѣты мало употребляютъ на бастовыя шляпки. — Для прогулки, или въ небольшой нарядъ, отдѣлываютъ ихъ просто гроденаплевыми лентами; нарядныя же съ перьями, по большой часи съ бѣлыми.

На оплчныхъ щеголихахъ соломенные Испанскія шляпки видны съ двумя бѣлыми или соломеннаго цвѣща перьями.

Маленькіе чепчики, надѣваемые подъ низъ, уже состарѣлись. — Обшиваютъ только завязки, а если видно иногда что нибудь надъ лбомъ, по это поперечная лента, оканчивающаяся иногда баншикомъ.

Чѣрныя кружевыя манжилы должны быть не густо обшиты. — Внутренніе рюши, отдѣлывающіе край съ одного края до другаго, весьма узки и низки, почти такіе, какъ на дѣтскихъ чепчикахъ.

Карп. No 26. Новости, кои носили въ Парижѣ въ самыхъ послѣднихъ числахъ Августа новаго сшля.

N.º 26.º № Номер. Труд. Р. И.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

ТРЕТІЙ ГОДЪ.

Выходишь

по Средамъ и

Субботамъ.

№ 74.

Цѣна годовому изданію, состоящему изъ 104 №, съ 56-ю картинками модъ, въ С. П. б. 30, съ до-спавкою и пересылкою 55 рублей.

СУББОТА, СЕНТЯБРЯ 16 ДНЯ 1833 ГОДА.

Чѣмъ правомъ кто дурнѣй,
Тѣмъ болѣе кричишь и ропщешь на людей:
Не видишь добрыхъ онъ, куда не обернѣтся;
А первый самъ ни съ кѣмъ не уживѣтся.

Крыловъ.

ПЕРЕСМѢШКИ.

КАРТЁЖНИКИ.

Невѣроятно, какъ въ 25 лѣтъ нравы дворянъ перемѣнились у насъ па святой Руси—и къ лучшему. Если спросишь у меня, очевидца сей перемѣны, какъ это случилось? Я буду отвѣчать: благодать Божія и спрогая нравственность Императора *Александра* благословеннаго и *Николая* народолюбиваго совершили сіи чуда.

Много также, чрезвычайно много обязано дворянство безпримѣрной въ благодѣяніяхъ Императрицѣ *Маріи Теодоровнѣ*, возведшей на высокую степень воспитаніе женскаго пола. Образованныя матери семействъ изгнали изъ своихъ домовъ пьянство, карпы, поединки, псовую охоту, спрассъ плагашья; ввели въ своихъ кругахъ занятія благородныя, дѣльныя; игры и увеселенія—сердечныя, умственныя, возвышенныя, а не пакія, гдѣ равны умница и пошлая дура, грамотная и безграмотная дѣвица съ зодотыми руками и бѣлоручка, чувствительная и без-

чувственная. Люди, коимъ нѣтъ сорока лѣтъ отъ роду, не повѣрили, что до 1812 года все Русское дворянство безпрестанно играло въ карпы; тогда не существовало дома ни въ столицахъ, ни въ городахъ, ни въ селахъ, ни въ деревняхъ, гдѣ бы ввечеру не занимались карпами, а по упру о нихъ не разговаривали. Впрочемъ, я и не подосаую на маловѣрие: сошлюсь только на всѣхъ пожилыхъ жипелей столицъ и провинціаловъ. Не только мужчины и дамы не панцующія находили опраду—въ боспонѣ, но молодые дворянчики, но семнадцатилѣтнія дѣвицы, не занимаясь ни чтеніемъ, ни музыкою, ни рисованьемъ, ни рукодѣльемъ, ни хозяйствомъ, ни кухней, убивали здоровье, красоту, время за пѣпикопѣчнымъ... за грошевымъ боспономъ!!! Въ губернапорскихъ кабинетахъ въ 8 часовъ упра мешали банкъ, шпось и коспи; во всякомъ губернскомъ городѣ можно было найти игру и въ полночь и въ полдень, и на зарѣ упренней и на зарѣ вечерней. Проигрывали, выигрывали сотни тысячъ въ одинъ присѣсть; разорлились, обогащались въ одинъ вечеръ. Вошь шупъ въ

очью совершалось сказанное въ св. Писаніи: *богатіи обнищаша и нищіе исполни благъ*. Можно было, безъ малѣйшей опасности, биться объ закладъ обо всемъ своемъ имѣніи, что въ 6-ть часовъ по полудни, въ каждомъ пакъ называемомъ *порядкомъ* домъ, вы нашли бы хопя одну партію боспонирующихъ, во многихъ два—при спола, въ нѣкоторыхъ пять—шесть. Молодѣжь и по давню не повѣришь, если я спану рассказы-вашь, что достоинства и свѣдѣнія многихъ открылись большою комерческою игрою, копорую вели они съ большими барамі; что многихъ обличенныхъ и улченныхъ въ воровствѣ, во взяпкахъ, въ грабительствѣ, охотно принимали въ домъ люди честные, безкорыстные, спроеіе, потому только, что для составленія партіи въ боспонъ—не доставало *четвёртаго*, что многіе спарички забывали въ преклонныхъ лѣпахъ все, кромѣ козырей!

Въ той плодосной и многоземельной губерніи, въ которой я (опсавной капитанъ Владиміръ Ивановъ сынъ *Громова*ль, служившій въ Кипбурскомъ, потомъ въ Нарвскомъ драгунскомъ полку, имѣющій золотую медаль—за милицію 1806 и 1807-го годовъ, серебряную на голубой лентѣ—за ополченіе 1812 и 1813-го годовъ и нахождение подъ городомъ Данцигомъ въ дѣйствительныхъ дѣлахъ и сраженіяхъ, и бронзовую—за пожертвованіе 10 п. рублей на обмундированіе коннаго казацкаго полка) имѣю деревни (отъ 1801-го по 1808-й), гражданскій губернаторъ (давно уже покойникъ) и вице-губернаторъ (также покойникъ) были записными игроками, не только шамоніе чиповники и номѣщики не высуекали карпъ изъ рукъ, но, какъ волки на падалъ, къ намъ собиравались Пепербургскіе, Московскіе и даже Варшавскіе *шллера* (терминъ техническій, означающій мастера передѣргивать, обрѣзывать, накрывать карпы, обыгрывать за одно проспачковъ, поже, что между писателями люди, собравшіе съ подпичиковъ деньги, а обѣщанныхъ книгъ или журналовъ не выдавшіе), цѣлымъ шайками, держали припоны открыто. И кого было имъ бояться, когда, кромѣ вышенонимованныхъ

главныхъ начальниковъ въ губерніи, полицмейстеръ, почпмейстеръ, совѣтники Губернскаго Правленія, оба предсѣдателя Палатъ, ихъ жены, пѣщи, свояченицы, сватьи бились день и ночь въ карпѣжь, метали банкъ, понкпировали?

Взявъ по домашнимъ обспоятельствамъ опсавку, и поселясь въ 12-ти верстахъ отъ губернскаго города, имѣя пляжебныя дѣла, долги и взысканія, доставшіяся мнѣ по наслѣдству, я принужденъ былъ завести знакомство съ городскими жителями. Натянувъ мундиръ, я представился ихъ превосходительствамъ губернатору и вице-губернатору, его высокородію прокурору и нѣсколькимъ высокоблагородіямъ. Надобно сказать, что у насъ въ губернскомъ городѣ тогда было очень весело: зимою благородное собраніе, маскарады, вечеринки, бѣгъ и весьма порядочный пѣ-апръ; лѣпомъ гулянья на дачѣ у опкупщика *Стаканова* и на Архіерейской, пикники, прогулки въ шлюбкахъ по Окъ и верхомъ по карпиннымъ окрестностямъ—ани; изрѣдка псовая охота и садка. Все это прекрасно, но каждый вечеръ оканчивался глупымъ боспономъ и плушовскимъ банкомъ. Это все въ моихъ глазахъ поршило.

Меня скоро дамы выучили держать карпы въ рукахъ, знать масши и козырей, оппичать шуза отъ двойки, вняпно произносить *боспонъ, misère*; но искусно разыгрывать игры никакой профессоръ меня бы не выучилъ: я былъ шунъ—и, играл по гривнѣ мѣдью, никогда не проигрывалъ менѣе 25-ти рублей въ пулю. Конечно такой проигрышъ былъ для меня чувствительенъ, однакожь не разорилеленъ. Въ банкъ долго я не пушался—и далъ было зарокъ никогда не играть; но гдѣ клятва, шунъ и преспуленіе. Однажды приглашенъ я былъ обѣдать къ Маргаритѣ Карловнѣ *Чушкиной*, дамѣ, копорую любилъ я за то, что она болпала какъ сорока, язвила, сама не подозрѣвая, что она душегубка, и заспавляла меня хохотать каррикашурнымъ ручнымъ размахамъ, коими сопровождала свои рассказы. Въ тотъ же день обѣдалъ у неѣ, будто бы печаянно, племянникъ ея *Козырѣвъ* и капитанъ *Глухой-Вороватинъ*. Первый при-

спать къ послѣднему, чтобы онъ сдѣлалъ ему сто рубликовъ банчику, а сей правленный волкъ приглашалъ меня въ половину, безъ того же мешать банкъ не соглашался. Хозяйка начала меня спрашивать; я не хотѣлъ прослыть упрямымъ—и согласился. Понктеръ былъ несчастливъ; онъ проигралъ намъ 1,200 рублей. Я положилъ свою половину въ карманъ: это былъ мой дебютъ на игрецкомъ поприщѣ. Не успѣлъ еще *Козыртьевъ* выпши за дверь, какъ пожаловалъ маіоръ Павелъ Пепровичъ *Зининовъ*, человекъ пьяный, карпѣжникъ по спраспи, въ игрѣ ничего не разумѣющій, проигравшій 500 душъ опцовскихъ, скипавшійся по дворамъ, но теперь получившій новое наслѣдство и неусыпно прудившійся промотать его. Онъ упрашивалъ *Глухова - Вороватина* сдѣлать ему банкъ, какъ милости; мнѣ опять подлежало итти въ половину: мы выиграли 2,000 рублей. Въ семь часовъ по полудни обѣ сии операціи были кончены. Я уѣхалъ домой, выкурилъ трубку табаку, переодѣлся и поѣхалъ къ вице-губернатору на вечеръ.

Молва предупредила меня—и я былъ встрѣченъ, какъ рыцарь ордена карпъ, посвященный въ его тайнства. Хозяинъ сдѣлалъ 10,000 рублей банку—и пригласилъ меня въ десятую долю. Не умѣвъ опговориться у *Чушкиной*, съ моей стороны смѣшно было бы оптѣкиваться у вице-губернатора. Я согласился безъ опговорокъ. Между игроками еспъ примѣта, что неигроку, посаженному за карпы, везѣтъ: вопъ и посадили меня въ банкѣмпы. По правую мою руку на софѣ сѣлъ хозяинъ, по лѣвую *Глухой-Вороватинъ*. Понктеры, какъ пчѣлы облелѣли зеленое поле бипвы и зажужжали, какъ пчѣлы же, но это были простые солдапы, безъ тактики, безъ спрапегіи, неумѣстно храбрые, неспали прусливые. Но изъ толпы пропѣснлся *Бонапартъ* игроковъ, Ѳадей Львовичъ *Смирненскій*. Онъ былъ опспавнымъ акпуаріусомъ на чредѣ гражданской іерархіи и генералиссимусомъ арміи понктеровъ. *Взоръ*, *быстрота*, *натискъ*, сии при качества доспались ему въ удѣлъ—и спопысячные банки прещали, когда онъ шпурмовалъ ихъ. Равнодушный при выигрышѣ и проигрышѣ,

онъ былъ равно веселъ, былъ ли набипъ карманъ его ассигнаціями, какъ полспую вапкою, или пустъ, какъ голова того нахальнаго спорщика, который въ мое время всѣхъ перекрикивалъ въ обществѣхъ липераторовъ.

Изъ обыкновенныхъ понктеровъ одинъ опспавилъ на карпу пяць рублей, другой семь съ полшпною, и всѣ, вмѣспѣ взяппе, не болѣе какъ рублей на полпораспа. *Смирненскій* выдернулъ карпу, подписалъ подъ нею 1,250 и, сказавъ: ва, пуспилъ еѣ. Это была шестѣрка; она выиграла съ оника. Боецъ искушенный, онъ не спавилъ уже другой карпы до новой палии. Перебивъ или давъ другимъ игрокамъ ихъ карпы, и увидя, что они всѣ сошли, я перетасовалъ колоду, далъ спяпп и дождался, пока всѣ карпы будущъ опспавлены. Неугомонный *Смирненскій* загнулъ паролі съ пранспортомъ. По претпему разу шестѣрка легла на лѣво и припсала своему protegé 5,000 рублей. Учасппики банка значительно посмопрѣли другъ на друга. *Глухой - Вороватинъ* распечатапп новую колоду, перетасовалъ и подаль мнѣ; но я долго не бралъ, опговариваясь мешапп. Меня упросили. *Наполеонъ-Смирненскій*, опписавъ 750 рублей, пуспилъ брандеръ (техническое выраженіе) опъ 4,250-ппи на 8,500 рублей: шестѣрка оппять бухъ на лѣво! *Глухой-Вороватинъ* съ досады пакъ крѣпко ударилъ по споду кулакомъ, что всѣ вздрогнули, а деньги и карпы полетѣли подъ споль, и за это къ проиграннымъ 8,500-мъ надлежало приплатипъ около 200 рублей понктерамъ, коихъ карпы шли, но еще не вышли. *Смирненскій* холоднокровно опписалъ 1,500, а опъ 7,000 рублей загнулъ пе и дождался новой палии. *Глухой-Вороватинъ* почти вырвалъ у меня изъ рукъ колоду, бросилъ еѣ на полъ, схватилъ новую изъ новой дюжины, принялся тасовапп, но *Смирненскій*, смекнувъ, что его хоппять вывеспп изъ терпѣннн, опошелъ къ окну и любовался ландшаптомъ, п. е. подѣрнутымъ пшпною прудомъ, чепырью дряхлыми ивами, кои смотрѣлись въ водѣ, но не могли себя видѣпп, какъ провѣзпй въ зеркалѣ постологаго двора, запачканномъ сальною пряпп-

цсю кухарки. Наконецъ, черезъ сколько времени, не знаю (скоро сказка сказывается, не скоро дѣло дѣлается), банкомѣтъ позвалъ понктера. Не смотря на перемену карты и банкомѣта и на получасовую пачовку, шестёрка оспалась вѣрна своему герою... да и какъ было поспушить ей иначе, когда Форпуна сильною рукою выдернула её—и сама положила на лѣво? Глаза *Глухова-Вороватина* подернулись млечнымъ облакомъ, какъ у дремлющаго коршуна. Коѣ-какъ домешалъ онъ палию, вспалъ и объявилъ, что онъ больше не мечетъ. Я весьма этому обрадовался. Вынувъ изъ записной книжки 1,625 рублей, я вручилъ ихъ вице-губернатору—и вышелъ изъ доли. На мое мѣсто принялъ Пётръ Петровичъ *Простофилинъ*. *Смирненькій*, проведши мѣломъ бровь надъ суммою въ 14,000 рублей, пилъ въ уголку чай съ пакимъ спокойспвиемъ, какъ будто бы картѣжное побоище было для него дѣло постороннее. Такъ *Наполеонъ*, насыпая кровавую бипвою, объѣзжалъ поле сраженія подъ Прейсшъ-Эйлау!

Въ то время, когда понктей арписитъ *Гадей Львовигъ* угадалъ четыре карты, банкомѣты успѣли у почтмейстера Димитрія Максимовича *Калекова* убить 32 карты, по 7 рублей 50 копѣекъ каждая (онъ спавилъ ихъ по три вѣругъ и не снималъ до конца пали); у спашской совѣщницы Елисаветы Карловны *Мотовской* убито 13 десятокъ сряду, каждая по 5 рублей: сумма не важная для банкировъ, а для проигравшихъ весьма значительная. Первый, имѣя дуру жену и шестерыхъ дѣшей, проигрывалъ казенныя деньги, за распрату коихъ и поспрадалъ впоследствии; вторая, пропустившая уже въ карты все состояніе и жившая подааніемъ, спускала съ рукъ деньги, собранныя для нее по подпискѣ.

Между тѣмъ сдѣланъ новый банкъ въ 60,000 рублей: *Козыртьевъ*, составившій себѣ картами въ одну зиму страшное состояніе, немогшій заснуть, доколѣ видѣлъ хотя рубль въ карманѣ ближняго, съ наслажденіемъ разорявшій въ корень молодыхъ дворянчиковъ, положилъ 30,000, губернаторъ и вице-губер-

наторъ по 5,000, красноносый опкупщикъ *Калды-Стикановъ* въ угоду начальниковъ губерніи 15,000, да *Глухой-Вороватинъ*, въ надеждѣ опыграть свои деньги, 5,000 рублей.

Стопа бумажекъ, толщиною съ томъ путешествія *Палласа*, брошена по лѣвую руку *Козыртьева*, волчьими глазами озираващаго своихъ пропивниковъ, по правую съ мѣломъ въ рукѣ засѣлъ *Глухой-Вороватинъ*.... Мѣлочные понктеры, парпизаны азартныхъ игръ, держа въ рукахъ очередь (слово техническое), готовы были раззадоривать неприятеля.

Толпа дамъ и любопытныхъ спояла за спульями игроковъ... Торжественная пишина воцарилась въ компаніѣ, какъ въ полѣ передъ грозюю... Полная луна тихо пробиралась по тѣмноголубому небу, заглядывая къ нимъ въ окно, какъ будто бы принимала участіе въ комъ нибудь изъ играющихъ. На другомъ краю небосклона занималась заря, предшественница дня злашаго.

Закипѣлъ бой.... карты наставлено до двадцати; понкпировали и дамы, что въ то время не щиталось ни рѣдкостью, ни спранностью. Участники сорваннаго банка хотѣли было расплапиться съ *Смирненькимъ*; но онъ сказалъ, что будетъ гнущься оупъ выигрышной суммы. *Галейранъ* игроковъ, *Козыртьевъ*, не находилъ въ этомъ своихъ выгодъ—и деньги были выданы. Но шупъ-по мы увидѣли, что *нашла коса на камень*: *Смирненькій*, по *Суворовски* умѣвшій ловить моментъ побѣды, поспавилъ на карту 15,000; а по первой прокндкѣ приписалъ такую же сумму мазу. Сначала, банкиры могли бы опказаться бить споль ужасную карту; но она уже зашла и нельзя было забастовать. По третъему разу, понктеръ открылъ свою карту: это была роковая шестёрка. Вниманіе сосредоточилось на руте... прокнули еще разъ, два, при... любопытство возраспало съ каждою выпадшею картою. *Козыртьевъ*, дабы еще болѣе подспрекнуть его, клалъ тѣмныя карты и потихоньку вскрывалъ... сперва одну, погода немного... другую. Уже онъ спустилъ съ рукъ тридцать картъ, а шестёрку какъ будто не было.

Онъ прокинулъ еще пять разъ; оставалось у него только 12 картъ; въроянность выигрыша съ каждымъ разомъ увеличивалась для банка. Еще двѣ карты упали; правая—шестёрка: банкиры оживи, блѣдный *Смиренькій* побѣлѣлъ; лѣвая—шестёрка: плѣ. Въ слѣдующую палію, руше опыгралось: шестёрка опять выпустила въ походъ и съ оника схватила 30,000 рублей. *Смиренькій* собирался спавить опъ 25,000 на 50,000; но *Козыртьевъ* выше 10,000 рублей семпелемъ бипъ не согласился. Дѣло съ нимъ разошлось, но мѣлкій батальный огонь продолжался своимъ порядкомъ. Продолжали понкпировать: при дамы (между которыми находилась одна княгиня и одна графиня) и семь кавалеровъ, изъ которыхъ одинъ былъ осьмидесяти шести лѣтъ, одинъ следышущій чахотный, одинъ холостой скрага, получающій до полупораста тысячъ рублей годоваго дохода, проживавшій по десяти, алкалъ выигрыша и дрожалъ надъ каждою картою, которую спавилъ. Въ эту ночь съ нимъ случилось то, что обыкновенно съ гарпагонами случается: онъ началъ игру спавкою по 2 руб. 50 копѣекъ. Проигравъ сто рублей, спавилъ по 5 рублей. За нимъ записали еще 200. Распериавшись и спѣша опыграться, онъ увеличилъ кушъ: а по 12 руб. съ полпной долго ли заиграпъся, спавя по пяти картъ вругъ, вдвое на втораго шуза или даму, вчетверо на претьяго, въ осьмеро на четвѣртаго. Глупость, безращѣпливость и алчность жестоко наказываются въ азартныхъ играхъ. Сосчитавъ двѣ длинныя линіи цифровъ, оказалось 10,750 рублей. Богачъ, опирая пошъ и горячасъ—поспавилъ (какъ пеперь смотрю), виновнаго валета: его хлопъ—прямо въ лобъ! Онъ его же на кшипъ—убили на-поваль! Онъ его вдоспалъ ко 100,000-мъ—дали; пароли—дали; онъ семелево—нешастный валетъ убипъ съ оника. Богачъ вспалъ, схавилъ шляпу и опсправился домой. Тамъ, на досугъ, всю ночь заппался онъ благими средствами вознаградиъ проигрышъ: убавилъ жалованье у дворовыхъ людей, прибавилъ оброкъ на креспьянъ, уменьшилъ пенсію бѣднымъ родспвенникамъ, ограничилъ споловые расходы — и

безъ того уже весьма ограниченные, усилилъ пайную продажу вина, разсыропилъ въ кабакахъ опкупное; но оставимъ его размышлять съ подушкою. За *Мотовскою* было записано больше, чѣмъ она получила по подпискъ. *Козыртьевъ* взялъ щѣпочку и спѣрь все, не пребуя плашежа. Чѣмъ же эпо кончилось, вы во вѣкъ не угадаете, мои смѣпливыя читательницы, мои прозорливыя читатели! Спарушка, со слезами поблагодаривъ *Степана Алексѣевича* за его подарокъ, просила у него позволенія снова понкпировать, уже на чиспыя деньги. *Козыртьевъ* на опрѣзъ опказалъ ей—и она надулась на него, какъ на своего недоброжелателя.

Въ эпопъ же разъ случилось пресмѣнное приключеніе. Широкоплечій, двѣнадцатипершковаго роспа озорникъ *Василій Васильевичъ Лошаковъ*, поспоянно посѣщавшій игорные дома, и спавившій ничпожные куши, на кои никто не обращалъ должнаго вниманія, каждый Божій день выигрывалъ 25, а иногда подъ шумокъ и 50 рублей. Всѣ дивились его щасстью. Открылось, что онъ помогалъ ему искусствомъ. У него спояла тѣмная карта; онъ открылъ её и—къ изумленію своему, всѣ увидѣли, что на кресповой двойкѣ претье очко было червонное. «Что эпо за чудеса?» спросилъ у него, помирая со смѣха, губернаторъ.—«*Лепишь, лепишь, да облепишься!*» равнодушно отвѣчалъ онъ, бросилъ карты и не разочпясь съ банкомъ, опретирировался... Куда? Вы думаете домой, въ деревню, спряпать свой спыдъ въ дремучемъ лѣсу, въ безвѣспной пустынь? Какъ-бы не такъ: къ другому карточному столу!

(Продолженіе въ слѣд. листкѣ.)

И ВАЛЬТЕРЪ-СКОТТЪ КРИВИЛЪ ИНОГДА ДУШОЮ ИЗЪ ПАТРИОТИЗМА.

Покойный *Вальтеръ-Скоттъ* былъ знаменитый писатель и гестный человекъ: мы не опнимаемъ у него гести. Однако онъ покривилъ душою, изобразивъ въ *Письмахъ о Франціи* чѣрными красками характеръ Французовъ; и хвастая и выхваляя неимовѣрно храбрые подвиги, кротость, смиреніе и пи-

хость Англинскихъ солдатъ. Всему Свѣпу вѣдомо, что они набираются изъ черни, а чернь Английская самая буйная, самая неистовая во всей Европѣ.

И въ Жизнеописаніи *Наполеона* онъ придавилъ пяпкою совѣсть; если ему вѣришь: то и Россію освободили, и Германію возвратили независимость, и Голландію возстановили, и Швейцарію отдали прежнюю свободу, и на Папу надѣли проиную корону, и воцарили законныхъ королей во Франціи одни Англичане!!! *Suum cuique.*

О Б Ѣ Д Ѣ — У Ж И Н Ъ.

Въ Лондонѣ обычай поздно обѣдать причисляется къ хорошему тону. — Однажды герцогиня *Гордонъ* пригласила одного министра къ себѣ на обѣдъ. — «Позвольте узнать часъ?» спросилъ министръ. — Въ десять часовъ. — «Извините меня герцогиня въ томъ, что я долженъ отказатьсь отъ сей чести, сказалъ министръ; я приглашенъ на ужинъ въ десять часовъ къ лорду N. . . .»

ГОРЯЧАЯ РОДИТЕЛЬСКАЯ ЛЮБОВЬ.

Въ одной Нѣмецкой газетѣ напечатано объявленіе объ уходѣ изъ родительскаго дома одной дѣвушки. Въ немъ *горестныя* родители умоляютъ дочь возвратиться къ нимъ, и прибавляютъ: «Если же она не послушаетъ ихъ слезъ и горькихъ моленій, что они просятъ ея, по крайней мѣрѣ, съяслись надъ ними и возвратишь ключъ «отъ чайницы.»

А Н Е К Д О Т Ы.

I.

Полицейскій чиновникъ, стоя по окончаніи концерта у подъезда, увидѣлъ, что одинъ молодой человекъ полкнулъ даму и шепнулъ ей что-то на ухо. Онъ подошелъ къ нему и сказалъ: «милосивый го-

сударь, полкаешь даму неучливо.» — Это же на моя, отвѣчалъ полкнувшій. — «Все равно, все таки неучливо!» съ важнымъ видомъ замѣнилъ господинъ полицмейстеръ.

II.

Скончался генералъ отъ инфантеріи *K—ъ*. Когда погребальная процессія шла по городу, полицейскій чиновникъ ѣхалъ впереди верхомъ. Услыша шумъ и видя полконию, онъ говорилъ къ стоявшимъ по обѣимъ сторонамъ улицы зрителямъ: «Господа! тише, прошу васъ, тише! если же будете провозводить безпорядки: то впередъ вамъ такой церемоніи не покажутъ.»

III.

Во время пребыванія въ Д — ѣ фельдмаршала князя *Барклай де-Толли* все памошнее дворянство почло за долгъ ему предсавишься. Однажды, при разъѣздѣ, жаңдармы громко кричали фамилію того, чья карета подъѣзжала. Вдругъ полицейскій чиновникъ замѣпилъ, что возгласы жаңдармовъ перервались. «Что это такое?» вскричалъ онъ повелительно: «я слышу молчаніе.»

СЛОВЕСНОСТЬ.

АЛГАМБРА ПРИ ЛУННОМЪ СВѢТѢ.

Я описалъ мое жилище такъ, какъ нашелъ его въ началѣ моего въ немъ водворенія, но по испеченіи нѣсколькихъ дней, чувства мои при видѣ его совершенно измѣнились; ибо мракъ ночей, окружавшій дополь замокъ, преляпствовалъ мнѣ насладиться восхипительною его карпиною. — Луна, дополь невидимая, наконецъ явилась въ полномъ ея величіи, плывя медленно надъ башнями и бросая помный свѣтъ свой на портики и дворы замка. — Садъ, находящійся подъ моими окнами, освѣщенъ былъ таинственнымъ ея свѣтомъ; вершины лимонныхъ и померанцовыхъ деревьевъ казались посребренными, и съ шумомъ мечущій вверхъ воду фонтанъ, ит-

рая её лучами, рассыпалъ въ воздухъ серебряную пыль.—Я проводилъ цѣлыя часы сидя у окна, вдыхая пріятный запахъ распѣній и размышляя о спранный судьбѣ пѣхъ, которые живутъ въ воспоминаніи людей только сими красивыми памятниками, которыми я окруженъ былъ. — Часпо въ полночь, когда все бываетъ тихо, обхожу вокругъ сего пустыннаго замка. Возможноли описать красоты луннаго свѣта въ такомъ мѣстѣ, въ такомъ климатѣ? Температуру лѣтнихъ ночей въ Андалузіи есть непрекраснѣйшая, какую только можетъ человекъ себя представить: воображаешь себя перенесеннымъ въ страны эфирныя, превыше всего земнаго—спокойствіе души, гибкость членовъ, производимыя легкимъ и пріятнымъ воздухомъ, содѣлываютъ жизнь человека блаженною.

Алгамбра, при лунномъ свѣтѣ, имѣетъ въ себѣ нѣчто очаровательное; всё опусхошенія, причиненныя временемъ разсылины, поврежденія исчезаютъ; мраморъ принимаетъ свой первобытныи цвѣтъ; длинныя аркады и пески освѣщены; словомъ, все зданіе напоминаетъ волшебныя замки пысячодной ночи.— Въ одну изъ сихъ ночей пошелъ я въ маленькій павильонъ, называемый уборною принцессы, дабы опшуда насладиться величественными и разнообразными видами.— Вправо бѣлелись, подобно серебрянымъ волнамъ, освѣщенныя вершины Сьерра-Невады, и легкія пѣки ихъ явственно рисовались въ опдаленіи.— Каждый разъ, опершись на перилы бельведера, я находилъ новую прелесть въ разсмаприваніи Гренады, которая, будучи погружена въ глубокое безмолвіе съ своими бѣтвующимися замками, монастырями и церквами, разсплалась предо мною подобно ландшафтѣ.— По временамъ слышались вдали слабыя звуки коспанъшповъ запоздалыхъ весельчаковъ въ Аламеда, иногда невнятное бряцаніе гитары или слабое эхо голоса въ опдаленной улицѣ.— Я воображалъ какого нибудь молодаго человека, дающаго серенаду подъ окномъ своей возлюбленной,—прекрасный обычай древнихъ, который, къ несчастію, съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе выходитъ изъ употребленія, выключая самыхъ опдаленныхъ городовъ и

селеній.— Таковы были прелестныя сцены, заспавлившія меня проводить по нѣсколькы сладкихъ часовъ на балконѣ и дворахъ замка, наслаждался различными мечтами и чувствованіями, посреди коихъ жизнь въ полуденныхъ спрпахъ непримѣтно пропекаетъ. Упро уже начинало приближаться прежде, нежели я успѣлъ возвратиться въ свою поспель, гдѣ усыпленный сладкимъ шумомъ фоншана, скоро погрузился въ пріятный сонъ.—

П. Л.

СТИХОТВОРЕНІЕ.

C H A R A D E.

Ami lecteur, au bon vieux temps,
 Mon premier avait l'avantage
 D'amuser et petits et grands.
 Mon dernier, qu'on met en usage
 A la cour, en ville, au village,
 Bravant les feux les plus ardens
 Reçoit mille objets différens;
 Il t'offre, au retour du printemps,
 De fleurs un riant assemblage.
 Enfin si tu veux être sage,
 De mon tout fuis le voisinage.
 La ruine de bien des gens,
 Leur trépas, voilà son ouvrage.

Въ No 73, помѣщенный омонимъ значить: *Poga*.

M O D E S.

Les foulards anglais qui nous sont montrés, venant directement des magasins à la mode de Londres, sont à colonnes; les uns à dessins arabesques, les autres à dessins de fleurs. Quant à ceux imprimés en France, ils sont, pour tout l'éte, à dessins turcs.

Les dessins turcs, petits et clair-semés, ont aussi grande vogue pour les châlis de demi-toilette, sur fond mais très-pâle ou mais foncé; quelques-uns, fort élégans, sont imprimés sur fond gros bleu, et conser-

vent ainsi beaucoup de ressemblance avec le cachemire.

On est devenu fort difficile pour l'emploi des dentelles noires. Il y a certaines façon de les porter qui sont devenues tellement communes qu'on n'en doit plus parler; de ce nombre sont les colliers doublés de ruban, et fermés par un nœud; les pointes simples. A défaut des mantelets, la mode permet les rabats et les pierrots. Ces derniers, même, sont fort bien portés.

Pour les toilettes habillées, les dentelles noires ou blanches se placent sur des étoffes de soie. Comme robes de soirée dansante, on porte beaucoup de mousselines de soie, imprimées ou brodées, et les dentelles leur conviennent parfaitement comme ornement. Les ruches de tulle sont aussi très-douces au visage et légères, posées au bord d'une pélerine décolletée.

Une charmante toilette, qui a été fort remarquée à une réunion de fête un des jours de la dernière semaine, était une robe en mousseline de soie bleue turquoise; la jupe, ouverte en éventail, était posée sur une jupe en pou de soie de même couleur, à laquelle elle était rattachée par des nœuds de gaze noire. Le corsage, en pointe, était garni d'une mantille de dentelle noire, de même que les manches courtes, à sabots. Des souliers de satin blanc et des mitaines noires; les cheveux relevés en natte, derrière, avec une touffe de papillottes, tombaient devant à la *Mancini*, retenues par un bandeau de turquoises. Au cou et aux oreilles, de magnifiques turquoises en plaques carrées.

Une autre toilette, plus simple, était une robe en mousseline de l'Inde, garnie de volans en point à l'aiguille, avec la mantille pareille au corsage. Un petit chapeau de crêpe bleu ciel, garni d'une ruche et orné d'un bouquet de plumes blanches. Au cou, un seul rang de très-grosses perles fines.

Les éventails chinois, en laque ou en ivoire, de grandeur énorme, sont une partie indispensable d'une toilette, et même d'une demi-toilette.

М О Д Ы.

Англійскіе фулары, которые мы видѣли, привезенные прямо изъ Лондонскихъ модныхъ магазиновъ, съ столбами, одни съ узорами изъ ара-

бесковъ, другіе изъ цвѣтовъ. Печатные же во Франціи, для льща, съ Турецкими узорами.

Турецкіе узоры, мелкіе и рѣдко разбросанные, въ большомъ употребленіи также для шали въ полу-нарядъ, по груншу цвѣта маисъ весьма блѣдному или шѣмному; иныя весьма щеголеваты печатныя, по темносинему груншу, и сохраняють такимъ образомъ много сходства съ кашемиромъ.

Въ употребленіи черныхъ кружевъ сдѣлалось весьма разборчивы. Иныя манеры носить сдѣлались такъ обыкновенны, что о нихъ и говорить нельзя; въ помѣ числѣ борочки, подложенныя лепшою и завязанные банпомъ; проспыя косыночки. Въ недоспаккѣ маншилій, мода дозволяетъ носить *rabats* и *pierrots*. Сии послѣднія особенно весьма приличны.

Въ нарядъ, черныя или бѣлыя кружева надѣваются съ шелковыми матеріями. Для панцовальныхъ вечеровъ, дѣлають много платьевъ изъ шелковой кисеи, печатной или вышитой; опдѣлки кружевные весьма къ нимъ приличны. Рюши изъ тюля весьма нѣжны къ лицу и легки, положенныя вкругъ открытой пелеринки.

Прелестный нарядъ, замѣченный въ одномъ праздничномъ собраніи на послѣднихъ дняхъ эпои недели, состоялъ: изъ платья изъ шелковой кисеи бирюзоваго цвѣта; юбка открытая, опахаломъ, надѣта была на юбку изъ *pou de soie* такого же цвѣта, къ которой она была прихвачена черными газовыми баншами; лифъ, мыскомъ, обшитъ былъ маншильею изъ черныхъ кружевовъ, и короткіе рукава такими же *vabots*; бѣлые апласные башмаки; черныя мишены. Волосы убраны: сзади широкая коса, спереди локоны à *la Mancini* прихвачены повязкою изъ бирюзы; на шеѣ и въ ухахъ великолѣпныя бирюзы, обдѣланныя четвероугольными бляхами.

Другой нарядъ, проспые: платье изъ Индѣйской кисеи, обшито оборками изъ шипыхъ кружевовъ, съ такою же маншильею около лифа; маленькая шляпка креповая небесно-голубаго цвѣта, обшита рюшемъ и опдѣлана букетомъ бѣлыхъ перьевъ; на шеѣ одинъ рядъ весьма крупнаго жемчугу.

Кипайскія опахала, лаковые или косяныя, огромной величины, необходимая принадлежность къ наряду, также и къ полу-наряду.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

.....
ТРЕТІЙ ГОДЪ.
.....

Выходитъ
по Средамъ и
Субботамъ.

№ 75.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 104 №,
съ 56-ю картинками модъ,
въ С. П. б. 50, съ до-
ставкою и пересылкою
35 рублей.

СРЕДА, СЕНТЯБРЯ 20 ДНЯ, 1853 ГОДА.

Для шѣхъ, у конхъ скорбь на сердцѣ не скребѣшь,
Кто весело среди своей семьи живѣшь,
Погоды всѣ равны!...

Князь Долгорукій.

ПЕРЕСМѢШНИКЪ.

КАРТЁЖНИКИ.

(Продолженіе.)

Я уже предупреждалъ моихъ почтеннѣйшихъ чипательницъ, что между записными игроками города — ани, были игрицы; теперь прибавлю, что нѣтъ ничего безобразнѣе, какъ видѣть даму, понкширующую или мечущую банкъ въ два-при часа за полночь. Чепчикъ ея сбился на бекрень, причёска распрепана, лице искажено спрасътью и бѣднѣемъ... Беспрестанно должно ей ожидать, что проигрывающійся въ отчаяніи обмолвится какимъ нибудь неприличнымъ словомъ, сдѣлаеть какое нибудь неблагопрістойное восклицаніе, что и случилось. Княгиня *Мстиславская* рассказывала мнѣ, что она закаялась приниматься за карты послѣ того, какъ однажды въ глухую полночь играя съ *Сорвиголовинимъ*, онъ чрезвычайно испугалъ её, вскричавъ: «Хотя бы чёртъ пришелъ и помогъ мнѣ выиграть!» — Христость съ побою, бапюшка; возразила княгиня: что ты это чертей сюда накликаешь! —

«Я не къ вамъ ихъ зову, а къ себѣ;» опивчалъ грубиянъ.

На вечеринкѣ у полицмейстера, гдѣ было все лучшее городское общество, жена его мешала за мужа банкъ и выметавъ 8,000 рублей у камергера *Неудивленцева*, упала съ радости въ обморокъ. Какая низость чувствъ!

Въ числѣ игроковъ былъ достоинъ особеннаго замѣчанія полковникъ *Николай Александровичъ Илюмовъ*, человекъ оплочно образованный, богатый помѣщикъ и мой добрый пріятель; онъ проигралъ все свое имѣніе; потомъ, въ два щасливые вечера, воротилъ свое, съ лихвою 300,000 рублей чужихъ. Зная непостоянство фортуны, онъ пересталъ играть. Но спрасные охотники до картъ перестаютъ играть также, какъ пьяницы пить — до поднесеньяго дил. Онъ крѣпился около полугода — ускользалъ отъ сътей и козней, на каждомъ шагу ему разспавленныхъ. Но хитрость и проски его непріятелей столь были тонки и столь искусно направлены, что рано или поздно, ему надлежало попастъ въ капканъ. Въ Николинъ день заѣзжаетъ поздравить его со

днемъ ангела игрокъ *Курогкинъ*: — посидѣвъ немножко, помолчавъ о томъ, о семь, о пятомъ, о десятомъ, онъ, какъ будто нечаянно, вынимаетъ изъ кармана часы. Это были не часы, а загляднѣе. Доска и цѣпочка пламиновые (что за 40 лѣтъ щипалось большою диковинкою), семь маленькихъ печатокъ изъ семи разныхъ камней, съ искусно вырѣзанными названіями семи дней недѣли; звонъ былъ чудесный: они были часы, получасы и чепвертки. *Илимовъ*, на бѣду свою, былъ спростный охотникъ до часовъ, которыхъ у него тогда было болѣе двухъ дюжины — и съ эмалью, и осыпанныхъ жемчугомъ и бриллиантами, и съ музыкою, и *Нортоновыхъ* и *Эликоновыхъ*. У него глаза разгорѣлись на часы *Курогкина*; повертѣвъ ихъ въ рукахъ, онъ спалъ упрасивать его уступитъ ему. Плущъ, радуясь, что рыбка дѣргаешь уду, отвѣчалъ, что ни за какія деньги не продастъ ихъ, — что они у него непроданные, а завѣшные. — *Выиграй!* — прибавилъ онъ, какъ будто невзначай выронивъ сіе слово. «Не стану играть!» возразилъ рѣшительнымъ тономъ полковникъ: «ты подосланъ выпитъ меня въ игру; да я, братъ, самъ не промахъ; не бываешь этому!» — Я кланяюсь не стану, а часовъ не продамъ, — распановочно произнесъ *Курогкинъ* — и опустилъ часы въ карманъ. — «Что ты заплашилъ за нихъ?» спросилъ полковникъ. — 700 рублей. — «Плачу тебѣ 1,700!» — Не возьму 9,700! — «Не продашь?» еще разъ спросилъ полковникъ. — Нѣтъ! нѣтъ! нѣтъ! — вскричалъ плущъ. «Такъ я получу ихъ даромъ!» — Очень радъ; мои часы попадутъ въ добрыя руки. — Полковникъ позвонилъ — и приказалъ подать ломберный столъ и карты. «Дѣлай шпость!» сказалъ онъ плущу, у котораго сердце ёкало отъ радости. — Спавъ, отвѣчалъ онъ — и написалъ на зеленомъ сукнѣ мѣломъ: *часы, цѣною въ 700 рублей. Илимовъ поставилъ 700 рублей. Его карта проиграла; 1,400 — убила; 2,800 — на повалъ! 5,600 на право съ оника; 10,200 — пуда же!* — Банкиръ забасповалъ. Вышедшій изъ себя *Илимовъ* упрасивалъ его, убѣждалъ, умолялъ: онъ не подался, доказывая ему, что такая игра для банкира не выгодна, и что *selon toutes les probabili-*

tés должна же карта когда нибудь упастъ на льво. — Если же хочешь играть, я не прочь; прибавилъ онъ: гни себѣ углы, сколько души угодно; но спавку надобно ограничить. — «Согласенъ!» вспылчиво произнесъ полковникъ, у котораго кровь кипѣла, какъ вода въ самоварѣ, забывъ, что подписавъ такое условіе, значило дать сопернику взнудать себя — и веспи, куда ему угодно. Едва они усѣлись, какъ цѣлая орда игроковъ нагрянула. *Курогкинъ* взялъ многихъ въ долю изъ дружбы: ибо выигрышь былъ вѣрнѣе. Чтобы опыгратья, спавя на карту не болѣе 250 рублей, ему надобно было угадать 6 картъ къ ряду, а эпаго иногда и въ годъ не случается. Не смотря однакожь на досаду, мѣшавшую ему видѣть вещи въ истинномъ ихъ видѣ, полковникъ *Илимовъ* сдѣлалъ съ своей спороны предложеніе, обидное для людей всякаго другаго званія и ремесла; но не для записныхъ игроковъ: ибо самая ихъ профессія безчестна. По крайней мѣрѣ, пакъ понималъ это мой *Илимовъ*, человекъ ума прощадельнаго, образованнаго основательнымъ ученіемъ. Вы можете заключить о его презрѣніи къ снмъ привилегированнымъ вограмъ по его предложенію: оно состояло въ томъ, что до колоды картъ, въ которую спавнутъ мешать прошивъ него шпость, никто, кромѣ его, не допрогивался, что онъ будетъ пасовать карты, самъ снимаетъ и самъ мешать прошивъ себя. Сначала, сіе спрпанное условіе бросилось въ глаза своею необыкновенностью; когда же искусники располковали, что оно ничего не перемѣняетъ въ сущесствѣ игры: то тогда же приняли оно. Бились отъ полудня до полуночи, забывъ и ангела, и великаго Божіяго свяшителя, и церковь; съ мѣста не вставая и маковой рослинки не вкушая. Кончилось тѣмъ, что *Илимовъ* проигралъ всѣ личныя деньги, банковые билеты, серебро, вещи, лошадей, экипажи, шубы, домъ, дворовыхъ людей и 100,000 рублей на честное слово; взялъ бадинку въ руки — и въ одномъ серпучкѣ опсправился къ сестрѣ своей княгинѣ *Чигжинской*, у которой и поселился. Тамъ онъ въ чтеніи книгъ, рисованіи на продажу узоровъ для канвы, хозяйствѣ, друж-

бѣ сеспры п ласкахъ племянницъ искалъ разсѣяннѣ. Ему казалось, что глупѣе его нѣтъ никого въ свѣтѣ.

Онъ упѣшился, услышавъ, что хитрый какъ змѣй и осторожный какъ лисица, *Федоръ Ивановичъ Саламатинъ* (выигравшій миліоны во время *Сады Очакова*, въ *Потёмкинскую* войну съ Турками), набѣжалъ на скалу, сокрушилъ корабль и, попопя всѣ сокровища, не спасъ даже и жизни: благодѣтельный ударъ паралича мгновенно избавилъ его отъ нищеты. Старикъ *Саламатинъ* не зарекался играть въ карпы, какъ полковникъ *Илимовъ*; но покупалъ карпы бочками съ кораблей (*), держалъ ихъ за замкомъ и печатью, никогда не игралъ иначе, какъ на свои карпы и никому не ввѣрялъ ключа отъ кладовой, въ которой хранились онъ, кромѣ—собственнаго сына. И чтожь? Разбойники ухаживали около него лѣтъ десять, выискивая средства обыграть его. Особенно опличился въ эпому (покойникъ) *Бахмановъ*, сдѣлавшій себѣ богатѣйшее состояніе карпами. Человѣкъ, котораго ничто не могло ни упомнить, ни опмечъ отъ предпріятія, однажды имъ начатаго: препоны только раздражали его, неудачи доспавляли случай придумывать способъ ихъ загладить; для него всѣ средства были хороши, лишь бы достигнуть цѣли. Онъ сперва развратилъ молодаго *Саламатина*, спойлъ его, давалъ ему взаимныя деньги; наконецъ, до того довелъ его, что пошъ гоповъ былъ зарѣзавъ опца для полученія денегъ, кои распочалъ онъ на акприсъ, на Цыганокъ, на лошадей и Шампанское. До опцеубійства не допустилъ бы его честный *Бахмановъ*; ему нужна была только шкура опца его: развратный юноша продалъ её. Онъ, по опцовской къ нему довѣренности, вынимая карпы изъ бочки, подмѣнилъ нѣсколько дюжинъ обрѣзными. Въ продолженіе мѣсяца *Бахма-*

(*) Тогда Императорскій Воспитательный домъ еще не имѣлъ исключительной привилегіи печатать и продавать карпы. Какъ премудро и благо собирать подать, или лучше сказать, штрафы съ порока, — въ пользу невинныхъ младенцевъ, безпріютныхъ вдовъ и дряхлыхъ старцевъ! — К.

новъ съ поварищи облутили старика, какъ липу. Онъ все спустилъ: каменный трехъэтажный домъ на Тверской, дачу въ Суцозѣ, Подмосковную, Воронежскія деревни.

И у насъ въ —ани совершались дѣла, не свѣплѣе вышеписаннаго. Вся молодѣть пустилась въ игру, забывъ и службу, и хозяйство; ихъ обыгрывали навѣрное. Обнищавъ, они завербовывались въ шуллера, помогали мошенникамъ окрадывать свою родню, своихъ ближнихъ. Браить продавалъ брапта, дядя племянника.

Cette ardeur de jouer, qui nuit et jour occupe,
Est un dangereux aiguillon;
Souvent, quoique le coeur, quoique l'esprit soit bon,
On commence par être dupe,
On finit par être fripon.

Волоспи попомковъ удѣльныхъ князей, бояръ, околыничихъ, пожалованныя предкамъ ихъ за храбрость на *Мамаевомъ* побоищѣ, за увѣче подъ Казанью, за мужественную оборону Пскова, или за сочиненіе Уложения, переходили въ руки къ опкупщикамъ, оппущенникамъ, секретарямъ, поднощикамъ и надсмотрщикамъ!!!

Добрый помѣщикъ, мирный сосѣдъ, не запляннанный дворянщъ, майоръ Пётръ Пепровичъ *Уховисловъ*, въ недѣлю оставленъ безъ куска хлѣба, а имѣлъ 500 душъ.

Простачёкъ *Василій Фёдоровичъ Глуговъ*, котораго родной дядя былъ нѣкогда посломъ нашимъ при Французскомъ Дворѣ, котораго родители оставили ему съ двумя братьями 5,000 душъ, опоётъ въ винѣ дурманомъ, обыгранъ и прибитъ. Онъ, проспавшись, не помнилъ о томъ, что накануне напроказничалъ; однакоже шайка игровъ прѣехала къ нему въ домъ—и, приспавя ножъ къ горлу, взяла съ него заёмный письма. Еслибъ умный песъ его не скупилъ ихъ и не поспѣшилъ перевестъ имѣніе на жену его: то длинноносый и карпалый *Глуговъ* былъ бы голъ, какъ опципанный пѣтухъ.

Провіантскій чиновникъ *Безгастновъ*, хо-рошо воспитанный, съ нѣжнымъ сердцемъ,

съ чувствомъ изящнаго, жёнапый по спра-
спити на Англичанкѣ, дочери медика; молодой
человѣкъ, къ которому я привязался было
всею душою, который, казалось мнѣ, такъ
былъ щасливъ въ своемъ семействѣ. Спа-
рикъ-теспъ, милая жена, двѣ малюпки-до-
чери, порядочное сосполніе за женою вз-
ипое, изрядный доходъ, распоропностью и
оборотами его получаеый... Казалось мнѣ,
что онъ на землѣ вкушаетъ небо... Въ од-
ну несчастную минушу забывчивости, онъ
проигралъ казенныя деньги—и заспрѣдился.

Вольперъ весьма справедливо сказалъ:

Quand Auguste buvait, la Pologne était ivre.

Примѣръ градоначальника и первѣйшихъ
чиновниковъ въ —ани былъ заразипеленъ.
Онъ вовлекъ многихъ въ бездну погипбели.
Между прочими, мой зптъ, Афанасій Ивано-
вичъ *Костикъ*, скромный, порядочный, бе-
режливый, владѣлецъ 300 душъ съ 1,000 де-
сятинами земли подъ самымъ губернскимъ
городомъ, оставилъ военную службу за пѣмъ,
чтобъ занимать сельскимъ хозяйствомъ,
женлся на моеи сестрѣ по любви, пристра-
спился къ садоводству, построился—и дѣло
было въ шляпѣ. Его уговорили служить по
выборамъ—и выбрали въ заспѣдателя Прика-
за Общественнаго призрѣнія. Онъ пере-
ѣхалъ въ городъ, завелъ знакомство съ цѣ-
лымъ городомъ—и, приглядываясь къ азарт-
нымъ играмъ, спалъ поменьку приспа-
вляпъ и самъ карпочки. Черезъ шесть лѣтъ
оказался на немъ начѣтъ; имѣніе описали,
его опдали подъ судъ, изъ подъ котораго
онъ едва, едва съ кошелемъ за плечами осво-
бодился; жена его умерла съ печали, оста-
вивъ его въ самомъ бѣднѣйшемъ состояніи
съ 9-ю малолѣтними спрощами.

Вотъ другой примѣръ въ одной нашей
семьѣ: братъ мой не умѣлъ различить ко-
роля отъ валета, женился щасливо, по не-
щаспью, на дочери уѣзднаго предводителя.
Часто гостя у теспя, онъ былъ предста-
витель губернатору и вице-губернатору,
обласканъ ими, званъ на обѣды, на вечера.
Плодами сихъ ласкъ, сего радушія, сего Рус-
скаго хлѣбосольтва было то, что въ нѣ-
сколько лѣтъ онъ прожилъ приданныя деньги

своей жены, все имѣніе заложилъ въ Опеку-
нскій Совѣтъ и накопилъ 40,000 рублей долгу.
А онъ въ душѣ проклиналъ карты! Еслибъ
мы съ меньшимъ братомъ не выручили его
изъ сей напаси: то пришло бы ему худо.

А какъ умножилось у насъ отъ картъ
пьянство! Какъ безбожно спали судьи драпъ
взяпки! Сколько мерзкихъ испорій. На пр:
капипана *Дрилова* генераль-лейтенантъ
Ч... ударилъ въ щѣку, поймавъ на пе-
редѣржкѣ. *Ожогинъ* съ *Разумовымъ*, поссорясь
за карты, спрѣдлись, и такъ ловко под-
спрѣдили другъ друга, что одинъ умеръ че-
резъ недѣлю, а другой черезъ три. У барона
Бештильтъ-Загера игроки выломали дверь,
нашли обрѣзныя карты, обрѣзки, крапъ,
кисточки, и такъ ему опколопили бока, что
онъ черезъ четыре дня Богу душу опдалъ,
если только Богъ взялъ её.

Никогда не забуду разсказаннаго мнѣ зна-
комымъ вамъ полковникомъ *Илимовымъ*. Его
завалъ къ себѣ на игру надворный совѣт-
никъ Иванъ Ильичъ *Калуферовъ*. Мой прія-
тель былъ опасный игрокъ, и если бойкаго
понкшѣра *Смиренькаго* прозвали въ —ани
Бонапартомъ за его опчаяные напски:
то *Илимова* можно бы, если-бъ не грѣхъ
было, наименовать *Суворовымъ*. Они съли
за карты въ хозяйскомъ кабинетѣ. Невѣ-
роятное щаспие привалило къ моему пол-
ковнику: онъ угадалъ 22 карты кряду. Са-
мо собою разумѣется, всѣ деньги и драго-
цѣнности перешли къ нему изъ кошелька,
книжки и бюро *Калуферова*; онъ принесъ бри-
ліанты жены своей—и черезъ минушу они
принадлежали уже *Илимову*, который спа-
вилъ по десяти, по двадцати тысячъ на кар-
ту. Безпалапный соперникъ его на колѣняхъ
вымолилъ вещи у своей свояченицы—и про-
игралъ; тѣща сама свои принесла ему, видя
его опчаяніе. Игра продолжалась весьма дол-
го: поелику сначала картъ сорокъ проспыхъ
и съ углами перебили у *Илимова*; уже часъ
обѣда давно минулъ, уже кушанье на столѣ
проспыло, уже съ полчаса дамы сидѣли за
споломъ—и ждали насъ. Проголодавшись и
не желая поминъ дамъ голодомъ, мой хра-
брець-пріятель поставилъ 50,000 рублей,

загнулъ пароли съ транспортомъ на 200,000, и когда эпу каршу убили: то онъ, схватя въ карманъ оспалныя деньги и скомкавъ коѣ-какъ въ плапокъ выигранныя вещи, бросился опрощью изъ роковаго кабинета.... но только лишь вошелъ въ споловую, которой ему миновать нельзя было: дамы попадали со стульевъ, какъ будто бы увидѣли передъ собою змѣя-Горыныча, чудо-Юду о двѣнадцати головахъ. *Илимовъ* бросилъ на сполъ выигранныя имъ ихъ вещи, а самъ бросился опрощью въ каршу — и ускакалъ домой. Въ полночь же вечеръ онъ послалъ къ *Калуферову* письмо, въ коемъ приписалъ къ нимъ, что онъ вещи сіи предоспавляетъ тѣмъ, кому принадлежатъ онѣ, почитая пресупленіемъ воспользоваться минутною заблужденія отца семейства и давнишняго своего пріятели.

Никогда не забуду, что нѣкогда имѣвшій за собою 750 душъ въ самомъ плодородномъ мѣстѣ Тульской губерніи, на рѣкѣ Зушѣ, капитанъ Михайлъ Алексѣевичъ *Терновъ*, добрый и слабый, кончилъ жизнь въ Московскомъ пюремномъ замкѣ у Миусской заставы, а свезла его туда тройка. Я, по долгу родства, навѣщалъ его въ острогъ: онъ пилъ запоемъ, и мнѣ рѣдко удавалось застать его въ презвомъ видѣ.

Сколько же случилось мнѣ на вѣку встрѣчать безграмотныхъ, или ужъ много что полуграмотныхъ негодяевъ изъ вольноопущенныхъ людей, мѣщанъ, приказныхъ, кои, посредствомъ каршъ, содѣлавали себѣ княжеское сословіе, съ пренебреженіемъ опзывались о боярахъ, занимавшихъ у нихъ деньги и вздвигшихъ на поклонъ къ эскимъ мѣшкамъ съ червонцами. Въ особенноти не забуду одного Рильскаго мѣщанина, который смиренно рылся какъ кропъ въ винномъ погребѣ своемъ (*Weinhandlung*), и не смѣлъ выглядывать на свѣтъ Божій. Попомъ, разбогатѣвъ отъ мошенническихъ карпочныхъ продѣлокъ, едва наклонялъ голову, встрѣчаясь съ человѣкомъ ниже 4-го класса чиновомъ, а о вельможахъ иначе не говорилъ, какъ: «*Мы вчера съ князь-Петромъ объѣдали у.... Графѣ Ѳедорѣ зовѣтъ меня сегодня*

на вечеръ... У Князь-Ивана родилась дочь... А кто виноватъ? Самы наши баричи! Они водятъ хлѣбъ-соль съ экими дворниками (по выраженію умнаго сочинителя одного изъ лучшихъ Русскихъ романовъ: Семейство *Холмскихъ*). А кто виноватъ, что они, занимая у нихъ деньги, говорятъ: *C'est un brave homme, que ce monsieur Stérovoy!* Или, распивая у нихъ за обѣдомъ *Бургондское* и *Шампанское*, восклицаютъ: *c'est un homme comme il faut, que ce monsieur Lougouoy!*

(*Оконталіе въ слѣд. листкѣ.*)

ЦАРСТВА ВЪ ДУНѢ.

Одинъ Нѣмецкій ученый поднесъ своему герцогу сочиненную имъ книгу: *О царствахъ въ дунѣ*, и въ посвященіи изъявилъ желаніе, чтобы его свѣпность завоевала ихъ.

Герцогъ, прочитавъ нѣсколько страницъ сей безполковщины, сказалъ автору онаго: «благодарю васъ за ваше лестное для меня желаніе. Будьте увѣрены, что покоривъ царства въ дунѣ, я сдѣлаю васъ въ одномъ изъ нихъ своимъ памѣстникомъ.»

ПРИЗНАТЕЛЬНОСТЬ СТЯПЧАГО.

Одинъ Спразбургскій адвокатъ отказалъ 40,000 франковъ въ пользу дома сумасшедшихъ, «потому,» говоритъ онъ въ своемъ завѣщаніи: «что я нажилъ ихъ по милости сумасбродовъ, которые имѣли плясбныя дѣла.»

СЛОВЕСНОСТЬ.

Э Т Р У Р С К А Я В А З А.

Румяный небосклонъ напомнилъ *Сень-Кле-ру* о приближеніи упра. Онъ споллъ передъ каминомъ, держа ключъ отъ парка и успремивъ взоръ свой на вазу, которая возбу-

ждала въ немъ какое-то непріятное чувство. Не смотря на то, онъ былъ въ хорошемъ расположеніи духа; но вдругъ весьма обыкновенная мысль представилась ему: мысль, что его могли обманывать. Пока прелестная графиня *Матильда Курси*, желая проводить его до дверей парка, укрывала свою голову шалью, *Сень-Клеръ* тихо спучалъ по ненавистной ему вазѣ, поспешно увеличивая силу своихъ ударовъ, опъ чего можно было опасаться, что *Эпрурская* ваза скоро разлетѣтся въдребезги.

«Ахъ! что ты дѣлаешь?» вскричала *Матильда*: «ты разобьешь мою прекрасную *Эпрурскую* вазу.» Съ этими словами она вырвала ключъ изъ рукъ его.

Сень-Клеру не понравилось такое вниманіе *Матильды* къ ненавистной ему вазѣ; но, покоряясь волѣ своей прекрасной повелительницы, онъ отворотился опъ камина, чтобы не впасть снова въ искушеніе. Увидѣвъ, что уже совсѣмъ разсвѣло, *Сень-Клеръ* вышелъ изъ дому, прося *Матильду* не провожать его. Скоро прошель онъ черезъ паркъ и очутился въ чистомъ полѣ.

Однажды, въ обществѣ молодыхъ людей, къ которому принадлежалъ *Сень-Клеръ*, лихой эскадронный командръ *Телинись* увѣрялъ, что *Массини*, молодой человекъ, впрочемъ совершенно ничпожный, былъ нѣкогда любовникомъ прелестной и остроумной графини *Курси*. Слова сіи были кинжаломъ для *Сень-Клера*: ибо связь его съ графинею была тайною. Припомъ же онъ зналъ, что ненавидимая имъ *Эпрурская* ваза подарена ей его соперникомъ.

«*Массини! Массини!*» вскричалъ онъ въ бѣшенствѣ: «ужели я всегда буду съ побою спалкиваться?... Я съ ума сошелъ, полагая, что мнѣ плапятъ любовью, равною моею.»

Вскорѣ мысль, болѣе печальная, представилась ему: графиня была вдова; прауръ оканчивался; по снятіи онаго *Сень-Клеръ* долженъ былъ на ней жениться. Онъ общалъ это.—Общалъ?—Нѣтъ, онъ никогда этого не говорилъ. Но таково было его на-

мѣреніе. Графиня поняла его, и это для *Сень-Клера* замѣняло кляпву.

Наканунъ онъ пожертвовалъ бы всѣми сокровищами міра, чтобы ускорить минушу, въ которую могъ бы поржеспвенно объявить себя ея женихомъ, а теперь онъ препепалъ при одной мысли о соединеніи судьбы своей съ оставленною любовницею другаго. «И при всемъ томъ я долженъ это исполнить, - говорилъ онъ: и это сбудется. Бѣдная женщина! Она, вѣроятно, полагала, что мнѣ была извѣстна связь ея; что я люблю её, какъ любилъ *Массини*. Они говорятъ, что это всѣмъ извѣстно... Пусть говорятъ, воскликнулъ *Сень-Клеръ* твердымъ голосомъ, но при мѣсяца блаженства моего въ объяніяхъ *Матильды* споюшъ, чтобы я пожертвовалъ ей остальною жизнью.»

Не ложась спать, онъ все упря проѣздилъ верхомъ по лѣсу. При поворотѣ въ одну алею онъ увидѣлъ издали человека, ѣдущаго верхомъ на прекрасной Англійской лошади, который, замѣшивъ его, назвалъ по имени и немедленно подѣхалъ къ нему. Это былъ *Адольфъ дѣ Телинись*. Для *Сень-Клера* въ то время уединеніе было всего пріятнѣе и необходимѣе, а потому, сія печальная встрѣча переѣнила дурное расположеніе его духа въ досаду. *Телинись* не замѣчалъ сего, или можетъ быть находилъ злобное удовольствіе сердить его. Онъ говорилъ, смѣялся, шутилъ, не замѣчая, что ему не отвѣчаютъ. *Сень-Клеръ*, увидѣвъ пропину, немедленно поворотилъ по пей свою лошадь, надѣясь, что несносный преслѣдователь за нимъ не поѣдетъ: онъ ошибся въ своемъ мнѣніи: *Телинись* поѣхалъ за нимъ, ускорилъ шагомъ своей лошади, и, поровнявшись съ *Сень-Клеромъ*, продолжалъ свой разговоръ.

Я уже сказалъ, что дорожка, по которой ѣхали наши герои, была узкая,—съ трудомъ могли двѣ лошади идти рядомъ: не удивительно, что *Телинись* неосторожно коснулся ноги *Сень-Клера*. Сей послѣдній потерялъ все терпѣніе: онъ поднялся на спремента и ударилъ хлыстомъ по носу лошади *Телиниса*.

«Кой чорпъ, что сдѣлалось съ тобою, Евгений?» вскричала *Телинскъ*: «за что бьешь ты мою лошадь?»

— За чѣмъ ѣдешь ты за мною? — опвѣчалъ суровымъ голосомъ *Сень-Клеръ*.

«Въ умѣ ли ты, *Сень-Клеръ*? Ты забываешь, что говоришь со мною.»

— Помню, что говорю съ повѣсой. —

«*Сень-Клеръ*! ... ты, мнѣ кажется, съ ума сошелъ. ... Завтра ты извинишься, или раздѣлаешься со мною.»

— И такъ до завтра, сударь... —

Телинскъ остановилъ свою лошадь. *Сень-Клеръ* прищорилъ свою — и скоро скрылся въ лѣсу.

Съ эпой минулы онъ чувствовалъ себя спокойнѣе. Онъ имѣлъ малодушіе вѣрнѣе предчувствіямъ, и думалъ, что завтра будетъ убитъ: эта мысль упѣшала его. Ему оставалось провести еще супки, а на другой день, по его мнѣнію, прекратятся всѣ заботы его и мученія. Онъ возвратился домой, послалъ съ запискою своего человѣка къ другу своему полковнику *Болсѣ*, написалъ нѣсколько писемъ, сытно пообѣдалъ, и въ восемь съ половиною часовъ вечера былъ уже у камины парка.

«Что сдѣлалось съ тобою, Евгений?» сказала графиня: «ты что-то необыкновенно веселъ сегодня, но при всемъ томъ не можешь разсмѣшить меня своими шуутками. Вчера ты былъ несносенъ, а я напроривъ весела — мы сегодня перемѣнились ролями. У меня жестокая головная боль.»

— Признаюсь, прелестный другъ, что вчера я былъ точно несносенъ, за то нынче я много ѣздилъ верхомъ, разсѣялся и совершенно здоровъ. —

«А я сегодня встала поздно, долго спала упромъ и видѣла ужасный сонъ.»

— Уже ли ты вѣришь снамъ? —

«Какая глупость.»

— А я такъ вѣрю имъ. Я увѣренъ, что ты видѣла сонъ, предвѣщающій трагическое происшествіе. —

«Боже мой! Я никогда не помню своихъ сновъ. Но сегодняшній, однакожь, я не забыла: я видѣла во снѣ *Массини*, и ты видишь, что шупъ ничего нѣтъ забавнаго.»

— *Массини*? Я, напроривъ, думаю, что тебѣ пріятно было бы опять увидѣть его. —

«Бѣдный *Массини*! ...»

— Бѣдный *Массини*! ... —

«Скажи *Евгений*, что съ тобою сдѣлалось нынѣшній день? Въ улыбка, въ голосъ, въ выраженія, словомъ, во всѣхъ твоихъ поступкахъ таится что-то непонятное для меня.»

— *Массини* дуракъ. —

«*Массини*? Нѣтъ, онъ не глупъ. Я тебѣ расскажу о немъ презабавное происшествіе... Но не рассказывала ли я уже тебѣ эпого?»

— Нѣтъ, никогда, — опвѣчалъ *Сень-Клеръ* дрожащимъ голосомъ.

«*Массини*, по возвращеніи своемъ изъ *Испаніи*, влюбился въ меня. Мужъ мой былъ съ нимъ знакомъ и представилъ его мнѣ, какъ человѣка умнаго и любезнаго. Они были созданы другъ для друга. Сначала *Массини* несносно надѣдалъ мнѣ: дарилъ рисунки, купленные имъ у *Шарта*, выдавая ихъ за свою работу; говорилъ о музыкѣ и рисованъ пономъ знапока, пономъ оплично забавнымъ. Однажды прислалъ онъ мнѣ письмо... мудро повѣрнѣе... однако же... слушай: онъ написалъ ко мнѣ, что щипая меня честнѣйшею женщиною изъ всего *Парижа*, онъ предлагаетъ мнѣ себя въ любовники. Я показала эпо письмо моей кузинѣ, *Юліи*. Мы съ нею были тогда обѣ порядочными вѣренницами и рѣшились позабавиться надъ нимъ. Вечеромъ у насъ были гости; между ними находился также и *Массини*. — Вдругъ кузина говоритъ: «Я получила сегодня презабавное любовное письмо: хотите ли, прочту вамъ его?» Съ этими словами начала она чипать письмо *Массини*. Общій хохотъ слушателей прерывалъ чтение кузины... Бѣдный *Массини*! —

(Окончаніе въ слѣд. листкѣ.)

СТИХОТВОРЕНІЕ.

Ш А Р А Д А.

Ничего вѣрно скажешь,
 Когда правá свои на спорный домъ докажешь;
Второе въ букварѣ спойшь:
 А все—то рѣчка небольшая,
 Что нашъ Петрополь прошекая,
 Въ гранишнихъ берегахъ блещишь.

Въ No 74, помѣщенная шарада значить: *Tri-pot.*

M O D E S.

Jamais, peut-être, tissus aussi somptueux et dessins plus richement bizarres n'apparurent avec autant de recherche et de variété que ceux qui doivent être offerts au luxe de notre prochain hiver. Il n'est pas encore tems de décrire l'effet de ces mille nuances si habilement combinées, ni ces broderies d'or et de soie qui vont se détacher sur des fonds de satin, de gros de Tours, de pou de soie, etc.; mais ce que nous pouvons attester dès aujourd'hui, c'est que dans aucun tems les toilettes n'auront eu plus de richesse. Ce sera un gracieux contraste que de voir nos gazes et nos étoffes légères et diaphanes s'entremêler aux *imposantes* parures que nous venons d'emprunter à nos ancêtres, car il n'appartiendra pas à toutes les femmes d'adopter les *nouveautés antiques* que nous annonçons. Il est des modes qui, dès leurs débuts surtout, ont besoin de paraître sous l'égide d'un haut rang, d'une grande fortune, ou d'une puissante réputation de beauté et d'élégance; mais pour tant de jeunes femmes qui composent la masse de la société, et dont toute la parure n'est basée que sur le goût et la simplicité, il existe aussi une quantité de neuves inventions que les magasins Sainte-Anne leur offriront, et qui satisferont tous les genres de fortunes et de toilettes. Aussi nos éloges sont-ils aujourd'hui un appel général, sur lequel nous reviendrons aux époques convenables.

Robes. — Pour robes de soirée ou de fête de château, rien ne nous a paru plus joli qu'un organdy blanc très-clair, semé de petits bouquets de fleurs

brodés en soie nuancée; la fraîcheur et l'éclat de ce travail produisait un effet charmant. Cette robe fut faite à manches courtes, jupon très-ample, et corsage drapé.

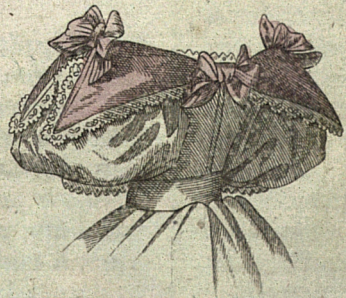
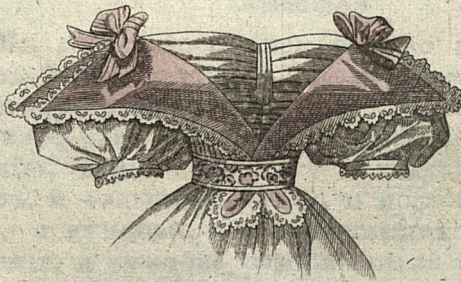
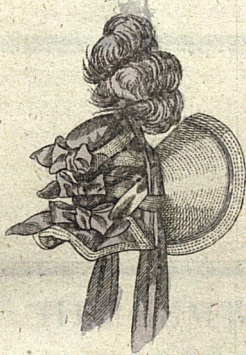
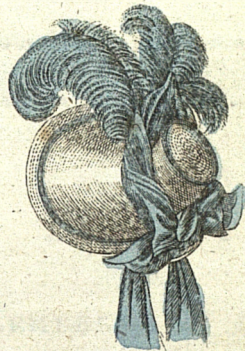
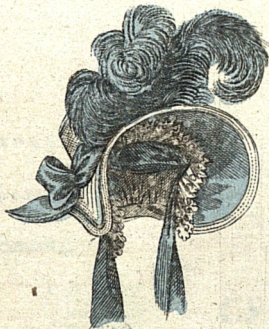
Pl. No 27. Modes en vogue à Paris le 15 Septembre n. st.

M O Д Ы.

Никогда, можетъ быть, не показывались съ такою изысканностію и разнообразіемъ столь пышныя ткани съ богатыми и спиранными узорами, какъ тѣ, которыя будутъ употребляемы роскошью слѣдующей зимы. Еще не время описывать видъ сихъ разнообразныхъ цвѣтловъ, столь искусно принаровленныхъ, ни эпитихъ вышиваній золотомъ и шелкомъ, которыя будутъ отдѣляться на груншахъ: апласныхъ, гродешуровыхъ, *pou de soie* и проч.; но мы можемъ удостовѣриться теперь же, что ни въ какое время наряды не были богатѣе. Весьма будетъ красивая противоположность видѣть наши газы и легкія прозрачныя матеріи перемѣшанныя съ *важнѣйши* нарядами, занятыми у предковъ нашихъ, потому, что не всякой дамѣ можно принять *древніи новости*, о которыхъ мы говоримъ. Есть моды, которыя, особенно сначала, имѣють нужду показаться, подъ покровительствомъ высокаго сана, или большаго состоянія, или сильной репутаціи красоты и щеголеватости; но для молодыхъ дамъ, составляющихъ большую часть общества, которыя весь нарядъ основанъ только на вкусѣ и проспортѣ, есть множество новыхъ изобрѣтений, которыя они найдутъ въ магазинахъ *Sainte-Anne*, и которыя удовлетворяютъ всякому состоянію и наряду. И такъ, наши похвалы—общее воззваніе, къ которому мы возвратимся въ надлежащія эпохи.

Платья. — Для вечернихъ платьевъ или деревенскихъ праздниковъ, всего красивѣе намъ показалось бѣлое, весьма прозрачное органди, вышитое небольшими букетами шелкомъ въ тѣнь; живость и блескъ этой работы дѣлали прелестный видъ. Платье это было сдѣлано съ короткими рукавами, юбка весьма полная, лиць драпированъ.

Карш. No 27. Парижскія моды 15 Сентября н. ст.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

ТРЕТІЙ ГОДЪ.

Выходятъ
по Средамъ и
Субботамъ.

№ 76.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 104 No,
съ 36-ю картинками модъ,
въ С. П. б. 30, съ до-
ставкою и пересылкою
35 рублей.

СУББОТА, СЕНТЯБРЯ 23 ДНЯ 1853 ГОДА.

Онъ по Французски совершенно
Могъ изъясняться и писалъ;
Легко мазурку танцовалъ
И кланялся непринужденно:
Чего-жь вамъ больше? Свѣтъ рѣшилъ,
Что онъ умѣнъ и очень милъ.

А. Пушкинъ.

ПЕРЕСМѢШНИКЪ.

КАРТЁЖНИКИ.

(Окончаніе.)

Мы доселѣ коснулись только азартныхъ игръ банка и шпоса. Если взглянемъ безприспраснымъ окомъ на комерческія: по пакже, какъ въ комерціи, найдемъ и монополію, и конспрабанду, и поддѣльный поваръ, и фальшивыя вѣсы, и подлогъ, и спачку, и купцовъ, обанкротившихся отъ незнанія, и купцовъ, разорившихся отъ алчности къ деньгамъ, и купцовъ, ограбленныхъ плутами-товарищами. Я самъ, нечего грѣха таить, играю въ бостонъ и виспъ; мнѣ самому случалось видѣть смѣхотворныя сцены на своѣмъ вѣку; ей Богу, если перескажать: то вы всѣ живописки понадорвѣте. Право, не знаю, не лучше ли бы было держать языкъ за зубами, или уже пошвышше молодцовъ и молодицъ на славу? Сдѣлаю послѣднее.

У меня былъ дядя—прими Господи духъ его съ миромъ!—отставной бригадиръ Пётръ

Николаевичъ Жеребятниковъ. Въ первую, или Румянцевскую войну съ Турками, онъ командовалъ Казанскимъ кирасирскимъ полкомъ и содержалъ его въ опличномъ порядкѣ: такъ, что спрогій блюстителъ воинскаго устройства, графъ Пётръ Александровичъ Румянцевъ - *Задунайскій*, ставилъ его въ образецъ другимъ. Взявъ отставку пошчасъ послѣ замиренія, ш. е. въ 1775 году, онъ поселился въ Москвѣ. Пятидесяти лѣтъ женился онъ на весьма богатой, прицати-пяти лѣтней дѣвѣ, Марьѣ Александровнѣ *Перельтниковой*, выстроилъ себѣ въ Старой Конюшенной предлинныя и превысокія хоромы съ дощатою галереєю и колоннами Дорическаго ордена изъ тѣса, записался въ члены Англійскаго клуба, чпобы курить трубку, бостонировать. Онъ былъ славенъ въ свое время *кислыми* щами (*), которыя варилъ его по

(*). Онъ ли одинъ?—Извѣстно, что великодушный князь Тауриды былъ такой же *квасной патриотъ*, какъ Суворовъ. *Державинъ*, *Болтинъ*, *Крашенинниковъ*, *Чичаговъ* (В. Я.), *Пушкинъ*, *Крыловъ* и *Жуковский*.—К.

варь на славу и копорья изволил кушать самъ князь *Потѣлкинъ*, не сдѣлавъ кислой рожи.

Дядя мой самъ управлялъ деревнями и домомъ, былъ охотникъ до карпинъ, до лошадей, отчаспи до собакъ, но все это почипалъ онъ забавою, раздольемъ, опдыхомъ, наспоющимъ же дѣломъ—карпы, или, выразипсья почнѣе: боспонъ по гривнѣ *бронзой*.

До сихъ поръ вы видите въ моемъ почпеномъ, богатомъ дядѣ обыкновеннаго Русскаго барина; но слушайте. Къ нему вѣжали каждый день обѣдашь, по большей часпи, его родспвенники: племянники и племянницы, внуки и внучки. Изъ нихъ соспавлялась его боспонная партія. Всѣ они любили его, какъ своего покровипеля, уважали, какъ человека заслуженнаго. Онъ ласкалъ ихъ, радовался ими, хлопоталъ за нихъ, опредѣлялъ къ мѣспамъ, дарилъ ихъ, ссужалъ деньгами безъ проценсповъ, а часпо и безъ опдачи, однимъ словомъ: былъ спакимъ роднымъ, какихъ немного въ Москвѣ нащипать можно. Но какъ скоро доходило дѣло до боспона: по, избави Боже! Онъ превращался въ люспаго звѣря, при проигрышѣ же въ маленькаго Спароконюшеннаго *Тиверія*. Получая до полупораста тысячъ годоваго дохода, издерживая по 100 рублей на споль въ супки, онъ дрожалъ надъ рублемъ въ боспонѣ, всѣхъ училъ, всякому указывалъ съ чего ходипть, кричалъ, бранился; что же было всего оскорбипельнѣе: подозрѣвалъ, будто его за одно обыграшь сговорипся, что другъ другу подмигивающъ, подающъ условленные знаки. Назавпре онъ ничего не помнилъ, былъ по всегдашнему говорливъ и привѣспливъ. Когда, послѣ горячихъ съ его спороны нападковъ, доходило дѣло до игры: по никто не хотѣлъ соспавляшь его партію, опговариваясь шѣмъ, что не желаетъ болѣе подвергаться обидамъ по вчерашнему. Тупъ дядя, опложивъ въ спорону и лѣпа, и чинъ, и богатспво, начиналъ просипть у всякаго порознь прощенья, плакалъ, проклиналъ свой запальчивый нравъ, клялся, что не спанептъ горячипсья; мы, разумѣтся прощколя его порядочно, смягчались, садипсь—и, послѣ

двухъ, трѣхъ круговъ (шуровъ), дядя позабывалъ свою кляпву, воспламенялся гнѣвомъ и ругался, какъ рыбная порговка. Это повторялось каждый день до дня блаженной его кончины.

Покойникъ былъ оригиналъ, а шурипъ его Яковъ Александровичъ *Перелытниковъ* другою. Опець оставилъ ему съ брапомъ 12,000 душъ, по 300,000 рублей наличныхъ денегъ и домъ, какъ полную чашу. Надобно же приложипть ума, чтобы въ пяпъ лѣпъ промощать все до послѣдней копѣйки. И воптъ какимъ образомъ: онъ весьма плохо игралъ въ боспонъ, имѣлъ худую памяпть, дѣлалъ реноссы, забывалъ козырей; ко всѣмъ симъ доспоинспвамъ, онъ щипалъ для себя низкимъ веспи маленькую игру и всегда садипсь за боспонъ не ниже червонца призъ. Это былъ кладъ для маломощныхъ родспвенниковъ моего дяди. Я. И. *Пронскій*, въ зиму 1829 года, выигралъ у *Перелытникова* въ боспонъ 90,000 рублей!!!

И одинъ ли спакой необузданный мощъ находипся погда въ древней Русской спольщѣ, когда я могу нащипать вамъ двадцать въ губернскомъ городѣ — ани? Глафиря Ивановна *Простякова* (впрочемъ, спѣспвая барыня и мать бѣдныхъ, самонравная и послушная какъ дипя, простая душою, возвышенная сердцемъ), играя по гривнѣ мѣдью, безъ сомнѣння спуспила на свой вѣкъ 100,000 рублей и оставила чуть, чуть не суму дѣспямъ, изъ коихъ вышли люди весьма доспойные. А опъ чего это? Не опъ неумѣнъя, не опъ нещаспья, не опъ горячноспи, а опъ шщеславья, опъ своего самодурспва. Какъ же это? А воптъ какъ: сперва позволте спросипть, извѣспна ли вамъ игра сѣя? «Вы насъ обипааете: мы Русскіе дворянки; еслибъ мы не играли въ боспонъ: по чѣмъ же бы опличипсь опъ просполодинокъ?»—Извинипте, я обидѣлъ васъ, но ей, ей, по невѣдѣнню! Воптъ изволипте видѣпть, еслибъ вы играли съ *Простяковой* и она, бывъ въ рукѣ, сказала *боспонъ*, а вы бы осмѣлились переговорипть *на шестъ*: по она сочла бы, что прахъ опца ея генерала содрогнепсь, если она вамъ успушипть и съ спѣспивымъ видомъ

повторила бы: *на шесть*, хотя бы имѣла не болѣе прехъ вѣрныхъ взлпокъ. Вы бы, въ свою очередь, подумавъ и, можешь бышь, къ шести вѣрнымъ леве имѣя короля самъ другъ маспи и даму саму - четверту другой, пустились бы на *авось*—и также рѣшились бы на *восемь*. Вы думаете, что госпожа коллежская совѣшница *Простякова* спасовала бы? Нимало, нигдѣ, никогда! Она, или бы перебила у васъ *осемью* же, или спала бы играя *маленькую открытую бѣдность*, поддражливая васъ и, такимъ похвальнымъ поведеніемъ, наславъ двадцать ремизовъ, рѣдко оспавалась въ проигрышѣ 250, а почти всегда 500, 700 и 1,000 призовъ!!!

Какъ часто въ виспѣ и боспонѣ прое обигрываютъ навѣрное четвертаго. Надобно знать весьма коротко вашего парпенѣра, чтобы держать пари, а по продадутъ васъ, какъ это мнѣ сто разъ видѣшь случалось. Мой добрый родственникъ Я. И. *Пронский*, о которомъ я упоминалъ выше, и который играя хладнокровно и разыгрывая игры обдуманно, нажилъ себѣ порядочную деревеньку, рассказывалъ мнѣ, что погнавшись однажды въ партію къ неизвѣстнымъ ему особамъ по 5 рублей призъ, въ Англійскомъ клубѣ, онъ разыгравъ два шура, положилъ карпы, вынулъ изъ кармана деньги, заплашилъ проигранные 500 рублей и извѣдился, что не можешь докончить пулю, чувствуя себя весьма слабымъ игрокомъ передъ своими парпенѣрами. Они спали его упрасивашь, а потомъ преровашь объясненія: онъ, совсѣмъ возможнымъ въ семь случаевъ холонокровіемъ, подтвердилъ имъ, что онъ слабъ и, по первымъ шурамъ полагая оспавъ въ проигрышѣ болѣе 2,000 рублей, не имѣеть даже, чѣмъ съ ними расплатиться. Последнее убѣдило ихъ оспавить его въ покоѣ!

Со мною самимъ случились два пресмѣшные анекдота. Я обѣдалъ у графа *Свисткова*; послѣ обѣда — графиня; *Чумарзинъ* и я съли впроемъ въ боспонѣ. Когда я игралъ съ нею, она мнѣ показывала свои карпы, когда же *Чумарзинъ*, по ему. Случилось, что сей послѣдній пошѣлъ не въ шу маспѣ, въ

какую графинѣ было надобно, — безспышница разсердясь, сказала ему: «Развѣ вы не видите?» — Я не имѣю подмой привычки сморѣшь въ чужія карпы! — возразилъ *Чумарзинъ*.

Богъ насылаеть на челоука напасти въ разныхъ видахъ. Играла со мною въ боспонѣ въ 1803 году — такъ этошь случай мнѣ памятенъ! — Катерина Борисовна *Бекрелева*, спариннаго лѣса кочерга, барыня важнал, помѣшница достачочная. Я тогда былъ не по, что теперь — впрочемъ, и теперь, иногда расхожусь, какъ молодая брага — а тогда же, за тридцать лѣтъ передъ симъ, я былъ весь огонь. Вотъ и играли мы съ ней; а у ней покойницы велась привычка мѣнять у смирнаго сосѣда фишки, не спросясь съ нимъ; мѣнять, т. е. подложить ему чепыре, много пята мелкихъ, а взять одну крупную — въ десять фишекъ!!! Эта невыгодная для меня мѣна происходила не разъ, не два, не три... Мурашки по закоулю у меня забѣгали... закипѣло репивоое и, лишь поплунулась она къ моей коробочкѣ въ четвертый разъ, какъ я баць её по рукѣ. — Что вы дѣлаете, сударыня? — «Мѣняю!» отвѣчала она, запинаясь. — Не худо бы спроситься съ хозяиномъ. — «Извините!» — И вы извините мою невѣжливоспѣ, я совсѣмъ не думаль.... — Тѣмъ дѣло и кончилось!

Смѣшенъ былъ за карпами и опкушникъ *Стакановъ*, съ безконечными ремизами. Съ нимъ одна пуля продолжалась иногда опъ 6-ти часовъ вечера до 6-ти утра; случалось даже, что игроки расходились, не разыгравъ въ полсупки и полупули. Въ такомъ случаѣ, они собирались на другой день, какъ на барщину, молотить карпами по столу.

Смѣшна была за боспономъ и *Маргарита Карловна*; она показывала шиши кавалерамъ, съ нею игравшимъ, присканивала съ кресель, чтобы схватить леве, пошла поварницей; сама не добравъ взлпки, сваливала вину на своего помощника; божилась, бранилась, спучала кулаками о столѣ, прищелкивала, передвигала свѣчи, отгоняла любопытныхъ, кои осмѣливались взглянуть къ ней въ карпы, и пр. и пр.

Но опъ сотворенія міра не родилось еще челоуѣка споль каррикашурнаго, какъ смѣшной памяти Григорій Павловичъ *Пряжевскій*. Богачъ и скряга, онъ былъ близорукъ, жадеиъ къ деньгамъ и порошлвѣ до крайности. Дѣлая безпреспанные ренонсы, и спарался поправиться, подносилъ онъ каршу къ самому носу, бросалъ еѣ на споль; взяпку закрывали—и чпо же? Вмѣспо бубноваго короля очушился бывало червоная дама; вмѣспо осьмерки винъ, десяпка крепсовъ!!! Онъ ушрашиваетъ, чпобы еѣ перемѣнили; паршенѣры не соглашашося, споряшъ, шумяшъ; ихъ споль окружаюшъ любопышные; сперва молча, поободрясь же нѣскольпо, сами вмѣшлваюшся въ распрю, доказываюшъ, указываюшъ; словомъ, шакая бывало поднимешся куперьма, чпо ничего пошлшъ нельзя, какъ будпо на Толкучемъ рынкѣ, какъ будпо разыгрывашся прилогія одного изъ нашихъ авшоровъ....

Безъ склада по складамъ, безъ шодку по шодкамъ.

А. Кораблинскій.

УМНО ПРИДУМАНО.

Одинъ начальникъ, досадуя, чпо его подчиненные сказываюшся иногда больными въ пѣ дни, въ которые обязаны бышъ на службу, спрого предписалъ: — «чпобы всѣ они доносили о своей болѣзни, за два дня до оной.»

СЛОВЕСНОСТЬ.

Э Т Р У Р С К А Я В А З А.

(*Опопганіс.*)

При послѣднихъ словахъ графини, *Сень-Клеръ* упалъ на колѣни, схватилъ руку ея и покрылъ еѣ поцѣлуями. Такой поешупокъ его весьма удивилъ *Матильду*: она думала, чпо ему сдѣлалось дурно. Наконецъ онъ вспалъ. Радость блиспала въ глазахъ его.

Теперь онъ почилалъ себя несравненно шаспливѣе, нежели въ ту минушу, когда *Матильда* сказала ему въ первый разъ: *Я люблю тебл.*

— Я глупѣйшій, преспупнѣйшій челоуѣкъ!— вскричалъ онъ: уже два дни я тебл подозрѣваю, и не искалъ случая объяснишся съ шобою!...—

«Ты подозрѣвалъ меня!.. а въ чемъ?..»

— Я достоинъ всякаго презрѣнія!.... Мнѣ сказали, чпо ты нѣкогда любила *Массини*, и... —

«*Массини?*...» И она засмѣлалась; но вдругъ, принявъ сербѣзный видъ, сказала: «*Евгеній*, дурно, чпо ты могъ бышъ споль легковрешъ и шипашъ шакую ревность, а еще хуже, чпо могъ бышъ споль лукавъ и споль скрышенъ!...»

Слеза выкапилась изъ глазъ ел.

— Заклинаю тебл, проспи мнѣ!...—

«Какъ не проспишъ мнѣ тебл, милый другъ!... Но я клянусь тебѣ!...»

— Вѣрю, вѣрю; шольпо не говори мнѣ ничего.—

«Но, ради Бога, скажи мнѣ, съ чего вздумалъ ты подозрѣвашъ меня въ шакой невѣроятности?»

— Всему причиною моя бѣшеная голова... и... видишь ты эшу Эшпрурскую вазу? Я зналъ, чпо тебѣ подарилъ еѣ *Массини*. —

Графиня всплеснула руками опъ удивленія, и попомъ вскричала съ громкимъ смѣхомъ: моя Эшпрурская ваза!

Сень-Клеръ также не могъ удержашся опъ смѣха, но слезы текли по его щекамъ. Прижавъ къ сердцу *Матильду*, онъ сказалъ:

— Я не выпущу тебл изъ моихъ объашій, пока ты не проспишъ меня.—

«Опстанъ, шалунъ, я тебл прощаю,» сказала она нѣжно, цѣлуя его. «Ты сдѣлалъ меня сегодня совершенно шаспливою: въ первый разъ вижу швой слезы; я думала, чпо ты никогда не плачешъ.»

Вырвавшись изъ объятій *Евгенія*, она схватила Эпзурскую вазу и разбила её объ полъ въ мелкіе куски.

Сень-Клеръ былъ приспыженъ такимъ поступкомъ. Не смотря на то, онъ нѣскольکو часовъ сряду былъ щаспливѣйшимъ человекомъ...

«Ну, чпожь!» сказалъ *Рокантень* полковнику *Божё*, вспрыпясь съ нимъ у *Тортони*: «справедлива ли новость?»

— Слишкомъ справедлива, мой милый,—опвчалъ горестно полковникъ.

«Разскажи же мнѣ, какъ было дѣло.»

— Изволь. *Сень-Клеръ* сказалъ мнѣ, что онъ сознаетъ себя виновнымъ, но прежде хочетъ выдержатьъ выпрыпль *Теминиса* — и тогда извинится передъ нимъ. Я не могъ не одобрить сего. *Теминисъ* желалъ, чптобы первый выпрыпль достался по жребію. *Сень-Клеръ* же пребовалъ, чптобъ онъ принадлежалъ *Теминису*, какъ обиженному. *Теминисъ* выпрыпль, и *Сень-Клеръ*, перевернувшись, упалъ мертвый на землю. Я часпо замчалъ во многихъ солдапахъ, пораженныхъ пулею, эптошъ удивительный поворотъ, предшествующій смерти. —

«Да, спранно,» сказалъ *Рокантень*. «Ну, а *Теминисъ* чпто же сдчалъ?»

— То, чпто всегда дѣлается въ подобномъ случаѣ. Онъ съ горестію кинулъ писмопись свой, и пакъ сильно бросилъ его, чпто изломалъ курокъ, а писмопись-по Англійскій, работы *Мантона*: не знаю, сыщется ли *Теминисъ* въ Парижѣ оружейника, копорый могъ бы его хорошо починить. —

Графиня при года никого не принимала къ себѣ: лѣпо и зиму она жила въ деревнѣ. Одна женщина, знавшая ея отношенія къ *Сень-Клеру*, служила ей, но и съ пою она не говорила двухъ словъ въ супки. Черезъ при года, ея кузина *Юлія* возвратилась изъ дальняго пупешествія своего: она насильно ворвалась къ графинѣ, и нашла бѣдную свою *Матильду* бѣдною, худою, похожею на призракъ той прелестной женщины, копорую она видѣла въ цвѣтѣ ея жи-

зни. Съ прудомъ уговорила она *Матильду* оставить свое уединеніе. Графиня помилась еще при или четыре мѣсяца и скончалась. Трудно пережить душевную горестъ!

Пер. П-ъ.

С Р А В Н Е Н І Е.

Въ одномъ обществѣ, гдѣ находился и генералъ *Моро*, извѣстный Французскій генералъ усиливался доказатъ, чпто *Наполеонъ* первый полководецъ нашего и всѣхъ прошедшихъ вѣковъ. Всѣ молчали. Одинъ *Моро* возвысилъ голосъ: «согласитесь, сказалъ онъ, чпто подражаніе не бываетъ лучше подлинника, а *Наполеонъ*, сколько онъ ни великъ, ладбно признается, подражатель *Суворова*. Быспропта, внезапность, предпримчивость, рѣшимость, напикъ—оплччаютъ образъ войны того и другаго полководца. Но первый совершалъ свои подвиги съ горестію людей; послѣдній выводилъ въ бой многочисленныя арміи. Чудесная прозорливость, чрезвычайная способность соображать и молнійная быспропта исполненія — вотъ въ чемъ геній *Суворова*. *Наполеонъ* можетъ похвалиться тѣмъ же, но только тогда, когда всѣ тайные агенты его и явные дипломаты заблаговременно углаживаютъ ему дорогу. Малѣйшая неудача приводитъ его въ недоумѣніе. *Наполеонъ* умѣетъ пользоваться ошибками непріятеля; *Суворовъ* умѣлъ заставлятъ его ошибаться. *Наполеонъ* холонокровенъ, уменъ, распорядилеленъ въ сраженіи; *Суворовъ* выдумывалъ пакія движенія, копорыхъ непріятельскій генералъ не могъ ни предполагатъ, ни опгадатъ. На походѣ при опспуѣ моемъ къ Генуѣ,» говорилъ *Моро*: «*Суворовъ* пакъ умѣлъ быть всегда и всегда, чпто я едва осмѣлился оставить одну двух-колесную повозку собственно для себя, всѣ прочіе обозы испребилъ, помому, чпто былъ со всѣхъ споронъ осыпанъ полпами казаковъ. Не должно забыватъ и того, чпто въ Италіи *Суворовъ* сражался пдругъ съ непріятелями внупренними и внѣшними, и съ спраспями своихъ личныхъ враговъ. Оп-

здай онъ однѣми супками на Требію — онъ разбилъ, онъ пропалъ! Но *Суворовъ* разбилъ *Македональда* — и только шѣмъ, что у него голова не дождалась хвоста..... при свѣжіе полка подоспѣли — и рѣшили дѣло!» *Моро* заключилъ: «*Наполеонъ* можетъ быть славнымъ; *Суворовъ* — великій человекъ!»

Въ подтвержденіе имъ сказаннаго, *Моро* показалъ Записки своей жизни, которыя сей знаменитый Европейецъ составлялъ тогда среди величественныхъ картинъ природы и свѣжей гражданственности — въ Америкѣ. Имя *Суворова*, подъ перомъ *Моро*, пріяло, конечно, новый блескъ въ Новомъ свѣтѣ.

Прибавимъ, жаль, весьма жаль, что Польскій походъ *Суворова* никѣмъ порядочно не описанъ. Онъ открылъ бы чудеса. Самое вспугиваніе его въ Липву изумило бы шакшиковъ и спрагегиковъ.

МЫСЛИ.

Весьма затруднительно положеніе въ Свѣтѣ молодой дѣвушки, неимѣющей другаго приданаго, кромѣ надежды понравиться. Какъ ей вести себя, чтобъ успѣвать въ Свѣтѣ? Казаться проспенкою — опрокинешь, недопрогою — будешь бѣгать отъ неѣ, кокеткою — бросатъ. Всего выгоднѣе быть вмѣстѣ недопрогою, проспенкою и кокеткою: простота привлекаетъ, кокетство плѣняетъ, а недоступность удерживаетъ.

*

Молодые и пригожія дѣвушки подвержены большимъ опасностямъ: для избѣжанія оныхъ необходимо должны онѣ прибѣгать къ разуму, а разумъ, къ ихъ несчастію, приходитъ только послѣ молодости; пройдетъ красота и опасности минуются. Почему бы разуму не приходило вмѣстѣ съ красотою, когда онъ созданъ для покровительства красотѣ?

*

Зависѣть неупомимо гонить большія дарованія, большихъ богачей, большихъ баръ: посредственность — самый вѣрнѣйшій залогъ покоя.

*

Гдѣ женщины почтены, тамъ благодать Божія присутствуетъ; гдѣ онѣ презрѣны, опшолъ Богъ опвращаетъ взоры. — Уста женщины чисты: это кристалъ рѣчной, это лучъ солнечный. — Имя женщины должно быть пріянное, сладостное и дѣйствующее на воображеніе, оканчивающіяся гласными долгими, напримѣръ: *Марія*, *Софія*.

*

Спѣдливость, однажды поперянная, не возвращается также, какъ молодость.

*

Женщины, поперявшія истинную спѣдливость, принимаютъ на себя припворную; но она гораздо щекопливѣе природной. Я знаю женщину, которую малѣйшая двусмысленность превожитъ: она пугается и убѣгаетъ, услышавъ слово, котораго цѣломудренная дама вовсе не понимаетъ, — и слышавъ его, какъ разговоръ Кипайцевъ, спокойно и равнодушно.

*

Обручальное кольцо было въ употребленіи у Римлянъ. Они въ своихъ вѣнчальныхъ обрядахъ надѣвали его невѣстѣ обыкновенно на безымянный палецъ лѣвой руки: ибо, по ихъ мнѣнію, шупъ находится нервъ, идущій къ самому сердцу.

*

Во сто разъ болѣе женщинъ шщеславныхъ, нежели чувствительныхъ. Обожаніе скоро дѣлается потребностью, а кокетство привычкою.

*

Нѣтъ союза досаднѣе, какъ бракосочетаніе памяти съ глупостью. Что дѣлать съ человекомъ, который къ своему нахальству прибавляетъ еще тысячу нахальствъ другаго?

*

Всякой, кто говоритъ и кто мыслитъ сильно—есть соблазнъ для мелкоправчашыхъ умовъ.

*

По безполковому приговору обществу, добрый и глупый употребляются какъ слова однозначительныя; какъ будто, въ самомъ дѣлѣ, глупость пахнетъ на доброту.

*

Говори худо объ однихъ только достойныхъ людяхъ: ты не прослывешь клеветникомъ. Это очень понятно: ты будешь говорить худо о немногихъ. Злословію своему о нихъ обрадуется золотая посредственность и косоглазая зависть.

*

Есть правила, которыя человекъ со вкусомъ никогда не нарушитъ, хотя и не знаетъ ихъ. Посредственные же люди должны крѣпко держаться сихъ правилъ; онѣ для нихъ созданы, какъ помочи для дѣтей.

*

Благодѣяніе не столь рѣдко, какъ благодарность. Причиною тому наша гордость. Тотъ, кто даетъ съ самодовольствіемъ, щипаетъ себя выше того, кто получаетъ. Обязанный, съ тягостію переноситъ такую зависимость. Для того-то онъ понемногу, сперва ослабляетъ, а потомъ обрываетъ цѣпь свою, воображая себя благородно-гордымъ, между тѣмъ, какъ онъ сдѣлался неблагодарнымъ.

*

Нѣкто г. *Сафиръ*, писатель Баварскій, весельчакъ въ обществѣ, сказалъ однажды между многими своими оспротами, что замужняя женщина естъ письмо, дошедшее по адресу; цвѣтущая дѣвица письмо непосланное; а переспѣлая дѣва—письмо, лежащее на почтѣ до *востребованія*.

*

Брамины говорятъ, что отъ шести вещей не должно ожидать вѣрности:

1. Отъ облака: ибо оно въ минушу разсѣется.

2. Отъ припворной дружбы, потому, что промелькнетъ, какъ молнія!

3. Отъ женской любви потому, что измѣняется для бѣздѣлицы.

4. Отъ красоты: ибо малѣйшая невзгода, неприятный случай, болѣзнь, мгновенно испреоблюютъ оную.

5. Отъ ложныхъ похвалъ потому, что это дымъ.

6. Отъ благъ сего міра, поелику онѣ, рано или поздно, имѣютъ свой конецъ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

PHILOSOPHIE.

Lorsque je vins m'asseoir au festin de la vie
Quand on passa la coupe au convive nouveau,
J'ignorais le dégoût dont l'ivresse est suivie,
Et le poids d'une chaîne à son dernier anneau.
Et pourtant, je savais que les flambeaux des fêtes,
Eteints ou consumés, s'éclipsent tour à tour.
Et je voyais les fleurs qui tombaient de nos têtes,
Montrer en s'effeuillant leur vieillesse d'un jour.
J'apercevais déjà sur le front des convives
Des reflets passagers de tristesse et d'espoir....
Souriant au départ des heures fugitives,
J'attendais que l'aurore inclinât vers le soir.
J'ai connu qu'un regret payait l'expérience;
Et je n'ai pas voulu l'acheter de mes pleurs.
Gardant comme un trésor ma calme insouciance,
Dans leur fraîche beauté j'ai moissonné les fleurs.
Préférant ma démençe à la raison du sage,
Si j'ai borné ma vie au moment du bonheur;
Toi, qui n'as cru jamais aux rêves du jeune âge,
Qu'importe qu'après moi tu m'accuses d'erreur!
En vain tes froids conseils cherchent à me confondre.
L'obtiendras-tu jamais ce demain attendu?
Lorsqu'au funèbre appel il nous faudra répondre,
Nous aurons tous les deux, toi pensé, moi, vécu.
Nomme cette maxime, ou sagesse ou délire,
Moi, je veux jour à jour dépenser mon destin.
Il est heureux, celui qui peut encor sourire,
Lorsque vient le moment de quitter le festin!

E N I G M E.

Des assiégés je décide le sort.
 Quand j'éclate et vomis l'incendie et la mort,
 Les remparts et les murs des places les plus fortes
 Sont renversés... Alors, des soldats les cohortes,
 Affrontant le trépas,
 Précipitent leurs pas,
 Pour n'emporter souvant qu'une ville en décombre,
 Qui de ce qu'elle était, ne présente que l'ombre.
 Qu'un vainqueur généreux et couronné de gloire,
 Par son humanité, signale sa victoire!

Въ No 75, помѣщенная шарада значить: *Мой-ка*.

M O D E S.

Fantaisies.—La mode des cannes a peine à prendre parmi les femmes. On ne se fait pas encore à comprendre la grâce qu'il peut y avoir à tourner et agiter un bâton dans une jolie petite main qui n'a que l'habitude de soutenir un éventail, un flacon, ou un mouchoir de batiste brodé. Cependant cette nouveauté se trouve dans toute sa perfection chez Verdier (rue Richelieu), qui est en grande renommée pour tout ce qui est cannes, cravaches, fouets, etc. Nous dirons à ce sujet que le superlatif du bon ton, pour une femme qui monte à cheval, est d'avoir une cravache en corne de rhinocéros; elles ne sont belles que par leur simplicité et leur prix, car elles ne supportent aucun des ornemens d'or ou d'ivoire que l'on adapte aux autres cravaches. Du reste, les têtes de chien, de loup, etc., que l'on plaçait au bout de la poignée, ne sont plus de mode. Les fouets, cravaches, etc., se font unis.

Coiffures.—Nous n'avons rien de nouveau à citer pour les coiffures. Ce sont toujours des cheveux lisses et plats séparés en bandeau sur le front et une tresse formant couronne sur la tête. Quelques jeunes femmes ont adopté de chaque côté des joues une seule longue boucle tombant en tire-bouchon jusqu'au bas de l'oreille. Cette coiffure ne sied qu'aux figures régulières. Les tresses à *la Clotilde*, qui tombent en fer à cheval sur les joues, sont assez nombreuses; mais sous les petits chapeaux les touffes de tire-bouchous dites à *l'anglaise* sont généralement adoptées. Ce sont presque toujours de faux cheveux que l'on emploie pour

cet usage. Les femmes n'y mettent aucune importance, et déposent leurs *anglaises* et leurs chapeaux comme des accessoires de toilette.

M O D Ы.

Прихотливья вещи.—Трудно ввести въ употребленіе, между дамами, прорспи. Еще многимъ не понятно, съ какою легкостью можетъ вертѣшь, покачиваешь палочку—красивая маленькая ручка, привыкшая держаешь только опахало, флаконъ, или вышитый багшистовый плапокъ. Однако эша новосць находилсь во всемъ ея совершенствѣ у *Verdier*, который въ большой славъ для прорспочекъ, хлыспиковъ и проч. Мы скажемъ при семь случаѣ, что верхъ хорошаго вкуса, для дамы, которая ѣздитъ верхомъ, имѣшь хлыспикъ изъ Носорогова рога; они красивы только своею прорспотою и высокою цѣною, потому, что они не допускають ни какихъ украшений изъ золота или кости, употребляемыхъ для другихъ. Впрочемъ, собачьи, волчьи и проч. головки болѣе не въ употребленіи. Хлыспики и проч. дѣлаються гладкіе.

Прически.—О прическахъ нечего сказать новаго. Все тѣ же гладкіе волосы, раздѣленные на лбу повязкою и коса составляетъ корону. Нѣкоторыя молодыя дамы дѣлають къ щекамъ по одной длинной буклѣ, висящей дономъ до конца уха. Эша прическа идетъ только къ правильнымъ лицамъ. Косы à *la Clotilde*, лежація подковою по щекамъ, довольно въ употребленіи; по подъ маленькія шляпки вообще приняты куспики локоновъ, называемые Англійскими. Для эшаго употребляютъ по большой чашпи накладные волосы. Дамы полагають эшо ни за что, и снимають свои *Anglaises* вмѣстѣ съ шляпкою, какъ принадлежность гарда.

П о п р а в к а.

Въ No 75-мъ Липерап. Прибавл. къ Русскому Инвалиду на стрн. 583-й, въ 1-мъ сподбѣ, снизу въ 5-й спрокѣ, ошибкою *напечатано*: Ея блѣдное тѣло, а слѣдуетъ *читать*: Ея блѣдное тело;—въ 7-й спрокѣ снизу *напечатано*: цвѣтъ лица, но непоспнжимой *привыкъ* Испанокъ, былъ блиспапельной блѣзны; слѣдуетъ *читать*: цвѣтъ лица, по непоспнжимому *преимуществу* Испанокъ, былъ блиспапельной блѣзны.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

.....
ТРЕТІЙ ГОДЪ.
.....

Выходятъ
по Средамъ и
Субботамъ.

№ 77.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 104 No,
съ 36-ю картинками модъ,
въ С. П. б. 50, съ до-
ставкою и пересылкою
35 рублей.

СРЕДА, СЕНТЯБРЯ 27 ДНЯ, 1853 ГОДА.

—Прочь, дахъ! Близъ тебя лежать я не хочу;—
Хлѣбъ свѣчкѣ говорилъ. А та ему: «Напрасно;
Чѣмъ хуже я тебя? Подумай безпристрастно:
Ты кормишь, я свѣчу.»

Дмитріевъ.

ПЕРЕСМѢШНИКЪ.

КАРТЁЖНИЦЫ.

А дамы? сунься кто: попробуй, овладѣй,
Судьи вездѣ, всему; надъ ними нѣтъ судей!
Когда за картами возстанутъ общимъ бунтомъ,
Дай Богъ шершнѣе. . . . .
Скомандовать велише передъ фрунгомъ,
Присутствовать пошлише ихъ въ Сенатъ. . .

Грибоѣдовъ.

Однажды, въ глубокую осень, Анна Григорьева *Ладина*, опобѣдавъ прошивъ обыкновенія одна съ своимъ семействомъ (ибо не было почти дня, чтобы кто нибудь не вернулся къ ней поѣсть Русскихъ щей и выпить рюмку дурнаго вина), ходила по комнатамъ, скучая, что никого изъ чужихъ нѣтъ. Она зѣвала и говорила: «Удивительно, что ни *Петръ Максимовичъ*, ни *Илья Ивановичъ* не пріѣхали; сегодня нѣтъ дня ни у кого изъ ихъ знакомыхъ; погода не помѣшала бы; они и не въ такую вѣдьятъ . . . развѣ нездоровы! . . .»

—Очень можетъ быть; подхватила *Степанида Сергѣевна*, родственница хозяйки, жившая у неѣ съ годъ и пріѣхавшая изъ Пензенской губерніи по апелляціонному дѣлу: *Петръ Максимовичъ* намеренъ жаловаться на домоху во всѣхъ костяхъ . . . да мудрено ли въ здѣшнемъ климатѣ? На дню погода перемѣнилась пять разъ . . . сырость безпреспанная. . . Ну ужъ вашъ Петербургъ!—Чего добраго хотите? На болотѣ выспроенъ;—когда карета вѣдетъ, шакъ домъ дрожитъ. —

«За то пріятно жить; сколько удовольствій. . .»

—Какія удовольствія? Всѣ ходятъ нахмурия брови. Если бы не у васъ я жила, то со скуки бы не знала, куда дѣваться. —

Тутъ *Анна Григорьевна* улыбнулась, позвала *Фильку*, и приказала подать моченыхъ яблокъ.

«Знакомство здѣсь очень пріятно; всякой живетъ какъ хочеть;» замѣтила *Анна Григорьевна*.—Всякой для себя: всѣ о чемъ-то думаютъ, а болѣе о себѣ. Только и слышишь:

такой-то получил такое-то мѣсто; такой-то представленъ къ креслу, да не вышло; такой-то хочеть перейти туда-то;—а ни опъ кого толку нѣтъ. Всѣ умничаютъ. Я здѣсь годъ живу; Богъ знаетъ, когда дойдемъ очередь до моего дѣла? Спасибо еще *Петру Максимовичу!* Добрый человекъ: хлопочеть за меня; да то бѣда—ничего не значить... Я помню, что и его словечко имѣло вѣсъ, когда онъ игралъ по 500 рублей въ виспъ; а какъ спустил денежки, да съехалъ на 15 рублишекъ, такъ на него и не смотрятъ. Вопъ также былъ хорошій человекъ... какъ бишь зовуть его.... онъ къ вамъ часто ѣзжалъ.... опрѣшенъ. недавно опъ мѣста... *Хан...*—

«*Ханинъ!* И, мапушка, что ему дѣлаешся: все живешъ, да хлѣбъ жуешъ; онъ шеперь въ своей деревнѣ, въ Колпаковѣ.»

—Услужливый человекъ; правда, любилъ *подарочки*, да ужъ не *даромъ* бралъ; ужъ какое бы дѣло ни было, а уладить.—

«Если-бъ не плямба, Пепербургъ понравился бы шебъ. Я въ Москвѣ не была; а всѣ говорятъ, что Пепербургъ лучше; такого города, какъ слышно, въ чужихъ краяхъ нигдѣ не найдешъ.»

—Москва!.. Какъ вамъ не стыдно! да Москва рай: побывайте-ка въ ней, такъ не выйдете, вольно вамъ привязаться къ Пепербургу. Что у васъ хорошаго? Ничего не вижу. У васъ стѣны, а не дома. То ли дѣло въ Москвѣ! Домъ-то спойтъ особнякомъ: какой видъ дѣлаеш! Хозяинъ-то живешъ въ немъ одинъ, на просторѣ, жильцевъ не пускаетъ; а если богатый человекъ, такъ въ домъ у него и портерной не увидишь; впрямъ живешъ бариномъ.—

«Да помилуй, *Степанида Сергѣевна!* какъ можешъ спроеиеш равняться Москва съ Пепербургомъ?»

—Вамъ говорили тѣ, которые не были въ Москвѣ.—

«Тамъ, какъ слышно, и спроеиеш спранное: половина крыши желѣзная, другая деревянная. Въ большихъ каменныхъ домахъ лѣстницы и балконы деревянные. Не успѣешъ

скоро оппланишь визипа, вѣкъ глядѣть на шебя не спанушь; пересудамъ и сплешнямъ конца нѣтъ....»

Тутъ *Степанида Сергѣевна* вспыхнула; щеки еѣ раскраснѣлись, и она съ величайшимъ жаромъ вскричала: Какой негодяй вамъ эшо насказалъ! Видно его нигдѣ въ Москвѣ принимаютъ не хотѣли! У васъ здѣсь служащѣе-то хороши: пять пальцевъ по квартирамъ; только и услышишь опъ него: да-съ, нѣтъ-съ. Въ Москвѣ хлѣбосольство, а здѣсь никакого; паскаются по респорациямъ, плапятъ впри-дорога и очень довольны, что Французы ихъ обираютъ.—

«Говорятъ, и въ Москвѣ нынче хлѣбосольство не то, что прежде было. Ешъ дома, гдѣ назначены дни для прѣма; за то въ другіе дни ворота на запорѣ и окна спавнями закрыты.»

—Повпорлю вамъ, все ложъ. Ужъ я не спану говоритъ про чужихъ. Вы знаете дядошку, князя Пепра Ивановича *Посошкова*, да шурина моего, Василья Тимофѣевича *Лутоцельтова*. У насъ каждый Божій день гости, и всегда обѣдаютъ человекъ десятъ, пятнадцатъ. А въ Воскресенъ, такъ въ двухъ комнапахъ столы накрыты;—конечно, на лѣпо они опѣзжаютъ въ деревню, занимаются хозяйствомъ....—

«То-то и дѣло, что они прѣзжаютъ въ Москву зимою, мѣсяца на три: навезуть съ собою живности, да и кормятъ ею гостей; а не круглый годъ живущъ одинаково, какъ здѣсь.»

—Здѣсь всякой въ углу своемъ сидитъ; ни дружбы, ни родства нѣтъ...—

«И, мапушка, я чай и въ Москвѣ по богапству принимаютъ, да по чинамъ сажаютъ...»

Тутъ сильно заспорили обѣ дамы. Наконецъ *Степанида Сергѣевна*, разсерженная, вышла въ другую комнату. Она слышашъ не могла, что-бъ правду говорили про Москву, гдѣ она родилась и получила дурное воспитаніе; гдѣ она съ утра до вечера удовольстворяла сильнѣйшей своей спрапши—иг-

расть въ карты, и гдѣ у ней было челоѣкъ двѣсти девяносто девять родныхъ. Пепербургъ она ненавидѣла.

(Окончаніе въ слѣд. листѣ.)

МНѢШЕ КИТАЙЦЕВЪ О ЕВРОПЕЙСКИХЪ ПИСЬМЕНАХЪ.

Кипаецъ, имѣвшій привычку брать съ собою въ прогулку книгу для развлечения, идя однажды лѣсомъ, съелъ опдохнуть и почтапъ книгу. Успалый, спрятавъ онъ книгу подъ камень, а самъ заснулъ. Проснувшись, онъ пошелъ домой, а книгу забылъ. Прошло много лѣтъ, книга опъ сырости сгнила такъ, что осталось только 24 буквы, сохраненныхъ камнемъ опъ порчи. Сіѣ оспатки нашла обезьяна, но не могла разобрать и опдала Европейцамъ (однакожъ не Россіянамъ: ибо у насъ 32 литеры), которые изъ оныхъ составили нищенскую свою азбуку.

ТРИ ЖЕЛАНІЯ.

Одному Англичанину предложили объявить три желанія, которые бы составили его щастіе. «Первое,» сказалъ онъ: «чтобъ у меня всегда было пиво.»—Хорошо!—«Второе,» чтобъ у меня было побольше пива!—«Будетъ исполнено!»—«Третье, . . . третье,» прибавилъ онъ немного оспоновясь и призадумавшись: «чтобъ мнѣ оппускали еще немножко побольше пива!»

НЕ НАДОБНО СКАЗЫВАТЬ, ЧТО ЭТОТЪ МУЖЪ БЫЛЪ АНГЛИЧАНИНЪ.

Одинъ мужъ оспавилъ по духовному завѣщанію женѣ своей 500 гиней съ шѣмъ, чтобы она могла ими воспользоваться только по смерти своей: «Для того,» присовокупилъ завѣщатель: «чтобъ было чѣмъ похоронить еѣ съ должнымъ приличіемъ.»

СЛОВЕСНОСТЬ.

КОВАРНАЯ.

Это случилось въ Діепсѣ, въ Сентябрь 1829 года, въ то время, когда пора морскихъ ваннъ уже оканчивалась.

Морскія ванны служатъ конечно лучшимъ средствомъ, которымъ истощенной наукѣ врачей оспается дѣйствовать на щепъ легковѣрія большихъ. . . Молодыя дамы, скучающія замужствомъ; дѣвицы, спраждающія попребностию любить; слабонервные щеголихи, вѣчно перзаемья страхомъ смерти,—вошь для васъ всеобщее и вѣрное лекарство. Для васъ готовы морскія ванны, мокроторазбывающій воздухъ береговъ Нормандіи,—болѣе живописный, чѣмъ прекраснѣйшій ландшафтъ искуснѣйшаго художника,—прогулки по крупнымъ упесамъ, и главное—веселые праздники, шумные балы, по выходѣ изъ большой купальни, которой скалы служатъ дномъ, а города спѣнами. . .

И такъ, въ Сентябрь 1829 года, одинъ молодой челоѣкъ, прѣхавшій изъ Парижа, оспановился въ гостинницѣ, подъ выѣскою Европы. Также какъ и для многихъ праздныхъ щастливцевъ, его цѣлью было какое нибудь приключеніе въ ваннахъ, побѣда на балѣ, или другая бездѣлица въ эпомъ родѣ. Рядомъ съ нимъ поселилась одна молодая дама, прѣхавшая недѣли за двѣ передъ шѣмъ, и скрывавшаяся подъ покровомъ величайшей паинственности. Она почти никуда не выходила, изрѣдка показывалась у окна, чтобы взглянуть на пристань, но никогда не являлась на балы и не купалась въ ваннахъ. Въ гостинницѣ всѣ полковали о ней, выхваляли ея кротость, красоту, благородство ея пріемовъ. Вечеромъ, молодой проказникъ подкрадывался къ дверямъ комнапы, копорую она занимала, подслушивавъ ея пѣніе: она превосходно пѣла. Дочь хозяйна гостинницы опдала ей свою гитару, и она дѣлала чудеса изъ эпаго дряннаго инструмента. Парижанинъ измучился. Какъ! женщина, по слухамъ, прелестная собой, съ ангельскимъ голосомъ, жила съ нимъ рядомъ, и онъ ни разу не видалъ еѣ, никогда не вспрѣшилъ,

даже за общимъ споломъ... Это его взорвало. Онъ купилъ гитару, написалъ нѣсколько романсовъ, въ которыхъ всего чаще слово: *Незнакомка*, рѣмовало съ словомъ: *однодомка*; спалъ пѣлъ ихъ какъ можно громче, расшворивъ двери своей кварширы, и самымъ страстнымъ голосомъ; но ни гитара, ни романсы не помогли ему. Онъ вздумалъ провернуть дырочку во внутрешней стѣнѣ, но провернулъ и увидѣлъ, что шупъ споялъ огромный шкафъ; провернулъ въ другомъ мѣстѣ — тамъ былъ каминъ. Наконецъ запѣялъ онъ писать къ ней, и когда письмо было готово, сошелъ внизъ, чѣобы спросить у хозяина о имени пригожей сосѣдки. Хозяинъ справился съ своею домовою книгою, и прочелъ: госпожа *Поль*, *родомъ изъ Филадельфii*. Г-жа *Поль*, и болѣе ничего, ни званiя, ни фамилиi; *Поль* нельзя было почесать фамилією. Хозяинъ, видя, что онъ задумался, сказалъ ему:

«О чемъ же грустишь, сударь, всякой называется какъ хочешь; у насъ нѣтъ обыкновенiя спрашивать у дамъ паспортовъ.» Парижанинъ воропился въ свою комнату и выспавилъ на письмѣ адресъ: г-жѣ *Поль*. Всѣ служившии госпоинницы были подкуплены одинъ послѣ другаго; всѣ ходили съ письмомъ къ незвѣстной дамѣ, и всѣ принесли его обратно нераспечатаннымъ. Это совершенно свело съ ума Парижанина.

Однажды, сидя подъ окномъ, подперши голову одной рукою, почесывая лобъ другою, онъ увидѣлъ большую толпу народа на набережной. Сiя толпа бѣгала, суешилась; онъ сошелъ внизъ, чѣобы узнать о причинѣ, и ему отвѣчали: что какой-то пакетболъ хочетъ приспастъ не смотря на сильныя порывы вѣтра; его вѣрно выкинешъ на берегъ, — и сосѣдка ваша тоже пошла на берегъ. — «Какая сосѣдка?» — Ну, знаете?... — «А!...»

И онъ пустился опромешью, безъ шляпы, бѣжащъ къ морю.

Море страшно волновалось. Весь городъ, взобравшись на высопы, окружающiя берегъ, приспастно слѣдилъ глазами за движенiями опчаяннаго пакетбола, который, не смотря на проливный вѣтеръ и на опливъ,

увеличивалъ силу паровъ, чѣобы войти въ гавань. Вѣтеръ дулъ съ такою яростию, что колоссальное распяtie на церкви Богомапери гнулось, какъ легкая проспъ. — «Это *Нортумберландъ*,» сказалъ командиръ гавани, смотря на судно. «Видно опсюда, что капитанъ споритъ съ какимъ-то высокимъ мущиною въ морскомъ мундирѣ... Пассажиры боятся... Капитанъ правъ: глупо хотѣтъ шеперь войти въ гавань. Но высокiй мущина настаиваетъ. Непроспительно подвергать явной опасности такое прекрасное судно.»

Впереди толпы, на кремнистомъ берегу и пакъ близко къ водѣ, чѣобы брызги опъ волнъ упали къ ней на обувь, неподвижно спояла женщина, успремивъ взоры на пакетболъ, котораго сближала съ нею небольшая зрительная трубка. Парижанину показалось, что онъ узнаетъ въ ней свою паиштенную сосѣдку; сердце топчасъ ему указало еѣ. И въ самомъ дѣлѣ это была она. Онъ сошелъ немного внизъ, желая взглянуть на неѣ, потомъ дальше, дальше, пугаясь грознаго рева волнъ, и удивляясь, что женщина могла споятъ тамъ, гдѣ вѣтеръ развѣвалъ ея платье, какъ будто флагъ на маякѣ пристани. Но чѣобы видѣтъ еѣ въ лице, надобно было сойти еще ниже, надобно было спустить въ море; онъ рѣшилсiя это сдѣлать, и мудрено ли: онъ былъ влюбленъ.

Очувившись предъ незнакомою, онъ принался смопрѣтъ ей въ глаза, оборотившись спиною къ морю. Вниманiе ея было вполне успремлено на пакетболъ, и поэтому она его не замѣчала. Вдругъ солнце проглянуло изъ за-тучъ, и бѣдный Парижанинъ увидѣлъ предъ собою огромную пѣнь, которая поднималась все выше и выше; пѣнь сiя происходила опъ ужаснѣйшаго вала, приближавшагося къ нему сзади. Г-жа *Поль* замѣтила опасность и вскрикнула, опбѣгая назадъ: берегитесь. Парижанинъ обернулся, но уже было поздно; къ тому же онъ перепугался, поэтому что до пѣхъ поръ никогда не видывалъ моря. Волна хлынула, обхватила его, отбросила фузовъ на десять, и потомъ опяшь выкинула на берегъ. Поднявшись на ноги, жалкiй волокита услышалъ въ знакѣ

привѣтствія громогласный хохотъ; когда же ему удалось продрать глаза и освободиться отъ соленой воды: по прежде всего представилась его взорамъ прекрасная незнакомка, невольно раздѣлявшая общую веселость. Онъ посмотрѣлъ на неѣ съ видомъ упрека. Тогда она протянула ему руку:

«Такъ, я виновата, — сказала она, попому что вы шли сюда для меня, не правда ли?... Простите меня.»

Отъ этихъ словъ, онъ позабылъ все, и дрожь, пробѣжавшую у него по плѣду, и воду, сплывшуюся съ его головы, рукъ, ногъ, какъ съ пуделя, и песокъ, налипнувшій между его пальцами.

Въ ту же минуточку со всѣхъ сторонъ раздалась громкіе клики, рукоплесканія. Она и онъ обратили взоры на пакетболъ, который, повернувъ назадъ, разсѣкалъ волны съ живостію и быстротою молніи.

«А! — сказала съ протяжнымъ вздохомъ госпожа *Поль*: пѣтъ лучше!»

И физиогномія ея приняла какое-то странное выраженіе.

«Я не спану спрашивать у васъ, любите ли вы меня, это мнѣ извѣстно; я увѣрена въ это. Приходите въ пять часовъ въ мою комнату; я велю приготовить въ ней два прибора. Надѣюсь, что вы мнѣ не откажете; имѣю нужду поговорить съ вами; завтра будетъ поздно.»

Съ этими словами она оставила Парижанина, который, пропиралъ глаза, не зная, во снѣ или на яву съ нимъ это происходило.

Можно представить, что онъ не заспавилъ ждашь себя. Ровно въ пять часовъ онъ вошелъ въ комнату пригожей сосѣдки, блистая молодостью и любовью, щегольски одѣтый, съ приглаженными волосами, и къ большому его прискорбію, немножко прихрамывающій. Видъ ея едва не ослѣпилъ нашего героя.

Она сидѣла на софѣ, вся въ бѣломъ; въ прекрасныхъ черныхъ волосахъ ея, убранныхъ съ изысканною простотою, вколону были двѣ Бенгальскія розы. Небольшое эмалевое

сердечко на черной лентѣ висѣло у неѣ на шеѣ, помрачавшей бѣлизною своею цвѣтъ ея платья. На правой рукѣ ея блистала великолѣпный браслетъ и, по какой-то странной прихоти, букетъ ноготковъ украшалъ ея поясъ, поже желтаго цвѣта. Она пѣла съ гитарою романсъ, пѣтый наканунѣ Парижаниномъ. Увидѣвъ его, она оспановилась, засмѣялась и, покраснѣвъ, подошла къ нему.... Какъ она была прелестна!

Принесли обѣдъ; но столъ ихъ кончился очень скоро; двое собесѣдниковъ почти все не ѣли: одинъ любовался, другая о чемъ-то размышляла. Когда они напились кофе, между ними начался слѣдующій разговоръ:

«Я называюсь *Амалия*, сказала хозяйка, родилась въ Неаполѣ въ 1813-мъ году. Мнѣ было пять лѣтъ отъ роду, когда отецъ мой, подвергнувшись гоненію въ слѣдствіе переворота, лишившаго *Иоахима Мюрата* престола, увезъ меня въ Соединенные Штаты, вмѣстѣ съ моею мапушкою, умершею въ дорогѣ. Друзьямъ, которыхъ мы оставили въ Неаполѣ, удалось, по щастію, спасти наше имѣніе, и, благодаря удачнымъ оборотамъ моего отца, оно значительно увеличилось въ продолженіе пребыванія нашего въ Филадельфіи. Пять лѣтъ тому назадъ, ссора съ однимъ изъ членовъ фамиліи *Бонапарте* принудила его оставить Америку и поселиться въ Англіи... Это было главною причиною моего несчастія... Во время переезда, онъ чрезвычайно подружился съ сиромъ *Жоржемъ Вальсингамомъ*, флотскимъ офицеромъ, промощавшимся негодьемъ и самымъ хитрымъ плутомъ изъ всей Великобританіи. Отецъ мой, болѣе довѣрчивый, нежели бывають обыкновенно Италіанцы, разсказалъ свою исторію этому злодѣю, и *Вальсингамъ* тотчасъ выдумалъ гнусный планъ, чтобы присвоить себѣ миллионъ долларовъ, который мы везли изъ Америки въ Европу. Что мнѣ еще сказать вамъ? По пріѣздѣ въ Лондонъ, *Вальсингамъ* принялъ на себя наемъ для насъ кварпиры и обзаведеніе всѣмъ нужнымъ; попомъ, когда увѣрился, что предложеніе его не будетъ опвергнуто слабымъ старикомъ, котораго онъ обманывалъ, попросилъ у не-

го руки моей. Батюшка хотѣлъ узнать мое объ этомъ мнѣніе, и я не скрыла отъ него опвращенія, которое внушалъ мнѣ самозванецъ другъ его. Онъ назвалъ это опвращеніе дурачествомъ, спалъ настаивать, упрекать меня, и сказалъ, что я оправляю его старость. Наконецъ, въ прошломъ году, бѣдный отецъ мой опасно занемогъ; болѣзнь усилилась въ немъ съ удивительною скоростію; черезъ три дни не оставалось никакой надежды. Въ послѣдній день *Вальсингамъ* вошелъ въ комнату умирающаго; батюшка улыбнулся ему, и сдѣлавъ послѣднее усиліе, угасимъ голосомъ подозвалъ меня и приказалъ мнѣ вступить въ бракъ съ человекомъ, котораго я ненавиждаю. Я была не въ состояніи противиться желанію умирающаго отца, и обѣщала его выполнить. Онъ умеръ, благословляя меня.

«Теперь, продолжала прекрасная Неаполитанка, срокъ моего праура миновался. Завѣщаніе отца моего дѣлаетъ меня единственной его наследницею, съ условіемъ, чтобы я вышла за сира *Вальсинггала*. Я ни за что въ свѣтъ за него не выйду. Съ мѣсяцъ назадъ, этою ненавистный человекъ явился претовалъ своей добычи. Увидѣвъ его, я почувствовала, что опвращеніе мое къ нему еще болѣе увеличивается. Еслибъ вы видѣли его въ этою день, *Евгеній!* губы его были покрыты пѣною, все лице искривлено судорогами; мнѣ казалось, что на лбу его было написано: я уморилъ твоего отца! Онъ почно уморилъ его, я въ этою увѣрена... Я убѣжала въ ночь, одна. Онъ гонится за мною... Я нынче его видѣла... Онъ-то потопилъ было сегодня упромъ *Нортумберландъ*... Завтра, а можетъ быть и въ ночь, онъ будетъ здѣсь, спанетъ искать, найдетъ меня, и если я спану пропившись, объявитъ передъ судомъ: это жена моя... Рѣшитесь ли вы спасти меня?»

— Готовъ!— вскричалъ Парижанинъ въ спрасномъ воспоргѣ: только научите меня, что мнѣ должно дѣлать?—

«Оспашься здѣсь... и ожидаю его. Я сама его встрѣчу и скажу ему: виновата! Мы призовемъ священника; онъ обвѣнчаетъ

насъ...»—Кого? Васъ и его?—«Да, насъ; вы... вы придете въ церковь и убьете его при выходѣ...»—Убьете его!!—«Что же?»

—Но это будетъ злодѣйство?—«Злодѣйство, убьете *Вальсинггала*? Это будетъ доброе дѣло, почно поже, что убьете дикаго звѣря, бѣшенаго волка. Не ужели вы боипесь?... Развъ вы такой прусъ?»

При сихъ словахъ она вспала, и ея глаза, сверкавшіе ненавистью и мщеніемъ, вздымающая грудь, выпянутая рука, все, казалось, говорило за нею: я бы этого не побоялась!

—Но,—спросилъ, задумавшись, поблѣднѣвшій Парижанинъ: для чего же эта сватьба?—

«Для чего? Я обѣщала еѣ моему отцу.»

Онъ посмопрѣлъ на нею.

«Припомъ же, въ рукахъ этого мерзавца все мое состояніе, и я, только будучи его вдовою...»

Она улыбнулась... Пробыло десять часовъ.

«Вамъ пора удалиться, *Евгеній*. Вы подвергнете меня нареканію, если пробудете долѣе. Проспитте. Доброй ночи... до завтра.»

Она позволила ему поцѣловать у ней руку, и проводивъ его, заперла дверь.

Съ почнымъ прилвомъ, *Нортумберландъ* вошелъ въ гавань. Было при часа ночи; на льспницѣ гостинницы раздалась голоса; слуги провожали въ верхній этажъ одного Англичанина, громко съ ними разговаривавшаго. Парижанинъ, ходя взадъ и впередъ по комнатѣ, удивился, услышавъ при сильныя удара по внушренной стѣнѣ. Англичанинъ этою былъ *Вальсингамъ*. *Амалия* узнала его по голосу. Она также провела ночь безъ сна.

На другой день, въ девять часовъ вечера, Реформатская церковь была освѣщена для свадебнаго обряда. Священникъ принималъ обѣты сира *Жоржа Вальсинггала*, офицера Англійской морской службы, и *Амалии Р...* Въ споронѣ замѣтили человека, который; завернувшись въ плащъ, старался скрыть лице свое. Собраніе народа было не многлюдное. Лишь только священникъ совершилъ вѣнчаніе, какъ вдругъ раздается крикъ;

М Ы С Л И.

человѣкъ въ плащѣ бросается, одною рукою крѣпко сжимаешь руку новобрачной, а другою даешь новобрачному пощечину. Зрители кричатъ, кидаются, хопятъ схвативши его, но онъ, какъ разъяренный левъ, расплываешь и прогоняешь всѣхъ, кто служилъ ему преплещивіемъ, и тащилъ Англичанина за собою къ морскому берегу. Новобрачная падаешь въ обморокъ, дѣйствительный, или приговорный, и остается на рукахъ своихъ испуганныхъ сопутниковъ.

Они приходятъ на берегъ. — У насъ будетъ поединокъ на смерть, милордъ! Моя или ваша жизнь! Я зналъ, что вы прусъ и хопѣлъ, чтобы обда была чрезвычайна и, припомъ, сдѣлана публично. Вопъ вамъ исполешъ... у меня оспаешъ другой... Спановишесь.—

Набѣжалъ народъ; но что онъ сдѣлалъ, что могъ сдѣлать? Они приговорились къ кровавой сценѣ.

Два выспрѣла раздались въ одно время, и оба соперника упали разомъ.

Англичанинъ былъ убитъ; пуля попала ему въ сердце; Парижанинъ опасно раненъ. Его опнесли домой; дорогою, онъ лишился чувствъ.

Черезъ шесть часовъ, онъ пришелъ въ соспаніе говорить.—Гдѣ она? Дайте мнѣ на неѣ взглянуть.—«Кто сударь?»—*Амалія*... она...—

«Ваша сосѣдка?»—Да. Гдѣ она?—«Она уѣхала.»

— Уѣхала?...—

Онъ повпорилъ это роковое слово, и снова впалъ въ безпамятство. Медику, который лечилъ его, опдали вещицу, — висѣвшую на разорванной черной ленточкѣ, и найденную на мѣстѣ бившъ. Это было эмалевое сердечко, принадлежавшее *Аллегрт*. Когда бѣдный *Евгеній* опомнился, то опкрылъ его, и увидѣлъ два прелестные миниатюрные портрета, изъ коихъ одинъ изображалъ измѣнницу, а другой какого-то молодого красавца, не похожаго ни на него, ни на *Вальсингана*.

Пер. *Ип. Глбввъ.*

Судьба Генія, даже въ опношеніи къ тѣмъ опличіямъ, которые онъ, можетъ быть, имѣлъ бы право почитать ничтожными, не зависитъ опъ мелкихъ спраспей его соперниковъ. Общій голосъ все бы наконецъ одержалъ побѣду надъ силою и завистью.

*

Есть истина, которой не должно терять изъ виду: то, что Геній не состоитъ единственно въ новопи, но въ новопи, соединенной съ совершенствомъ.

*

Босстоэтъ поражалъ своихъ слушателей всѣмъ божественнымъ величіемъ.

*

Расинъ облакалъ въ разнообразные звуки глагола небесъ всѣ чувствованія нѣжнѣйшія и благороднѣйшія, каковыя только можетъ виѣщать въ себѣ сердце человѣческое.

*

Монтескье освѣщалъ яркими искрами самья сокровенныя пружины орудія общеспвеннаго.

*

Бюфффонъ прежде всѣхъ изобразилъ природу въ ея пышности, разнообразіи и величіи.

*

Гораций еще недавно былъ любимымъ поэтомъ; его смѣнилъ *Байронъ*. Теперь въ милоспи у Европы *Шекспиръ* и *Данте*. Каждая эпоха присвоиваешь себѣ и обновляетъ юностию кого-либо изъ тѣхъ безсмертныхъ Геніевъ, кои также всегда бывають людьми случайными: она сама въ нихъ опсвѣчиваетъ, она находилъ въ нихъ свой собственный образъ и такимъ своимъ предпочтеніемъ обличаешь свой характеръ.

*

Истина, какъ Греческій огонь: ее нельзя попушитъ никакою водою; напротивъ, опъ воды она горитъ яснѣе и ярче.

СТИХОТВОРЕНИЕ.

Ш А Р А Д А.

Мой первый слогъ
Предлогъ.Чтобъ вышши въ знашь, не надобно прудиться
Руками или умомъ

Тому, кто со вторымъ знакомъ.

На шло-жь взглянувъ, невольно всякъ плѣнился.

III.

Въ No 76, помѣщенная загадка значить: *Bombe*.

M O D E S.

Modes d'enfans. — On ne peut guère varier le costume des enfans. Ce sont toujours, pour les petites filles, d'amples robes courtes et des pantalons dessous. Ces pantalons sont souvent en jaconas à mille raies, bordés au bas d'une petite valenciennes. La robe en étoffe pareille, également bordée de valenciennes. La taille longue. Les manches longues et une pélerine, ayant autour du cou un petit plissé garni de valenciennes. Nous avons vu de toutes petites filles, portées encore sur les bras de leur bonne, ayant les bras nus et de petites mitaines de soie noire. à jour. Une jolie enfant, placée dans la voiture à côté de sa mère, avait une robe courte en mousseline des Indes brodée à petits pois, et doublée en taffetas rose. Le pantalon était de même et garni de dentelle, ainsi que le bas et le tour du corsage de la robe qui était décolletée. Un fichu de gaze rose était noué sur la poitrine. Une petite capote en mousseline, brodée comme celle de la robe et doublée de rose, descendait assez bas sur les joues, mais découvrait tout le front. Des masses de cheveux bouclés dépassaient tout le tour de cette capote et tombaient sur le dos et les épaules.

Les souliers des petits garçons sont souvent attachés par une boucle.

La blouse est toujours le costume de rigueur depuis cinq ans jusqu'à dix. Les manches sont larges, le collet carré et rabattu. La ceinture placée sur les hanches. Quant à l'étoffe, on en emploie de tous genres. Nous avons vu des blouses ayant sur les devans une petite garniture formant jabot. On en fait beaucoup

en fine toile écru, ornée au-dessus de tous les boutons d'une petite broderie en couleur.

On voit autant de collets de chemise carrés et rabattus, que de plissés arrêtés autour du cou par une cravate de couleur ou de taffetas noir, ce qui est plus distingué.

M O Д Ы.

Дѣтскія моды. — Трудно дѣлать разнообразіе въ дѣтскихъ костюмахъ. Для дѣвочекъ все тѣ же полныя, коропкія платья съ панталонами. Панталоны эти часто бываютъ жаконешовыя съ мелкими полосками, обшитыя внизу узенькими кружевами. Платье изъ такой же матеріи и также обшито кружевами. Талія длинная. Рукава длинные и пелеринка, около шеи борочекъ, сложенный въ складочки, обшитъ кружевами. Мы видѣли самыхъ маленькихъ дѣвочекъ, на рукавъ у нянекъ, въ коропкихъ рукавахъ и маленькихъ черныхъ шелковыхъ, прозрачныхъ митенахъ. Красивое дитя, сидящее въ экипажѣ возлѣ матери, было въ коропкомъ платьѣ изъ Индійской кисеи, вышитомъ мелкимъ горошкомъ, и подложенномъ розовой шафюю. Панталоны были такія же, обшиты кружевами, какъ и изъ платья и верхъ открытаго лица. Розовая газовая косыночка завязана была на груди. Небольшой капотъ изъ кисеи, вышитый какъ платье и подложенъ розовымъ, довольно низко спущенъ на щеки, но открывалъ совершенно лобъ. Волосы локонами, выпущены изъ подъ капота и упали на спину и плеча.

Башмаки у мальчиковъ часто застегиваются пряжкою.

Блузы все также необходимый костюмъ съ плечи до десны дѣтъ. Рукава широкіе; воротникъ чепвероугольный опкидной. Подъ по воротникамъ. Матерію же употребляютъ всякую. Мы видѣли блузы спереди съ оборкою, составляющую жабо. Шьютъ ихъ много изъ сурового тонкаго полотна, опдѣланные сверхъ вѣтъ рубцевъ узенькимъ цвѣстнымъ шитьемъ.

Видно сколько же чепвероугольныхъ опкидныхъ воротниковъ, сколько сложенныхъ въ складочки, прихваченныхъ около шеи цвѣстнымъ галспучкомъ или чернымъ шафянымъ, что несравненно опличитѣ.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

.....
ТРЕТІЙ ГОДЪ.
.....

Выходятъ
по Средамъ и
Субботамъ.

№ 78.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 104 No,
съ 56-ю картинками модъ,
въ С. П. б. 50, съ до-
спавкою и пересылкою
35 рублей.

СУББОТА, СЕНТЯБРЯ 30 дня 1833 года.

Моя богини! Чшо вы? Гдѣ вы?
Внемлите мой печальный гласъ:
Всѣ ли жель вы? Другія-ль дѣвы,
Смѣнивъ, не замѣнили васъ?
Услышу-ль вновь я ваши хоры?
Узрю ли Русской Терсихоры
Душой исполненный полесъ?

А. Пушкинъ.

ПЕРЕСМѢШНИКЪ.

КАРТЁЖНИЦЫ.

(Окончаніе.)

Вскорѣ двумъ дамамъ предспавился случай
примирипъся. Сѣрый иноходецъ пролетѣлъ
мимо оконъ *Анны Григорьевны* и поворопилъ
къ ней на дворъ. «Вотъ и *Илья Ивановичъ*,
вскричала она: опъ снѣга и въпра всю го-
лову завернулъ въ шинель.»

Молодой, ловкій офицеръ вошелъ въ ком-
нату.

«Чшожь не объдашь?» спросила *Анна Гри-
горьевна*.

— Да на ученьи успалъ, перезябъ, и воз-
вращаясь домой, опобѣдалъ и спалъ до сихъ
поръ—опвѣчалъ его благородіе.

При сихъ словахъ вошла *Степанида Сер-
гѣевна*, и видя, чшо человекъ раскрываешъ
съ зелѣнымъ сукномъ сполъ, кладешъ на не-

го карпы и мѣлъ,—забыла и Москву, и пляж-
бу свою, и ласково поклонилась госпію.

«Какъ жаль, чшо четвертаго недоспаешъ;»
сказала *Анна Григорьевна*.

— Я думаю,—примолвила *Степанида Сер-
гѣевна*: кпо нибудь завернешъ... Да не по-
слапъ ли за *Петромъ Максимовичемъ*?—

«Гдѣ его теперь сыщешъ?» возразила хо-
зжайка: «однако попробую.»

Анна Григорьевна кликнула человекъ; при-
казала ему сходить къ *Петру Максимовичу*,
и на случай, если не найдешъ его, пакъ
сходить за *Семеномъ Васильевичемъ*, или за
Никаноромъ Алексѣевичемъ.

«Проворнѣ же, примолвила она: если ни-
кого не найдущъ, пакъ сядемъ впроемъ.»

— Между пѣмъ,—сказалъ *Илья Ивановичъ*:
если вамъ угодно, я сдѣлаю pour passer le tems
банчикъ: у меня сто серебряныхъ новень-
кихъ пяпачковъ.—

«Боюсь тебя въ банкъ,» вскричала *Анна Григорьевна*: «ты жестокъ: всѣ карты бьешь.»

— По маленькой спавыте, для забавы— сказала *Илья Ивановичъ*.

Нашихъ дамъ не трудно было уговорить: онъ скоро согласился, не смотря, что часто плашили ему дань. *Илья Ивановичъ* снялъ шагу, положилъ шляпу въ уголъ и вышелъ въ переднюю приказать, чтобы дрожки его прѣехали въ первомъ часу ночи. Возвратясь, онъ сѣлъ за столъ и высыпалъ свои пяпачки, на которые дамы глядѣли съ жадностію.— Каждая изъ нихъ вынула нѣсколько серебряныхъ мелкихъ денегъ и спавила на карты. *Илья Ивановичъ* металъ скоро и споро: дамское серебро очень скоро перешло къ пяпачкамъ. Дамы просили записываться, и въ короткое время *Илья Ивановичъ* провелъ двѣ большія колонны на нихъ; особенно проигрывалась *Степанида Сергеевна*: ужь не о пяпачкахъ думала она, а какъ-бы опыграться. Изъ множества картъ, копорья она вдругъ спавила, удалось ей выиграть одну съ чепырьмя углами. Надежда блеснула въ ея глазахъ: она загнула пятый уголъ; но *Илья Ивановичъ* убилъ карту. Слезы навернулись на глазахъ *Степаниды Сергеевны*. Она боялась одного, чтобы онъ не забастовалъ; но смѣшливый банккометъ, видя себя еще въ щасливой полосѣ, продолжалъ метать и записывать. Въ это время явился *Петръ Максимовичъ*. Послѣ ласковыхъ упрековъ за то, что долго не приходилъ, каждая изъ дамъ жаловалась ему на несчастіе свое, рассказывая подробно объ убитыхъ картахъ. *Петръ Максимовичъ* началъ понкипировать и выигрывать. *Илья Ивановичъ*, примѣтя, что щастіе перемѣняется, объявилъ, что мечетъ палію-грась..

— Вотъ, если что я ненавижу—вскричала *Степанида Сергеевна*: такъ это палію-грась!—

«Вы желали играть въ боспонъ?» возразилъ *Илья Ивановичъ*.

— Какой боспонъ!—вскричала она съ пламеннымъ лицомъ: еслибъ я знала, что вы такъ скоро окончите, то не имѣла бы глу-

носпии проиграть такъ много; на ваши пяпачки. —

Талію-грась прометана, сдѣлавъ ращепъ, и *Илья Ивановичъ* оспался въ выигрышѣ 150 руб. у *Степаниды Сергеевны*, да 80 у *Анны Григорьевны*. Дѣлавъ нечего, *Степанида Сергеевна* пошла за деньгами; вынесла ему сто рублей; а остальные просила подождать. *Илья Ивановичъ* охотно на это согласился, прося еѣ ни мало не поропиться заплатою сихъ денегъ; онъ зналъ, что за проданную рожь она должна въ скоромъ времени получить деньги. Впрочемъ, ему не мудро было знать все, что дѣлалось у этихъ дамъ; ибо въ тѣ минуты, когда не играли, онъ болтали обо всемъ, даже и о собственныхъ своихъ дѣлахъ, съ полною откровенностію. *Анна Григорьевна* заплатила сполна свой проигрышъ, сказавъ однако же: «нашъ молодецъ не упустилъ своего; и всегда забасуешь съ выигрышемъ.»

Тутъ начался споръ: играть ли въ виспъ или въ боспонъ?— «Ни за что не сяду въ виспъ, вскричала *Степанида Сергеевна*: и кто выдумалъ виспъ съ конпинуаціею? Только новыя заплѣи. Вчера проиграла я двѣ гранъ-шлема.»— Послѣ довольно продолжительныхъ прѣвій, наконецъ рѣшились играть въ боспонъ вчепверомъ. *Анна Григорьевна* насилу согласилась, называя эту игру предапельскою. Разобрали карты. «Ну, бѣда моя! вскричала *Степанида Сергеевна*: *Илья Ивановичъ* у меня въ рукъ; будетъ ни съ чѣмъ удерживать игры.»— Однако первый шуръ былъ сыгранъ довольно мирно. На впоромъ начались споры. *Илья Ивановичъ* отбивалъ игры, пошилъ, ремизилъ.—«Возможности нѣтъ съ нимъ играть: совершенный предапель!»— кричала безпрестанно *Степанида Сергеевна*: «клянусь, что вѣкъ съ нимъ не сяду!»— Должно замѣтить, что она съ нимъ играла почти ежедневно, и ежедневно происходили такіе споры и давались такіа кляпвы. Наконецъ, часу въ первомъ предположенное число шуровъ было сыграно; начали разыгрывать пулю, и казалось, игра должна была кончиться спокойно. Но и шуръ *Илья Ивановичъ* обремизилъ *Степаниду Сергеевну*.

Она вышла изъ себя: «вѣтъ, вѣтъ, вѣтъ, я вамъ этаго не прощу: вы непозволимымъ образомъ играете; вы мопхъ денегъ хопите: возьмите изъ кармана. Папка, Папка! (пришла дѣвка). Принеси мою записную книжку *Ильи Ивановичу*: пусть изъ неё беретъ, сколько ему угодно.»

Илья Ивановичъ, сохраняя непрерывное равнодушіе, увѣрялъ, что игра не стоить того, чтобъ такъ сердиться.

— Какъ не стоить! — вскричала *Степанида Сергѣевна*: сочти-ка бапюшка, что ты у меня перебралъ, и все недоволенъ. —

Наконецъ, посредничествомъ *Анны Григорьевны* и *Петра Максимовича* споры прекратились; босконъ кончился, и гости опкланялись.

На другой день, часу въ десятомъ утра, пришли сказать *Ильи Ивановичу*, что уже два раза приходилъ къ нему человекъ отъ *Анны Григорьевны* съ приглашеніемъ пожаловать къ ней на вистъ.

Вскорѣ дружба между *Ильею Ивановичемъ* и *Степанидою Сергѣевною* прочно утвердилась: ей удалось съ нимъ выиграть два шлема сряду. *Степанида Сергѣевна* начала съ тѣхъ поръ хвалить сего молодого человека, называя его благовоспитаннымъ, спепеннымъ, ращепливимъ, и пустилась за него въ сватовство.

И. И.

ОБА ПРАВЫ.

Госпожѣ *Безстыдиной* очень хочется выйти замужъ за господина *Степендовича*: она права!

Господину *Степендовичу* очень не хочется жениться на госпожѣ *Безстыдиной*: и онъ правъ!

ПОСТАВЬ ЕГО МНѢ НА ЩѢТЬ!

Англичанинъ-пушешественникъ, разсердясь въ пракширѣ на слугу, пустилъ въ

него бупылкою — и такъ удачно, что онъ упалъ за-мертво. — «Вы убили его!» вскричалъ испугавшійся содержатель пракшира. — Такъ что-жь? Поставь его мнѣ на щѣтъ! — холоднокровно отвѣчалъ Британецъ.

СЛОВЕСНОСТЬ.

С К У П О Й.

(Повѣсть).

I.

Въ 1793 году, въ нѣсколькихъ миляхъ отъ Спразбурга, на Парижской дорогѣ, стоялъ ветхій деревянный домъ, построенный посреди сада. Въ концѣ сего послѣдняго, близъ большой дороги, возвышались развалины старинной часовни. Сей небольшой участокъ принадлежалъ прежде къ значительному имѣнію, но во время революціи, по причисленіи его къ народнымъ имуществамъ, былъ проданъ за самую дешевую цѣну гражданину *Троицену*, бѣдному спарку, задолго предъ тѣмъ поселившемуся въ Альзасъ.

Яснымъ осеннимъ вечеромъ, еще довольно теплымъ: ибо вѣперъ дулъ съ южной стороны, молодой, стройная дѣвушка стояла близъ развалинъ, о которыхъ мы говорили, прислонясь къ одному изъ деревьевъ, разбросанныхъ по саду въ разныхъ направленіяхъ. Вѣроятно, она хотѣла оспасть невидимую для жителей дома, и потому укрылась за густыми вѣтвями; съ другой стороны должно думать, что въ эту минуту въ домѣ шло дѣло объ обстоятельствѣ, чрезвычайно для неё важномъ, ибо взоры ея были пристально устремлены на одно изъ оконъ, въ которомъ свѣтился огонь.

Было уже около часа, какъ она стояла тамъ; время отъ времени невольный судорожный пререпетъ обнаруживалъ въ ней сильное душевное безпокойство. Огонѣкъ, видный изъ окна, и долго остававшійся неподвижнымъ, вдругъ заколебался, двери комнаты отворились и притворились снова; шумъ поспѣшныхъ шаговъ прервалъ молчаніе но-

чи, и передъ робкою дѣвушкою, задыхаясь, явился молодой человѣкъ.

— Ну, *Арманъ?* — спросила она голосомъ, дрожащимъ отъ внутренняго волненія.

«Безжалостный опказъ, *Катерина!*» горестно отвѣчалъ молодой человѣкъ.

— О Боже мой!...—Какія же нашелъ онъ причины?—

«Не знаю; онъ говорилъ мнѣ о какомъ-то давнишнемъ обѣщаніи, о священной клятвѣ; но это только пустой предлогъ, это ложь; ты бы не могла не знать гибельныхъ его намѣреній...»

— Бапюшка, бапюшка, еслибъ ты зналъ, что это будетъ причиною смерти твоей дочери!.. —

«Это ложь,» продолжалъ неукротимый молодой человѣкъ: «онъ почитаетъ меня недостойнымъ быть его зятемъ; но если я и бѣденъ, то развѣ отецъ твой меня богатѣе? Развѣ я не такой же другъ народа, добрый гражданинъ, какъ и онъ? Развѣ я не люблю тебя всюю сплою души моей? Развѣ могу жить безъ тебя? И онъ отвергаетъ мою просьбу! онъ бросаетъ тебя въ объятія другаго!... Это ужасно!»

— Никогда,— отвѣчала *Катерина*, рыдая.

«Никогда!» А что мы спанемъ дѣлать? Видишь ты не хочешь слышать о единственномъ средствѣ спасенія, которое намъ остается? Нѣтъ, нѣтъ, приговоръ отца твоего неизмѣнимъ! О! онъ имѣлъ причину поспушить со мною, какъ съ дѣвчонкою; я въ самомъ дѣлѣ таковъ, когда и ты боишься мнѣ вѣрнѣе. И такъ! продолжалъ молодой человѣкъ съ опчаяніемъ, если вы оба отъ меня опспушаетесь: то прощайте, и кровь моя да падетъ на ваши головы!...»

Съ сими словами безумецъ заноситъ вооруженную кинжаломъ руку, и убійственное желѣзо касается уже его груди, но *Катерина* успѣваетъ его остановить; она хочетъ говорить, и имѣетъ отъ ужаса. Нѣсколько смутныхъ и невнятныхъ звуковъ вылетаетъ изъ устъ ея; молодой человѣкъ

вырываетъ у ней руку и снова поднимаетъ на себя желѣзо.

— *Арманъ!* — вскрикиваетъ наконецъ *Катерина*: приказывай, я повинуюсь.—

Молодой человѣкъ прецепетъ отъ радости, бросаетъ кинжалъ, и говоритъ: «въ нынѣшнюю ночь, около двухъ часовъ, въ развалинахъ часовни все будетъ приготовлено къ нашему побѣгу.»

— Приду, *Арманъ!* — Помилуй меня, мой Создатель!—

Катерина, давъ обѣщаніе, убѣгаетъ въ страхѣ. *Арманъ* оспается съ минутою на мѣстѣ, какъ-бы не находя силъ перенести свое блаженство, и скрывается въ глубинѣ сада.

II.

Сырой, холодный склѣпъ, при сажени ниже поверхности, вѣчно недоступный солнечнымъ лучамъ, и кубическая сажень удрушлага воздуха, гдѣ съ трудомъ можно было переводить дыханіе: такова была могила, которую избрало одно живое существо, чтобы добровольно погребсти себя въ ней на нѣкоторое время.

Это былъ спарикъ. При слабомъ свѣтѣ лампы, спявшей у ногъ его, видно было, какъ сидѣлъ онъ въ глубинѣ подземелья, облокотясь на руки своею лысою головою, съ видомъ человѣка, погруженнаго въ глубокую думу. Черезъ нѣсколько минутъ онъ приподнялся, спутилъ нѣсколько шаговъ, бормоча какія-то спранныя и несвязныя слова, но мало по малу мысли его прояснились, и онъ заговорилъ, сопровождая каждую рѣчь дикимъ и несспешственнымъ хохотомъ:

— Два миліона пять сотъ тысячъ франковъ золотомъ здѣсь спрраны! сказалъ онъ: а когда я показываюсь въ Спразбургѣ, то народъ прославляетъ меня за мою бѣдность! ха! ха! ха!... А когда крестьянинъ жертвуетъ ничтожною суммою для блага опечесства, я даю половину, и всѣ удивляются моему великодушію попому, что я нищій спарикъ... ха! ха! ха!... Я ихъ обманываю, я ихъ дурачу, я ихъ ненавижу, а они меня

любящъ! *Троншентъ*, говорятъ они, добрый гражданинъ, истинный патриотъ!... Ха! ха! ха!... Еслибъ падкіе на золото республиканцы знали, что у меня здѣсь 2,500,000 франковъ золотомъ, сумма, которою можно обмундировать нѣсколько полковъ; но нѣтъ, для этого надобно было бы открыть мою тайну!... ха! ха! ха!... Пусть попробуютъ прийти сюда! Здѣсь я укрывался отъ прежнихъ сборщиковъ подапей, потому, что при нихъ, такая мелкая шварь, какъ я, не имѣла права быть богатой; здѣсь теперь прячусь я отъ республиканскихъ грабителей!... ха! ха! ха!... Дворяне, чернь, я сохранилъ мое золото отъ вашей ненасытимой алчности!.. Мое золото... золотомъ!... шущъ все мое благоденствіе, испочиникъ жизни,—это душа моя!—При сихъ словахъ, цвѣтъ лица его оживился, глаза запылали, пощія руки съ нѣждою пропяднулись къ грудамъ металла, въ порядкѣ разложеннымъ у ногъ его. Онъ продолжалъ:

— И эптомъ глупецъ проситъ у меня дочери! Я отдамъ тебѣ дочь свою, безумный! А чтобы ты сдѣлалъ съ моимъ золотомъ, еслибы часть его досталась въ твои руки? Скажи, безмысленный, предпочитающій деньгамъ опечесиво, невѣсту, удовольствія, чтобы ты сдѣлалъ съ нимъ?... Промошавъ свою долю, спалъ бы подо мною подыскиваясь, и рано или поздно, открылъ бы мой кладъ, опцскалъ бы меня здѣсь, и тогда, чтобы мнѣ оспалось дѣлать?... Равнодушно скажи тебѣ, указавъ на мои деньги: рви, перзай мое дѣло, насыщайся!... Стой, нечесдивецъ! стой, бездѣльникъ! тебѣ ли, недостойный мопъ, владѣть моею дочерью? Нѣтъ, никогда, никогда!

Мало по малу шучи, помрачившія чело спарика, исчезли, не оставивъ по себѣ слѣда; гнѣвъ его утихъ; онъ снова бросилъ довольный взглядъ на свои сокровища. Попомъ, взглянувъ на часы, онъ примовдвилъ со вздохомъ: пора разсѣиваться!—Взявъ одною рукою лампу, другою онъ толкнулъ камень, прикрывавшій входъ въ подземелье, но въ минуту ухода еще разъ оборотился къ предмету своей нѣжности, и наконецъ разстал-

ся съ нимъ, какъ распаются съ другомъ, говоря ему: до свиданія!

Закрывъ по прежнему камнемъ узкое отверстие склѣпа, онъ пробирался нѣсколько времени въ извилистомъ проходѣ, тайна котораго была извѣстна только ему, и наконецъ голова его показалась изъ подъ развалинъ часовни. Но когда, подобно ночному призраку, онъ готовился выпти изъ нѣдръ земли, ему послышался легкой шумъ; отъ спрѣха быть найденнымъ, онъ тотчасъ припался, спалъ внимательно прислушиваться, и услышалъ слѣдующія слова:

«Ты плачешь, *Катерина*, плачешь на груди пвоего супруга... О, еслибъ ты знала, какъ горька мнѣ каждая слеза твоя!... Мой ангелъ! изъ жалости взгляни на пвоего друга; иначе, онъ спанетъ думать, что ты раскаеваешься въ помъ, что принесла ему слишкомъ большую жертву.»

— Проклятіе!—глухо проворчалъ спарикъ, продолжая прислушиваться.

«Отець твой... о, это варваръ! онъ равнодушно приговаривалъ къ смерти насъ обоихъ... но ты права, забудемъ досаду и ненависть, я прощаю ему зло, которое онъ хотѣлъ намъ сдѣлать, и когда мы будемъ соединены, то я открою ему убѣжище, гдѣ мы скроемся отъ его преслѣдованій.»

Движимый невольнымъ побужденіемъ, спарикъ хотѣлъ броситься въ часовню, и вырвать дочь свою изъ объятій похитителя, но внезапно мелькнувшая мысль поразила и удержала его: если онъ покажется, золото его открыто!... Скупой не пронудся съ мѣста.

«Упѣшься, милая *Катерина*, будь веселѣе; неужели ты не раздѣляешь моего восторга? Прогонимъ всѣ неприятыя впечатлѣнія. О! видѣшь твою улыбку, упиваться своимъ сладостнымъ дыханіемъ, слышать твой нѣжный голосъ, этого довольно для щастія всей моей жизни... Что мнѣ прошедшее и будущее, когда я прижимаю тебя къ сердцу? Настоящее составляетъ для меня все; одинъ поцѣлуй твой, и я забываю все на свѣтѣ.»

— *Арманъ!* ... милый *Арманъ!* ... Боже мой! — И голосъ *Катерины*, ослабѣвая мало по малу, скоро совершенно смолкъ подѣ лобзаніями ея супруга.

Старикъ, припаясь за полуразрушенною колонною, почувствовалъ, что тѣло его облилось холоднымъ потомъ; зубы его застучали, ноги судорожно сжатыхъ пальцевъ вонзидсь въ камень, и оросили его кровью... но онъ оспался.

«Скажи мнѣ, что ты щасплива, *Катерина*, щасплива тѣмъ, что принадлежишь мнѣ, слѣдуешь за мною.»

— Бѣдный родитель! — съ плачемъ вскричала молодая дѣвушка.

Слеза скапидась по впалой щекѣ спарика, но онъ оспался.

Пробило два часа на Спразбургской башнѣ; за ударами колокола послышался лошадиннй топотъ. *Арманъ* напечатлѣлъ послѣдннй поцѣлуй на лбу своей любезной и съ живостію сказалъ: «*Французъ* сдержалъ слово; дѣло сдѣлано; пойдемъ со мною, *Катерина*; чрезъ три дня мы будемъ въ Женевѣ; чрезъ три дня, Богъ, покровительствующій намъ, благословитъ союзъ нашъ.»

Молодая дѣвушка болѣе его не слушаетъ; она лишилась чувствъ; но любовникъ-женнхъ беретъ ея на руки, быстро пробѣгаетъ по часовнѣ и удаляется изъ развалинъ съ своимъ драгоценнымъ бременемъ.

Скупой также выходитъ изъ своего убежища, и бросается на большую дорогу, озаренную лучами восходящей луны. Ни одно живое существо ему не встрѣчается, и только вдаль облако пыли крушнтся надъ вершинами деревъ. Спарикъ испускаетъ глухой и пропняннй стонъ, ломаетъ руки, бьетъ себя въ голову; но послѣ мнунтпаго опчаяннй, снова входитъ въ часовню, бросаетъ кругомъ безпокойннй взглядъ, подкрадывается къ подземелью, съ оспороженнстнѣю кладетъ на мѣсто нѣсколько камней, заслоняющихъ входъ въ него, и скрывается въ садъ съ сими словами: «по крайней мѣрѣ я сохранилъ свою тайну!»

III.

Въ одной изъ гостинницъ Женевы, въ богатойубранной комнатѣ, молодой человекъ держалъ на колѣнахъ предестую блондинку, пиho съ нею разговаривая.

— Въ двѣнадцать часовъ? — робко спросила дѣвушка.

«Да; священникъ и свидѣтели будутъ къ тому времени въ церкви.»

Въ эту мнунту съ шумомъ распворилсь двери комнаты.

— О Боже мой! — вскричала *Катерина*, бросаясь къ ногамъ вошедшаго спарика: это былъ ея отецъ.

Сей послѣдннй поднялъ ея; на лицѣ его не выражалось ни гнѣва, ни досады; но онъ не обнялъ своей дочери, и не говоря ни слова, взялъ ея за руку, и сдѣлалъ знакъ изумленному юношѣ, чтобы онъ слѣдовалъ за нимъ.

Нѣсколько времени шли они въ молчанн, и наконецъ вступили въ ту церковь, въ которую собирались явиться любовники, и гдѣ ожидали ихъ свидѣтели.

Когда *Арманъ* и *Катерина* получили брачное благословенне, спарикъ обратился къ своему зятю и дочери, и съ важностію сказалъ имъ: «спустайте въ Бордо, тамъ гражданнн *Гонтранъ* объявитъ вамъ мои намѣреннй, которымъ вы должны будете повиноваться. Прощайте. — Онъ ушелъ.»

Чрезъ двѣ недѣли, *Арманъ* и жена его сѣли на корабль и поплыли въ Америку. Знакомые ихъ говорили, что они опѣззаютъ въ Филадельфію, дабы основать тамъ какое нибудь торговое заведенне, и что они въ состоянн употребить на эту спекуляцію пятьдесятъ тысячъ франковъ.

Спарикъ воропился въ прежнее свое жилище, лежащее въ нѣсколькихъ миляхъ отъ Спразбурга; онъ жилъ тамъ въ одиночествѣ, и каждыя полгода получалъ отъ дѣтей своихъ письма, на которое въ то же время отвѣчалъ имъ. Мало по малу онъ спалъ отвѣчать рѣже и рѣже, наконецъ пересталъ писать вовсе. Онъ сдѣлался дряхль и разслабленъ.

Однажды возвращаясь съ работы, сосѣдній крестьянинъ замѣнилъ, что ставни въ маленькомъ домикѣ затворены; онъ сдѣлалъ это замѣчаніе нѣсколько разъ сряду; разсказалъ его другимъ; въ окрестности распростирались странныя слухи. Это дошло до свѣдѣній мѣстнаго начальства; осмогрѣли домъ спарика, котораго не нашли тамъ, не замѣшивъ, однакоже, ни малѣйшаго слѣда насилія, или злодѣйства.

Когда *Арманъ* узналъ о семъ происшествіи, по немедленно принялъ намѣреніе оставити Америку, вмѣстѣ съ женою и дѣтьми. Дѣла его были въ цвѣтущемъ состояніи. Онъ выгодно продалъ свои заведенія, и прѣбывъ во Францію, привезъ съ собою значительный капиталъ.

Собственность его пещи была имъ умножена и улучшена; при исполненіи назначенныхъ имъ работъ, открыли часть подземелья, соединявшагося съ часовнею, но склепъ оставался неприкосновеннымъ.

Однажды, въ прекрасный лѣтній день, *Арманъ* прогуливался по саду, и вдругъ почувствовалъ, что земля подъ нимъ проваливается; онъ вскрикнулъ и упалъ въ глубокую преципиту. Упавши весьма щастливо, онъ скоро поднялся на ноги и осмогрѣлъ мѣсто, гдѣ находился. Оно показалось ему подземнымъ ходомъ. Онъ спустилъ нѣсколько шаговъ, оперся на камень, но камень покапился и открылъ ему отверстіе узкаго склепа... Тогда онъ увидѣлъ мертвеца; который лежалъ ницъ на землѣ, протянувъ руки на правъ и на лѣво къ грудамъ золота. Мертвецъ сей былъ его пещь, отецъ жены его!

Пер. *Ил. Г—ва*.

Т Р И Д Р У Г А.

Не доврѣй друзьямъ своимъ, не испылавъ ихъ прежде. Много найдется пріятелей, когда ты богатъ и щастливъ; мало въ дни бѣдствій, печали и болѣзней!

Трехъ друзей имѣлъ нѣкто: двухъ изъ нихъ любилъ онъ болѣе, съ шрепымъ ка-

зался равнодушенъ и забывчивъ, не смотря на то, что сей послѣдній былъ искренно къ нему привязанъ. Однажды враги оклеветали его—и онъ былъ позванъ предъ судилицею. «Кто изъ васъ, друзья мои?» говорилъ онъ: «пойдетъ со мною и засвидѣтельствуетъ о моей невинности? И оклеветанъ—и гнѣвъ суди строгого спрашиваетъ меня.»

Одинъ изъ друзей обвиняемаго поспѣшь извинился, что не можетъ исполнить его просьбы, бывъ занятъ иными дѣлами. Другой проводилъ его до самыхъ дверей судилицы, но боясь свидѣтельствовать за нещастнаго, возвратился назадъ. Третій, на котораго менѣе всѣхъ надѣлся обвиненный, оставленный любимыми друзьями, не оставилъ его: онъ предсталъ съ нимъ предъ судилицею, говорилъ за него сильно—и суди, убѣжденный въ его невинности, далъ ему свободу и наградилъ прилично.

*

Трехъ друзей имѣетъ человекъ въ этомъ мірѣ: только въ часъ смерти; когда Господь воззоветъ его на судъ свой, онъ познаетъ ихъ. Блага земныя, любимѣйшій другъ человека, оставляютъ его первымъ; родственники и пріятели провожаютъ до дверей гроба—и возвращаются въ свои дома. Третій другъ, о которомъ небрегъ онъ часно въ жизни—суть дѣла добрыя: онъ одинъ не оставляетъ его; онъ предшествоуетъ ему къ трону Суди Великаго; онъ говоритъ за него краснорѣчиво; онъ одинъ находитъ для него милость и награду.

АНАРХІЯ ВЕЗДѢ ПАГУБНА.

Въ мірѣ подлѣпическомъ анархія ведетъ къ деспотизму смѣлаго хищника; въ либературномъ мірѣ, ниспроверженіе законовъ ума и вкуса, возмущенія анархическаго своевольства противъ нравственныхъ и умственныхъ властей, бываютъ также введеніемъ въ лже-царство невольства.

СТИХОТВОРЕНИЕ.

CHARADE.

Si l'on veut avoir mon premier,
 D'un rat il faut couper la queue;
 Et pour ranimer mon dernier,
 A pied faire au moins une lieue.
 La promenade à mon entier
 Ajoute un prix qui le réhausse,
 Et vaut mieux que maint cuisinier
 Pour en assaisonner la sauce.

Въ No 77, помѣщенная шарада значить: *Прелесть*.

MODES.

Modes d'hommes. — Ils étaient vraiment si affreux avec leur coiffure à la *Périnet* qu'ils y ont renoncé. Maintenant nous ne savons trop quel nom ils donnent à la disposition de leur chevelure, mais en somme ils ont trouvé quelque chose qui ne leur va pas trop mal, et il faut les laisser en repos sur ce point de leur toilette.

Ce qui n'est pas bien gracieux et se soutient cependant de mode, ce sont les chemises de couleur. Elles se portent beaucoup à la campagne, même à la ville, jusqu'à trois heures de l'après-midi. Ces chemises sont en fin jaconas ou toile de Hollande, fond blanc, à semés bleus, rose, lilas, verts. On en voit qui sont très-jolies de dessins et de nuances, mais ces caprices n'ont rien de séduisant autour d'un visage d'homme, et ce serait justice à rendre que de s'emparer de toutes ces fantaisies anti-masculines pour en faire de jolis peignoirs de femmes.

Les redingotes sont à schalls, assez souvent recouverts en velours; la jupe courte à deux grands tuyaux sur les hanches. Les boutons en soie bombés.

La plus grande partie des gilets est à petit schall, piqué blanc, satin moiré, fond blanc semé de fleurs ou de palmettes cachemire.

Pour pantalon, lasting noir, coutil à raies et pantalons blancs.

Le bon ton n'est pas de porter des chapeaux gris. On appelle chapeaux d'*Orsay* ceux de hauteur moyenne et très-relevés des côtés.

МОДЫ.

Мужскія моды.—Онѣ въ самомъ дѣлѣ были такъ ужасны въ своей прическѣ à la *Périnet*, что оставили еѣ. Мы не знаемъ, какъ они называли перешедшее расположеніе своихъ волосъ; но они нашли нѣчто, что не дурно, и надо оставить ихъ въ покоѣ въ эпохѣ отношеніи ихъ одежды.

Что не слишкомъ красиво, а все остается въ употребленіи, это цвѣтныя рубашки. Ихъ много носятъ въ деревняхъ, даже въ городѣ, до шрехъ часовъ по полудню. Эти рубашки дѣлаютъ изъ тонкаго жаконеша или Голландскаго полотна, по бѣлому грунцу съ голубыми, розовыми, лиловыми, зелѣными узорами. Есмы весьма красивые узоры, хорошо опѣненные, но эта прихоть ничего не имѣетъ привлекательнаго около мужскаго лица. Справедливо бы было захватить всѣ эти анпш-мужскія прихотливый матеріи, и употребить ихъ на красивые дамскіе пенуары.

Серпуки дѣлаютъ съ шалью, часто покрытую бархатомъ; юбка короткая, съ двумя большими прубками на бокахъ. Пуговицы вышны шелковыя.

Большая часть жилетовъ съ маленькою шалью, изъ бѣлаго пике, обьяриннаго ашласа, по бѣлому грунцу цвѣшны или Турецкія пальмочки.

Для панталонъ, чѣрный *lasting*, полосатой камаенокъ и бѣлыя панталоны.

Въ хорошемъ Свѣтѣ не употребляютъ сѣрыхъ шляпъ.

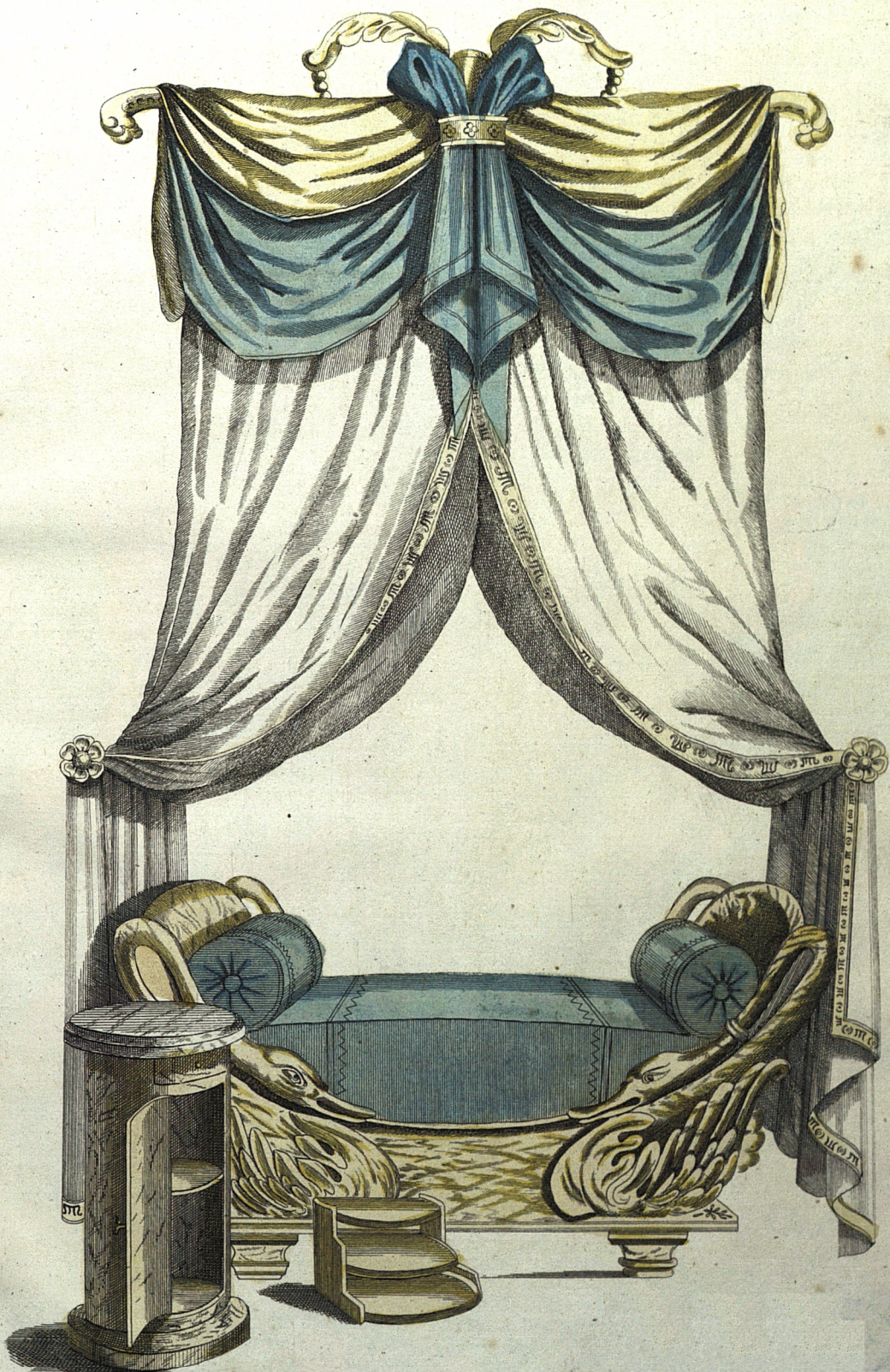
Называютъ шляпы d'*Orsay*, средней высоты и весьма завороченныя съ боковъ.

При семь номеръ прилагается *Оглавленіе одиннадцатой части, или третьей 1833 года, Литер. Прибавленій къ Русскому Инвалиду.*

КОНЕЦЪ ОДИННАДЦАТОЙ ЧАСТИ или ТРЕТЬЕЙ 1833 ГОДА.

С. Петербургъ.—Въ Типографіи Главнаго Управленія путей сообщенія и публичныхъ зданій.—

Печаташь позволяется: 25 Сентября 1833 года. Цензоръ А. Никитенко.

О Г Л А В Л Е Н І Е

ОДИННАДЦАТОЙ ЧАСТИ ЛИТЕРАТУРНЫХЪ ПРИБАВЛЕНІЙ КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ,

ИЛИ ТРЕТЬЕЙ

И А

1833 годъ.

I.

ПЕРЕСМѢШНИКЪ.

опека Лава	стрн. 417.
пиря не должна бышь пасквилемъ	418.
ещецы и шарлашаны на Воспокъ	—
Разсказы отариковъ, дѣшей, мудреневъ и дураковъ еще двѣ сцены изъ прозаической жизни	419.
Выдержки изъ альбома Р. М.	425.
Англійскія подаши и налоги	427.
Упрямство Квакера	433.
Наполеонъ былъ великимъ прагматическимъ актѣромъ	434.
Путешественики по обязанности	435.
Богатый урожай князь въ Европѣ	441.
Слова, на Русскій языкъ непереводимыя	442.
Шумишь	—
Разъянвннй; соч. <i>Герасима Каменева</i>	—
За Москву! соч. <i>Владимира Старовцова</i>	449.
Учивость	465.
Плодовитость Нѣмецкихъ писателей	466.
Шумы-внщце	467.
Есть чѣмъ хвалиться!	473.
Такъ-шакъ, сударь! Такъ-шакъ!	474.
Вопъ какъ издаются журналы въ Англїи	475.
Обезьянство	481.
Число сумасшедшихъ въ Европѣ	484.
Казнь послѣ сморини; соч. <i>Герасима Каменева</i>	—
Кто хочешь бышь моей женою?	497.
Сплешни, глава пятая, соч. <i>А. Кораблинскаго</i> . 505, 514 и 521.	—
О Германской журналистикѣ	510.
Наполеонъ и сапѣръ	516.
Клеветникъ и уголь	526.
Хлѣбъ-соль вшь, а правду рвжь; соч. <i>Герасима Каменева</i>	529.
Русскій Нарциссъ	530.
Остовъ; пер. <i>Василїя Романовича</i>	—
Стойкость	564.
Нелѣпный вопросъ	—
Поздно пришелъ—ничего не нашель (пословица); соч. Э.	569.
Причины бѣдности инокшорыхъ Русскихъ дворянъ	570.
Тщеславїе вводишь въ дураки	—
Ходьба повымъ манеромъ	571.

Варное лекарство отъ обмороковъ	стрн. 577.
Средство разбогатѣшь	—
Карпѣжники; соч. <i>А. Кораблинскаго</i>	585, 593 и 601.
И Вальтеръ-Скопшъ кривиль иногда душою изъ патріотизма	589.
Объдъ—ужинъ	590.
Горячая родишельская любовь	—
Анекдоты	—
Царевна въ лупѣ	597.
Признательность спрячгаго	—
Умно придумано	604.
Карпѣжницы	609 и 617.
Мнѣше Кишайцевъ о Европѣскихъ письменахъ	611.
Три желанїя	—
Не надобно сказывать, что эпотъ мужъ былъ Англианинъ	—
Оба правы	619.
Поспавъ его мнѣ на щепъ!	—

П Л А К С А.

И моп мысли о книгѣ Новоселье, изданной книго- продавцѣмъ А. Ф. Смирдянымъ	537, 545, 553 и 562.

II.

СЛОВЕСНОСТЬ.

Балконъ (изъ Алгамбрскихъ повѣстей <i>Вашингтона- Ирвинга</i>)	419.
Воспоминанїе солдата; пер. <i>Ипполита Глѣбова</i>	428.
Артуръ и Марїа (Быль, <i>Евгенїя Сто</i>)	434.
О религїи	438.
О голодѣ	—
Зала посланниконъ (изъ Алгамбрскихъ повѣстей <i>Вашингтона-Ирвинга</i>)	442.
Первая любовь Генриха IV (изъ запис. <i>Габр. д'Эстре</i>)	444.
О смерти и будущей жизни (письмо <i>Франклина</i> , по случаю смерти одного близкаго его родственника)	446.
Бракъ	—
Выдержки изъ дамскаго альбома	451.
О Дидеротѣ	—
Волосы преступника; пер. <i>Ипполита Глѣбова</i>	460.

Предание ельская тирость (Берлинское сказаніе Ко-стри- <i>слари</i> ; пер. <i>В. Тило</i>	474.
Лезилицы, повесть; соч. <i>Л. Л.</i>	489.
Самобійство (разсказъ)	498.
Вьлокурое дитя	510.
Мысли <i>Жанъ-Поля</i> ; пер. <i>В. Тило</i>	526.
Мысли <i>Порталиса</i>	527.
Госсиай (происшествіе 1795 года)	549.
Вдова	556.
Кроатскій Бать	559.
Непербургскіе оспрова	564.
Похищенный браслетъ; пер. <i>П. Сіямова</i>	566.
Умная бережливость	567.
Люблю (народное преданіе; пер. съ Польскаго <i>А. П.</i> Тещинскій человекъ. (Посвящ. <i>А. М. А—ву</i>); соч. <i>А. Грена</i>	571.
Исчезнвшій граудъ; пер. <i>П. нъ-ва</i>	578.
Алгамбра при луиномъ свѣтѣ; пер. <i>П. Л.</i>	590.
Энрурская ваза; пер. <i>П—ъ</i>	597 и 605.
Сравненіе	—
Мысли	606 и 615.
Копарная, пер. <i>Ип. Глѣбова</i>	611.
Скупой (повѣсть); соч. <i>Ип. Глѣбова</i>	619.
Три друга	623.
Амархія вездѣ пагубна	—

III.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Отрывокъ изъ поэмы: <i>Богданъ Хлѣбницікѣй</i> ; соч. <i>Максимовича</i>	422.
Кладбище; соч. <i>Θ. Дѣлкова</i>	430.
Consolation;	431.
Портретъ; соч. <i>Н. Степанова</i>	438.
Къ Липецкому знакомцу; соч. <i>Л. Якубовича</i>	447.
Къ увядшей красавицѣ; соч. <i>Θ. Туланскаго</i>	—
Элегія; соч. <i>Н. Ставелова</i>	452.
Последишнво; соч. <i>Т—аго</i>	460.
Табакъ; соч. <i>Θ. Слѣпушкина</i>	467.
Трубочникъ и Арапъ; соч. <i>Алипанова</i>	468.
Филомела, подражаніе <i>Гѣте</i> ; <i>Л. Якубовича</i>	477.
Азія	485.
Печаль	495.
Къ пѣвицѣ; соч. <i>В. Романовича</i>	500.
Сонеты; соч. <i>В. А—ва</i>	511.
Ночь; соч. <i>Θ. Дѣлкова</i>	517.
La chaumière	—
Элегія; соч. <i>Н. Ставелова</i>	527.
Абазія; соч. <i>Е. Зайцевскаго</i>	535.
Малороссійская пѣснь; соч. <i>В. Романовича</i>	—
Прощаніе; соч. <i>А. Креницкиа</i>	544.
Въ альбомѣ двѣцѣ, нарисовавшей въ немъ цвѣтотъ; соч. <i>П—ва</i>	—
Жизнь Азіяца	551.

Доля; соч. <i>И. Пальмина</i>	стри. 559.
Лучшая минута; соч. <i>М. Фѣдорова</i>	567.
A une jeune fille	—
Звезда; соч. <i>Ап—на Лесницкаго</i>	573.
Планону Петровицу Семенову; соч. <i>П. . . . .</i>	583.
Philosophie	607.

IV.

РУССКІЙ ТЕАТРЪ.

Объ игръ г. Каратыгина въ трагедіи Преступленіе (Die Schuld), переведенной съ Нѣмецкаго г-жею Хоплицовою. Бенѣфисъ г. Хошлицова, 26 Іюля 1833 года на Александринскомъ театрѣ; соч. *М. Попова* 500

V.

КРИТИКА.

На книгу: Царствованіе Царя Михаила Осодоровича и взглядъ на междоусобицу, сочиненную *В. Берхольдъ*.—С. Петербургъ. 1832. . . . . 452, 461.
468 и 478

Андрей Бичевъ, или смѣшны мнѣ люди, комедія; соч. *Эраста Перцова*. С. Петербургъ. 1833. . . . . 517.

VI.

БИБЛИОГРАФІЯ.

Про книгу Наума о великомъ Божіемъ мірѣ, изданную *М. Максимовичемъ*. Москва. 1833. . . . . 486.

Повѣсти и разсказы *Вильгельма Карлгофа*. Двѣ части. С. П. б. 1833. . . . . 574.

VII.

ШАРАДЫ, ЛОГОГРИФЫ, АНАГРАММА, ОМОНИМЫ, ЗАГАДКИ.

Русскія. — *Шарады*: 1) Кири-ида; 2) Ел-и-завѣт-а; 3) Уш-ка; 4) По-рогъ; 5) Луна-пикъ; 6) Бор-ода; 7) Пап-сіонъ; 8) Мой-ка; 9) Пре-леснь. *Анаграммы*: 10) Лугъ. *Омонимы*: 11) Карша; 12) Ось; 13) Рога.

Французскія. — *Шарады*: 1) Bas-âne; 2) Mer-cure; 3) Tri-pot; 4) Ragoût. *Логогрифы*: 5) Rhume; 6) Révolution; 7) Lune; 8) Cane; 9) Flamme. *Загадки*: 10) Non; 11) Verre; 12) Brouette; 13) Bombe.

VIII.

МОДЫ.

Статьи о новыхъ дамскихъ и мужскихъ Парижскихъ, Лондонскихъ, Вѣнскихъ и Петербургскихъ модахъ были помѣщаемы на Французскомъ и Россійскомъ языкахъ въ каждомъ листкѣ; выдаю 9 искусно-выгравированныхъ и раскрашенныхъ картинокъ и сверхъ того *два прибавочныя*, изображающихъ модныя мѣбелы.